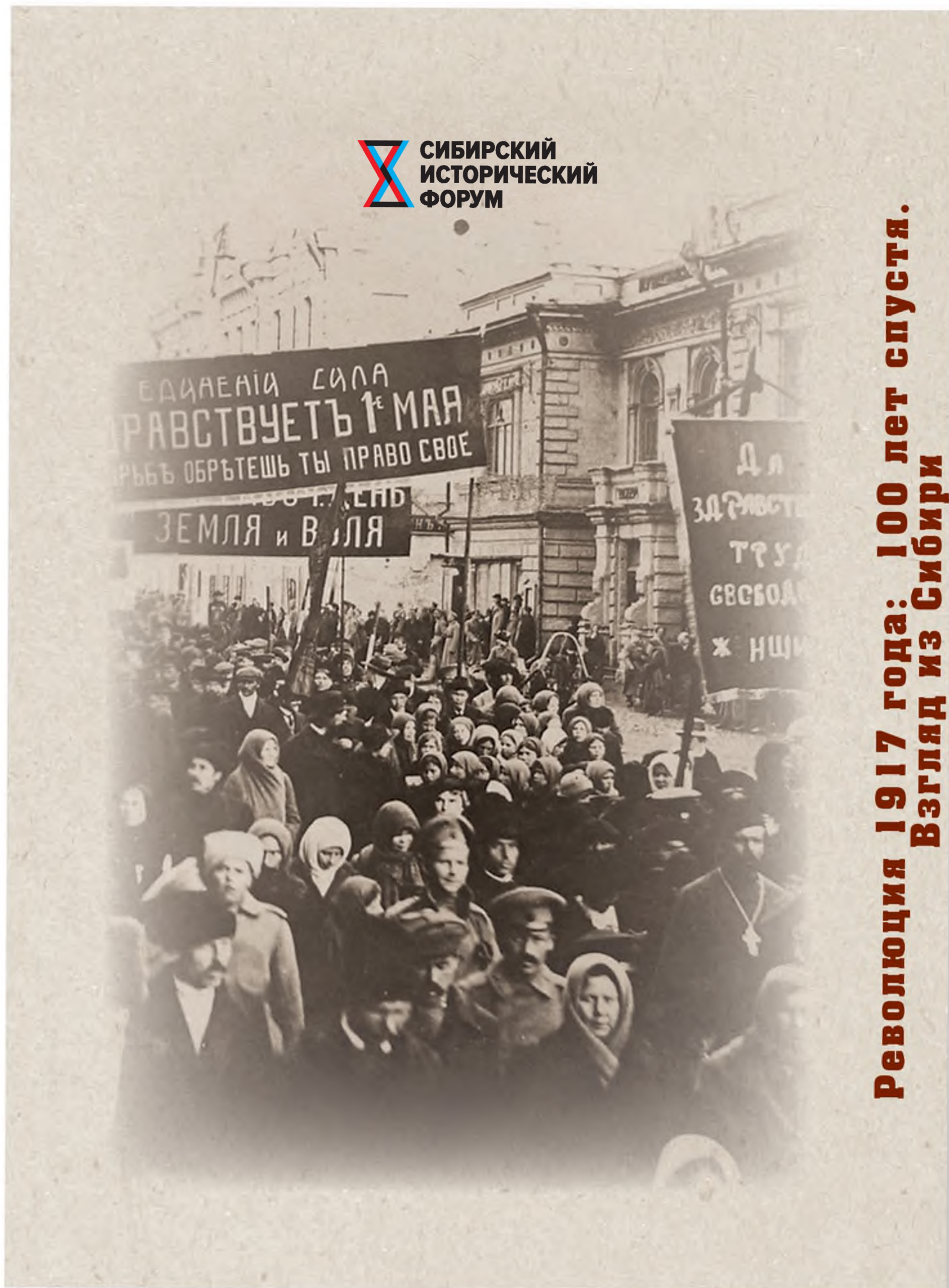

**Революция 1917 года: 100 лет спустя.
Взгляд из Сибири**

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

г. Красноярск, 25–26 октября 2017 г.

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

г. Красноярск
25–26 октября 2017 г.

УДК 94(47+57) "1917"
ББК 63.3(2)611
Р-32

Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г. — Красноярск: ООО «Лаборатория развития». — 304 с.

Сибирский исторический форум, состоявшийся в г. Красноярске 25–26 октября 2017 года, был посвящен одному из крупнейших политических событий XX века — революции 1917 года. События столетней давности, ставшие поворотными для России и повлиявшие на дальнейший ход всей мировой истории, продолжают оставаться в центре внимания ученых и общественности.

Участники форума, среди которых представители научного сообщества из Санкт-Петербурга, Москвы, Абакана, Благовещенска, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Оренбурга, Твери, Томска и других городов России, специалисты архивов, музеев и библиотек Сибирского федерального округа, предложили рассматривать революцию 1917 года как единый процесс, начавшийся февральскими событиями 1917 года и завершившийся победой сторонников советской власти в Гражданской войне.

Сборник, в котором опубликованы доклады участников форума не только исторической, но и культурологической, философской, политологической тематики, будет интересен всем, кто занимается изучением истории России.

Редакторский коллектив проекта:
С. А. Пономаренко, А. М. Клешко, А. Б. Казицин,
Л. А. Мезит, О. Р. Сордия, Е. А. Иванова

© Революция 1917 года: 100 лет спустя.
Взгляд из Сибири. Материалы
Сибирского исторического форума.
Красноярск, 25–26 октября 2017 г.
© Коллектив авторов, 2017 г.

ISBN 978-5-9908821-2-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Часть 1. РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: ОПЫТ, ИСТОКИ И УРОКИ	9
<i>Коновалова О. В.</i> О развитии революционного процесса в 1918 году и расстановке политических сил на Уфимском государственном совещании	10
<i>Пфаненитиль И. А.</i> Геополитика и революция	15
<i>Рубцов С. Н.</i> Революция 1917 года и власть большинства	20
<i>Северьянов М. Д.</i> Революция как социальное явление	24
<i>Федорова В. И.</i> Революция 1917 года и модернизация России/СССР: две модели — два результата	29
<i>Яценко М. П.</i> Аксиологический вектор в изучении революций	35
Часть 2. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СИБИРИ В 1917 ГОДУ	39
<i>Долгидович О. М.</i> События 7 мая 1916 года в Красноярске: свидетельство кризиса легитимности власти	40
<i>Жулаева А. С.</i> Участие женщин в революционных событиях 1917 года в Сибири	44
<i>Калюга А. Е.</i> Революционные процессы 1917 года в волостях Минусинского округа	48
<i>Кокоулин В. Г.</i> Политические партии в Западной Сибири в период двоевластия	54
<i>Любичанковский С. В.</i> Самоуправление как акт аккультурации: исторический опыт 1917 года	59
<i>Новоселов М. Ю.</i> Борьба за трезвость в Енисейской губернии накануне и во время революции 1917 года	63
<i>Погребняк А. И.</i> Минусинская потребкооперация в 1917 году	66
<i>Рогачев А. Г.</i> Борьба партий за власть в Приенисейском регионе в феврале — октябре 1917 года	71
<i>Съемициков Е. А.</i> Состав должностных лиц Енисейского и Красноярского уездов накануне революции 1917 года	74
<i>Шекшеев А. П.</i> Основное содержание и особенности революции 1917 года и Гражданской войны на Енисее	77
<i>Шестакова К. И.</i> Роль женщин в развитии и успехе революционного движения 1917 года в Енисейской губернии	83
<i>Чернышов В. В.</i> Общественно-политические процессы в Енисейской губернии периода революционных событий 1917 года и их отражение в архивных документах (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»)	87
Часть 3. РЕВОЛЮЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ОБЩЕСТВА	91
<i>Бибикова В. В.</i> Енисейское учительство в 1917 году	92
<i>Бобрин И. Е.</i> «Выше всякой партии должен стоять пастырь церкви»: Енисейская церковная печать и взгляды духовенства зимой – летом 1917 года	98
<i>Дядус Е. В., Заикина А. Ю.</i> Повседневная жизнь в эпоху Октябрьской революции и Гражданской войны (на примере Ачинского уезда)	102

<i>Капустина Я. В.</i> Рост девиантного поведения населения города Красноярска в условиях повседневности в годы революции и Гражданской войны	107
<i>Катцина Т. А.</i> Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914–1921): региональный аспект	111
<i>Кухта С. В.</i> Повседневная жизнь г. Красноярска в 1917 году (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»)	117
<i>Лецрих С. В.</i> Отзвуки 1917 года в Иланском районе	122
<i>Малашин Г. В.</i> Проблема исторического и нравственного выбора священнослужителей Приенисейской Сибири в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.	125
<i>Мезит Л. Э.</i> Организация и проведение Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года в Енисейской губернии	130
<i>Скоробогатова Н. Н.</i> Эволюция сознания солдат и унтер-офицеров сибирских полков в годы Первой мировой войны как фактор революционизации	134
<i>Худышкина С. П.</i> Периодическая печать г. Енисейска о большевиках в марте—октябре 1917 года	139
<i>Шушканова Е. А.</i> Енисейское духовенство в революции 1917 года	143
Часть 4. РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	147
<i>Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.</i> Революция как путь спасения коренных малочисленных народов Севера	148
<i>Друзьяка А. В.</i> Деятельность дальневосточного нотариата в условиях социально-политических трансформаций 1917–1922 гг.	153
<i>Исаев В. И., Михеев Д. Ю.</i> Народные суды Западной Сибири в 1930-е гг. как инструмент социалистического строительства	157
<i>Карчаева Т. Г.</i> Нотариат Енисейской губернии в 1917 году: исторический аспект	161
<i>Куперштох Н. А.</i> Региональный вектор развития науки в XX веке: история формирования сети НИУ в Сибири	164
<i>Печерский В. А.</i> Постреволюционное правосудие в Хакасии. Судебные органы Хакасского округа в 1928–1930 гг.	169
<i>Тимошенко А. И.</i> Проект «Урало-Кузбасс» в свете революционных событий 1917 года	173
Часть 5. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ	177
<i>Баяндин В. И.</i> Личное имя в революционный, 1917 год (по материалам метрических книг населенных мест Западной Сибири)	178
<i>Белгородская Л. В.</i> Человек в революции. Образы очевидцев и участников революции на красноярских фотографиях 1917 г.	183
<i>Болонкина Е. В.</i> Семья Кончаловских в условиях революционных событий 1917 года в России	187
<i>Дементьев А. П.</i> «Суметь подняться до государственной точки зрения»: к вопросу о партийной принадлежности историка А. М. Гневущева в 1917–1920 гг.	190
<i>Дударева Т. А.</i> Память, сохраненная через годы. Чешский легионер в Сибири — Ярослав Коудельный	195

<i>Захаренко О. О.</i> В колчаковской контрразведке значился в розыске (о Дудареве Ефиме Марковиче)	198
<i>Орехова Н. А.</i> Роль ссыльных евреев-революционеров в становлении советской власти в Красноярске	202
<i>Трипутина А. В.</i> О жизни и деятельности Е. Е. Колосова в 1917 году	207
<i>Хоменко Д. Ю.</i> Семья Доброхотовых: жизнь в условиях революции и Гражданской войны	211
<i>Шевченко В. Н.</i> Н. Е. Какурин как военный деятель и историк Гражданской войны	216
<i>Лопаткина Р. С.</i> Пути и судьбы русского офицерства в произведениях Владимира Зазубрина	222
Часть 6. ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	227
<i>Борисенко Е. А., Черепанов А. С.</i> Российская революция 1917 года в просветительской деятельности Красноярского краевого краеведческого музея в 2017 году	228
<i>Кабушева Н. Н.</i> Изучение Великой российской революции в рамках образовательной программы среднего профессионального образования: методы и проблемы	232
<i>Ковалев А. С.</i> Отношение сибиряков к революции 1917 г.: результаты интернет-опроса пользователей социальных сетей	235
<i>Липатова К. Ю.</i> Память об Октябре вечно жива... Традиции празднования годовщин Великой Октябрьской социалистической революции	240
<i>Макаров А. А.</i> Юбилей Великого Октября в Красноярском крае (1967–1987 гг.): власть и общество	245
<i>Овчарова М. А.</i> Опыт создания выставки «1917. Хроника» в Новосибирском государственном краеведческом музее	249
<i>Павлюкевич Р. В.</i> Революция 1917 года через призму анекдота	252
<i>Реут Г. А.</i> Празднование юбилея Великой Октябрьской социалистической революции в закрытом городе	255
<i>Топчиев В. В.</i> Воспоминания участников событий 1917 г. в Минусинске как исторический источник	260
<i>Храмогина Т. А.</i> Исторический источник как способ погружения в историю русской революции 1917 года на школьных уроках	264
<i>Черкасов И. А.</i> «Уроки революции» — дискуссионный выставочный проект Красноярского краевого краеведческого музея	268
ИЛЛЮСТРАЦИИ	273
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	296
ОБ АВТОРАХ	301

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более 100 лет прошло с события, ставшего поворотным не только в судьбе народов бывшей Российской империи, но и оставившего глубокий след во всей мировой истории. Без понимания социальной природы таких общественных катаклизмов, как революция, человечество вынуждено будет вновь решать наболевшие вопросы силой и кровью.

Великая революция 1917 года была не только реакцией на мировую войну, но и ответом на социальные и технологические проблемы, порожденные XIX веком. Революции вырастают из острейших общенациональных кризисов как взрыв народного возмущения.

Ситуация в России с начала 1917 года стала обостряться. Резкое недовольство вызвали рост цен, спекуляция, очереди, неудачи на фронтах, просчеты власти, которые не могли решить назревшие проблемы. Ошибки Николая II, постоянная критика его действий революционными и либеральными силами привели к неизбежному — падению авторитета и монарха, и монархии. Февраль 1917 года положил начало подлинно народной революции. Она сразу стала приобретать не только антибуржуазный, но и антипомещичий характер. С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь представляют собой одну революцию, точнее — два этапа единой революции. Природа революции, ее характер, движущие силы, мировое значение стали предметом статей, размещенных в данном сборнике. Без скрупулезного анализа частных вопросов невозможно создать полноценный облик революции, понять всю ее противоречивость и неоднозначность.

В конце февраля в Сибири было получено известие о свержении Николая II, что вызвало небывалый подъем у широких слоев населения: проходили многотысячные митинги, собрания, шествия. В большинстве своем сибиряки приветствовали свержение самодержавия. В кратчайший срок

произошло формирование революционных органов: комитеты общественной безопасности, губернские правительственные комиссары и т. п. В сельской местности власть передавалась сельским и волостным старостам. Однако продолжали действовать выборные городские думы, городские управы, а с июня 1917 года решением Временного правительства в Сибири были введены земства.

Одновременно группы местных социал-демократов организовали Советы рабочих, солдатских, казачьих депутатов. В первой половине марта 1917 года в Сибирском крае насчитывалось 67 Советов¹. Таким образом, весной 1917 года в губернии сложилось несколько центров политической власти: комитеты общественной безопасности (спасения), городские думы, Советы рабочих, солдатских, казачьих депутатов, комиссары Временного правительства, губернские бюро профсоюзов, земства и т. п.

Малочисленные большевистские организации весной 1917 года не представляли в Сибири влиятельной силы. Сибирь была аграрной окраиной России, сибирское крестьянство в материальном отношении жило значительно лучше, чем сельские труженики в европейской части страны, и поэтому не выражало радикальных настроений. Стабильность политического и социально-экономического развития для него была главной задачей момента. Крестьяне-новоселы, прибывшие в Сибирь, добивались равенства в правах со старожилами.

Между тем положение сибиряков ухудшалось. Продолжалась мировая война, росли цены, инфляция съедала значительную часть заработной платы. Сельские жители после падения царской власти прекратили платить налоги, самовольно распоряжались лесами, угодьями, разоружали лесную стражу и т. п.

Ситуация в Сибири обострилась летом 1917 года, после июльских событий в Петрограде.

Во всех крупных городах региона: Новониколаевске, Томске, Красноярске, Тюмени — прошли антиправительственные митинги. К июлю в Красноярском и Томском Советах большевики прочно укрепили свои позиции. Однако ситуация в целом кардинально не изменилась и повсеместно большевики так и не стали влиятельной политической партией. В августе-сентябре 1917 года большевистские резолюции о передачи власти Советам поддерживали железнодорожники Красноярска, Томска, Барнаула, Нижнеудинска, Читы, рабочие Омска, Томска, Барнаула. Только 24 сибирских Совета, среди них Красноярский, Барнаульский, Бийский, Кузнецкий, поддерживали лозунг «Вся власть Советам!». Подавляющее большинство Советов выступало против радикальных лозунгов и сохраняло нейтралитет².

После захвата власти в октябре 1917 года большевиками в Петрограде распространение своего влияния на глубинку было самой насущной задачей. В крупных городах Сибири: Омске, Новониколаевске, Чите, Томске — категорически отказывались признавать большевистскую власть. Наиболее подготовленными к установлению власти большевиков оказались те города, где преобладали рабочие и солдаты, где большевики до октября имели устойчивое влияние. 27 октября 1917 года известие о победе вооруженного восстания в Петрограде дошло до Красноярска. Состоялось заседание Красноярского комитета

РСДРП(б), на котором было принято решение поддержать питерских рабочих и солдат.

Вечером 28 октября состоялся митинг, участники которого (в основном рабочие-железнодорожники) высказались за переход власти к Советам. К утру 29 октября все важнейшие учреждения города (банки, казначейство, телеграф и т. п.) были взяты под контроль исполкома Красноярского Совета. 29–31 октября установилась советская власть в Канске и Ачинске, 10 ноября — в Минусинске, 17 ноября — в Енисейске, 19 ноября — в Иркутске.

Установление советской власти в Западной Сибири затянулось до декабря 1917-го — января 1918 года и проходило в ожесточенной борьбе с областниками.

К весне 1918 года советская власть была установлена на всей территории Сибири, чему способствовало возвращение домой в села демобилизованных солдат, дезертиров, находившихся под сильным большевистским влиянием. Опираясь на популистские лозунги, нарастание радикалистских настроений, большевики смогли установить советскую власть в регионе, хотя процесс затянулся. К весне 1918 года из-за радикальной политики большевиков и ухудшения экономического положения Сибирь оказалась на грани гражданской войны.

Мезит Л. Э.

¹ Исупов В. А., Кузнецов И. С. История Сибири. Часть III. — Новосибирск, ИНФОЛИКО-пресс, 1999. С. 42.

² Там же. С. 48.

ЧАСТЬ 1

Революция в России: опыт, истоки и уроки

УДК 94(47)

Коновалова О. В.

О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В 1918 ГОДУ И РАССТАНОВКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ НА УФИМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается развитие революционного процесса в 1918 году. Особое внимание уделяется расстановке политических сил на Уфимском государственном совещании в августе — сентябре 1918 года, анализу ключевых позиций участников совещания по поводу конструкции всероссийской антибольшевистской власти и отношению к полномочиям Учредительного собрания.*

***Ключевые слова:** революционный процесс, Гражданская война, Уфимское государственное совещание, Уфимская директория, политические партии, «Союз возрождения России».*

Новейшие достижения в области историографии и источниковедения закладывают фундамент для дальнейшего изучения истории революции и Гражданской войны в России и деятельности политических партий. В работах отечественных историков последнего десятилетия предпринимаются попытки осмыслить события 1917 года и Гражданской войны как единого революционного процесса [1, 2, 3]. Такой подход, по нашему мнению, позволяет проследить историческую логику развития событий, в том числе в контексте эволюции программно-тактических установок основных политических партий.

Разгон Учредительного собрания, заключение мира с Германией, ужесточение большевистского режима, массовые выступления крестьян в Поволжье и Сибири привели к пересмотру тактической линии эсеров по отношению к большевистской власти. От курса на «мирное изживание большевистских иллюзий в массах» партия эсеров перешла к тактике вооруженной борьбы. Официальное решение начать борьбу с советской властью было принято на VIII Съезде партии в мае 1918 года. Тогда же был набросан примерный план кампании. Признавалось, что ликвидировать «большевистскую авантюру» возможно, только планомерно разви-

вая народные движения, «захватывая целые области и в них закрепляясь» [4, с. 377, 389–390]. Центрами восстания стали Поволжье и Урал.

В Самаре образовалось правительство Комуча, состоявшее преимущественно из эсеров. Однако если весной — в начале лета фортуна была на стороне Комуча, Народная армия осуществила ряд успешных военных операций, в том числе по захвату Казани, в их руках оказался золотой запас России, то к августу ситуация изменилась. М. А. Кроль писал: «Большевистская армия перешла в наступление и, овладев вновь Казанью и Симбирском, приближалась к Самаре... В то же время главнокомандующий антибольшевистскими силами Сыровой потребовал в ультимативной форме скорейшего создания всероссийской власти, угрожая в случае дальнейшей затяжки переговоров в Уфе тем, что чехи совсем оставят фронт» [5].

На Уфимском государственном совещании для решения вопроса об организации всероссийского антибольшевистского правительства было представлено 23 группировки. Согласно воспоминаниям участника совещания М. А. Кроля, на нем присутствовало 129 человек, из них 77 были членами Учредительного собрания, в подавляющем большинстве эсеры [5]. Основными вопросами совещания были принципы, способы

организации власти и отношение к Учредительному собранию первого созыва.

Практически на совещании образовалось два крыла. Левое было представлено эсерами. Оно отстаивало идеи народовластия и право на власть разогнанного большевиками Учредительного собрания. Эсеры из самарского правительства заявили, что «большевики и левые эсеры, уничтожив Учредительное собрание, тем самым отказались от своих депутатских полномочий, и все это требует обновления личного состава Учредительного собрания». Предлагалось «создать единую центральную власть путем соглашения делегаций от ныне существующих местных правительств. ...Власть эта будет ответственна перед съездом членов Учредительного собрания, действующим в роли российского предпарламента и самостоятельно вырабатывающим формы и основы этой ответственности» [6, л. 36–37]. В Декларации комитета Учредительного собрания, озвученной В. К. Вольским на Уфимском государственном совещании, доказывалась правомочность и дееспособность первого состава собрания [7]. К этой позиции примкнули представители башкирского, туркестанского и киргизского правительств, официальное представительство РСДРП и съезд городов и земств Сибири, Урала и Поволжья.

Ядром правого крыла была делегация Временного Сибирского правительства, а главную реальную силу, по мнению Вишняка, составляло представительство семи казачьих войск [8]. В «Журнале № 53 дневного заседания Совета министров Временного Сибирского правительства» от 30 августа 1918 года была опубликована инструкция делегации Совета министров, посылавшейся в Уфу. В ней были сформулированы следующие основания организации всероссийской власти: «а) всероссийская власть должна быть организована по типу директории в составе не более пяти лиц; б) политическая ответственность всероссийской власти возможна только перед будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа, и до создания такого органа всероссийская власть является несменяемой; в) организуемая власть должна быть твердой, крепкой, сильной, с единой во-

лею, направленной, прежде всего, на создание Великой России и возобновление в единении с союзниками войны с Австро-Германской коалицией» [9, с. 313].

На совещании правое крыло выдвинуло два «контрпроекта». Первый предложили энесы. Он сводился к созданию государственной верховной власти в виде директории из трех или пяти лиц, ответственной только перед этим совещанием. Проект был поддержан делегацией казачьих правительств, группой «Единство» и представителями екатеринбургского правительства. Вторым проектом был предложен «Союзом возрождения России», Сибирским правительством и партией кадетов. По этому проекту, как отмечал лидер эсеров В. М. Чернов, «власть, типа директории, не должна быть стеснена никаким параллельно действующим контрольным аппаратом. Она полновластна и безответственна. Она даст отчет и сложит свои полномочия только перед тем Учредительным собранием нового состава, который она же и созывает, когда сочтет это возможным» [6, л. 37].

Важную роль в примирении сторон и принятии компромиссного решения на Уфимском совещании сыграла межпартийная организация, «Союз возрождения России», созданный в марте 1918 года. Декларацию «Союза» на Уфимском совещании огласил генерал В. Г. Болдырев. Характеризуя позицию «Союза», эсер В. Я. Гуревич отмечал, что его представители выдвигали «на первый план идеи коалиции, в то время официальными органами партий отвергавшейся» [10]. Найти приемлемый вариант компромисса должна была созданная из представителей разных общественных и политических групп согласительная комиссия [7]. Она работала с 13 по 23 сентября 1918 года. Результатом ее работы явился акт об образовании Всероссийской верховной власти.

Фактически за основу была взята программа «Союза». Как отмечал М. А. Кроль, «с одной стороны Лев Афанасьевич Кроль, министр финансов екатеринбургского правительства и член Центрального комитета партии кадетов, с другой стороны — Авксентьев и Аргунов сделали все возможное, чтобы склонить договаривающиеся стороны к уступкам» [5]. Впоследствии

Авксентьев в своем письме к эсерам юга России утверждал, что на Уфимском совещании боролись две реальные в то время силы — Временное Сибирское правительство и Самарский комитет Учредительного собрания. И компромисс между ними «был результатом не столько идейного сговора, сколько дипломатического соглашения по необходимости двух реальных сил, располагавших армиями, средствами, территорией и понимавших, что хотя и против сердца, но согласиться надо» [11].

Первоначальной демократической позиции остались верны только меньшевики. При оглашении акта о создании правительства было зачитано заявление делегации РСДРП следующего плана: «При разрешении вопроса о контрольном органе наша делегация настаивала, чтобы Временное правительство опиралось на съезд членов Учредительного собрания. Когда все делегаты согласились снять с очереди вопрос о контрольном органе, мы, оставаясь при прежнем мнении, не сочли, однако, возможным поставить вопрос ультимативно. Ввиду нашего принципиального отрицательного отношения к директории. Мы воздерживаемся от участия в разрешении вопроса о конструкции и составе Временного правительства» [7].

На согласительной комиссии, в конце концов, было принято решение, что Всероссийское правительство персонально будет представлено пятью лицами: Н.И. Астровым — от кадетов, В.Г. Болдыревым — от «Союза освобождения», П.В. Вологодским — от Сибирского правительства, Н.Д. Авксентьевым — от эсеров, Н.В. Чайковским — от энесов. Три кандидата в это время отсутствовали на совещании, было решено избрать пять заместителей. Н.И. Астрова замещал профессор В.А. Виноградов, В.Г. Болдырева — генерал М.В. Алексеев, П.В. Вологодского — профессор В.В. Сапожников, Н.Д. Авксентьева — А.А. Аргунов и Н.В. Чайковского — В.М. Зензинов. Таким образом, в состав директории фактически вошли Авксентьев — временный председатель, генерал Болдырев, Виноградов, Вологодский и Зензинов [12].

Новая коалиция была построена не по партийному, а персональному принципу. Зензинов

по поводу принципа подбора кандидатур членов директории на Уфимском совещании отмечал, что «при обсуждении кандидатур... партийность, конечно, принималась во внимание... но это делалось, так сказать, неофициально. О каком бы то ни было партийном представительстве здесь не могло быть и речи... Члены правительства... должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности» [4, с. 407].

Анализируя персональный состав директории на основе имеющихся данных в начале 1920-х годов, Чернов отмечал, что из пяти членов директории четыре — Астров, генерал Болдырев, Чайковский и Авксентьев — являлись официальными кандидатами и членами «Союза возрождения», Вологодский еще правее их [13]. С позицией Чернова и оценкой персонального состава директории принципиально согласился член ЦК Н.И. Ракитников. В статье «Временное правительство», опубликованной в «Деле народа» от 5 октября 1918 года, он отмечал: «Несмотря на многочисленность нашей фракции в собрании, правительство не эсеровское, в этом смысле не наше. Более того, наша партия не имеет в нем представительства, достойного ее силы и численности... Мы опять имеем перед собой коалиционное правительство с очень слабо представленными в нем социалистическими партиями...» [14].

Такая оценка персонального состава директории созвучна и позициям современных исследователей. Так, самарский историк В.А. Лапандин, рассматривая результаты Уфимского совещания с позиций интересов эсеров и Комуча, отмечает: «Персональный состав директории представлял союз крайне правого крыла эсеровской партии с последовательными сторонниками буржуазной диктатуры. Никто из руководителей Комуча не вошел в состав директории. Политическая задача добиться руководящей роли в создаваемом Всероссийском временном правительстве не была решена. Формально директория стала правопреемницей Комуча, но в политическом смысле переход власти к директории означал начало его политического поражения» [15]. К акту о создании правительства прилагалось постановление съезда Учре-

дительного собрания, в котором определялись сроки созыва нового состава Учредительного собрания.

Как видим, эсерам удалось отчасти сохранить прерогативы первого состава Учредительного собрания. Совещание санкционировало существование в качестве государственного учреждения съезда членов Учредительного собрания. Однако эсерам пришлось пойти на ряд существенных уступок в отношении компетенции и полномочий Учредительного собрания первого созыва. Его функции сводились к выслушиванию отчетов директории, санкционированию программы мер для освобождения остальной России и установлению порядка выбора нового состава депутатов.

Директория получила от Комуча, согласно отчету Веденяпина, около 40 тысяч пудов золота, 30 тысяч пудов серебра, годовую российскую выработку платины и огромное количество денежных знаков, захваченных в Казани [16].

Источники и литература:

1. Коновалова О. В. «Черновская грамота»: к вопросу о причинах разногласий в партии социалистов-революционеров в годы Гражданской войны // Вестник КрасГАУ. 2006. Вып. 11.
2. Она же. К истории Гражданской войны в России: В. М. Чернов, эсеры и директория // Российская история. 2006. № 5. С. 49–64.
3. Дементьев А. П., Коновалова О. В. Разногласия в партийной организации социалистов-революционеров Енисейской губернии в 1917 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 8. С. 112–117.
4. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000.
5. Hoover Institution Archives, M.A. Krol collection, box 1.
6. ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 2.
7. Бахметьевский архив Колумбийского университета США — Columbia University Rare Book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive, (BAR), V. M. Zenzinov collection, box 43, f. Ufa-Gosudarstvennoe sovechanie.
8. Вишняк М. В. Из истории Гражданской войны // Современные записки. № 45. С. 318.
9. Временное сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / Составитель и научный редактор В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
10. Гуревич В. Реальная политика в революции // Воля России. 1923. № 14. С. 27.
11. Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 116.
12. Конституция Уфимской директории: Акт об образовании всероссийской верховной власти 26/8-10 23 сентября 1918 г. // Архив русской революции. В 22-х тт. Т. 11–12. М., 1991. Т. 12. С. 189, 191.
13. Международный архив и коллекции Международного института социальной истории г. Амстердама — International Archives and Collection at the International Institute Social History (IISH), Архив В. М. Чернова, № 45 (е), л. 9.
14. Ракитников Н. И. Временное правительство // Дело народа. 5 октября. 1918.

Однако за все время существования комитета Сибирь на Поволжский фронт не послала ни одного солдата, ни амуниции, ни снаряжения. В 1920 году Зензинов признал: «Правы, увы, оказались те из социалистов, которые остались в меньшинстве и предостерегали против коалиции с буржуазией, заранее убежденные в коварстве и измене последней, в неспособности понять глубокий смысл происходящих революционных событий. История оправдала их недоверие» [17, 18].

Колчаковский переворот, положивший конец антибольшевистскому правительству Уфимской директории, еще раз подтвердил, что достигнутый на Уфимском совещании компромисс означен собой сдачу эсерами своих стратегических позиций, способствовал потере ими политической инициативы. Тактика, выбранная правыми эсерами во главе с Н. Д. Авксентьевым, потерпела полное фиаско, способствовала поражению партии эсеров на политической арене России.

15. Лапандин В. А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: диссертация на соискание научной степени к. и. н. Самара, 1997. Л. 192.
16. ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.
17. Зензинов В. М. Немножко истории (К вопросу о коалициях) // Воля России. 1920. № 67 (1 декабря).
18. Чернов В. Историк или истерик // Воля России. 1925. № 3. С. 108.

ГЕОПОЛИТИКА И РЕВОЛЮЦИЯ

Аннотация: в статье исследуются механизмы возрождения Российской империи после тотальной геополитической катастрофы 1917 и 1991 гг. Автор анализирует революционные трансформации в России, ставя наиболее острые вопросы, связанные с этими трагедиями. В статье обосновывается авторская концепция об источниках финансирования революционеров. Большое внимание уделяется попыткам расчленения современной России.

Ключевые слова: революция, геополитика, социальные трансформации.

Русская революция есть продукт злой и сильной воли; и в то же время — продукт безвольной и слабой доброты.

А. И. Ильин

Революция всегда бессовестна, лжива и безжалостна.

С. Ю. Витте

За 14 лет Государственная дума промотала все, что князья киевские, цари московские и императоры петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили в тысячу лет.

В. В. Розанов

Великая революция как проявление исторической необходимости развития общества и разрешения противоречий — это всегда геополитическая катастрофа для общества и страшные страдания и смерть для миллионов людей. Так случилось в 1917-м, когда была уничтожена царская Россия и романовская империя; так было в 1991 году, когда была сознательно разрушена и предана Красная империя — Великий Советский Союз, занимавший второе место в мире после США.

Великая Октябрьская революция по своему значению для России и влиянию на мировые процессы, в частности освобождению человечества от колониальной зависимости (Евразия, Африка), является величайшим прогрессом в истории человечества в борьбе за мир, свободу, равенство и братство народов планеты. Спасение народов Европы от фашизма в самой кровавой и жестокой мировой войне — это победы русского духа и русской революции. Впервые в истории мира реализовались на практике великие гуманистические идеи гения античности Платона и социа-

листов-утопистов Кампанеллы, Джордано Бруно, Томаса Мора, Сен-Симона, Оуэна и многих других мыслителей-гуманистов.

Огромную роль в русской революции сыграли геополитические факторы и экономические интересы европейских и американских нефтяных корпораций Рокфеллеров, Ротшильдов и Нобелей, участвующих в конкурентной борьбе за российскую нефть. Именно эти промышленно-финансовые круги и банкиры финансировали японское правительство в войне с Россией, а позднее активно выделяли деньги Ленину и Троцкому для революционной деятельности. Причем, что совершенно поразительно и безнравственно, это были деньги русского царя, разместившего 400 миллионов долларов в банках Рокфеллеров, Ротшильдов, Морганов. Доверился царь-батюшка финансовым акулам, а в их правилах: лучше кредитора убрать, чем долг ему возратить. «Болivar двоих не вынесет» — таковы суровые законы конкуренции капитала.

Известный писатель Георгий Катков в своей книге «Россия-1917» отмечает огромную роль,

которую сыграли в революции тайные масонские ложи, в которые входили многие влиятельные чиновники — будущие члены Временного правительства во главе с Керенским.

Еще более удивительной, на наш взгляд, является скорость распространения идей социализма в Азии, Европе и Африке в сравнении, например, с христианством и исламом. Именно благодаря русской революции возникла великая Красная империя — Советский Союз, совершившая за два-три десятилетия великую индустриальную революцию и прорыв в космос, по сути, в отсталой аграрной и на 80 % безграмотной стране. Отрицать эти факты не могут даже ангажированные современные либералы и неотроцкисты, переписывающие мифы прошлого. Великая русская Октябрьская социалистическая революция — это одно из геополитических чудес в мировой истории XX века, равное по влиянию введению христианства.

Среди множества причин столь мощного русского взрыва и быстрого распространения революции наряду с войной и безграмотностью народа главным доминирующим фактором, на наш взгляд, был абсолютно новый инновационный характер марксистских коммунистических идей, адаптированных гением В.И. Ленина применительно к России как самому слабому звену. В дальнейшем, при Сталине революция совершалась и развивалась не по Марксу, однако ее инновационные идеи состояли в том, что в принципе человек может построить на земле общество справедливости, без эксплуатации человека человеком, где братья-товарищи возрождали великую веру народа в коммунизм как реальность, что «через четыре года здесь будет город-сад». Вера в то, что можно построить рай на земле или хотя бы общество социальной справедливости, оказалась сильнее догматов православия и ислама и, по сути, превратилась в новую светскую религию — веру в коммунизм. Инновационные идеи коммунизма и слепая вера в него породили в народе гигантскую социальную энергию, которая позволила ему победить в хаосе Гражданской войны, совершить прорыв в индустриальное общество и создать новую великую Красную империю — Советский Союз и объединить в единое общество различные народы огромного региона.

Это русское чудо особенно ярко проявляется сегодня на фоне контрреволюционной либерально-олигархической перестройки 1991 года, отбросившей страну на 100 лет назад, в дикий капитализм. За 25 лет либеральных реформ Россия вернулась в доиндустриальную эпоху. Уничтожено более ста тысяч заводов и предприятий, целые отрасли тяжелого машиностроения; разрушена система научно-исследовательских институтов, сфера образования (ПТУ — техникум — институт) и система Академии наук. Миллионы гектаров сельскохозяйственных угодий и полей зарастают лесом и полыхают в пожарах. Растет разрыв между новыми русскими богачами и бедными. Народ с каждым годом все более нищает и уже не доверяет властям всех уровней, которые оторвались от собственного народа. Коррупция в России сегодня носит системный характер, охватывая различные социальные структуры сверху донизу, включая судебные органы. Сегодня можно получить реальный тюремный срок за украденный телефон или мешок картошки и условный срок за украденные миллиарды, если ты банкир, министр или крупный чиновник. Примеров тому множество.

Россия вновь приближается к взрыву, к перестройке № 2. Иссякла вера, угасла социальная энергия, нет инновационных идей. Выход, на наш взгляд, в создании инновационной мобилизационной идеологии; в изменении существующей системы капитализма в России по образцу китайского социализма.

В одном из интервью президент В.В. Путин именно так и сказал, что распад СССР — это величайшая геополитическая катастрофа XX века, а русский народ — самый рассеянный в мире. К сожалению, наши историки и философы, политологи и другие представители гуманитарных наук в своих исследованиях мало учитывают роль геополитического фактора и поэтому до сего дня не дали ясного конструктивного ответа на вопрос, что произошло в 1917 и 1991 годах, а главное, как выходить из нынешней геополитической катастрофы. Отсутствие ясного ответа у гуманитариев о будущем России и порождает современный кризис, в котором находится общество уже четверть века.

На встрече президента В.В. Путина с учащейся молодежью в учебном центре «Сириус»

в г. Сочи на вопрос девочки Алисы: «Какое событие Вашей жизни изменило Вашу жизнь?» президент глубоко задумался и серьезно ответил: «Развал СССР». Понятие «развал» здесь ключевое. Именно развал, разрушение великой Красной империи СССР является крупнейшей геополитической катастрофой XX века, как отмечал В. В. Путин раньше. Президент, естественно, не сказал девочке Алисе, кто в этом виноват и как случилось, что красивыми речами о перестройке, свободе и ускорении второй раз за одно столетие нас заставили разрушить свою собственную страну; территориально расчленили на множество зависимых частей против воли народа. Об этом всегда мечтали наши геополитические противники. Запад тайно финансировал революционеров-террористов, включая декабристов, народовольцев, оппозиционеров-диссидентов, гайдари-чубайсов, различных «узников совести», а по сути — разрушителей собственной страны. Об этом мечтал мракобес и ненавистник России Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска», описывая, как разорвать и сравнять в войне славянские народы Украины, Белоруссии и России. Почти удалось. Так было и в Смутное время, и в наполеоновское и гитлеровское нашествие. Однако в ментальности русского народа волшебное слово «почти», равно как и «авось», свидетельствуя о том, что всякий раз Россия, как птица Феникс, вновь возрождалась из пепла, русский народ в очередной раз перемалывал западное иго. И это чудо возрождения великой России и великой Евразии происходит сегодня на ваших глазах. Мы это видим и чувствуем по реакции наших геополитических противников, по их бесконечным выдуманным санкциям, лжи и злобе против России и президента В. В. Путина.

Чем объяснить зависть Запада и травлю президента России В. В. Путина, имеющего самый высокий рейтинг у своего народа? Ответ прост: на место Путина может прийти новый, сговорчивей Ельцина, и можно будет разрушить после СССР уже Россию. Такова логика либералов на Западе и внутри страны. В. В. Путин вызывает зависть врагов России за то, что при нем страна после ельциновского развала начала «вставать с колен», реально возрождаться, создавать Евразийский союз, противостоящий нашим геополитическим противникам-атлантистам, т. е. Западу.

На наш взгляд, сегодня Россия взяла верный геополитический курс, и В. В. Путин, по роду своей профессии хорошо зная механизм развала государства, всеми силами укрепляет Россию, лишая современных разрушителей страны их финансовой и социальной базы. Поэтому его действия и личность вызывают непонятные для многих людей санкции и ярость западных геополитических контрагентов. И, что удивительно, несмотря на растущие трудности и падение уровня жизни, народ поддерживает своего президента, желая ему победы на ближайших очередных выборах.

Современный исследователь русской революции Н. В. Стариков обнаружил странную закономерность: как только мы начинаем хорошо жить, наших руководителей очень не любят на Западе. И наоборот: как только страна начинает катиться в пропасть — авторитет главы России в европейских столицах максимально повышается. Николай II, Михаил Горбачев, Борис Ельцин — как их любили, как уважали! Отчего же сейчас на Западе так любят ругать и всячески третировать нынешнего главу Российской Федерации? [1, с. 192].

Ответ напрашивается сам, он лежит на поверхности: Россия вновь встает с колен после проклятых народом 90-х годов разорения и предательства страны. Однако удивляет в этой традиции другое: почему вчерашние разорители, все эти гайдари-чубайсы, сегодня вновь по-прежнему во власти и управляют страной в угоду Западу? Почему их именами называют библиотеки, различные фонды и прочие Ельцин-центры? Почему никто не осужден за развал страны, за Украину и Донбасс? Почему они по-прежнему обворовывают народ и вывозят отечественные богатства официально через банки из страны на Запад? В конце концов, почему российские деньги Стабилизационного фонда хранятся в США, у нашего геополитического противника, который называет нас врагами и не скупится на очередные санкции?

В такой обстановке говорить об инновациях и возрождении России очень сложно, почти невозможно. Поэтому без кардинального изменения правительственной системы управления, а также идеологии управления, исключающей системную коррупцию в верхних эшелонах власти, уже

не обойтись. Нужны не отдельные перестановки и замены — это ничего не даст, а именно изменение всей системы управления и ответственности за страну. Система управления должна быть научной, ориентированной не на западных «наших партнеров» — геополитических противников, а на реальные интересы народа, науку, медицину и т. д.

На наш взгляд, только геополитическая стратегия и единая идеология видения будущего могут вывести Россию из современного кризиса. Геополитика как стратегические взаимоотношения с международными субъектами и акторами наряду с внутренними субъективными факторами играет чрезвычайно важную роль в любом конфликте, войне и революции конкретного общества.

Возьмем на себя смелость утверждать, что в современных условиях именно геополитики являются главной доминантой всех региональных конфликтов. Примеров тому множество, начиная от нашей братской славянской Украины, Грузии, Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и т. д. по списку.

Геополитика выступает как научная стратегия управления настоящим из будущего; как научная реакция на вызовы, ответы на которые необходимо давать уже сегодня. К сожалению, в России геополитике как науке тотально не везло, а геополитики, как правило, репрессировались или изгонялись из страны. Примером может служить жизнь великого русского геополитика Савицкого Петра Николаевича и всей блестящей плеяды евразийцев, а также великого «последнего евразийца» Дугина Александра Гельевича, признанного во всем мире, но изгнанного из Московского университета три года назад якобы по просьбе студентов за резкие высказывания против элиты Украины. Правды ради надо сказать, что конфликт с Украиной он описывал в своих статьях пять лет назад в трех вариантах, но никто в правительстве и ФСБ почему-то не обратил на это внимания. Странно! А сегодня льется кровь мирных жителей Донбасса.

Геополитическое поражение России на Украине перед США очевидно, и за это придется заплатить нашим народам очень дорого. Это все к вопросу о России и важности геополитики, на которую слишком мало обращают внимания,

но которая является важнейшей доминантой конфликта.

Санкции Запада — это крайне опасная форма экономической, политической и гибридной войны геополитических противников России. Российские власти пока терпят, но они не понимают, кто и, главное, зачем объявил им смертельно опасную войну. И если в ближайшее время осознание войны не придет, Россия вновь будет разрушена внутренними и внешними борцами за «демократию и права человека». Все, на наш взгляд, идет к тому, что сегодня российским властям надо срочно менять свое собственное отношение к западным санкциям, понимание их как реальной попытки разрушения экономики России. И в этой ситуации у власти есть только два варианта: первый — терпеть и уступать, на чем настаивают либералы-западники; второй — принять вызов и дать адекватные ответы на санкции. К сожалению, сегодня власти нашли свой, третий вариант — выжидать и ничего делать в ответ на оскорбления.

Великая Октябрьская революция — это, прежде всего, решение вековых противоречий о земле, это прорыв в новые формы творчества, сознания, образования, искусства, музыки. Это создание новой Красной империи, нового советского человека, новых космических технологий и индустриализация России и выход в космос. Именно благодаря русской революции, гению Ленина и Сталина сформировался новый советский человек, доказавший силу своего духа в Победе над фашистами. Благодаря революции Россия стала сверхдержавой в мире, и эти факты стоит учитывать.

Беда современной России в том, что после контрреволюции 1991 года внутри самой России создана враждебная идеологическая база, разлагающая население по всей территории в виде различных частных фондов и НКО, активно финансирующихся геополитически враждебным Западом. Антироссийская либеральная прозападная идеология охватила даже высшие учреждения власти, в т. ч. правительство. Ярким примером этого является дискуссия среди чиновников и интеллигенции по вопросу возвращения в Россию Крыма. Даже в таком простом и ясном, школьном вопросе нет единого понимания. Добром это

не кончится, и рано или поздно эта российская беда перерастет в трагедию в самое неподходящее для страны время. Это вопрос времени.

Величие Октябрьской революции проявляется также в том, что она реально изменила облик нашей планеты, а после победы революции в Китайской Народной Республике половина человечества вырвалась из западной капиталистической формации. Именно благодаря русской революции в XX веке была разрушена западная колониальная система, освободив народы Индии и Юго-Восточной Азии от колониального рабства.

Ведущие отечественные ученые справедливо подчеркивают, что «глобальный процесс развития уже включил в себя все государства и народы, т. е. в своем «горизонтальном» распространении, начав выстраивать глобальный социум «по вер-

тикали», упорядочивая иерархию его внутренней организации и создавая действительно единое мировое сообщество народов и государств» [2, с. 118]. Ведущую тенденцию современных мировых процессов, формирующих соответствующую структуру мира, можно определить термином «геополитика глобализма».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что революция — это необходимая социальная системная негэнтропийная мутация, проявления времени Платона, как образа Вечности, Абсолюта, лик которого для нас, смертных, непостижим и страшен. Это повседневная форма движения и прорыва Духа человечества. Вопрос — куда? К чему? Я бы ответил — к Вечности, то, что Аристотель называл подвижным двигателем — подвижная ось, которая заставляет все вращаться, проявляясь во времени.

Источники и литература:

1. Стариков. Н. В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. — СПб.: Питер, 2010. — 288 с.
2. Бабурин С. Н., Мунтян М. А., Урсул А. Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. — 496 с.

УДК 930

Рубцов С. Н.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ВЛАСТЬ БОЛЬШИНСТВА

Аннотация: статья посвящена проблеме борьбы за власть в период революции 1917 года в России. В ней показано, что политическая власть неизбежно переходит к представителям интересов большинства населения даже в тех случаях, когда соискатели власти контролируют систему государственного управления.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, революция 1917 года, система государственного управления, самоуправление.

События российской революции 1917 года убедительно показали: политическая власть неизбежно переходит к представителям интересов большинства населения. Это неизменно даже в тех случаях, когда соискатели власти контролируют систему государственного управления. Так, Временному правительству удалось установить такой контроль, приобретя верховные полномочия после взятия на себя функций Совета министров, Государственного совета и Государственной думы. Однако интересы большинства населения после падения самодержавия выражало не Временное правительство, а стихийно возникшее местное самоуправление.

В этом отношении события, развивавшиеся на территории Сибири, принципиально не отличались от происходившего в других районах страны. В частности, население Иркутской губернии ничего не знало о государственном кризисе до позднего вечера 2 марта 1917 года. Генерал-губернатор А. И. Пильц распорядился держать в тайне соответствующую информацию «в целях (как отмечали наблюдатели) недопущения беспорядков в городе и в надежде, что столичная власть справится с ситуацией» [1, л. 1] (здесь и далее сохранены стилистические и орфографические особенности цитируемых текстов. — Авт.). Консультируясь с командующим военным округом генералом Я. Ф. Шкинским, начальниками губернского жандармского управления и жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги полковниками (соответственно) Н. И. Балабиным и В. П. Григоровичем, председателем Судебной палаты Н. П. Ераковым и ее прокурором Е. П. Ни-

мандером, прокурором окружного суда А. Е. Левбергом, иркутским полицмейстером С. А. Петровским, он разрабатывал план действий, призванных обеспечить элементарный правопорядок на территории губернии.

Согласно этому плану губернатор А. И. Юган 1 марта 1917 года издал приказ о запрещении иркутянам собираться на улицах города. Однако на исходе следующего дня в Иркутске получили телеграмму с известием об отречении государя императора Николая II от престола, утаить содержание которой от окружающих было невозможно. С утра 3 марта в губернском центре начались многочисленные митинги, участники которых обсуждали случившееся в столице. Более того, под воздействием активистов местной организации РСДРП «Союз иркутских рабочих» решил призвать население к вооруженному восстанию против действовавшей власти. Появилась реальная угроза возникновения массовых беспорядков. Учитывая это, генерал-губернатор А. И. Пильц в тот же день пригласил к себе гласных Иркутской городской думы, представителей политических партий, общественных организаций и прессы. Предложив им обсудить сложившееся положение, он, как писали авторы журналистских отчетов, «подчеркнул настоятельную необходимость в поддержании порядка и общественного спокойствия, указал крайнюю нежелательность каких бы то ни было эксцессов, могущих нарушить спокойное течение жизни» [1, л. 2]. Большинство приглашенных настаивали на необходимости формирования Объединенного комитета общественных организаций города. Генерал-губернатор согласился

с этим, но при условии, что комитет не будет претендовать на исполнительную власть в губернии. Однако после падения самодержавия губернская администрация утратила властные полномочия, и в результате на территории Восточной Сибири, как и большей части страны, они стали переходить к общественным формированиям, представленным главным образом различными комитетами и в значительно меньшей степени Советами депутатов (прежде всего рабочих и военных).

Если в Верхнеудинске, как и в Иркутске, начали действовать исполнительный комитет общественных организаций, а также Совет рабочих и солдатских депутатов, то в Чите и Тулуне — Комитет общественной безопасности. В Нижнеудинске, как сообщалось тогда в газетной хронике, «собрание представителей общественных организаций, учреждений и групп населения» сформировало бюро Комитета общественной безопасности. Комитет общественных организаций утвердил, по сообщениям газетных обозревателей, «общее народное собрание» Кимельтея, а «Среднеангарский народный съезд» создал Народный уездный комитет. Волостные правления были заменены исполнительными комитетами «из представителей всех организаций» в Киренске и Качуге. Временный исполнительный комитет начал действовать в Знаменке, комитет безопасности — в Ачинске, гражданский комитет — в Иннокентьевском, общественные комитеты — в Верхоленске, Манзурке и Зиме [2, л. 2].

Генерал-губернатор А.И. Пильц хотел прояснить сложившуюся ситуацию, отправляя на имя главы нового правительства соответствующие телеграммы. «Прошу ваше сиятельство, — писал он председателю Совета министров Г.Е. Львову, — уведомить меня срочной телеграммой, желаете ли Вы, чтобы до времени я оставался генерал-губернатором... Утвердительном случае, ради поддержания на общее благо авторитета власти Вашему сиятельству необходимо срочно подтвердить мне временное оставление меня в должности. Противном же случае благоволите указать, кому я должен передать управление краем» [3]. Г.Е. Львов ответил, но не сразу и не А.И. Пильцу, а руководству Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. Только 6 марта 1917 года он сообщил об отстранении А.И. Пиль-

ца от исполнения обязанностей иркутского генерал-губернатора. В тот же день «Известия Исполнительного комитета общественных организаций» написали о «смене старой Иркутской власти комитетом». Однако еще за день до этих событий из Петрограда потребовали «приказы генерал-губернатора не исполнять» [4, л. 1]. Соответствующая телеграмма пришла от комиссара Исполнительного комитета Государственной думы А.А. Барышникова.

Фактически же генерал-губернатор А.И. Пильц был отстранен от дел Исполнительным комитетом общественных организаций г. Иркутска еще 4 марта 1917 года, который, как писали в газетах, подверг его «домашнему аресту, согласно распоряжению военных и государственных органов». Опираясь на поддержку воинских частей, Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска одновременно с генерал-губернатором А.И. Пильцем арестовал и губернатора А.Н. Югана и вице-губернатора М.И. Измайлова, сотрудников Иркутского губернского жандармского управления в полном составе (24 человека) во главе с полковником Н.И. Балабиным, а также иркутского полицмейстера С.А. Петровского [5, л. 3]. Эти действия стали примером для территориальных властей, которые, главным образом на протяжении двух дней — 5 и 6 марта, — отстранили от исполнения обязанностей и арестовали служащих местных учреждений полиции.

Став, по мнению очевидцев, временным правительством губернии, Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска систематизировал деятельность сформировавшихся на территории Приангарья учреждений самоуправления. Не ограничивая, а, напротив, узаконивая оказавшуюся у них власть, он получил от общественности заверения в абсолютной поддержке «мероприятий, направленных к творческой работе по организации народовластия на местах» [6, л. 2]. С такими заверениями, сообщали «Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска», «в комитет непрерывно, все в большем количестве пребывают делегаты вновь создающейся на местах революционной власти, представители сельских и волостных комитетов» [7, л. 1].

По сути это была предельно упрощенная и демократизированная система формирования зем-

ского самоуправления, действовавшая в Российской империи согласно соответствующему закону от 1 января 1864 года. Однако в отличие от прежнего времени властные полномочия у нового самоуправления были всеобъемлющими. На своих территориях комитеты получили всю полноту власти, превосходившую даже полномочия губернского комиссара, назначавшегося Временным правительством страны. В частности, уездных комиссаров и их помощников, заменивших исправников, приставов и полицейских надзирателей, губернский комиссар должен был назначать «по соглашению» с уездными комитетами. При этом нормативный документ безапелляционно определял, что «в случае недостижения согласия — вопрос решается Исполнительным Комитетом». Указывалось также, что «на обязанности уездного комиссара и его помощников лежит исполнение (прежде всего) постановлений и поручений Уездного комитета», а не губернского комиссара. Только с разрешения Исполнительного комитета губернский комиссар И. А. Лавров получил возможность назначить своим помощником П. П. Агапьева, а управляющим казенной палатой Н. Н. Кармазинского [7, л. 1].

Комментируя рассматриваемую ситуацию, глава Временного правительства Г. Е. Львов утверждал следующее: «В лице Общественных Комитетов и других подобных органов она (жизнь) создала уже зародыши местного демократического самоуправления, подготавливающего население к будущей реформе. В этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно держаться местное самоуправление до создания новых его органов». Специально разъяснялось: «Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, а лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления» [6, л. 1].

В сложившихся условиях Временное правительство было вынуждено узаконивать стихийно возникшее местное самоуправление, сохраняя действовавшие ранее центральные учреждения государственной власти. Поэтому согласно правительственному распоряжению от 15 марта 1917 года политическая власть на территориях об-

ластей и губерний передавалась местным исполнительным комитетам объединенных общественных организаций [8, с. 325]. Кроме того, 22 марта 1917 года было решено начать преобразование «органов непосредственного государственного управления на местах в органы самоуправления», передав им «всю полноту государственной власти» [8, с. 160]. В связи с этим 15 апреля правительство утвердило постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» с приложением временных правил. Устанавливался перечень муниципалитетов 453 российских городов, где вводилось всеобщее избирательное право. Демократически избранные муниципалитеты стали опекаться уже не полицией, как ранее, а учреждениями юстиции. Затем, 21 мая был принят закон о волостном земстве, а 17 июня — «Временное положение о земских учреждениях в губернии Архангельской и Сибири», согласно которому земство вводилось и на территории Иркутской губернии «за исключением земель, занятых бродячими инородцами». [8, с. 415, 416, 417].

Возможности городского и земского самоуправления значительно расширились. Если ранее оно дублировалось государственными учреждениями, то теперь получило собственную компетенцию. Волостному земству дали административные полномочия, позволявшие ему объявлять законы населению, выдавать виды на жительство, контролировать выполнение воинской повинности. Правительственным учреждениям надлежало заниматься общегосударственными делами — связью, транспортом, финансами, продовольственным снабжением, а местному самоуправлению — всем остальным. При этом оно не подчинялось правительственной администрации. Комиссары, назначавшиеся вместо губернаторов, вице-губернаторов, начальников областей и градоначальников, обязанных «оставить службу» до 1 мая 1917 года, в отличие от прежних руководителей являлись уже не «хозяевами» на своих территориях, а только представителями центральной власти [8, с. 324; 9, с. 20].

Изменившаяся на местах система управления требовала соответствующих изменений и на общенациональном уровне. Однако эти изменения меняли не суть ее деятельности, а только организационную структуру. Например, из 14 централь-

ных учреждений Министерства внутренних дел осталось только 4, а сам министр лишился всех своих товарищей (т. е. заместителей). Здесь также упразднили Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции соответственно 6 и 10 марта 1917 года. Вместо Департамента полиции учредили Временное управление по делам общественной полиции и по делам личной и имущественной безопасности граждан, переименованное 15 июня 1917 года в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. В составе Сената 5 марта 1917 года упразднили Верховный уголовный и высший дисциплинарный суды, а также особые присутствия Сената, судебных палат и окружных судов, 13 марта — военно-полевые суды. По приказу Министерства юстиции от 3 марта 1917 года формировались и действовали «временные суды», состоявшие из мирового судьи и двух заседателей от рабочих и солдат. В тех губерниях, где ранее не было мировых судов, 4 мая 1917 года ввели местные суды с двумя заседателями. В состав военных судов вошли заседатели от офицеров и солдат. Для рассмотрения жалоб населения на должностных лиц, а также рассмотрения конфликтов между представителями местной власти и правительственной администрации учредили административный суд. Однако и министерства, и Сенат, а также судебные палаты по уголовным и гражданским делам, окружные суды и мировая юстиция работали на прежних началах. Были со-

хранены не только министерская и судебно-прокурорская системы, но и прежнее законодательство. Продолжало действовать большинство статей 16-томного Свода законов Российской империи, включая Уголовное уложение, Судебные уставы и т. п., хотя и без указаний на прежнюю форму государственного правления [см.: 10, с. 159].

В результате действовавшая система управления государством, будучи демократизированной на местах благодаря переходу политической власти к общественным формированиям, не являлась таковой на общенациональном уровне. Требовалось или распустить местное самоуправление, или соответствующим образом перестроить работу центральных учреждений. Однако неизбежным следствием как тех, так и других действий являлась утрата Временным правительством верховных полномочий. К этому вели в первом случае неизбежное сопротивление роспуску местного самоуправления широких слоев населения, во втором — ограниченность социальной базы тех политических сил, интересы которых выражала действовавшая власть. При формировании управленческих структур на демократических принципах эти силы оказывались в меньшинстве. Принципиально не изменив работу центральных учреждений государственной власти, Временное правительство лишило их возможности должным образом руководить учреждениями самоуправления, контролируя и направляя развитие событий на местах.

Источники и литература:

1. Хроника // Иркутская жизнь. 4 марта. 1917. — 2 л.
2. Что происходит кругом Иркутска // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 18 марта 1917. — 2 л.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 26. Л. 117.
4. В комитете // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 6 марта 1917. — 2 л.
5. Хроника // Иркутская жизнь. 5 марта 1917. — 4 л.
6. Хроника // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 21 марта 1917. — 2 л.
7. Хроника // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 15 марта 1917. — 2 л.
8. Представления Министерства внутренних дел // Журнал заседаний Временного правительства. — 2001. — Т. 1. — 448 с.
9. Бесов А. Г. Социокультурные нормы российской государственности XIX века / А. Г. Бесов // Вопросы истории. — 2005. — № 6. — С. 19–33.
10. Коржихина Т. П. История российской государственности / Т. П. Коржихина, А. С. Сенин. — М.: Интерпракс, 1995. — 352 с.

УДК. 930.85

Северьянов М. Д.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

***Аннотация:** 2017 год — столетие первой российской революции. Литература о революции в России — очень сложное, многогранное, политизированное явление. Эта тема — одна из любимейших в историографии как внутри страны, так и за ее пределами. Автор считает, что в зависимости от методологии исследователи по-разному определяют характер, движущие силы и хронологические рамки революции. Революция — это историческое явление. Всякая революция осуществляется в три этапа: слом старой власти, формирование новой революционной власти. И третий — самый сложный — конструктивное решение тех проблем, которые привели к революции. Поэтому сделан вывод, что революционные события охватывают 1917–1937 годы, а революция в России была проведена в интересах королей мировой крупной буржуазии-евреев. Революция 1917 года была кризисом разрушенного государства. В 1991 году произошла вторая социальная революция.*

***Ключевые слова:** революция, историография, государственность, три этапа революции.*

Исследователи по-разному объясняют процесс распада целого на составные части и элементы, собирания множественности в органичное целое. Среди причин, вызывающих распад государственности, многие называют общественные катаклизмы, к числу которых относят социальные революции, восстания, бунты, войны. В XX веке в России произошло две социальных революции — Великая российская революция (1917–1937 гг.) и «бархатная революция» (1991–?). Они привели не только к качественному изменению российской государственности, но и явили собой яркое свидетельство безуспешного постоянного поиска оптимальной модели общественного развития страны и общества. Революция в конце XX столетия свидетельствует о том, что этот поиск продолжается. Общество может быть вновь ввергнуто в состояние социальной революции. Следовательно, может произойти очередной распад государственности.

Что такое революция: цена всякого прогресса или путь к регрессу, а иногда и исчезновению целой исторической нации? Что такое революция — исторический факт или историческое явление? Кто делает революцию — власть, народ,

революционеры? Каковы причины и хронологические рамки революции? Что свидетельствует о ее окончании? Кто такие революционеры: «похитители власти» или, напротив, носители «истинной власти», проводящие благотворительную политику?

На эти и многие другие вопросы исследователи дают разные ответы, порой не просто противоречивые, а взаимоисключающие. Литература о революциях в России — очень сложное, многогранное, политизированное явление. Вся историческая наука о революциях XX столетия в России проникнута стремлением уложить события в рамки западной историософии. Но в ней существуют как бы две истории России XX столетия, написанные с двух противоположных точек зрения. Одна пишется побежденными в 1917 году и победителями в 1991 году, другая — победителями в 1917 году и побежденными в 1991 году. От имени победителей в 1917 году историю писали официальные советские историки. От имени побежденных — белоэмигранты, диссиденты и западные исследователи.

Для победителей октябрьские события 1917 года — это Великая Октябрьская социали-

стическая революция; народная, имеющая всемирно-историческое значение. Для побежденных — это бунт, переворот; «бланкистская» революция, т.е. заговорщическая, совершенная узкой группой революционеров; либо это «всемирно-еврейско-сионистский заговор»; либо это не «внутренне русский, а мировой кризис, эпицентр которого оказался в России». И победители, и побежденные в 1917 году, при всей полярной оценке октябрьских событий, имеют одну схожую точку зрения: октябрь 1917 года — поворотная дата истории. Он, как острым ножом, разрезал весь мир на «мир дооктябрьский» и «мир послеоктябрьский». На его острие преломилась история. С октября 1917 года в XX столетии начинается период социальных бурь, эпоха ожесточенной классовой, национально-освободительной борьбы, столкновения колоссальных общественных сил. И ныне для одних наших современников это политический праздник, день своего рождения, других — день согласия и примирения, а третьи требуют от победителей покаяния и суда над большевизмом, сравнивая его, как и Г. Федотов, с нацизмом. Всемирно-историческую заслугу России перед мировым сообществом они видят лишь в спасении мира от большевизма.

Г.А. Будник верно заметил, что сущность событий 1917 года является одним из наиболее болезненных мест в российской истории. По мнению исследователя, в соответствии с методологическими подходами позиции исследователей противоположны. В своей статье он проанализировал советскую историографию, в основе которой лежала марксистско-ленинская оценка событий 1917 года [1, с. 27], оценка причин и хода революции на основе цивилизационной методологии (В.П. Дмитриенко и др.), теории заговора (ее подвергли критике Л.И. Семенникова и др.) и конспирологии (В.В. Кожин, Н.В. Стариков и др.)

Неудивительно, что столь сложные, неоднозначные, имеющие эпохальное значение события получили широкое отражение в отечественной и зарубежной литературе, а в Академии наук СССР в 1958 году начал работу научный совет по истории российских революций. К концу 80-х годов XX века совет объединил более 600 деятельных историков октября 1917 года и Гражданской

войны, провел 60 всесоюзных и региональных конференций, сессий, совещаний и симпозиумов [2, с. 148]. В 1984 году совет стал работать в Международном комитете исторических наук.

1917 год был эпохальным событием в мировой истории и истории России. С точки зрения исторического времени это сравнительно узкие хронологические рамки, в которых произошли общемировые события, потрясения, перевернувшие, кардинально изменившие всемирную историю и историю нашей страны. 1917 год положил начало разрушению монархических Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй, стимулировал либо подъем революционный и национально-освободительной борьбы народов, либо активизировал деятельность правительств, направленную на реформы с целью смягчения социальной напряженности. Поэтому революция в России 1917 года должна изучаться в контексте мирового революционного процесса XX — начала XXI вв. (революции в Иране, Турции, Португалии, Мексике, Китае, СССР и «оранжевые» революции в странах ближнего зарубежья, революции в других странах).

Для многих октябрь 1917 года был лишь продолжением, следствием Февральской революции 1917 года. «Не будь ее, не было бы и большевистского захвата власти», — убеждала читателей в 1922 году редакция эмигрантского монархического журнала «Русская летопись» [3, с. 183].

По свидетельству И.П. Павловой, в современной зарубежной историографии происходит сближение исторической науки западной и российской. Общим для всех историков стало критическое осмысление фактов, трактовок событий и последствий революции [4, с. 69].

Ю.Н. Афанасьев считает, что события 1917 года хотя и были эпохальными и отчасти влияют на современное российское общество, но в России не было ни Великой, ни российской, ни социалистической и даже ни октябрьской революции (выделено — М.С.).

Известно, всякая революция осуществляется в три этапа. Первый — слом старой власти. Второй — формирование новой революционной власти. И третий — самый сложный — конструктивное решение тех социально-экономических

и общественно-политических проблем, которые и привели к революции.

Кульминационной точкой революции был февраль 1917 года, когда пала монархическая государственность, а вместе с нею были разрушены такие реалии и понятия, как «Бог», «власть», «государство». На Олимпе власти оказались революционеры. При этом революции 1917 года были не кризисом государственности, не кризисом экономическим, а кризисом разрушенного государства, потерявшего не только свой строй и экономический уклад, но и свою территориальную целостность, т. к. на территории бывшей Российской империи возникали более 72 независимых территорий, претендовавших на государственность.

После Февральской революции для России первой задачей становится строительство нового государства. И в этом смысле октябрь 1917 года был началом Победы Революции.

Как мы отмечали ранее, революции 1917 года имеют обширную историографию. Однако авторы солидарны с выводом Ю. Н. Афанасьева: «...событие 1917 года, как это ни странно, мало и плохо исследовалось в сугубо позитивном ключе, беспристрастно и на основе современных методов и подходов. Почти в каждом исследовании четко просматривается сторонник или противник революции вообще либо кто-то из ее героев и участников. Поэтому революции 1917 года как эпохальные мировые и российские явления останутся в будущем в центре внимания исследователей».

Когда вчитываешься в противоположные оценки октября 1917 года, думаешь о том, что истина внутри истории не имеет кульминационной точки, никогда не завершается, но всегда пребывает в динамике и становлении, будучи устремленной сквозь историю в вечность. Как и в XIX веке, в течение XX столетия в России в общественном сознании не только не преодолевалась, а скорее, наоборот, культивировалась «религия революции». По сути дела, реформа как метод развития общества осуждалась. В противовес формуле «Движение — все, конечная цель — ничто» насаждались идеи революции, смуты, бунта, социального реванша.

Итак, по марксизму-ленинизму, в октябре 1917 года свершилась социалистическая революция, в 1937 году был построен социализм. А каков итог? Вдруг (а вдруг ли?) раздались призывы генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, общественности осуществить перестройку, т. е. новую революцию.

И в 1991 году революция в России свершилась. Как и после революции 1917 года, уже в 1995 году в общественном сознании произошло горькое прозрение. Как верно заметил А. С. Панарин: «Основное противоречие современного общественного самосознания состоит в том, что, с одной стороны, оно отражает оптимистически-эмансипаторские установки, связанные с освобождением страны от гнета тоталитарного режима, с другой — горькие прозрения национально-государственного сознания относительно статуса страны, потерпевшей поражение в третьей (холодной) мировой войне и ощущающей неуклонное сужение своего геополитического пространства» [5, с. 10].

Как и в 1917 году, не все современники осознают, что для России самая страшная война — это социальная революция. В 1991 году был не кризис государственности, не кризис экономический, а, как и в 1917 году, фактически был и есть кризис разрушенного государства, потерявшего не только свой общественно-политический строй, экономическую базу, но и свою территориальную целостность. Ныне на месте бывшего Союза ССР образовалось 15 самостоятельных независимых государств. Поэтому для России, как и в 1917 году, неотложной задачей является не возрождение, а строительство нового государства.

В годы революций власть осознанно культивирует потерю обществом исторической памяти. В эпоху социальных бурь властвующим политикам выгодно ирреальное изображение действительности, опошление исторического прошлого, что как бы служит историческим фоном для формирования мифа о заслугах новой власти.

В революции всегда и во многом наблюдается процесс политической метаморфозы. Можно согласиться с А. Аскольдовым в том, что в ней соединяются два производных и, по-видимому, противоположных момента: во-первых, распада

и анархии и, во-вторых, стягивания и собирания, а революционизм, анархизм и деспотизм — это три порыва в жизни общественных организмов, которые при всем своем внешнем несходстве внутренне между собой связаны и порождают друг друга. Революция есть порыв творчества целого, положительный в своем созидательном замысле, однако ложно исходящий не от центра, а от периферийной множественности и будящий ее хаотические силы [6, с. 20].

Изучение революции 1917 года, ее самоограничения в большевизме и окончательное ее самоопределение в большевистском варианте (государственном, хозяйственно-бытовом, идейно-общественном, духовном) в XX веке позволили авторам сделать ряд выводов: во-первых, политические идеи и принципы подобны религии: достаточно им получить всеобщее признание, как они теряют всякое преобразующее влияние на общество. Иными словами, в области политики действует закон инерции; во-вторых, в политике субъективно искренне желаемое благо, претворяясь в политическое действие, нередко приводит к самым разрушительным объективным последствиям. И, напротив, субъективно «злая» воля зачастую создает объективное благо; в-третьих, нет способа правления, который не имел бы своих недостатков.

С октября 1917 года в России идут бесплодные поиски определения тому, какое общество было построено к 1937 году. Преобладало мнение, что в СССР был построен социализм.

В числе немногих исследователей авторы обосновывают точку зрения о том, что построить социализм на Земле невозможно, а в СССР в 20–30-е годы XX века был государственно-монополистический капитализм.

Капитализм в СССР имел свои особенности. Здесь после октября 1917 года сращивание власти и капитала стало полным. Командные высоты в экономике находились в руках государства. Частный капитал из экономики был вытеснен. Государство стало предпринимателем, торговцем, работодателем и налоговзимателем, а в лице партийной олигархии появился новый господствующий класс. Именно непомерной капиталистической эксплуатацией объясняется то

«изматывание» российского общества, источник всех его бед — духовных, материальных, людских и других, какое имело место в 20–30-е годы XX века. Национализация, индустриализация, коллективизация — это капиталистические формы хозяйствования. В те годы был взят курс на свалку российской Истории. Для «перестройщиков» материалистичным было не общество, а понятия. Идеи эгоизма правящего меньшинства насильственно превращались в реальность. Борьба с причинами, вызвавшими недовольство человеческих индивидов, неизбежно превращалась в борьбу с самими индивидами.

Среди исследователей, публицистов и историков по сей день идут споры о насилии, характерном для любого государства: было ли оно в те годы «слепой» или осознанной необходимостью?

И. В. Сталин также считал в те годы, что оно было осознанной необходимостью: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [7, с. 39]. Во Второй мировой войне Россию не смогли «смять», а с позиций конца XX столетия Россия проиграла свой исторический шанс. Путь национального строительства России оказался дорогой, усеянной обломками несбывшихся мечтаний, густо окрашенными человеческой кровью.

Но можем ли мы бросить камень в историческое прошлое наших предшественников? Думается, что нет. Историческую ответственность за прошлое, настоящее и будущее нации несет тот, кто обладает властью! Современник не может быть судьей над прошлым и историей, но может судить историю настоящую, ибо в ней прорастают корни будущего. Он не может допустить идеологию механистического рационализма по отношению к прошлой, настоящей и будущей истории нации, когда ставятся ограниченные цели сегодняшнего дня, ибо такой метод неизбежно уводит от научного анализа и может иметь лишь временный успех, условную и относительную победу, а в стратегическом плане привести к исчезновению нации.

Источники и литература:

1. Будник Г. Д. 1917 год: дискуссии ученых / Г. А. Будник. Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. — № 7 в 2-х ч. Ч. II. — С. 27.
2. Исхаков С. М. Научный совет РАН по истории российских революций // Вопросы истории, 2007. — № 12. — С. 148.
3. Русская летопись. Париж, 1922. — Кн. 2. — С. 183.
4. Павлова И. П. Русская революция 1917 г. в современной зарубежной историографии // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы международной научной конференции (Красноярск, 14–25 ноября 2007 г.). Красноярск: Красноярский писатель, 2007. — С. 69.
5. Панарин А. С. Философия политики: учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: 1994. — С. 9–10.
6. Аскольдов А. С. Религиозный смысл русской революции// Сб. ст. о русской революции. Из глубины. М.: МГУ. 1990. — С. 20.
7. Сталин И. В. Соч. Т. 13. — С. 39.

УДК 94(47).084.2

Федорова В. И.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ/СССР: ДВЕ МОДЕЛИ — ДВА РЕЗУЛЬТАТА

Аннотация: в статье дается сравнительный анализ моделей модернизации в имперской России и СССР, раскрываются их характерные черты и результаты развития.

Ключевые слова: капиталистическая модернизация, советская мобилизационная модель модернизации, капитализм периферийного типа, столыпинская аграрная реформа, «долговая ловушка» периферийных стран, индустриализация, коллективизация, уровень жизни.

Водоразделом в истории Российской империи стали либеральные реформы 1860–1870-х гг., в результате которых Россия вступила на путь капиталистической модернизации. Однако перестройка продвигалась медленно и мучительно. Промышленность в первые пореформенные десятилетия развивалась преимущественно в форме мелких кустарных и полукустарных предприятий, сохранявших отсталый технический базис. Наиболее динамично развивавшимся сектором являлись железные дороги, протяженность которых в 1866–1875 гг. выросла в 10 раз. Отечественное машиностроение в пореформенный период находилось в зачаточном состоянии. Потребности в машинной технике в основном покрывались за счет импорта. В итоге до конца 1880-х гг. промышленный капитализм в России топтался на месте, доля страны в мировом промышленном производстве фактически не изменилась, увеличившись с 1,62 % в 1861 г. до 1,88 % к концу 1880-х гг.

Лишь в конце 1880-х гг. в промышленном производстве наступает перелом, связанный с изменением топливного баланса в промышленности, позволивший провести масштабную технологическую реконструкцию и резко повысить производительность труда и темпы промышленного роста. Валовое промышленное производство выросло в два раза, а в отраслях группы «А» — в три раза. Доля России в мировом промышленном производстве достигла 5 %. Но главным итогом промышленного подъема 1890-х гг. стало изме-

нение отраслевой структуры промышленности, возрастание доли отраслей тяжелой промышленности до 40 %, что позволяет говорить о начале индустриализации.

В целом промышленный подъем 1890-х гг. стал для России вершиной экономического прогресса, до уровня которого в последующие годы уже было не суждено подняться, так как следующий период, 1900–1908 гг., ознаменовался тяжелым кризисом и откатом от достигнутого роста. Промышленный подъем 1909–1914 гг. эту ситуацию особо не изменил, затронув в основном отрасли легкой промышленности и строительства. Темпы промышленного роста в эти годы не достигли темпов 1890-х гг., в результате к 1914 г. доля России в мировом промышленном производстве выросла с 5 % в конце 1890-х гг. до 5,3 % [9, с. 47].

Безусловно, прогресс промышленного развития страны в начале XX в. нельзя отрицать, но даже высокие темпы промышленного роста не изменили характера ее экономики и не привели к преодолению промышленной отсталости. Уровень производительности труда в промышленности в России был меньше, чем в США — в 9 раз, Англии — 5, Германии — 4, Франции — 3. Хотя по валовым показателям промышленного развития Россия входила в пятерку ведущих стран, но по производству на душу населения занимала 22-е место, уступая таким далеко не передовым странам, как Япония, Австро-Венгрия, Италия, Испания, Чили, Аргентина, Австралия.

Однако даже этот весьма скромный прогресс в промышленном развитии в начале XX в. был достигнут очень дорогой ценой — фактического отказа от суверенитета. Ибо высокие темпы промышленного роста обеспечивались прежде всего за счет иностранного капитала. В 1887–1913 гг. Запад инвестировал в Россию 1783 млн золотых рублей, а вывозилось 2326 млн [8, с. 19]. Ежегодно переводилось за границу выплат по процентам и погашениям займов до 500 млн золотых рублей. Вывоз прибыли за границу многократно превышал ее норму в странах Европы. Вместо 4–5 % дивиденда, получаемого у себя на родине, иностранные капиталисты получали в России от 20 до 30 %. Иностранным банкам и компаниям принадлежали ключевые позиции в базовых секторах экономики: банковской сфере, металлургии, горнорудной, нефтяной, угольной промышленности и машиностроении. Иностранные кредиторы, используя различные механизмы монополистического регулирования рынка, реально определяли основные тренды экономического развития, усугубляя сырьевой характер экономики. В годы Первой мировой войны они через ценовой сговор фактически диктовали правительству не только свои условия в экономической, но и в политической сферах. Собственно, втягивание России в блок Антанты и вступление ее в Первую мировую войну, приведшую к краху империи, во многом было определено тем, что основными кредиторами российской власти являлись английские и французские банки.

Одной из причин, сдерживавших промышленный рост страны, являлся аграрный кризис, из которого Россия не вышла вплоть до 1917 года. Рост сельскохозяйственного производства обеспечивался за счет экстенсивного развития, тогда

как уровень агрикультуры, производительности труда и урожайности оставался крайне низким. На производство 1 пуда зерна в России уходило времени в 20 раз больше, чем в США. Несмотря на то, что Россия занимала 2-е место по валовому производству зерна и 1-е по экспорту, по душевому производству она занимала последнее место среди основных его экспортеров. Если в 1913 г. в России было собрано 30,3 пуда зерна на душу населения, то в США — 64,3, Аргентине — 87,4, Канаде — 121 [10, с. 114–116]. А первое место по экспорту держалось в основном за счет того, что сокращалось внутреннее потребление.

Итак, экономическое развитие страны в начале XX в. было неустойчивым и противоречивым. Резкие подъемы сменялись затяжными депрессиями и кризисами, в результате которых достижения прежних лет практически нивелировались. По важнейшим показателям народного благосостояния Россия отставала от передовых индустриальных стран. Разрыв в душевых доходах в России по отношению к развитым странам не сокращался, а рос. К тому же распределялись доходы крайне неравномерно: 2,4 % населения страны имели годовой доход свыше 10 тысяч рублей. Из них 2150 семей — свыше 50 тысяч. В то время как средняя годовая зарплата рабочего в начале XX в. составляла 200 рублей; в 1913 г. — 264 рубля. Средний годовой доход на крестьянский двор — 432 рубля, зарплата рядовых служащих колебалась в диапазоне 240–500 рублей [5, с. 655]. Семь десятых общего объема национального дохода присваивала небольшая часть общества, составлявшая не более 5 % населения. Таким образом, в России относительная доля трудящихся в национальном доходе была значительно ниже, чем в развитых странах.

Таблица 1. Рост душевых доходов в 1900–1913 гг.

Страна	1900 г.		1913 г.	
	Доход в рублях	Доля России от передовых стран	Доход в рублях	Доля России от передовых стран
США	346	18,2 %	795	12,7 %
Франция	233	27,0 %	355	28,4 %
Англия	273	23,0 %	463	21,8 %
Германия	184	34,0 %	292	34,5 %
Россия	63	100 %	101	100 %

По такому важнейшему показателю благосостояния, как продолжительность жизни, Россия имела самые низкие результаты в Европе: 29–31 год в 1888 г. и 32–34 года — в 1900 г. Тогда как в Англии соответственно 44–47; Франции — 45–48; Германии — 40–43; Италии — 42–43; Швеции — 50–53 [7]. Зато по смертности она опережала даже самые бедные страны Европы. Большую долю в структуре смертности составляли случаи преждевременной смерти, связанные с эпидемиями, голодом, суицидом, производственными травмами, криминалом, войнами, отравлениями. Настоящим бедствием для страны являлась высокая детская смертность. В 1887–1897 гг. умирало 432 ребенка до 5 лет на 1000, их них до 1 года — 271. Если сравнивать с западноевропейскими странами, то этот показатель там в 3,5 раза был ниже. К концу периода детская смертность в России понижается: в 1913 г. до 38 %. Но даже отдаленно приблизиться к европейским показателям по детской смертности царская Россия при сохранении своей социальной системы не смогла бы.

Высокие людские потери были обусловлены не только общим отставанием экономики, неспособной создать такой совокупный общественный продукт, чтобы обеспечить достаточный прожиточный уровень для каждого, но и тем, что система социальной помощи и социальная политика власти были крайне неэффективными. Систему страхования имели только рабочие казенных заводов и госслужащие. На частных предприятиях и в учреждениях все зависело от «сознательности» хозяина, а так как уровень социальной ответственности российской буржуазии был крайне низок (она еще не вышла из «возраста» первоначального накопления), то на социальный консенсус рассчитывать не приходилось. Органы местного самоуправления (земства, волостные управы, городские думы) делали в плане социальной поддержки населения, что могли, но местные бюджеты по причине общей бедности населения и сами нуждались в помощи со стороны богатых и щедрых. Однако частная благотворительность, учитывая масштабы бедности населения, просто неспособна была бы решить эти проблемы.

Надо было радикально менять налоговую и бюджетную политику государства. Так, в России

отсутствовал прогрессивно-подоходный налог. Надо было резко сокращать непроизводительные расходы: военные — 26,7%; на содержание административно-полицейского аппарата — 6,1%; Министерство императорского двора — 0,6% [3, с. 40–42]. Надо было умерить щедрые подачки на «бедность» министрам, царским фаворитам. Отказаться от льготного кредитования помещиков, получивших в 1886–1910 гг. от Дворянского банка льготных ссуд на 1260 млн безвозвратных ссуд банкам и компаниям, аффилированным с государством (240 млн), пайщиками которых были члены царской семьи и министерские чиновники. И резко увеличивать расходы на социальную сферу и, наконец, ввести всеобщее начальное образование в стране, где три четверти населения было неграмотным. Но поскольку «цена вопроса» была не просто велика, а требовала радикального преобразования всего общественного строя, то решить эту «простенькую» задачу оказались способны только большевики в октябре 1917 года.

Октябрьская революция резко изменила вектор исторического развития страны. Модель, при которой система распределения совокупного общественного продукта основывалась на принципе буржуазного права частной собственности, причудливо сплетенной с пережитками феодально-сословных привилегий, была заменена на распределение по доле трудового участия каждого в общественном производстве. Принцип «каждому по труду», провозглашенный как базовый в социальной политике советского государства, отвечал чаяниям подавляющего большинства трудового населения. Государство сосредоточило в своих руках все экономические и людские ресурсы, минимизировало все непроизводительные издержки, характерные для прежней власти, избавилось от «свободного предпринимательства», перекрыв, таким образом, утечку капиталов за границу в виде счетов в зарубежных банках и заграничной недвижимости, трат на предметы роскоши. Монополизировало внешнюю торговлю, отказалось от выплат по царским долгам, справедливо предъявив странам Антанты счет на потери, которые страна понесла в годы Гражданской войны от грабежа бывших союзников. И перешло к плановому ведению хозяйства, которое обеспечило рациональное распределение

и использование всех финансово-экономических, интеллектуальных и культурных ресурсов в интересах всего общества.

Такая политика в научной литературе получила название мобилизационной модели. Ее результатом стал беспрецедентный в мировой истории рывок, который вывел СССР на первое место в промышленном развитии в Европе и на второе в мире после США. Доля страны в мировом промышленном производстве к началу Второй мировой войны выросла по сравнению с 5,3 % в 1913 г. до 14 %. Уже за первую пятилетку валовая продукция в промышленности в три раза превысила уровень 1913 г. Появились новые отрасли промышленности: тракторная, автомобильная, авиационная, станкостроительная, тяжелого и сельскохозяйственного машиностроения. Производство электроэнергии увеличилось к 1940 г. по сравнению с 1913 г. с 2 до 49 млрд кВт [6, с. 202]. Если царская Россия занимала по производству электроэнергии 15-е место в мире, то СССР вышел на 2-е место, уступая только США. Сократилось и отставание СССР от передовых стран мира по производству промышленной продукции на душу населения. В 1913 г. этот разрыв составлял 5–10 раз, а в 1940 г. — от 1,5 до 4 раз. Если среднегодовые темпы промышленного роста в царской России составляли 6,1 %, то в СССР в годы индустриализации — 15–16 %, а в отдельных отраслях рост достигал 20 %. Валовая продукция всей промышленности по сравнению с 1913 г. выросла в 8,5 раза. Важнейшим итогом индустриализации стало достижение экономической независимости страны: теперь советская экономика практически не зависела от импорта.

Итак, царской России потребовалось более полувека, чтобы занять 5-е место в мировом промышленном рейтинге. Советская же экономическая модель смогла обеспечить 2-е место в мире менее чем за 20 лет. При этом стартовые условия для такого ускорения у большевиков были гораздо хуже, чем у царских реформаторов. Ведь к 1917 г. экономика страны обрушилась до показателей периода кризиса 1900–1908 гг., а Гражданская война еще более понизила этот уровень.

Не менее масштабными были изменения в сельском хозяйстве. Главным итогом коллекти-

зации стал переход к современным машинным технологиям и агрикультуре. К 1940 г. в сельском хозяйстве СССР насчитывалось 562 тысячи тракторов, 182 тысячи комбайнов, 228 тысяч грузовых автомобилей [4, с. 37]. Для сравнения: накануне 1917 г. в России числилось 166 тракторов, 0 комбайнов. Более 60 % пашни возделывалось механизированным способом, остальная — конными плугами. Важным фактором роста стала электрификация села. В итоге предвоенные годы отмечены поступательным ростом валовых сборов: в 1913 г. собрали 80,1 млн тонн зерна; в 1934 г. — 89; в 1940 г. — 120,3 [1, с. 384]. Урожайность зерновых выросла с 7,4 до 9,1 ц/га. В 1,8 раза выросло производство товарного хлеба.

Безусловно, форсированный перевод деревни на индустриальные рельсы проходил очень болезненно, породив массу издержек, связанных с чрезмерным администрированием и репрессиями, от которых пострадала не столько кулацкая верхушка, сколько рядовое крестьянство. Однако, сравнивая результаты модернизации сельского хозяйства по столыпинской и советской модели, нельзя не признать, что последняя оказалась более эффективной. Столыпин сделал ставку на единоличное хозяйство, но в экстремальных геоклиматических условиях России, неразвитости транспортной, финансово-кредитной и торговой инфраструктуры, узости внутреннего рынка она себя не оправдала. Десятая часть фермерско-хуторских хозяйств разорилась, не выдержав и первых лет из 20, отведенных самим реформатором. Товарность единоличного крестьянского хозяйства не превышала 20 %. Так что при высоких темпах роста населения, и особенно городского, столыпинские фермеры не прокормили бы Россию. Большевики взяли за основу крупные хозяйства — колхозы и совхозы, товарность которых составляла 47 %. При этом государство, создав МТС, всю тяжесть содержания машинной техники взяло на себя, и это положительно сказалось на себестоимости крестьянской продукции. Во-вторых, через механизм закупочных цен государство оказывало влияние на рыночные цены, способствуя их снижению. Благодаря стабилизации экономической ситуации в деревне уже в 1934 г. было принято решение об отмене карточной системы по хлебу и другим продуктам, в 1935 г. возобновилась свободная продажа сель-

скохозыистойвенной продукции. В-третьих, большевики использовали привычный для крестьян коллективный уклад жизни и труда, по сути придав традиционной общине новый импульс развития. Это примирило большую часть крестьянства с коллективизацией, тогда как насильственное разрушение общины Столыпиным породило отторжение реформы как инокультурного начала.

Синхронное проведение индустриализации и коллективизации позволило большевикам решить очень важную задачу ликвидации секторальной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, что явилось одной из причин революционных кризисов 1905 и 1917 годов. Важно и то, что экономические преобразования в годы довоенных пятилеток положили начало выравниванию диспропорций между старыми промышленными центрами и восточными районами страны, служившими аграрно-сырьевой периферией. Все это вместе дало кумулятивный эффект, которого невозможно было добиться при либерально-буржуазной модели модернизации потому, что рыночная модель функционирует, паразитируя на ресурсах периферии, превращая ее в свой сырьевой придаток.

Форсированные темпы модернизации, провидившейся за счет внутренних ресурсов, потребовали напряжения сил от всего общества, но важно то, что этот груз в равной степени был возложен на разные социальные слои. Тогда как в царской России индустриализация осуществлялась за счет внешних займов, но основным источником для покрытия внешней задолженности являлось повышенное налогообложение трудового населения, поэтому все издержки модернизации страны доставались народу, а все преференции — компрадорской буржуазии, крупному дворянству и бюрократии. Разрыв между богатством и бедностью не сокращался, а это не только сужало внутренний рынок и накопления, необходимые для экономики, но и накаляло социально-политическую обстановку, повышая риски для социального взрыва. При советской модели общественное потребление было существенно урезано. В годы первой пятилетки душевые доходы упали по сравнению с 1928 г., но уже во второй пятилетке они начинают расти. Хотя этот рост оказался скромным (в 1938 г. на 22%),

но, учитывая низкий старт жизненного уровня, многим казалось, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Однако социальное самочувствие общества определяется не только «густыми щами», но и социальными смыслами и ценностями. И с этой точки зрения советский человек получил гораздо больше, чем потерял. Он получил такую систему социальной защиты, которой не было ни в одной из передовых стран с высоким уровнем жизни: пенсии, оплачиваемый отпуск, государственную систему здравоохранения и образования, систему охраны материнства и детства, санаторно-курортного отдыха и т. д. При этом расходы на социальные нужды в расчете на душу населения постоянно росли — с 3,14 рубля в 1913 г. до 61,73 рубля в 1932 г. [3, с. 208]. Это не могло не сказаться на улучшении общего жизненного уровня. Резко сократилась смертность населения по сравнению с 1913 г. — с 30,2 до 18,0 в 1940 г. Детская смертность до 1 года упала с 268,6 до 167,3. Продолжительность жизни выросла с 30,5 до 47 лет. В СССР уже до войны была решена проблема ликвидации безграмотности, осуществлен переход к обязательному начальному образованию и начат переход к всеобщему среднему образованию. В советском обществе благодаря увеличившемуся числу социальных лифтов уровень социальной мобильности стал чрезвычайно высок. Перед советским человеком открывались реальные перспективы восхождения по социальной лестнице, и это придавало его самоощущению уверенность и оптимизм.

Ну а как же ГУЛАГ, черные воронки НКВД, депортация народов, спецпереселенцы, то есть цена сталинской модернизации? Она, безусловно, была высока. И все-таки переход к индустриальной модели был неизбежен, через него прошла Западная Европа, и на это у нее ушло несколько веков. Сколько социальных катаклизмов она пережила на этом пути? А это миллионы жертв. Почему-то сторонники эволюционного пути истории упускают из вида, что жертв социальной эволюции может быть гораздо больше, чем в революцию. Если бы модернизация в царской России шла так, как она шла до 1917 года, то жертв было бы не меньше, а больше, учитывая, что динамика смертности была очень вы-

сокой и снижалась медленно. Только от голода погибало ежегодно около миллиона, по полмиллиона в среднем умирало от инфекционных болезней. Таким образом, потери населения только по этим показателям за 1861–1917 гг. составили около 60 млн, да если к этому прибавить потери от войн, травматизма, суицидов и других причин социального характера, то счет уже перевалит за 100 млн.

Октябрьская революция кардинально изменила положение страны в мире. Она перестала быть периферией капиталистического мира. Именно это ее положение сдерживало и деформировало процессы модернизации. Самой болезненной для царской России была так называемая долговая ловушка периферийных стран, при которой промышленный рост осуществлялся за счет внешних заимствований. Он покрывался за счет доходов от сырьевого экспорта. Но когда начался переход к новому технологическому укла-

ду, а вместе с ним и бегство капитала, ухудшение условий торговли, то это оборачивалось для страны долговой петлей. И в конечном счете все усилия, чтобы догнать страны центра, оказывались тщетными. В целом попытка «ассоциированно-зависимой интеграции» царской России с мировым центром не позволила стране сократить разрыв с конкурентами и легла тяжким бременем на трудящиеся классы. Это вызвало революции 1905–1907 гг. и 1917 г., покончившие не только с подобной моделью модернизации, но и с самим архаичным общественным строем, пытавшимся ее осуществлять. Советская модернизация вывела СССР в лидеры мировой экономики, позволила победить в Великой Отечественной войне, отстоять национальный суверенитет, сохранить народ от уничтожения и по результатам Победы изменить всю международную геополитическую конфигурацию мира, превратившись из региональной державы в мировую.

Источники и литература:

1. Vernadsky G. A history of Russia. New Home Library. New York. 1944.
2. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915.
3. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. — Л., 1933. 278 с.
4. Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. М., 2016. 295 с.
5. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX вв. М., 2010. 909 с.
6. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Статистический ежегодник. М., 1977. 367 с.
7. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916. 208 с.
8. Развитие советской экономики. М.: Соцэкгиз, 1940.
9. Россия 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. 416 с.
10. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1917. 649 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация: в статье исследуется влияние ценностного фактора на социальные трансформации в виде революций. Изменение аксиологической шкалы является одновременно причиной и следствием революционных движений. Повышенная социальная активность провоцирует революционные настроения, формирующие новые ценности. Автор показывает, что анализ революционного опыта способствует выработке новой аксиологической системы.

Ключевые слова: ценностный фактор, аксиологическая шкала, революция, социальная активность, социальная динамика, трансформация ценностной системы.

Актуальность исследования роли аксиологического фактора в исследовании революционного движения обусловлена тем фактом, что устойчивость любого социума в современном мире не может быть гарантирована вне глубокого анализа социальных трансформаций в истории этого народа. Революции в этом плане оставляют самый глубокий след, однако оценка их часто носит амбивалентный характер, что связано с усиливающимся расколом в обществе. Любой переломный период в истории человечества характеризуется переоценкой ценностей. Устоявшаяся в обществе аксиологическая шкала выступает в качестве фундамента человеческого бытия, поскольку с их помощью осуществляется прогрессивное развитие общества.

Революция всегда представляет собой крушение системы сложившихся ценностей, что приводит к утрате всего спектра чувств по отношению к прошлому. Проблема усугубляется тем фактом, что ценностные трансформации происходят в духовной сфере, усиливая чувство трагичности происходящего. Революционные трансформации обуславливают духовную катастрофу, которая чаще всего предшествует другим социальным катастрофам, поскольку сложившаяся аксиологическая шкала помогает задавать четкий алгоритм на будущее. Подобное обесценение ценностей встречалось в истории как целых народов, так и отдельных индивидов. Это следствие их свободы, когда появляется возможность выбора соот-

ветствующего пути социального развития и достижения поставленных целей революционными или мирными методами. Подобные социальные изменения часто предполагают смену ценностной шкалы, что наблюдается у отдельных народов, особенно актуализируясь в условиях революционных потрясений.

В последние десятилетия по проблемам теории ценностей и ценностного исследовательского подхода появилось значительное количество работ, однако в них пока не удалось отразить принципиальные социальные трансформации, которые несут в себе революции. Для осознания значения аксиологического фактора в революционном движении России принципиальное значение приобретают вопросы, связанные с выработкой ведущей методологии, позволяющей исследовать проблемы теории ценностей и ценностного подхода, характерного для конкретного общества. Здесь важны аксиологические установки, ведь при таком подходе акцентируется внимание на социальной природе категории «ценность», охватывая довольно широкий диапазон понятий и явлений действительности, которые могут и должны оцениваться с точки зрения традиционных понятий. Это особенно важно для адекватной оценки революционной активности в различных социальных слоях.

В России подобные тенденции особенно ярко проявлялись в социальных трансформациях, характеризующих революции 1917 года. Перед ре-

волюцией 1917 года в российском обществе активизировался опасный процесс манипулирования сознанием народа путем насаждения чуждых ему культурных ценностей. Отличительная черта российских трансформаций, высшей точкой которых выступают революции, состоит в том, что любые реформаторские неудачи властей списываются на народный менталитет, который служит хранителем реального исторического опыта. Можно утверждать, что характерной особенностью отечественных революций являлось открытое принижение и искусственное искажение тысячелетней культуры России, ее народных традиций и нравственности.

Для исследования неоднозначной роли аксиологического фактора в истории русских революций важно адекватное понимание принципа гуманизма. Здесь необходимо учитывать тот факт, что абстрактно выраженный принцип гуманизма может приводить к таким последствиям, о чем не подозревали его теоретики. Дело в том, что гуманизм и гуманизация могут вести при соответствующем обучении и воспитании к высотам духовного просветления или в бездну самоценности индивидуального бытия. Так, А. Корольков справедливо подчеркивает, что пути гуманистического прогресса оказались разными, но духовная катастрофа, к которой эти пути привели, довольно однотипна [1, с. 246–248]. Этот важный тезис российского философа подтверждает трагическая история России 20-го века.

Важность постижения революционных этапов посредством соответствующей аксиологической шкалы обусловлена также тем, что установление коммуникаций, гарантирующих определенные гарантии выживания социума, предполагает наличие социальных ориентиров, которые не могут быть ценностно-нейтральными. Определенная аксиологическая шкала в этом плане выступает своеобразным индикатором, предупреждающим о приближающейся революции, поскольку явный отход от устоявшихся в обществе ценностей свидетельствует о будущих социальных потрясениях.

Благодаря четкой ценностной системе удается сохранять соответствующий социальный микроклимат, предотвращающий социальные потрясения в крайней форме, каковой, конечно,

выступает революция. Выработка вектора нового устойчивого мироустройства предполагает оптимальное сочетание различных общечеловеческих аксиологических систем. Благодаря определенному аксиологическому вектору формируется представление о масштабности революции, что связано с оценкой ее конструктивных и разрушительных последствий. Игнорирование аксиологического подхода ведет к росту деструктивных процессов, вызванных нарушением базовых принципов социальной устойчивости, что провоцирует те или иные революционные потрясения.

Важно подчеркнуть еще один важный аспект, связанный с необходимостью аксиологического подхода к различным проявлениям революционной активности в любом социуме. Дело в том, что наиболее устойчивыми представляются парадигмы, базирующиеся на социальном консерватизме, поскольку они формируются с использованием определенной аксиологической шкалы, которая тесно связана с культурой эпохи. Однако изменение парадигмы как высшая цель революции означает на практике замену всего многообразия социального опыта единственной моделью, которая позиционируется в качестве образцовой. Революционный пафос выступает конкурентом фундаментальных ценностей традиционной культуры, где большое место занимает сфера смыслов, придавая конкретному обществу перспективу. В этом случае наблюдается своеобразный аксиологический разрыв, ведь отказ от воспроизводства традиционной шкалы ценностей приводит к постепенному превращению культуры в товар, нарушая при этом баланс между инновацией и традицией, а также затрудняя социокультурную идентификацию [2].

Для осознания истинной роли революционных трансформаций в жизни любого общества должна быть востребована принципиально иная аксиологическая шкала, включающая в себя фундаментальные качества человека. Используя аксиологический подход, удастся определить, каково соотношение материальных и духовных факторов, провоцирующих революционную активность. Именно на этом базисе удастся определить, насколько идеи обуславливают и творят социокультурную реальность, придавая обществам устойчивость или способствуя их уходу

с исторической арены. Именно посредством аксиологического подхода можно вывести четкое различие между социальной эволюцией и революцией, на конкретных примерах доказывая, что эти процессы выражают совершенно различные объективные тенденции развития общества.

Взаимосвязь соответствующей аксиологической шкалы и революционной активности масс особенно проявляется в осознании того непреложного факта, что главной угрозой устойчивости любой цивилизации является распад естественных связей, которые традиционно выступают основой социальной общности, всех ценностей, интегрирующих людей в некую целостность. Как справедливо подчеркивает С.Г. Кара-Мурза, «атомизированное общество в результате становится мегатолпой — своеобразным новым, т.е. по-новому объединенным конгломератом...» [3]. Важно подчеркнуть, что вновь образовавшиеся в результате революционного порыва локальные ценности могут нести угрозу не только конкретному обществу, но также ставить под сомнение систему «общечеловеческих ценностей».

Учет аксиологического фактора в социальных трансформациях, апогеем которых выступают революции, способствует: осознанному выбору мировоззренческих ориентиров; решению проблемы социокультурной идентичности; выявлению своего места в социуме. Любая революция ставит под сомнение формирование устойчивого социокультурного пространства, стимулирует процессы цивилизационного и культурного самосознания. Революция может выступать своеобразной лакмусовой бумажкой аксиологического смысла социальных трансформаций.

Проходит революционная эйфория, и становятся все более очевидными факты насильственного навязывания определенной ценностной системы, в основе которой, как правило, находится принцип игнорирования образа жизни, а также формы общественной и политической организации народов. К.С. Гаджиев приходит к выводу, что на первый план выступает задача изменения «...самого менталитета, ментальной или парадигмальной основы жизнеустройства...» [4, с. 26]. Подобные тенденции в полной мере проявились во всех революциях, потрясших историю человечества.

Еще один аспект аксиологического наполнения революционной активности масс в последние столетия обусловлен тем фактом, что критерием «цивилизованности» выступает западная система ценностей. Например, любые попытки революционных преобразований в России начиная с декабристов предпринимались на основе особой, характерной только для западного мира мировоззренческой парадигмы.

Новым явлением последних десятилетий становятся «цветные революции», главная цель которых — распространение образа жизни, жизнеустройства, ценностей и принципов, характерных для обществ западного типа. В неоконсервативно-фундаменталистской трактовке подобная аксиологическая система приобрела предельно идеологизированный характер. Это означает, что вестернистская аксиологическая шкала, базирующаяся на потребительском векторе развития, постоянно провоцирует революционный тип изменения социальной действительности, который представляется наиболее простым. Однако в этом случае происходит значительное сужение области духовного производства, что может привести не только к полной утрате социокультурного суверенитета, но и потере смысла преобразований, которые якобы несла в себе революция.

Альтернативой современной революции может выступать эволюционный путь развития, базирующийся на примате духовных ценностей, которые позволяют выработать фундаментальные ценности для устойчивости конкретного общества.

Более того, в современной ситуации для представителей различных культурных или национальных общностей, проживающих на территории одной страны, в качестве первоосновы национальной идентичности выбираются разные революционные события, что может провоцировать социальные конфликты.

Революция, выступающая в качестве отправной точки для смены социокультурной парадигмы, в современном глобальном мире может стать источником общечеловеческих потрясений. Тем не менее революционные настроения часто преобладают на территории бывшего СССР, хотя опыт «Майдана» должен был бы выступать

своеобразным предохранителем подобных крайних социальных трансформаций. По мнению Й. Розена, надо рассматривать «сложившуюся ситуацию в качестве кризиса социальной памяти, который наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений, что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности» [5, с. 16].

Революция — это всегда неконструктивное, насильственное навязывание определенной системы ценностей, позиционируемой в качестве идеальной, однако, как продемонстрировал опыт русских революций, подобный путь социального развития грозит потерей социокультурной идентичности всему обществу, а не только мар-

гинальной его части. У России есть шанс сохранить свой суверенитет и идентичность, если она выберет эволюционный путь своего развития, поскольку лимит революций у нашего общества уже давно исчерпан.

Таким образом, важность учета аксиологического вектора при изучении любых революций обусловлена не только необходимостью проникновения в ценностную сущность подобных социальных трансформаций, но также в выработке адекватного эволюционного алгоритма социального развития. Современному человечеству требуется новый социокультурный импульс, минимизирующий революционные «эксперименты», которые в состоянии повергнуть глобальный мир в нескончаемые социальные потрясения.

Источники и литература:

1. Корольков А. А. Духовный смысл русской культуры / А. А. Корольков. — СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 246–248.
2. Рассадина Т. А. Традиционные ценности в жизни общества // Социально-гуманитарные знания. — 2004. — № 3. — С. 279–291.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Изд-во: Эксмо, 2005. — 832 с.
4. Гаджиев К. С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. — 2008. — № 5. С. 26.
5. Розен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Розен. — М.: 2001. — Вып. № 7. — С. 16.

ЧАСТЬ 2

Государство и общественно-политические объединения в Сибири в 1917 году

УДК 94(571.51)«1914–1918»

Долидович О. М.

СОБЫТИЯ 7 МАЯ 1916 ГОДА В КРАСНОЯРСКЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВО КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

Аннотация: рассматривается вопрос об участии солдаток в погроме торговых рядов 7 мая 1916 года в Красноярске. По мнению автора, участие женщин в подобных стихийных протестах низших городских слоев, возникавших в тыловых губерниях Российской империи на почве дефицита и дороговизны, отражало глубокое обострение социальных противоречий и назревание кризиса легитимности самодержавной власти накануне революционных событий 1917 года.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Красноярск, кризис легитимности, Первая мировая война, продовольственные беспорядки, солдатки, социальное недовольство.

7 мая 1916 года на Новобазарной площади Красноярска произошел погром торговых рядов. Он начался около 8–9 часов утра у мясных и рыбных лавок, а затем переместился на «толкучку» — вещевой рынок. Поводом послужил незначительный инцидент между продавцом мяса и покупателями. В течение дня были разграблены 52 торговые лавки, из которых 41 принадлежала евреям, кроме того, из 70 пострадавших семей 60 составляли еврейские [1, л. 1–67].

В советской историографии это событие трактовалось как частный случай широкой волны продовольственных беспорядков, которые свидетельствовали о несостоятельности самодержавного режима: «В апреле-мае 1916 года волнения охватили многие города Сибири. Острый характер «голодные бунты» приняли в Тюмени, Барнауле, Бийске, Боготоле, Красноярске, на станции Зима, Черемхово, в Верхнеудинске, Благовещенске. Они были стихийным проявлением растущего недовольства народных масс против нищеты, голода и других спутников войны» [2, с. 462].

На современном этапе в связи с интенсивным развитием региональной истории красноярские события привлекают внимание исследователей, изучающих различные аспекты социально-экономического развития Енисейской губернии в годы Первой мировой войны, причины роста общественного недовольства накануне 1917 года,

ищущих ответ на вопрос о том, были ли неизбежными грядущие революционные события.

В качестве типичного случая проявления антисемитизма трактует этот эпизод Н. А. Орехова, отметив, что поводом для грабежей еврейских лавок стало возмущение горожан высокими темпами инфляции, спекуляцией, дефицитом и дороговизной продуктов питания [3].

Однако, как показал Д. Ю. Хоменко, избиение евреев не являлось основной целью погромщиков, поскольку градус антиеврейских настроений в Енисейской губернии в дореволюционный период не был высоким — как до этого события, так и после него. Рост юдофобии в военный период происходил на почве снижения уровня жизни и доходов, распространения слухов о грядущем голоде, общей усталости от войны [4].

Историк Д. А. Бакшт подчеркнул бездействие местных воинских частей и жандармов, а также причастность к грабежам нижних чинов, объясняя это «общим политическим кризисом, который переживало общество в последний год существования Российской империи» [5, с. 67].

В настоящей статье предлагаем рассмотреть вопрос об участии в событиях этого дня представительниц низших городских слоев, в частности солдаток. Вслед за российскими историками Ю. И. Кирьяновым, С. А. Нефедовым и американской исследовательницей Б. Энгл мы считаем,

что широкая представленность женщин в стихийных беспорядках, вызванных дороговизной продуктов питания и предметов первой необходимости, охвативших империю весной 1916 года, отражала процесс нарастания кризиса легитимности власти в тыловых губерниях Российской империи накануне революционных событий 1917 года [6, 7, 8].

В Енисейской губернии рост цен на продукты питания начался в 1915 году и значительно усилился к весне 1916 года. Из-за нехватки мужских рабочих рук, вызванной мобилизациями, крестьяне урезали запашку и, соответственно, поставки торгового хлеба в города. К тому же 1915 год выдался неурожайным. Сокращалось поголовье скота, дорожало мясо. Прогнозировалось дальнейшее ухудшение ситуации вследствие падения курса рубля.

Снижение уровня жизни серьезнее всего сказывалось на положении беднейших слоев, поскольку в их бюджете выросла доля расходов на питание. Значительную группу среди них составляли семьи мобилизованных солдат. Казенное пособие, которое они получали, было недостаточным для пропитания и полагалось далеко не всем. Крайне негативно воспринималось сокращение дополнительных выплат от городских властей и благотворительных организаций, которое началось в 1916 году. К тому же жены солдат считали, что имеют особый статус и право на различного рода льготы, обязательную поддержку со стороны государства и общественности.

Широкое развитие спекуляции спровоцировало погромы, направленные против торговцев. Первый такой случай был зафиксирован в Минусинске, который являлся центром сельскохозяйственного производства губернии и где ситуация с продовольствием обострялась наиболее благополучно среди всех уездов. В течение дня 11 марта 1916 года солдатки группами врываются в городские магазины и требовали бесплатной раздачи товаров в виде благотворительного пожертвования к празднику Пасхи. Видя их возбужденное настроение и опасаясь беспорядков, купцы и управляющие раздавали вещи. Местные власти не решились наказать участниц этих событий [9].

Беспорядки на городском рынке Красноярска, как уже было упомянуто, начались рано утром 7 мая 1916 года. Начальника Енисейского губернского жандармского управления полковника М.С. Байкова в городе не было. Разобраться в ситуации на месте отправился руководитель Красноярского отделения Томского жандармского полицейского управления железных дорог Н.И. Игнатов. После получения информации о погроме (около 10 часов утра) он взял извозчика и поехал на Новобазарную площадь, отдав приказ следовать туда же вахмистру Д.А. Плетневу, унтер-офицерам И. Сазонову и И. Егорову.

Приблизившись к углу Гостинской улицы и Архиерейского переуллка, жандармы увидели около 40–50 солдат под командованием прапорщика, которые ничего не предпринимали против тех, кто нес награбленные вещи. Более того, среди расхитителей были нижние чины и даже унтер-офицеры.

На рынке ротмистр Н.И. Игнатов задерживал грабителей и передавал прапорщикам, но те отпускали их. Во время опроса в ходе следствия Игнатов рассказывал: «Выгнанные из лавок солдаты и бабы кричали, ругались и бросались камнями. Пройдя некоторое расстояние вдоль лавок, я увидел группу вооруженных нижних чинов, не препятствовавших солдатам и толпе, грабившей лавки, почему подошел к этим нижним чинам и спросил, почему они бездействуют, но в ответ услышал угрожающие крики: «Какое твое дело?», а когда я объявил солдатам, что я офицер, и пытался подчинить их себе, то солдаты усилили крики, ближе пододвинулись ко мне и начали поднимать кулаки, слышались крики: «Бей его!» [1, л. 56–56 об].

Согласно показаниям работников рынка, когда Игнатов начал разгонять толпу, из нее слышалось: «Ах! Ты за жидов стоишь!» Солдатка Ф. Бурдахова подбежала к ротмистру сзади и ударила его по голове кирпичом. Она кричала солдатам: «Бейте его, это жидовский купленник» и «Что вы смотрите? Я сама солдатка, мой муж кровь проливает, бейте этого кровопийца» [1, л. 7 об — 8]. Вслед за этим в него полетели камни и бутылки. Подбежавшие бабы, мужики, солдаты сбили его с ног, пинали ногами и волокли по земле. Раздался крик о том, что едут казаки, и толпа

моментально рассыпалась. В ходе столкновений также был ранен унтер-офицер И. Сазонов.

Жандармы, прибывшие на площадь вместе с Н. И. Игнатовым, держались в стороне и в ходе следствия по этому делу заявили, что не видели, кто и при каких обстоятельствах нанес ему ранение. Так, по словам вахмистра Д. А. Плетнева, он пробыл на базаре около получаса, а когда направился к толкучему рынку, увидел лежащего на мостовой ротмистра с окровавленной головой и без сознания. Унтер-офицер И. А. Егоров вовсе покинул площадь: «Видя невозможность устоять против толпы <...> я отправился на вокзал. Из толпы слышал крики: «Уходи, и солдаты стали против вас» [1, л. 3–4].

На наш взгляд, этот факт очень показателен, поскольку он демонстрирует растерянность младшего командного состава при виде того, что нижние чины выражали сочувствие женщинам и вышли из-под контроля. Полицейские и жандармские управления, которые отслеживали настроения населения в связи с обострением продовольственного вопроса, предполагали возможность возникновения подобных беспорядков, в силу своей малочисленности оказались не готовы к решительным действиям по их пресечению.

После полудня на место происшествия прибыли губернатор Я. Г. Гололобов, вице-губернатор Л. П. Римский-Корсаков и начальник красноярского гарнизона полковник П. А. Мартынов. О том, что происходило дальше, Я. Г. Гололобов рассказывал полковнику П. П. Заварзину, приехавшему в Красноярск осенью 1916 года для проведения инспекции местного жандармского управления по поручению Департамента полиции Министерства внутренних дел: «По адресу губернатора из толпы начались оскорбительные выходки, и у многих женщин, участвовавших в беспорядках, имелось в руках награбленное имущество; одну из них губернатор приказал задержать полицейскому, но она, вырвавшись, беспрепятственно пробежала цепь солдат и скрылась в толпе. Полицейстер по приказанию вице-губернатора Римского-Корсакова тоже передал женщину с награбленным для препровождения в полицию, но таковая на глазах подполковника Римского-Корсакова была освобождена казаком» [10, с. 42].

Вечером того же дня губернатор созвал совещание, на котором присутствовали командующие местными воинскими частями. К 1916 году в Красноярске находились 14, 15 и 30-й запасные полки, шесть рот 717-й дружины ополчения, отделение конного запаса, обозный батальон и казачья сотня [5, с. 67]. Гололобов обратился к присутствующим с вопросом о благонадежности вверенных им частей. Полковник П. А. Мартынов и командир 14-го стрелкового запасного полка А. Г. Кодинец заявили, что «за всех нижних чинов они поручиться не могут, так как чины эти недавно приняты на службу из местных жителей, многие из которых имеют здесь жен, родственников и знакомых, из коих, вероятно, немало участниц погромов, почему надежными можно считать лишь учебные команды» [10, с. 42].

В течение двух дней спешно были задержаны 82 женщины и 50 мужчин. Среди них оказалось большое число жен рабочих железнодорожных мастерских, которые в тот день отправились на рынок за продуктами и у места происшествия оказались случайно. Через два дня губернатор получил анонимную записку с предупреждением, что в случае, если не будут освобождены арестованные женщины, последует вооруженное выступление рабочих с указанием, что гарнизон примет их сторону.

М. С. Байков отправил в столицу телеграмму, извещавшую Департамент полиции о событиях в городе: «Положение крайне серьезно ввиду уклонения седьмого мая войск от исполнения своих обязанностей, объясняемого местным происхождением войск и невозможностью действия против своих семей, необходимо иметь гарнизон, ничего общего не имеющий с местным населением» [10, с. 43].

Подобные стихийные вспышки недовольства с участием солдаток происходили в Канске. В ноябре 1916 года и июне 1917 года солдатки устроили погром в помещении городской управы. Недовольные сокращением размера пособия, они обвинили в разворовывании денег городского голову Т. Д. Леонова, ломали мебель, рвали документы. Местная пресса с возмущением писала: «Когда же будет положен конец этой отвратительной, возмутительной и гибельной для всех одичалой анархии?» [11].

Таким образом, погром на Новобазарной площади Красноярска наглядно продемонстрировал глубину социальных противоречий и степень общественного недовольства, существовавших накануне революционных событий 1917 года. Стихийный протест был направлен против тех, кого низшие группы населения считали виновными в обострении социально-экономических проблем — торговцев, обвиняемых в чрезмерной спекуляции, и жандармов, призванных охранять основы существовавшего строя.

Активное участие в этих событиях солдаток и переход на их сторону солдат объяснялись нарушением их представлений о социальной справедливости, так как они видели, что лишения военного времени не всех социальных групп коснулись с одинаковой степенью тяжести. Копившееся недовольство, озлобленность, обида

за усиливавшееся неравенство начали достигать критической отметки.

Профессор Университета Колорадо Б. Энгл дает следующую оценку подобным событиям: «Такие столкновения демонстрировали поразительное отсутствие уважения к власти и отсутствие веры в способность и желание этой власти беспристрастно и объективно содействовать урегулированию конфликта между социальными группами» [8, с. 168].

Следует также согласиться с мнением С. А. Нефедова о том, что войска, «состоявшие из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее», переходили на сторону восставших во время массовых беспорядков. Именно этот факт предопределил неизбежность революции [7, с. 122].

Источники и литература:

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 832. Оп. 1. Д. 524. Дело о ранении ротмистра Игнатова и унтер-офицера Иосифа Сазонова во время демонстрации 7 мая 1916 г. в городе Красноярске. 67 л.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах). Том 3. Сибирь в эпоху капитализма. Л.: Наука. 1968. 527 с.
3. Орехова Н. А. Еврейский погром в Красноярске в 1916 г. // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Красноярск. 2001. Вып. 6. С. 51–60.
4. Хоменко Д. Ю. Рост антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков: Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во «Параллель»; Институт истории СО РАН. 2014. С. 50–56.
5. Бакшт Д. А. Действия военно-полицейского аппарата в ходе событий 7 мая 1916 г. в Красноярске // Енисейская губерния — Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ. 2012. С. 67–70.
6. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914–1917) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
7. Нефедов С. А. Февраль 1917 г.: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 112–123.
8. Энгл Б. Женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. С. 148–178.
9. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Донесения полицейских о происшествиях в Енисейской губернии. 1916 г.
10. Бакшт Д. А., Катцина Т. А. «Власть атрофирована, и мы находимся на краю бездны»: О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П. П. Заварзина // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33–56.
11. Корреспонденция. Канск // Свободная Сибирь. 1917. № 56. С. 4.

УДК 60.542.21

Жулаева А. С.

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА В СИБИРИ

Аннотация: в данной работе анализируются процессы вовлечения женщин в общественно-политическую деятельность в период революции 1917 года в Сибири, а также исследуется вопрос о предоставлении женщинам политических прав. Автором рассматриваются имена и судьбы сибирячек — участниц революционного движения.

Ключевые слова: женщины-политкаторжанки, избирательные права для женщин, революция, сибирская ссылка, трансформация уклада жизни, эмансипация женщин.

Захлестнувшие страну и Сибирь в частности события 1917 года не могли оставить в стороне никого. Новые идеи, лозунги и ценности, перевернувшие мировоззрение, разрушили не только государственные структуры, но и сам вековой уклад жизни. Женщины, эта многочисленная категория, пережили наиболее глубокую трансформацию, войдя в общественную, политическую и трудовую деятельность наравне с мужчинами. Процесс эмансипации сибирских женщин не имел себе равных по срокам и темпам. Но начался он задолго до октябрьских событий 1917 года.

«Женщины-сибирячки на каждом шагу сталкивались с политическими ссылными, последние нередко являлись их репетиторами-учителями, за них богатые не боялись выдавать замуж своих дочерей.

Фактором, оказавшим значительное влияние на укоренение свободолобивых взглядов в сознании учащих сибирячек, являлась их учеба в столичных городах (С.-Петербурге и Москве) и за границей» [13, с. 82].

Наиболее активно в революционном процессе принимали участие женщины-политкаторжанки. Известно, что женщин, так же как и мужчин, высылали в Сибирь на разные сроки; бессрочно; на каторжные работы и поселение под гласный надзор полиции. «Сосланные по суду на поселение женщины помещались преимущественно в Енисейскую — 218 (52,15 %) и Иркутскую — 190 (45,5 %) губернии, которые чередовались для приема ссыльнопоселенцев согласно поста-

новлениям Совета министров (четные годы — Енисейская губерния, нечетные годы — Иркутская губерния)» [11, с. 200].

Из ссыльных женщин, вышедших из тюрем печально известной женской Нерчинской каторги, «жили на поселении: Гросман Роза Львовна — в Якутской области и в Красноярске, Данциг Сара — в Забайкальской области, там же жила Езерская Лидия, Каленкина Мария — в селе Тунка Иркутского округа, Левенсон Елена — в городе Баргузине Забайкальской области, Нейман Августа — в селе Творогово Забайкальской области, Письменова Татьяна — в селе Усолье Иркутского округа и сотни других женщин-революционерок» [3, с. 6].

Из забытых советской историографией женских имен в революции хочется вспомнить имя профессиональной революционерки-народницы Е. К. Брешко-Брешковской, которая «... была осуждена в 1874 году на пять лет каторжных работ, которые отбывала в Баргузине Забайкальской области. За неудачную попытку побега в Китай ее перевели в Якутскую область... В 1894 году Е. К. Брешковская поселилась в Иркутске. Здесь она также пользовалась широкой популярностью. Образовался даже кружок ее поклонниц, во главе которого стояла артистка иркутского театра В. Э. Киселева» [2, с. 207].

Пик же популярности пришелся на революционный 1917 год, который Брешковская встретила в Минусинске. Ее имя особенно часто упоминается в ежедневной общественно-экономической, политической и литературной газете «Свобода

и труд». Газета в 1917 году издается Минусинским комитетом общественного спокойствия под девизом: «Все для народа, все через народ». Являясь внепартийным печатным органом, газета называет Е. К. Брешковскую «бабушкой русской революции» и широко освещает ее передвижение по Сибири. Отметим, что отъезд «бабушки» из Минусинска в Петроград наделал много шума. «Бабушке, как и всем минусинцам, стало известно о великих событиях, происшедших в Петрограде 3 марта. И в тот же день, несмотря на восьмой десяток лет за плечами, бабушка сейчас же начала собираться в дорогу. Она спешила туда, где она теперь наиболее нужна. 4 марта утром к бабушке явились товарищ прокурора и исправник объявить ей телеграфное распоряжение министра юстиции нового правительства А. О. Керенского, с которым она связана была старым знакомством, о полном ее освобождении. ...В течение целого дня 4 марта до последнего момента двор и квартиры бабушки были полны людей. Сюда приходили депутации от разных элементов населения. Сюда явилась проститься с бабушкой Городская дума в полном составе. Были произнесены речи, все целовали руки у бабушки, многие ей в пояс кланялись до самой земли... К 8 часам вечера, когда бабушке должны были подавать лошадей, в квартире бабушки была вся колония ссыльных. Каждый в отдельности и все вместе по много раз прощались с дорогой всем им без различия партий и политических направлений, милой, бесподобной бабушкой, которую недавно еще одна американская газета называла «чудом-женщиной», в честь которой имеется особая комната — «комната Брешковской» в музее женского движения в г. Бостоне в Америке. Под мощные звуки революционного гимна, подхваченного всеми провожавшими ее, бабушка тронулась в путь...» [15, с. 2].

Особенно торжественной стала встреча «бабушки», организованная в г. Ачинске объединенным комитетом общественной безопасности г. Ачинска и Президиумом Солдатского комитета гарнизона войск г. Ачинска 7 марта 1917 года. В постановлении Ачинского временного исполнительного комитета сообщается: «1917 года марта 7 дня. Мы, члены объединенного комитета общественной безопасности г. Ачинска и Президиума Солдатского комитета гарнизона войск

г. Ачинска, сего числа в 10 ½ часов утра за городом встретили «бабушку русской революции», где ее приветствовали войска, учащиеся граждане, рабочие, после чего совершили парадное шествие по городу к Общественному собранию, где «бабушка» еще приветствовала всех собравшихся. Улицу Освобождения Крестьян, по которой прошло шествие, решено переименовать в Брешковскую, о чем и постановлено сообщить» Минусинскому Комитету общественной безопасности и благодарить комитет за своевременное уведомление о приезде «бабушки» [9, л. 6].

Победившие большевики в постреволюционных трудах указывали, что «...до 1920 года в Сибири не было организованной работы среди женщин. Мы знаем отдельные имена женщин-революционерок, действовавших в подполье, боевых партизанских отрядах. С падением власти Колчака в Сибири, с образованием Советов начали организовываться женотделы при партийных комитетах, вовлекавшие женщин в общественную и социалистическую работу» [3, с. 4].

Однако необходимо отметить, что в появившихся еще в начале 1900-х годах кружках и группах различных политических партий и объединений оказались и женщины-сибирячки. «Были среди них народники, социалисты-революционеры (эсеры), конституционные демократы (кадеты), бундовцы, анархисты, областники и др. Женщины выполняли различные партийные поручения: участвовали в работе подпольной типографии, в печатании, хранении и распространении листовок и литературы, устройстве конспиративных квартир, организации побегов и т. п. В подпольной работе участвовали девушки из фельдшерской школы, женской гимназии, уволенные из учебных заведений столицы курсистки» [13, с. 83–84].

Важнейшим вопросом до февраля 1917 года оставался вопрос об избирательных правах для женщин. «В Сибири вопрос о предоставлении женщинам политических прав подняли партийные организации. Так, в 1917 году красноярские кадеты выступили с инициативой создания местного Союза равноправия женщин и выпустили специальное воззвание. Состоялось первое собрание, на котором развернулась острая полемика по вопросу о программе будущего союза.

От партии кадетов выступила некая Харэи, доказывавшая, что союз должен объединить всех женщин, вне зависимости от их партийной принадлежности, и бороться за гражданское равноправие. Социал-демократка Г.И. Теодорович утверждала, что не может быть женского вопроса вне политики и поэтому главной целью союза должна стать борьба за ускорение революционных преобразований общества. Из-за раскола участниц не набралось достаточное количество членов, и союз не был создан» [14, с. 270].

«Социально раскрепощенное положение женщины считалось достижением социалистического строя. Цитаты I Всероссийского совещания работниц в ноябре 1918 года гласят: «Рабство женщин — главная твердыня буржуазного строя», «Освободить женщину от гнета домашнего рабства, осветить ее сознание светом коммунистических идей — значит окончательно закрепить победу над старым миром». По мнению большевистских лидеров, женский вопрос мог разрешиться очень легко и в одночасье: уравнять в правах всех членов нового общества независимо от половой принадлежности. Участие женщин в революционном движении обуславливалось именно теми изменениями в обществе, которые помогли отчасти слабому полу стать более или менее равноправными с мужчинами: право на образование, занятие общественно-полезным трудом» [12, с. 130].

Однако при этом большевики, вместе с социал-демократами отстаивавшие классовый принцип, считали, что интересы женщин-работниц расходятся с интересами женщин-хозяек и предпринимательниц. Как итог — в сибирских городах были созданы профсоюзы женщин-работниц.

В революцию как в профессию пошли родившаяся в Петербурге в 1873 году и с 1913 года отбывавшая пожизненную ссылку в Сибирь Стасова Е.Д. [1, с. 146; 5, л. 1–14], а также родившаяся в Петербурге в 1893 году и после многочисленных арестов отправленная в июле 1915 года с двухлетним сыном по этапу в Сибирь Николаева К.И. [1, с. 100].

В фондах Государственного архива Красноярского края хранятся воспоминания бывших участниц революционных событий, их автобио-

графии. С угасающих страниц звучат голоса женщин, бросившихся в революцию как в стихию. Вслед за легендарной Александрой Коллонтай и «Валькирией революции» Ларисой Рейснер на бескрайних просторах Сибири наиболее активно участвовали в подпольной, пропагандистской, партизанской войне Астанкова Е.В. [6, л. 1–12], Померанцева А.В. [7, л. 1–36], Стасова Е.Д. [5, л. 1–14].

Большинство сибирских активисток, пошедших в революцию вслед за отцами (Окулова-Теодорович Г.И.) и мужьями (Лебедева А.П., Пекарж Я.М., Перенсон Р.Х., Румба Е.Х.), мечты о новой справедливой жизни привели на путь лишений, страданий и подчас к трагической гибели (Гущик З.Е., Лебедева А.П., Пекарж Я.М., Путилова П.И., Свищева А.Д.) [4, 8, 10].

Однако некоторых женщин-революционерок судьба помиловала. Так, не раз находившаяся на грани гибели, участвовавшая в боевых действиях за г. Минусинск, а также в боях за Шушенскую волость против казаков атамана Сотникова 1917–1918 годов большевичка Ксения Антоновна Липинская впоследствии не раз вспоминала свой арест и особенно этапирование в минусинскую тюрьму. Ей в самый последний момент чудом удалось избежать казачьего самосуда [10, с. 78]. В начале августа 1918 года Липинская с другими большевиками в трюме баржи была переправлена из минусинской тюрьмы в красноярскую, где «...в 6-й камере женского отделения вместе с К.И. Пономаревой-Адашинской, Субботиной Л.И., Перенсон Р.Х. и Померанцевой А.В. просидела полтора года, т.е. до декабря 1919 года» [8, л. 3]. В камере народу было много — 40 человек. В заключении все девушки переболели тифом, кроме самой Ксении. Которая вспоминала впоследствии, что тоже очень мечтала заболеть: «...Странное желание? А возникло оно вот почему. Шура, выздоравливая, рассказывала, что в бреду, в забытии, ей мерещились чудесные картины. Она видела Енисей, поля, усеянные жарками... Соберется семья за столом, мать подает парное молоко — и до чего ароматное, вкусное! ...Слушая ее рассказ, мне очень хотелось и самой заболеть, чтобы хоть в бреду увидеть родных, близких, почувствовать себя свободной, испытать несколько счастливых минут...» [10, с. 105]. «В декабре

1919 года 23 человека из женской 6-й камеры (в том списке была и я) отправлены в этап... Мороз –35. Мы плохо одеты. ...Привели на железнодорожную станцию и загнали в холодные вагоны, без света (в этих вагонах возили скот). Такие поезда с заключенными тогда называли «эшелонами смерти». Многие наши товарищи простужались, болели сыпняком и умирали. В течение почти 8 суток мы находились в этом эшелоне, а 22 декабря 1919 года на ст. Забитуй этот «эшелон смерти» был захвачен восставшими черемховскими рабочими, и все заключенные были освобождены...» [8, л. 3–4].

Прожили долгую жизнь и профессиональную карьеру в новом государстве сделали

Астанкова Е.В. [1, с. 10–11], Окулова-Теодорович Г.И. [1, с. 104], Померанцева А.В. [1, с. 121], Прейс Е.П. [1, с. 122], Пузанова Е.Л. [1, с. 124–125], Румба Е.Х. [1, с. 131], Стасова Е.Д. [1, с. 146–147], Субботина Л.И. [1, с. 149].

Сегодня, в год 100-летия революции, живя уже четверть века без государства, которое родилось в крови и боли той революции, на волне энтузиазма и веры миллионов людей в возможность нового справедливого устройства жизни, без иллюзий и осуждения мы внимательно вглядываемся в лица и судьбы героинь тех эпохальных событий в надежде усвоить урок истории. У революции, как у любой войны, не должно быть женское лицо.

Источники и литература:

1. Бойцы революции. Библиографический указатель. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1990. 191 с.
2. Долидович О. М. Женщины в революционном движении в Сибири // Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния: материалы межрегиональной конференции КГПУ. Красноярск, 2007. 352 с.
3. Доронин Г. Десять лет борьбы рабочих и крестьянок Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 92 с.
4. КГКУ «ГАКК». Ф. П-42. Оп. 6. Д. 472. Л. 1–47.
5. КГКУ «ГАКК». Ф. П-42. Оп. 6. Д. 818. Л. 1–14.
6. КГКУ «ГАКК». Ф. П-42. Оп. 8. Д. 8. Л. 1–12.
7. КГКУ «ГАКК». Ф. П-42. Оп. 8, Д. 558, Л. 1–36.
8. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 45. Л. 12–16.
9. КГКУ «ГАКК». Ф. Р-1797. Оп. 1. Д. 20.
10. Липинская К. Далеко в заснеженной Сибири. Красноярское книжное издательство, 1974. 166 с.
11. Максимова В. Н. Политическая ссылка в Енисейскую губернию в 1907–1917 гг.: гендерный аспект // История образования и науки в Сибири: материалы всероссийских научных конференций с международным участием. Вып. 3. КГПУ им. В. П. Астафьева. Красноярск. 2009.
12. Марьясова Е. А. «Железные леди» 20-х годов XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. Т. 57. № 7.
13. Мешалкин П. Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX). Монография. Красноярск: СибГТУ, 2005. 108 с.
14. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1967. 406 с.
15. Свобода и труд: ежедневная внепартийная общественно-политическая газета, издаваемая Минусинским комитетом общественного спокойствия. г. Минусинск: Изд-во «Электронпечатня Т-ва «Сотрудник». 7 марта 1917 г. № 1.
16. Северьянов М. Д. Размышления о революции. Красноярск: Красноярская архитектурно-строительная академия, 1998. 187 с.

УДК 35.074

Калюга А. Е.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ 1917 ГОДА В ВОЛОСТЯХ МИНУСИНСКОГО ОКРУГА

Аннотация: в статье рассматриваются особенности организации и деятельность органов власти в 1917 году в волостях Минусинского округа: Имисской, Кочергинской, Паначевской, Курагинской и Шалаболинской, позже вошедших в состав Курагинского района. На основе архивных документов освещается реальное положение дел в органах местного самоуправления волостей, исторический опыт которых актуален и в наши дни.

Ключевые слова: волость, волостной сход, волостное правление, волостное земское собрание, волостная земская управа, Временное правительство, Енисейская губерния, комитет общественной безопасности.

До революции 1917 года административно-территориальное устройство государства и принципы работы аппаратов управления регламентировались частью 2 «Свода учреждений государственных и губернских» Свода законов Российской империи. Согласно ему, территория Российской империи делилась на губернии, области и градоначальства. Губернии, в свою очередь, делились на уезды и волости.

Волостные органы управления являлись органами общественного сословного (крестьянского) самоуправления, объединявшими сельские общества, и в то же время они были и сборщиком налогов и податей от населения. Это подтверждают сохранившиеся в районном архиве документы.

Высшим органом волости являлся волостной сход, который собирался с разрешения господина крестьянского начальника соответствующего участка Минусинского уезда. На нем в обязательном порядке присутствовали: волостная управа, избиравшаяся сходом на три года (волостной старшина, его помощник, волостной заседатель, волостной судья), и доверенные от сельских обществ — по одному от каждых 10 дворов, а также сельские старосты [1].

Протокол волостного схода записывался в специальную книгу, листы которой были разделены на две графы: «Содержание приговора» и «Отметка об исполнении или отмене приговора».

В графу «Содержание приговора» вносилось в обязательном порядке: время схода, общее число лиц, имеющих право голоса на сходе, и число явившихся на сход; затем следовало изложение дела и сам приговор [решение], под которым и подписывались присутствующие на сходе волостные и сельские должностные лица, а также «сходчики». За неграмотных расписывался кто-либо «по доверию». Приговор скреплял писарь. Сельские старосты, кроме того, ставили свои печати.

Волостной сход считался правомочным, если на нем присутствовало более половины уполномоченных лиц. Председательствовал на нем волостной старшина.

Приговор на сходах принимался единогласно, со следующей формулировкой: «Посоветовавшись между собой, приговорили...» В конце каждого приговора стоит приписка: «...В чем и подписуемся». Копии отдельных решений волостных сходов (о переизбрании членов волостной управы, о найме волостных десятских, о выборах учетчиков волостных сумм и др.) направлялись крестьянскому уездному начальнику.

Вопросы, рассматриваемые на волостных сходах, касались жизнеобеспечения населения волостей: утверждение сметы расходов, сбор мирских сумм с населения из расчета на одного бойца [до-

мохозяина в возрасте от 17 до 60 лет], отбывание ямщиками гоньбы [перевозка людей и грузов лошадьми] и установление оплаты за версту, и др. На них же принимались решения об избрании и переизбрании членов волостных попечительских советов, об ассигновании средств Романовскому приюту с. Курагинского и др., а также о проведении торгов (на проведение гоньбы, по заготовке столбов и др.), что позволяло экономить бюджеты волостей [2].

Имисский волостной сход (численностью 117 чел. — 2/3 имеющих право голоса) ставил вопросы о проведении телеграфа в село, открытии фельдшерского пункта; Кочергинский (численностью 80 чел. — более половины уполномоченных) — об открытии почтово-телеграфного отделения с предоставлением специалисту на три года квартиры за счет волостного общества [3].

Не все указания вышестоящих органов выполнялись местными властями. Так, сход Имисской волости отказал в добавлении жалования правлению волости, не приняв во внимание первый раз рекомендации Журнала общего присутствия Енисейского губернского управления, а во второй раз — предложение господина крестьянского начальника 2-го участка Минусинского уезда. Не прислушались к просьбе последнего и участники Имисского волостного схода об избрании помощника волостного старшины, а «...принимая во внимание, что в должности этой в данное время нет надобности, а потому постановили: должность эту упразднить» [4].

Интересны и сведения, указанные в протоколах сходов об избранных лицах. На должность волостного старшины, его помощника и др. могли быть избраны граждане, в том числе неграмотные, как православного вероисповедания, так и из числа старообрядцев, но под судом и следствием не состоявшие, а также годные по своему семейному и имущественному положению, о чем обязательно указывалось в протоколах сходов.

Несмотря на избрание в органы правления волости и коллегиальные органы, основным занятием избранных лиц являлось земледелие. Таким образом, Имисскому волостному сходу пришлось освободить от должности даже волост-

ного старшину Д. А. Щелкунова «...за неимением в семье годного работника». По этой же причине, а также по причине возможного призыва на фронт членам волостного правления избирали кандидатов [5].

Февральская революция 1917 года привела к большим переменам в обществе. Созданное Временное правительство в организации новой власти на местах сделало ставку на земства. В своей декларации от 03.03.1917 оно заявило о намерении провести преобразование органов местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

19.03.1917 Временное правительство приняло постановление о повсеместном образовании волостных комитетов, которые должны были быть временными органами до образования волостных земств.

При Министерстве внутренних дел в конце марта было образовано Особое совещание по реформе местного самоуправления и управления, которое занялось разработкой нормативно-правовой базы.

Не дожидаясь указаний свыше, на местах население принимало действенные меры по смене власти. Так, например, в Курагинской волости были отстранены от исполнения обязанностей наказной старшина Лобанов, волостной староста Чулымов и писарь Васильевский. На Ольховско-Чибихевских приисках Имисской волости взял в свои руки власть профсоюзный комитет во главе с рабочим-забойщиком Ф. В. Волковым [6].

С апреля в волостях Минусинского уезда стали образовываться комитеты общественной безопасности (КОБ), которые должны были поддерживать новую власть и общественный порядок. В Имисской волости КОБ был образован 30.04.1917. На его первом заседании по большинству закрытой подачей голосов были избраны комиссар, председатель и его товарищ, казначей и секретарь комитета. Также были рассмотрены вопросы о просветительстве, об аккуратной доставке почты и др. [7]. 12 июня 1917 года был образован Шалаболинский КОБ во главе с председателем Доценко и секретарем Софроновым. Образованный Курагинский КОБ проявил реше-

тельность и реквизирует у купца Н.П. Пашенных паровую мельницу, водрузив на ней красный флаг [8].

В связи с избранием волостных земств Временное правительство распорядилось упразднить КОБы с 05.07.1917.

Постановление «О волостном земском управлении» было принято Временным правительством 21.05.1917. Согласно ему, волостные земства учреждались как бессловесные органы местного самоуправления. На них возлагалась часть полномочий, которые ранее выполняли волостные управы (заключение договоров, отчуждение и приобретение имущества, обложение сборами недвижимости, содержание местных дорог и мостов, и др.).

Высшим коллегиальным органом волости было земское собрание, для участия в котором на три года избирались лицами обоего пола гласные от 20 до 50 человек, в зависимости от численности местного населения. Исполнительным органом являлась волостная земская управа, получавшая денежное вознаграждение, во главе с председателем из числа гласных.

Надзор за деятельностью волостного земства осуществлял уездный комиссар, который избирался на уездном съезде уполномоченными от волостей.

17 июня 1917 года Временное правительство приняло постановление «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и губерниях и областях Сибири» с приложением к нему «Временного положения о земских учреждениях в губернии Архангельской и в Сибири», согласно которым земство было введено и в Енисейской губернии.

В Имисской волости выборы председателя волостной земской управы, членов управы, секретаря были произведены на общем волостном собрании, состоявшемся 23.07.1917. На нем же был избран по предложению Минусинского уездного комитета от 14.07.1917 № 186 волостной милиционер с жалованием в 75 рублей из общегосударственных средств.

Первое волостное земское собрание Имисской волости состоялось 20.12.1917. На нем были рас-

смотрены вопросы о количестве членов земской волостной управы и установления им жалования; избрания членов земельной комиссии, заведующего военно-конским участком и помощника ему, членов волостного попечительства, членов ревизионной комиссии, постоянного депутата от волости в Учредительный Совет крестьянских депутатов согласно предложению исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов [9].

На этом же собрании был установлен срок созыва волостного земского собрания — один раз в год, в промежуток времени между 15 августа и 15 сентября каждого года (период завершения полевых работ).

Также собранием были приняты решения: о новой даче продовольственного пособия семьям, призванным на войну; ходатайство о немедленном отпуске продовольственного пособия семьям лиц, призванных на войну с 1 сентября сего года, за все время получения этого кредита; об изыскании возможностей приобретения кожаных товаров для обеспечения населения волости. Протокол был подписан председателем собрания и секретарем, председателем волостной земской управы и членом волостной управы.

Протоколы земских волостных собраний направлялись в Минусинскую уездную земскую управу [10].

Первое земское собрание в Кочергинской волости состоялось 08.10.1917 по предложению представителя избирательной комиссии Демина. На него явились 30 человек из числа избранных гласных 31 человека. Были рассмотрены организационные вопросы: о выборах председателя и заместителя земских собраний, волостной земской управы и ее председателя по 01.01.1919, об определении их содержания [11].

Состав земской управы был определен из председателя и двух человек — его заместителя и заведующего кассой, кандидатуры которых были избраны простым голосованием единогласно. Содержание было установлено в следующих размерах: председателю управы — 60 рублей в месяц, зав. кассой члену управы — 60 рублей, члену управы — 50 рублей. Размер содержания

секретаря был определен в 75 рублей, помощникам секретаря — 95 рублей.

Решением этого же собрания было дано распоряжение волостной земской управе принять от волостного комитета имущество, денежные суммы и все делопроизводство.

Надо отметить, что решения этого собрания в части избрания председателя земского собрания и его заместителя, членов управы и назначения им жалования открытым голосованием были отменены административным судом от 30.10.1917 как противоречащие статье 48 Земского положения в Сибири. О чем были уведомлены присутствующие на Кочергинском волостном земском собрании 05.11.1917. На нем же были повторно рассмотрены вышеуказанные вопросы, но голосование проведено закрытой баллотировкой шарами. Причем были избраны те же кандидаты и установлен тот же размер жалования.

Подобный вид голосования стал применяться в связи с преобразованиями после Февральской революции при избрании уполномоченных представителей от волости и уполномоченных лиц. При этом на должность выдвигалось несколько кандидатов, о которых не имеется записей в протоколах об их характеристиках (имущественном и семейном положении, вероисповедании и др.). Набравшие наибольшее количество шаров «за» определялись избранными, а набравшие недостаточно шаров — кандидатами к ним. Также можно отметить, что многие вопросы не находили общего одобрения. Среди голосовавших были те, кто голосовал против или воздерживался.

В 1917 году в Кочергинской волости 15 декабря состоялось еще одно земское волостное собрание, на котором были рассмотрены следующие вопросы: о выборах земского комитета, о выборах депутата в Уездный Совет крестьянских депутатов, о выборах представителя в Совет Минусинского лесничества, утверждение сметы на 1918 год, доклад земской управы о мосте через речку Жерлык, о приобретении парома на Кочергинском перевозе, о найме ямщиков на Кочергинском станке, о продаже имущества, о перевыборе членов земской управы [12].

На волостном сходе Паначевской волости, состоявшемся 17.12.1917, был рассмотрен также

ряд вопросов. По вопросу «О выборах волостных судей на 1918 год» постановили: «...Принимая во внимание, что судьи, избранные на 1917 год, почти не были заняты службой, а потому судьями на 1918 год назначить тех же». По вопросу «Заявление фельдшера 3-го участка Минусинского уезда об ассигновании средств на лечебницу» постановили: «Просьбу оставить без удовлетворения ввиду того, что в нашем районе есть свой медицинский фельдшерский пункт и при недостатке лучше поддержать свой пункт» [13].

Волостные земские управы оказывали помощь в проведении выборов в земские учреждения и Учредительное собрание. Согласно письму Минусинской уездной по выборам Учредительного собрания комиссии от 10.11.1917 № 136, направленному в Паначевскую волостную земскую управу, следует: «На основании 120 ст. Положения о выборах в Учредительное собрание 75 % расходов по составлению списков для выборов в Учредительное собрание подлежит возврату из средств Государственного казначейства. Так как выборы в Учредительное собрание следуют почти непосредственно за выборами в земские учреждения и для последних были уже составлены списки (при пособии от казны), то в большинстве случаев составление новых списков не требовалось...» [14].

В 1918 году волостные управы были упразднены.

Судя по архивным документам, революционные процессы, происходившие в 1917 году в волостях и селениях, не лучшим образом отражались на крестьянстве. Переход из одной системы управления в другую отнимал время, так необходимое для полевых работ, и вносил смятение в головы крестьян. Только в Кочергинской волости за год было проведено два волостных схода, два собрания граждан волости, три земских собрания, не считая заседаний различных комитетов, когда ранее волостной сход проходил один раз в год. Прибавки к бюджету волости и крестьянским семьям бесконечные заседания не давали. Поэтому некоторые собрания не состоялись по причине неявки участников или были «малоллюдными».

Тем не менее волостная власть должна была нести бремя управления территорией и решать при нехватке средств жизненно важные вопросы: о перевозке призванных на фронт и доставке раненых до дома, о хлебной монополии, о самогонноварении, о конокрадстве и др.

В условиях войны и нестабильности уполномоченные скрупулезно рассчитывали расходы и экономили средства волости. Так, на Имисском волостном сходе от 23.05.1917 было отмечено: «...С падением старого строя разгон на станках [станциях] изменился. Постановили: поручить всем сельским обществам произвести переторжку на всех станках волости, и весь остаток, получившийся от переторжки, должен поступить в пользу мирских волостных сумм» [15].

Паначевский волостной сход от 17.12.1917 по вопросу «О смете на содержание волостного земства» постановил: «Если не будет принято содержание на общегубернские средства, то на должность волостных членов избирать по очереди. Если будет принято жалование по губернии по пропорциональному расчету, то считать нужным избрать пострадавших от военных действий, т.е. раненых солдат, на случай очередной службы» [16].

В образовании ряда комитетов и комиссий крестьяне также не видели пользы. Собрание граждан Кочергинской волости от 23.05.1917 по вопросу об организации продовольственного комитета волости, согласно положению, утвержденному общим собранием продовольственного комитета Енисейской губернии от 07.05.1917, единогласно постановило: «...не разбрасывая общие силы на образование волостного продовольственного комитета, исполнение функций продовольственного комитета возложить на существующий волостной комитет общественной безопасности, допустив пополнить его лимит кооперативом...»

Не лучшим образом на управление волостей влияли случаи досрочного выхода избранных уполномоченных лиц из состава органов власти по разным причинам, в том числе из-за призыва на военную службу. Собранием граждан Кочергинской волости от 30.07.1917 по личному заявлению был освобожден председатель

волостного комитета И. Ф. Межов, избранный 23.05.1917.

Кочергинским волостным земским собранием, состоявшимся 15.12.1917, были удовлетворены заявления об освобождении от службы председателя управы Васютина и члена управы Осколкова, избранных 08.10.1917 [17].

Борьба представителей различных партий за власть на местах также приводила к неразберихе. Вот что рассказывал член первого шалаболинского Совета Г. И. Мельников: «Придя с фронта империалистической войны осенью 1917 года домой в Шалаболино, я и мои друзья-фронтовики, местные сельские активисты, в конце 1917 года увидели, что в селе и в волости продолжают прежние порядки и по-прежнему хозяйничают земская управа да кулаки.

Однажды мы собрались с ребятами и обсудили это дело, решили и взялись за создание Советов во всех селах и деревнях волости. Избрали одновременно и делегатов на волостной съезд, на котором был избран волостной Совет. Наш Совет разместился в том же доме, где ютился староста, а потом туда же вселилась земская управа, а мы, потеснив старосту и земцев, заняли вторую половину дома. Таким образом, три власти одного села оказались под крышей одного дома.

Через стенку от земцев и старосты к нам постоянно доносились крики, ругань и грубая брань. Посетители от них уходили обиженные, особенно беднота, а женщины со слезами. От нас же они выходили удовлетворенные нашими решениями.

Потом к нам стало все больше и больше приходиться народу, в основном бедноты, а к земцам, наоборот, все меньше и меньше, да и то только кулаки, богатеи и казаки. Наши распри с земцами и со старостой иногда заканчивались выяснением отношений, крупными спорами, а подчас и потасовками. Вскоре старост и земство аннулировали, а наш Совет стал полноправным и полновластным хозяином села и волости» [18].

Таким образом, 1917 год стал периодом действительно революционных преобразований в волостях и испытывал органы местного самоуправления на прочность, которые в силу возможностей решали вопросы местного значения.

Источники и литература:

1. Курагинский районный архив. Р-126. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
2. Там же. Р-127. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.
3. Там же. Р-118. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 10 об. 11. 20 об. 25. Р-126. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
4. Там же. Р-118. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 12. 20 об. 25 об.
5. Там же. Р-118. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
6. Там же. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 101.
7. Там же. Р-118. Оп. 1. Д. 4. Л. 30а.
8. Там же. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 101.
9. Там же. Р-118. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 30з. 31.
10. Архив города Минусинска. Р-5. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 3–5.
11. Курагинский районный архив. Р-126. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
12. Там же. Р-126. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 10–23.
13. Там же. Р-127. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
14. Там же. Р-148. Оп. 1. Д. 2. Л. 69 об.
15. Там же. Р-118. Оп. 1. Д. 4. Л. 30в. 30г об.
16. Там же. Р-127. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 4. 4 об.
17. Там же. Р-126. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 11. 15. 19 об. 26 об.
18. Там же. Р-141. Оп. 1. Д. 131. Л. 107.

УДК 947.084.5(571)

Кокоулин В. Г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ

Аннотация: в статье анализируется деятельность политических партий в Западной Сибири в период двоевластия. Отмечается неравномерность политического процесса в разных городах Западной Сибири, выявляются причины этой неравномерности. Автор приходит к выводу, что неравномерность политического процесса зависела не только от численности политических партий, но и их организованности, наличия лидеров, умения лидеров сформулировать правильные тактические задачи в соответствии с политическим моментом.

Ключевые слова: Февральская революция, Западная Сибирь, политические партии, двоевластие, Народное собрание, политический процесс.

Деятельность политических партий в Западной Сибири оживилась сразу же после Февральской революции. Они активно включились в создание на местах органов новой власти — комитетов общественной безопасности и Советов, их представители ораторствовали на многочисленных митингах и собраниях. Однако в разных городах Западной Сибири сложилась различная конфигурация политической системы, и политическая активность партий также существенно отличалась, причем не только разных партий в одном городе, но и одной и той же партии в разных городах. Почему же политические процессы в различных городах Западной Сибири оказались неравномерными?

Посмотрим, как действовали политические партии в Западной Сибири в тот послереволюционный период, который получил у историков наименование «двоевластие» и охватывал март — июнь 1917 года.

В Томске организационное собрание РСДРП состоялось 3 марта, на нем избрали комитет, который активно включился в организационную работу. В течение марта состав местной партийной организации от десятка членов вырос до 300 человек. В члены партии активно вступали рабочие, солдаты и служащие по рекомендации двух старых членов партии. Для вступающих в партию были организованы кружки для изучения устава, программы тактики партии. При комитете были

созданы группы пропагандистов и агитаторов, выступавшие на частых и многочисленных собраниях и митингах рабочих, солдат и служащих. К началу апреля под влиянием томской организации РСДРП оказался весь близлежащий каменноугольный район, насчитывавший не менее 10 тысяч рабочих, была сформирована фракция в Томском временном комитете общественного порядка и безопасности. Томская организация РСДРП довольно четко определила свое отношение к основным вопросам революции. Временное правительство оценивалось как буржуазное и продолжающее вести войну со стороны России как войну империалистическую. Задачей партии ставилось осуществление программы-минимум, призывалось оказать поддержку Временному правительству, платформа которого расценивалась как революционная [1, л. 40; 2, с. 41, 42; 3, с. 32, 33].

12 марта прошло организационное собрание томских кадетов под председательством профессора С. Мокринского. Он сказал, что задачей партии является подготовка выборов в Учредительное собрание, чтобы провести в него возможно большее количество своих кандидатов. И. А. Некрасов предложил снять лозунг «старых кадетов» — конституционную монархию, «чтобы не случилось того, что произошло после Великой Февральской революции», и заменить его на требование демократической республики [4, 14 марта].

Организационные собрания других политических партий прошли только в мае. Однако партийные организации, хотя и не оформленные, активно участвовали в выборах в губернское и городские народные собрания — новый орган, не предусмотренный ни Временным правительством и его органами на местах, ни Советами, а являвшийся попыткой местных эсеров воплотить в жизнь областническую программу Сибирской областной думы на губернском уровне.

О соотношении сил и поддержке населением партийных лозунгов можно судить по результатам выборов в Губернское народное собрание в апреле 1917 года. Эсеры в Томске получили более 60% голосов, социал-демократы — 6%, народные социалисты и федералисты — каждая менее 1% [5, с. 194].

Организационное собрание ПСР прошло в конце мая 1917 года. П. Я. Михайлов сделал доклад о прошедшей в Новониколаевске эсеровской конференции. Собравшиеся высказались за безусловную поддержку Временного правительства до тех пор, пока в него входят представители мелкобуржуазных партий [6, 8 июня].

По инициативе нескольких томских граждан в мае 1917 года началась организация трудовой группы, которая подготовила устав. Трудовая группа провела несколько митингов и собраний в поддержку А. Ф. Керенского. Портрет Керенского возили по городу, ораторы разъясняли, что Керенский — это глава Временного правительства, который отстаивает интересы народа [7, л. 7]. Но поддержки эта группа не получила, и вскоре ее деятельность сошла на нет.

В Новониколаевске в марте 1917 года действовали четыре партии: ПСР, РСДРП, сибирские федералисты и республиканцы-демократы.

Первое легальное собрание эсеров в отличие от Томска прошло уже 6 марта. На нем председательствовал интернационалист Б. Д. Марков-Дорнин, секретарем был избран тоже интернационалист С. С. Мичурин. Однако участники собрания не были склонны обострять разногласия. Оборонцы А. В. Сазонов, М. И. Коробков и А. П. Лисиенко хотя и считали, что эсеры, как социалисты, являются принципиальными сторонниками мира, но вопрос о войне — это

не принципиальный, а тактический вопрос, а поскольку необходимо стремиться к объединению, то его следует оставить открытым. Однако после прений была принята резолюция в духе Циммервальдской конференции. В результате эсеры-оборонцы воздержались от вступления в созданную в Новониколаевске организацию Сибирского союза социалистов-революционеров. 15 марта воздержавшиеся провели общее собрание, на котором все же решили не обострять отношения, отложив решение вопроса об отношении к войне до Учредительного собрания, и вошли в созданную в городе организацию эсеров [6, 17 марта; 8, 26 (19) февр.; 9, с. 128, 129; 10, с. 18].

Организационное собрание местной организации РСДРП прошло 6 марта. Были провозглашены лозунги борьбы за демократическую республику и социализм; организован местный комитет РСДРП. Что касается взаимоотношений с эсерами, то социал-демократы считали, что против буржуазии необходимо бороться вместе, а на выборах в Учредительное собрание образовывать блоки только там, где сильна буржуазия, в остальных случаях социал-демократы должны выставлять самостоятельных кандидатов [11, 7, 8, 9 марта].

Новониколаевский комитет сибирских федералистов, который возглавил Г. И. Жерновков, объявил своими лозунгами победу над внешним врагом, созыв Учредительного собрания, установление республиканского образа правления в стране и федеративное устройство государства. Для достижения этих целей они предлагали создать коалицию из сибирских федералистов, эсеров и социал-демократов. Позднее, отмежевываясь от других партий народнического направления, сибирские федералисты, или, как они стали официально именоваться, Сибирский союз независимых социалистов-федералистов, заявили, что они отличаются от них тем, что требуют «федерального переустройства определенной территории — Сибири» [6, 6, 12 марта, 23 апр.].

Новониколаевская группа республиканцев-демократов объявила, что они ведут борьбу за демократическую республику, но расходятся с «социалистическими» партиями «в оценке текущего момента» и в тактических вопросах.

В своем заявлении они разъясняли, что в отличие от «социалистических» партий, которые стремятся «углубить революцию», поставив на очередь «основные социальные вопросы», республиканцы-демократы провозглашали «социальные реформы, а не социальный переворот» [6, 23 марта].

Все эти политические партии в Новониколаевске высказались за продолжение войны с Германией.

О соотношении партийных сил в Новониколаевске можно судить по избирательным спискам, составленным для выбора в Народное собрание. Комитет Сибирского союза ПСР и РСДРП выставили по 80 кандидатов, республиканцы-демократы и федералисты — по 50 человек. А о поддержке их лозунгов свидетельствуют результаты голосования: эсеры получили 85 % голосов, социал-демократы — 8 %, федералисты — 1,5 % и республиканцы-демократы — менее 1 % голосов [6, 15 апр.; 11, 14 апр.; 12, с. 45, 46].

Ситуация здесь, как видим, практически одинакова с Томском, с той лишь разницей, что эсеры получили значительно больше голосов.

После поражения на выборах в Городское народное собрание новониколаевские республиканцы-демократы активности не проявляли. Эсеры, избранные по спискам партии социалистов-революционеров, переживали внутренние неурядицы: 13 эсеров заявили о выходе из эсеровской фракции в Городском народном собрании и образовали Инициативную группу социалистов-революционеров, независимую от местного городского комитета Сибирского союза ПСР. Томский губернский комитет ПСР потребовал от новониколаевской организации ликвидировать эту группу, но преодолеть раскол не удалось [10, с. 42].

На первом легальном собрании омской городской организации РСДРП, прошедшем в первые дни после появления сообщения о событиях в Петрограде, присутствовало 40–50 человек. Однако к концу марта в организации уже числилось 350 членов. Первое время городской комитет не избирался и общие собрания проводились редко. Руководство осуществлялось инициативной группой во главе с К.А. Поповым. По составу омский комитет РСДРП был смешанным: в него

входили как интернационалисты, так и оборонцы. Социал-демократы имели большое влияние в Совете рабочих и военных депутатов и среди железнодорожных рабочих. Действовало окружное социал-демократическое бюро для работы в деревне. Политическая и профессиональная работа партийной организации была в стадии организации, ощущался недостаток сил, в особенности практических работников. При этом было отвергнуто предложение местной эсеровской организации объединиться на федеративных началах [13, с. 23; 14, с. 35].

Омская группа ПСР также возродилась в первые дни революции. Она сразу же создала военный отдел группы, в состав которого вошли многие офицеры и солдаты местного гарнизона, всего в отделе оказалось около тысячи человек. 7 марта эсеры объявили, что они выступают за то, «чтобы довести войну до такого конца, когда Германия не в состоянии будет повлиять на изменение нашего строя». Решение земельного вопроса и государственного устройства они откладывали до Учредительного собрания [15, 4 мая; 16, 24 марта (6 апр.); 17, 25 марта; 9, с. 138]. Поскольку эсеровские организации действовали в Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Ишиме, Петропавловске, Тюмени и Томске, то омская группа ПСР решила собрать на 6–8 апреля в Омске конференцию представителей партийных групп Западной Сибири. На конференции кроме 11 сибирских организаций была представлена челябинская. Делегаты конференции выступили против немедленного слияния социалистов-революционеров и социал-демократов, но поддержали необходимость блоков между ними, не допуская в то же время блоков с буржуазными партиями. Выборы областного (сибирского) эсеровского комитета были отложены до созыва правомочного областного сибирского съезда. Разделились голоса эсеровских организаций по отношению к продолжению войны с Германией: на интернационалистских позициях оказались 8 организаций, на оборонческих — 8. Делегаты высказались за поддержку Временного правительства «постольку-поскольку», отложили окончательное решение земельного вопроса до Учредительного собрания [9, с. 192, 193; 18, с. 91, 92; 19; 20, 23 апр.; 21, 14 апр.].

В начале апреля в Омске организовалась социал-демократическая группа «Единство», ставшая местной организацией петроградской группы, организованной Плехановым, Дейчем и Засулич. Она объявила о поддержке Временного правительства и преждевременности лозунга «превращения политической революции в социалистическую»; выступила за продолжение войны «для предотвращения восстановления старого порядка при помощи германской армии, для освобождения Европы от угроз австро-германской реакции» [22, 9 (22) апр.]. Эта группа оказалась на правом фланге социал-демократии, сближаясь по основным позициям с народными социалистами и кадетами.

9 мая в Омске прошло первое организационное собрание омской группы партии народных социалистов. Они заслушали программу партии и выбрали организационное бюро [22, 11 (24) мая].

В начале апреля в Омске был организован временный комитет партии народной свободы. Председателем был избран местный присяжный поверенный В.А. Жардецкий. Общее собрание кадетской партии прошло 30 апреля. Комитет выступил за безусловную поддержку Временного правительства, против создания Сибирской областной думы и признал невозможность создания уездных комитетов партии [16, 11 (24) апр., 4 (17) мая; 22, 9 (22) апр., 11 (24) мая].

Таким образом, к маю партийная система в Омске окончательно сложилась. Однако одновременно под влиянием политических событий партийная жизнь отошла на второй план. Так, назначенное на воскресенье, 14 мая очередное собрание омской организации ПСР оказалось малолюдным: из нескольких сот членов собралось только 70 человек, а так как предстояло рассмотреть весьма важные проблемы, то собрание было перенесено на другой день. Но и на другой день собрание не состоялось.

Организация РСДРП в Омске состояла из нескольких групп, включая в себя сторонников большевиков, меньшевиков-интернационалистов, меньшевиков-оборонцев и бундовцев. Хотя среди партийных групп отмечалась тенденция к объединению, но поскольку платформы групп сильно расходились, они все больше действова-

ли самостоятельно, не согласовывая свои шаги с мнением других групп и не собирая ни своих, ни общих партийных собраний [21, 26 (13) мая].

Таким образом, можно отметить несколько причин неравномерности политического процесса в Западной Сибири.

Во-первых, партии были не только разные по численности, но и организованности, чему свидетельством являются партийные собрания и конференции.

Во-вторых, партии ориентировались на ситуацию в Петрограде и на решения своих центральных органов, но иногда предпринимали самостоятельные действия, не согласовывая их с центральными органами. Так, например, в Томской губернии они по собственной инициативе созвали Народное собрание. Характерно, что в Омске этот лозунг выдвинули социал-демократы, но против него выступили местные эсеры. Таким образом, не было координации действий между партийными организациями одной партии даже в соседних губерниях.

В-третьих, революция пробудила энергию масс, стали выдвигаться новые люди, но у них не было теоретического багажа, теоретики же вроде областников отошли на второй план. Партийные руководители регионального масштаба (например, П.Я. Дербер у эсеров, В.А. Жардецкий у кадетов и др.) и партийные активисты руководили не партийной работой, а ушли во властные органы. Партийных лидеров на региональном масштабе так и не выдвинулось: были лишь руководители, которые сами не видели ясной перспективы политической борьбы, не понимали особенностей политических и социально-классовых процессов, происходивших в Западной Сибири.

В-четвертых, партийные организации не были однородны. Ни эсеры, ни социал-демократы не были единой организацией. Они делились на несколько групп, порой далеко отстоявших друг друга по своим тактическим установкам. Их разделение на интернационалистов и оборонцев не было случайностью, поскольку противоречие было среди основной массы сибирского населения: мелкобуржуазный патриотизм и гордость за революцию требовали победы в войне с Гер-

маний и вели к революционному оборончеству, но повседневная жизнь с ее продовольственными и прочими трудностями все громче заставляла добиваться прекращения войны.

Все эти особенности не являются чем-то уникальным для Западной Сибири, но отражают в целом специфику революционных процессов в масштабе всей страны.

Источники и литература:

1. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 46.
2. Бабилова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.
3. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.). Томск, 1957.
4. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
5. Томск: история города от основания до наших дней. Томск, 2004.
6. Свободная Сибирь (Новониколаевск). 1917.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 4. Д. 254 (воспоминания Ф. Д. Кузнецова, 15 февраля 1947 г.).
8. Дело свободы (Новониколаевск). 1918.
9. Черняк Э. И. Отношение эсеров Сибири к войне после Февральской революции 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конец XIX – 1918 г.). Томск, 1976.
10. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923). Новосибирск, 2002.
11. Голос Сибири (Новониколаевск). 1917.
12. Десять лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах. 1909–1919. Новосибирск, 2008.
13. Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и Гражданской войны. Новосибирск, 1981.
14. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения советской власти (март 1917 — май 1918 г.): Сборник документальных материалов. Омск, 1958.
15. Солдатская мысль (Омск). 1917.
16. Омский вестник. 1917.
17. Земля и воля (Омск). 1917.
18. Бондаренко А. А. Образование левозеро-эсеровских организаций Сибири // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и Гражданской войны. Томск, 1982.
19. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16.
20. Земля и воля (Новониколаевск). 1917.
21. Известия Омского Совета рабочих и военных депутатов. 1917.
22. Известия Омского коалиционного комитета. 1917.

УДК 94(47).084.3

Любичанковский С. В.

САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК АКТ АККУЛЬТУРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ 1917 ГОДА

Аннотация: в статье представлен анализ выборов в волостное земство в 1917 году на примере юго-восточного региона России. Провал выборов в этом районе империи был связан с неприятием политики аккультурации, в качестве элемента которой воспринималось волостное земство. Фундаментальную роль сыграла традиционность сознания крестьянского населения, которая еще более усиливалась благодаря примерам особого отношения власти к их ближайшим соседям — «инородцам».

Ключевые слова: волостное земство, революция, аккультурация.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17—18—01008).

Волостная земская реформа 1917 года, в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществленных Временным правительством. Введение волостного земства потребовало огромных усилий со стороны властей [1, с. 127—140], но результаты далеко не соответствовали ожиданиям. В российской и западной историографии трудности в проведении этой реформы объяснялись организационными, кадровыми и техническими проблемами и политическим размежеванием в обществе. Однако представляется, что важнейшим тормозом реформы был ментальный конфликт между носителями традиционалистского сознания и сторонниками продолжения политики аккультурации — проповедниками инновационной «земской волости». Данная статья на примере юго-восточного региона России вскрывает признаки этого конфликта.

Юго-восток России в географическом отношении отличался непосредственным соседством с окраинами империи — Кавказом, казахскими землями и Средней Азией, а также обширной площадью губерний (Астраханская губерния простиралась на 184 536 кв. верст, Оренбургская — 101 584 кв. верст, Ставропольская — 47 716 кв. верст, т. е. они занимали одно из первых мест сре-

ди «земских» губерний России по размеру территории).

В Астраханской губернии было 100 волостей, в Оренбургской — 131, в Ставропольской — 157. Плотность населения в регионе была невысокой (в Астраханской губернии на 1 кв. версту приходилось 6,6 чел. сельских и 1,2 чел. городских жителей, в Оренбургской — 14,8 и 3,34 чел. соответственно, в Ставропольской — 27,4 и 2,5 чел.), но общая численность жителей интенсивно росла за счет переселенцев и беженцев из прифронтовых районов в годы Первой мировой войны. В отличие от центра империи, на юго-востоке России дворяне и помещики были малочисленны (в начале XX века в целом по России на каждую тысячу подданных приходилось 15 дворян, а в Астраханской губернии этот показатель равнялся 0,6, в Оренбургской — 0,8, в Ставропольской — 0,9), а население было многонациональным по составу и отличалось сложной конфессиональной структурой (в Астраханской губернии казахи, калмыки и прочие нерусские народы составляли 46 % населения, в Оренбургской губернии башкиры, татары, казахи — более 27 %, в Ставропольской губернии калмыки, ногайцы, туркмены составляли около 8 % населения). В регионе также проживало значительное число казаков

(Астраханское казачье войско включало около 31 тыс. чел., Оренбургское — 575 тыс. чел.), которые обладали автономией и были в значительной степени обособлены от остальных жителей губерний. Таким образом, юго-восток России являлся в социальном, этническом, а также административном отношении переходной территорией между окраинами страны и ее коренным, преимущественно русским центром.

В исследуемом регионе организаторы выборов в волостное земство столкнулись с двумя фундаментальными проблемами. Одна из них была характерна для всей страны и заключалась в недостатке финансирования и невозможности эффективно организовать выборы в условиях продолжавшейся мировой войны и углублявшегося революционного кризиса. Вторая была, по-видимому, характерной для национальных периферий и заключалась в отсутствии рычагов воздействия на родовую аристократию при попытках привнести на эти территории новые внутрироссийские стандарты управления. Одна проблема накладывалась на другую и усугубляла ее, что делало волостные выборы на юго-востоке России мероприятием более проблемным, чем во многих других территориях страны [2].

Губернские и уездные земства прилагали особые усилия, чтобы разъяснить населению важность участия в выборах. Они исходили из явно негативного отношения населения к запланированным выборам, которое отмечали практически все политические силы. Почему перед выборами в регионе сложилась такая ситуация? Нам представляется, что ключевую роль здесь сыграла не политическая дифференциация общества, а дифференциация ментальная. Это очень ярко проявилось в предвыборной агитации и контрагитации. Стремление добиться на волостных выборах определенного политического результата фактически отошло на второй план по сравнению со стремлением добиться того, чтобы выборы вообще состоялись. В качестве самого весомого механизма агитации земства могли бы использовать традиционные органы крестьянского управления — волостные и сельские сходы. Однако именно они оказались в руках противников выборов в волостное земство. Их руководители, как правило, вели антиземскую агитацию,

тем более действенную, что она осуществлялась не время от времени, «наездами», а каждодневно, в процессе рутинного управления селом. В первую очередь антиземскими настроениями отличались сельские и волостные старшины, то есть лица, наделенные властью. Резонно предположить, что их основным мотивом было нежелание эту власть потерять. Они массово уклонялись от участия в составлении избирательных списков и предвыборных мероприятиях [3, л. 29–44; 4, л. 8–92; 5, л. 91–111], саботируя подготовку к выборам. Они также вели контрагитацию, причем направленную не столько против предстоящих волостных выборов, сколько против земской идеи в целом. Можно выделить несколько характерных черт такой контрагитации на юго-востоке России.

Порой в ход шли фантастические слухи. Например, в июле-августе 1917 года в Третьей и Пятой Бурзянских, Ново-Киевской волостях Орского уезда Оренбургской губернии местных башкир уверяли, что «если примете земство, то оно закроет вам всякие базары, возьмет в свои руки продовольственные дела, и покупать вам будет нечего, примете земство — оно всю вашу землю разделит между русскими» и т. п. [4]. Нередко контрагитация велась при участии представителей казачества, которое успешно вело сельское хозяйство без земского управления. Например, в Карачай-Кипчакской волости той же губернии именно казаки приезжали в села и указывали: «Не заводите земства, а то оно вам хлеба не будет давать, а мы вас прокормим. Если земство примете, то земля ваша уйдет. Вот у нас, казаков, нет земства, как хорошо мы живем и всегда готовы к вам на помощь прийти» [4].

В национальных районах региона, например в Киргизской степи, Калмыкской орде, Туркменском и Ачикулакском приставствах, Большедербетовском улусе Астраханской и Ставропольской губерний, контрагитация велась с опорой на родовую знать. Ее представители, авторитетность и влияние которых в местной среде были бесспорными, рассматривали земство как орган, бесцеремонно вторгающийся в традиционную сферу племенного управления и потому незаконный [7, л. 145, 161; 8, л. 43–57;

9, л. 19–52]. Корреспондент газеты «Северокавказское слово» пересказывал читателям свою беседу с одним из лидеров «трухмен», заканчивавшуюся следующими словами: «Наши предки с давних времен, когда еще земств и в помине не было, получили от мудрой русской власти подтверждение на правление соплеменниками на века вечные, почему же мы отказываться должны?» [10].

Наконец, введение волостного земства порой приравнивалось к возвращению «старого режима». Например, в селе Станковском Челябинского уезда старшина Я. Колесников говорил о схожести «земских начальников и земских стражников (и всех старых порядков) с новым земством» [11].

В историографии часто утверждается, что основными противниками волостной реформы являлись радикальные левые политические силы (большевики, левые эсеры), которые через партийные структуры и подконтрольные им советы «дали бой» земствам и сорвали выборы. Хотя левые на юго-востоке России действительно противодействовали выборам [12, л. 10–52; 13, л. 152–164; 14, л. 78–112; 15, л. 95–112], все же основная линия противостояния пролегла между новой властью, то есть земством, и традиционной властью, а именно руководителями крестьянских сходов и туземной аристократией. Таким образом, главные причины неудачи земской реформы находились не в политической или экономической плоскости, а в плоскости ментальной. Традиционалистское сознание большинства населения региона отторгало предлагаемые ему (а точнее говоря, навязываемые и продавливаемые сверху) инновации. Этим объясняется и антиземская позиция волостных старшин, которые, как и в имперское время, были готовы ладить с властью, но только при условии, что это власть была понятного им образца. С этой же моделью связана и проземская позиция большинства местных Советов — ведь они, как и земства, были нововведением, противостоявшим традиционным формам жизни.

Если по России в целом выборы в волостное земство не состоялись в 25 % волостей, то в юго-восточном регионе — в 1/3 волостей, причем несмотря на повторное голосование. На это

повлияло то, что население юго-востока России было менее привычно к земским учреждениям, введенным здесь только перед самой мировой войной. На результате выборов сказалось и то, что на территории проживания «инородцев» явка и вовсе была нулевой.

Там, где выборы состоялись, в большинстве волостей победили в имущественном плане зажиточные жители, в политическом же отношении — сторонники правых эсеров и трудовиков [16, л. 12–43; 17, л. 80–153]. Фактически это означало, что крестьянская верхушка, первоначально сопротивлявшаяся выборам, в ответ на настойчивость власти решила «оседлать» процесс земских выборов и использовать их в своих интересах. Местные крестьянские и казачьи элиты приспосабливались к новым для себя обстоятельствам, но только там и тогда, где и когда не представлялась возможность сорвать выборы в принципе. Важно отметить, что «инородцы» в районах компактного их проживания на подобный компромисс не пошли: выборы в волостное земство не были проведены в Калмыцкой степи, Киргизской орде, Большедербетовском улусе, Ачикулакском и Туркменском приставствах и др. [7, л. 145, 161]. Впрочем, то же самое касалось и других избирательных кампаний 1917 года в этих районах. Таким образом, противостояние между родовой аристократией и центральной бюрократией, характерное для политики имперской аккультурации в целом, продолжалось и в новых условиях.

В советской историографии утверждалось, что результаты выборов 1917 года не отражали реальных (то есть левых) политических предпочтений «народных масс» [19, с. 170; 20, с. 5]. Пример юго-востока России не поддерживает этот вывод. Партийная агитация не играла решающей роли в земской кампании. Также неверно было бы трактовать политические пристрастия «неимущих классов» как главным образом левоэсеровские и большевистские. Неудача выборов в национальных районах, довольно низкая явка избирателей, а также выборы в гласные сравнительно зажиточных крестьян позволяют сделать вывод, что в выборной кампании в 1917 году фундаментальную роль сыграла традиционность сознания крестьянского насе-

ления. Традиционализм русского крестьянства еще более усиливался благодаря примерам особо-го отношения власти к их ближайшим соседям — представителям национальных меньшинств. Именно этот традиционализм стал главным препятствием для перехода к новому, чуждому крестьянам стандарту управления — волостному земству.

Источники и литература:

1. Любичанковский С. В. Кризис губернского управления регионами в позднеимперской России // Федерализм. Теория. Практика. История. — 2007. — № 1. — С. 127–140.
2. Любичанковский С. В. Подготовка выборов в волостное земство на юго-востоке России в 1917 году // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Международная науч.-практ. конф., посв. 100-летию русской революции и 75-летию начала Сталинградской битвы. Оренбург, 20–21 апреля 2017 г.: сб. ст.: в 2 т. — Т. 2. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. — С. 31–35.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 285. Оп. 3. Д. 5.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 14. Оп. 3. Д. 6.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 311. Оп. 1. Д. 200.
6. Дикие слухи // Оренбургское земское дело. 1917. 29 сентября. С. 4.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81.
8. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143.
9. ГАСК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352.
10. В трухменском ауле // Северокавказская мысль. 1917. 23 сентября. С. 3.
11. В деревне // Оренбургское земское дело. 1917. 4 августа. С. 8.
12. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69.
13. ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40.
14. ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6.
15. ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200.
16. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 5. Д. 49.
17. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181.
18. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143.
19. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1993. — 273 с.
20. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. — М.: Новый мир, 1990. — 180 с.

БОРЬБА ЗА ТРЕЗВОСТЬ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

***Аннотация:** в статье анализируется антиалкогольная политика на территории Енисейской губернии в годы Первой мировой войны и отношение различных политических сил к проблеме алкоголизма во время революционных событий 1917 года.*

***Ключевые слова:** сухой закон, самогоноварение, трезвость, Енисейская губерния.*

Торговля алкогольной продукцией в Российской империи с 19 июля 1914 года на время мобилизации была прекращена. В конце августа того же года запрет продлен на все время Первой мировой войны [8, с. 212].

В Енисейской губернии с начала сухого закона по распоряжению городских дум были закрыты все городские питейные заведения, а в сельской местности решением сходов прикрывали пивные и винные [8, с. 212]. Активно пропагандировала трезвость православная церковь. На декабрь 1910 года в Восточной Сибири насчитывалось 30 обществ трезвости. Почти все общества трезвости — 29 (96,7 %) — были церковными, т.е. действовали при православных храмах [1, с. 340].

3 мая 1915 года епископ Красноярский и Енисейский Никон возглавил новое Красноярское общество трезвости. При обществе был создан антиалкогольный музей. В музее хранились и картинки для волшебных фонарей (проектор). Обществу трезвости передавали на хранение картинки многие организации города, которые могли их брать для своих нужд время от времени [2].

Планы епископа Никона были грандиозны: строительство девяти народных домов, строительство в Красноярске Дома трезвости, который должен был привлекать к себе широкие массы и давать им «эстетические развлечения, отвлекая от потребления пагубных алкогольных напитков». Через шесть лет планировалось покрыть сетью противоалкогольных учреждений всю губернию, но самое главное — велась подготов-

ка проповедников трезвости. С июля 1915 года «Енисейские епархиальные ведомости» создали ежемесячную рубрику «Странички трезвости», где инструктора — миссионеры трезвости отчитывались о своей работе по борьбе с пьянством [2].

Сухой закон на первоначальном этапе показал свою высокую эффективность. Произошло снижение психических заболеваний, преступлений, а банковские вклады населения значительно увеличились [8, с. 212]. Однако эти успехи оказались недолговечными. Существовало множество лазеек в законодательстве: можно было производить алкоголь, но не торговать им, разрешалось хранить алкоголь на складах, приобретать вино могли иностранцы (по дюжине бутылок в неделю). Также спирт использовался в медицине, следовательно, с запретом продажи алкоголя нужды медицинских учреждений в спирте возросли в разы. Например, один лазарет при 15 раненых заказал 300 ведер спирта. Увеличилось количество брака, «усыхания» при транспортировке, билась винная посуда [8, с. 218].

В сельской местности быстро набрало обороты самогоноварение. Самогон был легок в производстве и стоил недорого, его изготавливали и в городах, например в Красноярске литр местного самогона стоил 1,5–2 рубля за бутылку. В заведениях общепита алкоголь наливали под видом минеральной воды. Существовали специальные столики или пароли, чтобы незаметно заказать алкоголь [8, с. 215].

Условия военного времени не позволяли реализовать положения сухого закона. Так, в отчете

Енисейского губернского жандармского управления за 1917 год сообщалось: «Пьянство, главным образом в сельской местности, охватывает все более широкие массы» [8, с. 218]. Последующие события только усугубили ситуацию.

После Февральской революции производство алкоголя в стране увеличилось. Объясняется это прежде всего тяжелой социально-экономической ситуацией и дезорганизацией работы правоохранительных органов. Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов обратился с постановлением ко всем гражданам. В постановлении говорилось о распространении алкоголизма среди солдат, рабочих и крестьян, что существенно ухудшало криминогенную ситуацию. Далее вся вина за спаивание народа перекладывалась на царское правительство и черносотенцев, которые таким образом пытались бороться и провоцировали конфликты между трудовым народом. «За водкой придет резня, деревня пойдет против деревни, город против города. И тогда среди общей смуты выползут из своих нор попрытавшиеся от народного гнева приспешники старого строя» [3, с. 5]. Текст носил явно политизированный характер. В 1917 году практически все политические силы выступали за продолжение антиалкогольной политики, поэтому подобное обвинение необоснованно.

В сельской местности самогоноварение было более распространено по сравнению с городами. Крестьяне хорошо понимали эту угрозу, поэтому на заседаниях Первого губернского крестьянского съезда Енисейской губернии, проходившего с 20 по 29 июня 1917 года, много внимания уделялось борьбе с незаконным производством, продажей и употреблением алкоголя. Согласно резолюции съезда в сельской местности создавались общества по борьбе с пьянством. В эти организации принимались граждане, сочувствующие борьбе за трезвость [7].

Общества помимо просветительской работы с населением выполняли и «силовые функции». Выборные обществом уполномоченные лица после утверждения органами самоуправления наделялись правами милиции. Съезд принял перечень наказаний. Так, лица, пьющие самогонку, штрафовались на сумму от 10 до 15 рублей, а богатые

нарушители отправлялись на общественные работы сроком от недели до трех месяцев [7]. Подобное разделение по признаку материального благосостояния можно объяснить проявлением социальной справедливости. Богатому крестьянину легче уплатить штраф, поэтому он и отправлялся на работы, в отличие от бедняка, для которого штраф был весьма чувствителен. Продавцы самогонки обязывались уплатить штраф от 100 до 300 рублей или подвергались заключению с принудительными работами до трех месяцев. Владельцам тайных винокуренных заводов грозил срок до трех лет с принудительными работами. Действия положения распространялись на казенные земли и полосу отчуждения железной дороги. Штрафы до 300 рублей и общественные работы до трех месяцев приводили в исполнение сами члены общества, а более серьезными наказаниями занималась уездная земская управа. Участники обществ или их родственники, пострадавшие при исполнении своих обязанностей, имели право на компенсацию путем государственного страхования [7].

В случае если общество было не в состоянии самостоятельно бороться с незаконным оборотом алкоголя, оно имело право обращаться в земскую управу или вызывать Красную гвардию. На заседании губернского съезда поднимались вопросы злоупотребления полномочиями со стороны Красной гвардии. В связи с этим отряды Красной гвардии не имели права самостоятельно, без вызова местного общества заниматься антиалкогольной деятельностью [5, с. 16].

В постановлении крестьянского съезда был предусмотрен комплекс запретительных мер. Так, в пределах губернии запрещались приготовление, приобретение, хранение и передача крепких спиртосодержащих веществ. Запрещалось домашнее приготовление напитков, полученных путем брожения (пива, меда, браги, квасов, плодовых, ягодных и виноградных вин при содержании алкоголя более 1,5 %), или напитков с одурманивающими веществами (табак, перец и т.д.). Запрещен отпуск алкоголя без отсутствия медицинской потребности, запрет распространялся на хранение приспособлений для производства алкоголя. Помимо алкоголя под запрет попали и азартные игры [7].

Резолюция съезда поддерживалась и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов. Борьба за трезвость считалась одним из проявлений революционной сознательности [6].

Резкая перемена политического режима в стране всколыхнула и духовенство. В Красноярской и Енисейской епархии нашлось немало недоброжелателей слишком активной позицией и жестким стилем руководства архиерея. Внутрицерковные противоречия привели к уходу епископа Николая — лидера и бесспорного авторитета среди трезвенного движения в губернии, что в дальнейшем привело к упадку Красноярского общества трезвости.

С приходом советской власти борьба с алкоголизмом была продолжена. Еще 19 декабря 1917 года Совет народных комиссаров РСФСР принял постановление «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». За нарушение этого закона предусматривалось наказание в виде

тюремного заключения на срок не менее пяти лет с конфискацией имущества [4].

В условиях начавшейся Гражданской войны обе противоборствующие стороны выступали за продолжение антиалкогольной политики, но попытки реализовать ее на практике порой приводили к серьезным последствиям. Например, правительство адмирала Колчака принимало меры против незаконного производства и продажи алкоголя. Казаки пороли пойманных крестьян-самогонщиков. Это стало одной из причин Минусинского восстания, начавшегося 9 ноября 1918 года. Восставшие были разгромлены, но многие из них присоединились к красным партизанам [9, с. 252].

С окончанием Гражданской войны политика советского правительства в отношении трезвости изменилась. 26 августа 1923 года ЦИК и СНК СССР издали постановление о возобновлении производства и торговли спиртными напитками на территории страны. Таким образом, сухой закон продержался в России менее 10 лет.

Источники и литература:

1. Афанасьев А. Л. Общества трезвости в Восточной Сибири (1890-е гг. – 1911 г.) // А. Л. Афанасьев / Вестник Томского государственного университета. № 340. С. 340.
2. Белошапкин В. М. Красноярское общество трезвости (1899–1917). Партия сухого закона России [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://partia-tr.ru/2014/12/krasnoyarskoe-obshhestvo-trezvosti-1899-1917.html>
3. Берегись пьянства // Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. № 52. С. 5.
4. № 2. Постановление Совета Народных Комиссаров. О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ. Исторические материалы [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://istmat.info/node/40854>
5. Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия для учащихся старших классов средней школы / Гос. архив Краснояр. края [сост. А. А. Григорьев и др.]. — Красноярск: Книжное издательство, 1996. Кн. 2: Октябрь 1917–1940. 1996. С. 270.
6. От комиссии РиСД по борьбе с пьянством к гражданам г. Красноярска. // Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 55. С. 3.
7. Протоколы первого губернского крестьянского съезда Енисейской губернии. 20–29 июня 1917 г. — Красноярск, 1917. 86 с.
8. Сафронов С. А. «Пьяный» вопрос в Сибири и сухой закон 1914 г. / С. А. Сафронов // Учитель жизни: к 75-летию В. В. Гришаева: [сборник научных трудов] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Сиб. федерал. ун-т. — Красноярск: СФУ. — 2010. С. 207–219.
9. Шекшеев А. П. Антибольшевистское движение в Енисейском казачьем войске. Краткий исторический очерк. / А. П. Шекшеев // Казачество России в Белом движении. М.: «Посев». 2005. С. 251–252.

УДК 334.735(091)

Погребняк А. И.

МИНУСИНСКАЯ ПОТРЕБКООПЕРАЦИЯ В 1917 ГОДУ

***Аннотация:** в статье предпринимается попытка проанализировать структурное и численное состояние организаций потребительской кооперации г. Минусинска и Минусинского уезда в 1917 году, влияние революционных событий на их развитие и отношение самих кооператоров к революционным переменам.*

***Ключевые слова:** потребкооперация, кооперативные организации, Минусинское потребительское общество, Минпотребсоюз, собрания уполномоченных.*

В Енисейской губернии рост потребкооперации наблюдался с 1914 года [8, с. 1]. На 1 января 1915 года в губернии зарегистрировано 50 потребительских обществ, из которых чуть не половина — 21 — располагалась в Минусинском уезде [4, л. 57; 12, с. 172–173]. В 1916 году прирост обществ в уезде продолжился на более качественном уровне. Например, в Н.-Буланке открылось общество потребителей, руководителем которого состоял учитель сельской школы Я. Ф. Дрике. Он «весьма внимательно и правильно поддерживал порядок и даже читал лекции по кооперации» [7, с. 39].

Встав сразу на истинно кооперативный путь, первое в губернии сельское общество потребкооперации — Тесинское Минусинского уезда — и в революционном 1917 году продолжало отстаивать рочдельские принципы. Велась усиленная работа по вербованию членов, и общество объединило вокруг себя все население. Обороты общества росли год за годом. Важным завоеванием общества стало вытеснение частных торговцев из волости. «В 1917 году обществом была сделана большая заготовка кирпича и другого строительного материала, и общество предполагало увеличить свое здание и надстроить на нем второй этаж, поместив в нем народный дом и библиотеку...» [9, с. 28].

Оценивая взаимоотношения кооперации и власти, «Минусинский кооперативный журнал» писал: «Царское самодержавие, боявшееся кооперацию как черт лада и ненавидевшее ее, не смогло с нею справиться. Несмотря на все

препоны, которые ставила ей царская власть, кооперация росла и развивалась, и в ней народ не только получал непосредственную пользу — получая хороший товар по умеренной цене, — он в кооперации учился гражданственности, учился сам, своими силами устраивать свои дела без опеки попечительного начальства. Это последнее обстоятельство и делало кооперацию особенно ненавистной самодержавию» [2, с. 4].

С другой стороны, по указаниям царского правительства кооперация во время империалистической войны распределяла продукты по карточкам и была вовлечена в работу по обеспечению продовольствием армии. «Стало быть, мы можем совершенно определенно и решительно сказать, что кооперация в эпоху войны не показала кулаков империализму, а, наоборот, подставила ему свою спину и активно участвовала в этой войне» [26, с. 22].

Как хозяйственная структура, кооперация привлекала внимание различных политических деятелей, принимавших в ней активное участие задолго до 1917 года. Эсеры и меньшевики пытались использовать кооперативные организации в своей партийной работе, стремились повлиять на позиции кооперативной общественности [1, с. 150–151]. Так, лидер губернских эсеров Н. В. Фомин был активным деятелем Енисейского союза кредитной кооперации. Большевики, работая кооперативными инструкторами, ревизорами, распространяли большевистскую литературу, стремились ослабить позиции эсеров и меньшевиков [5, с. 15].

Еще в 1913 году в правление Минусинского сельскохозяйственного общества вошел социалист-революционер М.И. Хачатуров, где сумел завоевать авторитет. По его рекомендации в общество на работу стали принимать других политссыльных. В 1914–1915 годах политссыльные выступили инициаторами создания в Минусинске Общества потребителей, Кредитного общества, Общества взаимного кредита. Они сумели подчинить их своему влиянию, занимая должности секретарей, бухгалтеров, счетоводов. В конце 1916 года Хачатуров обратился к властям с ходатайством об объединении кооперативных организаций уезда в Минусинский союз потребителей. Это дало импульс к возникновению Минпотребсоюза во главе с Я.Н. Феоктистовым. Кооперация стала, по образному выражению начальника Енисейского жандармского управления, «меньшей сестрой революционной демократии, к тому же легализованной». Хачатурову удалось при Товариществе печатного дела организовать типографию. В ней печатались минусинские газеты, формировавшие общественное мнение в городе. А Хачатуров стал известным минусинским журналистом [25, с. 1].

Кооперация в Минусинске приобрела вид отдельного органа общественной жизни. Среди активистов кооперативного движения в Минусинске были ссыльные меньшевики В.К. Иков, Е.Л. Бройдо, Р.Г. Рамишвили, И.И. Самойлов. Известный в уезде селекционер и сортоиспытатель, ссыльный из Молдавии «И. П. Бедро избирался в Минусинске секретарем и председателем Минусинского уездного Союза кредитной кооперации» [27, с. 121].

Благодаря влиянию кооператива и связям М.И. Хачатурова в городское управление были приняты на работу 5 политссыльных, которые впоследствии как сотрудники городского управления способствовали распространению влияния кооператива на весь уезд. Хачатуров, пользуясь своим статусом, свободно разъезжал по губернии, посещал Иркутск, Томск. Это позволяло устанавливать и поддерживать не только кооперативные связи, но и налаживать партийную работу в Восточной Сибири. Результатом такой активной политической деятельности в Минусинском уезде в 1916 году стало открытие 32 об-

ществ, а в первой половине 1917 года — 24 [19, с. 1]. Во время состоявшейся в Красноярске 10 марта массовой демонстрации в честь победы Февральской революции были закрыты все магазины [13, с. 73].

III съезд уполномоченных Енгубсоюза 16–19 марта 1917 года приветствовал «с чувством глубокого нравственного удовлетворения от лица всего крестьянства Енисейской губернии, а вместе с ним и всей России крушение царского самодержавия, господство которого было истинным проклятием для народа...» [3, л. 2].

Вскоре после Февральской революции в постановлениях, принятых Временным правительством [16, с. 9–15; 17, с. 16–29; 18, с. 30–34], были закреплены принципы кооперативного движения: самоуправление, автономия, корпоративность. Разрешительный порядок открытия кооперативов был заменен регистрацией уставов отделами окружных судов, что ускорило процедуру прохождения документов. В первой же статье кооперативного закона утверждалось, что целью кооперативной организации является не одно лишь достижение хозяйственных выгод, но также забота о духовных запросах своих членов [24, с. 16].

Эти меры нашли поддержку и у минусинцев. Стали воскресать «из мертвых» ранее закрытые общества. Например, в 1917 году после четырех лет забвения возобновило работу Тигрицкое общество [19, с. 5–6]. В июле 1917 года возник рабкооп на Знаменском заводе [21, с. 28].

На 1 января 1917 года в минусинских потребительских обществах числилось 3211 членов, или 459 членов на одно общество, а к 1 июня 1917 года их число возросло до 3497 членов, и, соответственно, увеличилось до 500 количество членов на одно общество [19, с. 3]. На 1 июня 1917 года в Минусинском уезде числилось 65 обществ, обслуживавших 134 537 душ, или в среднем одним обществом — 2 135 душ. При этом на 39 обществ, существовавших к 1 января 1917 года, приходилось 111 селений, то есть в среднем по три селения на одно общество; на 23 общества, возникших в первой половине 1917 года, приходилось 43 селения, то есть только около двух селений на одно общество [19, с. 2].

Участие женщин в обществах потребителей имело огромное значение. Ведь предметы первой необходимости, главным образом составляющие товары «потребилки», покупала хозяйка. Женщин в обществах Минусинского уезда числилось в среднем $\frac{1}{4}$ от общего состава [19, с. 3].

В Минусинском потребительском обществе на 1 июня 1917 года имелось самое большое в уезде количество членов — 1200, общество обслуживало наибольшее число потребителей — 16 тысяч человек. Сумма паевого капитала этого общества составляла 14183 рубля; от продажи товаров было выручено 140798 рублей; с 1 июня 1916-го по 1 января 1917 года в Минусинском союзе кооперативов выбрано товаров на 3170133 рубля. Перечисленные суммы были также наибольшими среди других уездных обществ [20, с. 14].

Стараясь вырваться из пут топливного и транспортного кризиса, в мае 1917 года Минусинский союз купил керосиновый склад, оборот которого за 1917 год составил 170 тысяч рублей. Поступило на склад керосина 7450 пудов, отпущено обществам потребителей — 6556 пудов и городу Минусинску со всеми казенными учреждениями вместе — 900 пудов. Валовая прибыль по складу составила 12261 рубль, чистая прибыль — 6010 рублей. Прибыль небольшая вследствие того, что много было расходов при посылке баржи со служащими в Красноярск, где они ожидали керосина полтора месяца [22, с. 4–5].

В 1917 году перед кооперативами Енисейской губернии остро встал вопрос, быть или не быть самостоятельным районным объединениям, когда Енгубсоюз стремился упразднить Минусинский союз и создать один губернский, который один через отделения вел бы и управлял всей жизнью потребительской кооперации. В связи с такими намерениями и в ответ на них появилась резолюция собрания уполномоченных товарищества «Союз западно-сибирских кооперативов», принятая 13–15 августа 1917 года в Омске и отвечающая назревшей потребности в развитии инициативы и самостоятельности местного населения [6, с. 26–27]. Это дало основание для продолжения существования и соперничества двух самостоятельных союзов.

Политические события 1917 года перевернули многие планы Минпотребсоюза. Два инструктора — бывшие политические ссыльные — уехали, и инструкторская коллегия была разрушена. Только во втором полугодии удалось создать инструкторскую коллегия из 5–6 человек. Эти летние месяцы были временем самой плодотворной работы. Много времени инструкторской коллегии пришлось пожертвовать на работу в связи с политическим моментом, по политпросвещению народных масс, особенно в связи с выборами в Учредительное собрание. В частности, были «устроены около 150 собраний в разных местах уезда», на которых «специально приглашенные лекторы» разъясняли значение свершившихся событий и задачи Учредительного собрания. «Но, — как отмечалось в протоколе VII общего собрания уполномоченных Минсоюза кооперативов в мае 1918 года, — октябрьский переворот свел опять почти на нет всю работу» [22, с. 4–5].

Свержение Временного правительства и переход власти в руки Советов были поддержаны средними и нижними слоями сибирских, в том числе минусинских, кооператоров и приказчиков. Это подтвердил IV съезд уполномоченных Енисейского губсоюза — большевистский по составу и настроению, — приветствовавший 10–15 декабря 1917 года победу Октябрьской революции и установление советской власти в губернии [14, с. 132].

Однако кооперативная верхушка встретила очередную революцию настороженно, а некоторые враждебно. Озабоченность вызывала ликвидация многих прежних институтов, с которыми ранее взаимодействовали кооператоры, таких как суды, органы местного самоуправления, частный сектор. Осуждалась политика насилия. Сибирский журнал «Кооперативное слово» так оценивал политическую ситуацию: «Большевистская власть не получила признания страны. Та видимость власти, авторитет которой большевикам приходилось поддерживать угрозой штыков, пулеметов, террором и упразднением свободы слова, печати и собраний, не давала стране элементарного порядка» [15, с. 13].

В конце ноября 1917 года в Новониколаевске проходил 1-й Всесибирский кооперативный съезд, собравший представителей от 47 союзов

всех видов кооперации. Его основным заявлением был отказ от признания правительства и неподчинение распоряжениям и декретам. «От группы лиц, присвоивших себе наименование Совета народных комиссаров, требовалась немедленная передача Учредительному собранию всего захваченного государственного механизма», — гласила его резолюция [23, с. 16]. Для проведения в жизнь выработанных решений был создан Совет Всесибирских кооперативных съездов [1, с. 153–154].

Совершенно естественно, что советская власть, имея вначале тенденцию опереться в деле устранения продовольственной нужды на кооперацию, натолкнувшись на саботаж, вынуждена была изменить планы и построить собственный аппарат — Наркомпрод и его продовольственные органы на местах, заменившие кооперативные органы в этой работе.

Правление Минпотребсоюза до июня 1917 года имело только одного платного члена, а после 1 июня — четырех. Этих сил при непрерывном росте союза, увеличении оборотов и расширении его деятельности абсолютно не хватало. «Только шестое собрание уполномоченных в декабре 1917 года увеличило состав

правления до восьми членов и дало возможность правлению приступить к удовлетворению таких запросов жизни, которые раньше скрепя сердце приходилось оставлять без внимания» [10, с. 16]. Например, учитывая то, что Минусинский район имел много сырья для выделки колбасы, Минсоюз в 1917 году приобрел колбасный завод, в результате цены в кооперативной колбасной были на 15 % ниже, чем в частных [22, с. 4].

К концу 1917 года потребительские кооперативы Минусинского уезда объединяли более половины — 55,5 % — крестьян; в то же время в Канском уезде этот показатель составлял 40 %, в Красноярском — 43 %, в Ачинском — 45,5 %; более высоким он был только в Енисейском уезде — 67,5 % [11, с. 12].

Таким образом, минусинская потребкооперация и ее объединяющий орган Минпотребсоюз по многим показателям были одними из лидеров кооперативного движения в губернии. Революционные события 1917 года основная масса уездных кооператоров в целом встретила с пониманием, а руководство минусинской, как и всей сибирской, кооперации с Временным правительством сотрудничало, а советскую власть принимать не спешило.

Источники и литература:

1. Алексеева В. К., Малахова Г. М. Кооперация в азиатской России (первое столетие). — Чита: Изд-во ЗИПСи-БУПК, 2004. — 214 с.
2. Берегите кооперацию // Минусинский кооперативный журнал. — 1918. — № 8–10. — 11 авг. — С. 3–6.
3. ГАКК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАКК. Ф. 596. Оп. 1. Д. 16.
5. Днепровский С. Большевики в кооперативном движении // Советская потребительская кооперация. — 1957. — № 6. — С. 11–16.
6. Кооперативная хроника: о союзном строительстве // Минусинский кооперативный журнал. — 1918. — № 11–12. — 15 сент. — С. 26–27.
7. Корреспонденции // Минусинский кооперативный журнал. — 1918. — № 11–12. — 15 сент. — С. 39–41.
8. Л-ко Б. Потребилровка, или кредитное товарищество? // Енисейский кооператор. — 1923. — № 7–8. — 1 апр. — С. 1–5.
9. М. Ч. Юбилей: Тесинское общество потребителей Минусинского уезда // Енисейский кооператор. — 1923. — № 15–16. — 1 авг. — С. 28.
10. Открытие отделения Союза в с. Абаканском // Минусинский кооперативный журнал. — 1918. — № 6–7. — 24 июня (7 июля). — С. 14–16.
11. От прошлого к будущему: 120 лет потребительской кооперации Красноярского края. — Красноярск: РАСТР, 2015. — 300 с.; ил.
12. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год: Изд-ие Енис. губ. стат. комитета. — Красноярск: Енис. губ. эл.-тип., 1915. — 234 с. с разд. паг.

13. Погребняк А. И. Из истории участия кооператоров и торговых служащих Сибири в революционном движении // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири / ред. д. и. н., проф. В. М. Самоудов. — Омск: Омск. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1990. — С. 72–75.
14. Погребняк А. И. Кооператоры и торговые служащие Сибири — участники революционного движения (1910–1917 гг.) // Ленин — Социализм — Перестройка: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. — Красноярск: Краснояр. ин-т космич. техники, 1991. — С. 128–132.
15. Политическая обстановка // Кооперативное слово. — 1917. — № 41–42. — С. 13.
16. Положение о кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. // Сборник постановлений Временного правительства о кооперации. — М.: Совет Всерос. кооп. съездов, 1917. — С. 9–15.
17. Положение о регистрации товариществ, обществ и союзов от 21 июня 1917 г. // Там же. — С. 16–29.
18. Положение о съездах представителей кооперативных учреждений от 1 августа 1917 г. // Там же. — С. 30–34.
19. Потребительская кооперация в Минусинском уезде к началу 1917 г. // Прилож. № 1 к: Минусинский кооперативный журнал. — 1919. — № 3–4. — Февр. — С. 1–12.
20. Потребительная кооперация в Минусинском уезде к началу 1917 г. // Прилож. № 2 к: Минусинский кооперативный журнал. — 1919. — № 3–4. — С. 13–15.
21. Прилуцкая С. В Знаменском Рабкопе // Енисейский кооператор. — 1923. — № 7–8. — 1 апр. — С. 28.
22. Протокол VII общего собрания уполномоченных Минусинского союза кооперативов 13 (26) мая 1918 г. // Приложение к Минусинскому кооперативному журналу. — 1918. — № 6–7. — 24 июня (7 июля). — С. 4–19.
23. Резолюция Всесибирского съезда кооперативов в Новониколаевске // Кооперативное слово. — 1918. — № 5. — С. 16–18.
24. Служащий. К вопросу о кооперативном строительстве // Минусинский кооперативный журнал. — 1919. — № 3–4. — Февр. — С. 16.
25. Хачатуров М. И. Памяти В. В. Федорова // Минусинский вестник. — 1916. — 28 июля. — С. 1–3.
26. Хинчук Л. Введение в изучение кооперации: доклад в школе секретарей укомов при ЦК РКП. — М.: Изд-ие Центросоюза, 1925. — 49 с.
27. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. — 592 с.

УДК 355.01

Рогачев А. Г.

БОРЬБА ПАРТИЙ ЗА ВЛАСТЬ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В ФЕВРАЛЕ — ОКТАБРЕ 1917 ГОДА

***Аннотация:** в Приенисейском регионе в период Второй российской революции действовали практически все российские партии. Между ними развернулась яростная борьба за власть. Верх в конечном итоге взяли большевики.*

***Ключевые слова:** Вторая российская революция, большевики, эсеры, меньшевики, кадеты, областники, Временное правительство, Учредительное собрание.*

В Сибири действовали практически все основные российские партии. Особую позицию занимала местная региональная партия — областники. Как они оценили революцию, к какой стратегии и тактике склонялись?

Обратимся к литературному, научному и политическому журналу областников «Сибирские записки». Здесь один из них — Вс. Крутовский опубликовал в мартовском номере статью «Сибирь и Февральская революция» [1, с. 143–147].

В ней он отмечал: «...И вот разразилась Февральская революция. Неизбежность переворота сознавалась всеми, неожиданной явилась лишь столь полная, почти бескровная победа» [1, с. 143].

Автор статьи уверен в том, что Учредительное собрание даст демократическую конституцию России, Сибири — Сибирскую областную думу [1, с. 146].

В противовес либеральной буржуазии в регионе имели большой авторитет рабочие и солдатские Советы. Их линия на общественную и политическую модернизацию в марте-апреле 1917 года оказалась вполне демократической.

Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов на заседании 5 марта 1917 года избрал председателем временного президиума своего исполнительного комитета Якова Дубровинского, товарищем председателя — Бориса Шумяцкого. Исполком сразу пытался конституировать себя как местную власть; всем учреждениям предложили освободить от занятий и работ чле-

нов исполкома Совета с сохранением жалованья, т. е. материального содержания [2, с. 318].

Установились прочные связи с Комитетом общественной безопасности. Предполагалось все принципиальные вопросы решать непосредственно в контакте с ним. Для этого в состав комитета делегировали трех представителей исполкома Совета. Совет декларировал, что аресты КОБом лиц из администрации старого правительства должны производиться по соглашению с исполкомом Совета [2, с. 318].

Важно, что в Красноярске, как и в других городах и районах Сибири, социал-демократы (эсдеки), большевики и меньшевики тогда организационно не разделялись. Такая ситуация здесь продолжалась до лета 1917 года.

В начале марта 1917 года инициативная группа членов РСДРП обратилась через листовку к гражданам г. Красноярска с тактической программой: «Организоваться спешно в профессиональные союзы, посылайте своих депутатов в Совет, в Комитет общественной безопасности...» [2, л. 1].

Эсдеки подчеркивали: подлинное народное правительство может быть организовано только Учредительным собранием, избранным всем народом, в тылу и на фронте, всеобщим прямым, равным и тайным голосованием [2, л. 1].

Требование созыва Учредительного собрания стало в марте 1917 года единым для всех демократических организаций. Прорисовались три линии власти: комиссары — представители Вре-

менного правительства, Советы, общественные исполнительные комитеты безопасности.

Формальными компаньонами эсдеков по Советам в Сибири были социалисты-революционеры. Они также являлись представителями революционной демократии. Особую ставку эсеры делали на крестьянство, поэтому стали самой массовой партией.

М. М. Шорников, которого нельзя упрекнуть в симпатии к социалистам-революционерам, писал, что в первое время после февральского переворота они имели политическое преобладание даже в городах [10, с. 155].

Большинство Советов, по образному замечанию М. М. Шорникова, «оказалось в плену меньшевиков и эсеров» [10, с. 60].

Парадокс ситуации заключался в том, что эсеры и меньшевики в Сибири сами оказались в советском плену. Не видя в Советах главной государственной альтернативы парламентской демократической республике, они опять же не подготовились к серьезной борьбе с большевиками-ленинцами.

Ахиллесовой пятой эсеров оказалось их отношение к продолжающейся войне. И если до февраля народный гнев отвлекала царская клика, то теперь после нескольких недель революционной эйфории главным объектом антивоенной атаки стали революционные оборонцы: эсеры и меньшевики.

В свою очередь сразу в начале марта 1917 года сибирские кадеты (Партия народной свободы) стали организовываться и намечать свои политические и общественные альтернативы. В своем воззвании Красноярский отдел ПНС предложил помочь Временному правительству осуществить его программу и поддержать полный порядок в стране. Сочувствующих приглашали записываться в свои ряды, общее собрание наметили на 7 марта [2, с. 364].

В марте появилось типографское объявление ПНС о подписке на газету «Свободная Сибирь», главной ее задачей предполагалось сделать рассказ об устройстве страны на началах свободы и политического равенства [2, с. 365].

В апреле 1917 года сибирские кадеты представляли дальнейшую модернизацию только под

лозунгами «Да здравствует Учредительное собрание!» и «Да здравствует демократическая республика!» [4].

Кадеты в своей экономической программе выступили за развитие кооперативного движения в городах и селах Сибири, за введение 8-часового рабочего дня для рабочих после войны [5].

Первый номер газеты большевиков «Сибирская правда» от 2 апреля 1917 года в своей передовой статье обозначил революционную левизну либералов только вынужденным хамелеонством.

Газета определила кадетов теперь самыми правыми в революции, правее «идти уже некуда»; и поэтому, по мнению большевиков, собиралась вокруг ПНС «вся муть старого строя» [6].

Показательно, что на выборах 2 июля 1917 года в Красноярске в городскую думу умеренность и либеральные подходы оказались не в моде. Как сетовали на судьбу после своего поражения на выборах кадеты: «Все записались в социалисты!»

41 место из 83 гласных думы завоевали большевики, и лишь 7 — меньшевики. 27 мест получили социалисты-революционеры [7].

Эсеровский «Наш голос» 6 июля пророчески известил: «Разгром буржуазии на красноярских выборах — явление не случайное, не местное».

Если петроградские большевики после 3–4 июля пребывали в определенном унынии, то красноярские левые силы в сердце Сибири праздновали грандиозную победу. На воскресенье, 9 июля большевики назначили в Красноярске праздничную демонстрацию.

Листовка большевиков выдвинула на демонстрацию следующие лозунги: «Долой министров-капиталистов! Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Мир хижинам, война дворцам! Долой войну! Да здравствует революция всех народов! Да здравствует III Интернационал!» [3, л. 5].

Надо отметить, что исчез лозунг об Учредительном собрании. Сибирские большевики больше в нем не нуждались.

Состоявшийся в Красноярске в начале сентября 1917 года съезд Советов Средней Сибири,

объединивший 12 Советов, в том числе 4 крестьянских, прошел под большевистским влиянием. Из 33 делегатов 21 оказался большевиком.

Если российская революция в феврале-марте 1917 года носила кадетско-либеральный и советско-эсерово-меньшевистский характер, то в октябре-ноябре 1917 года это уже была большевистско-крестьянская революция.

В Приенисейском регионе в отдалении от центра закрутились две пестрые политические карусели: советская и антисоветская.

28 октября 1917 года исполком Совета, рассмотрев вопрос «Об организации власти», постановил «принять самые энергичные меры к осуществлению реальной революционной власти на местах». В ночь на 29 октября военный штаб Красноярского Совета, возглавляемый С.Г. Лазо, с помощью революционных солдат занял решающие пункты города.

Находившаяся под влиянием большевиков городская дума поддержала решения II Всерос-

сийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и победу Октябрьской революции в столице.

29 октября в Красноярске Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о переходе к нему всей полноты власти в губернии, отстранил от должности и арестовал комиссара Временного правительства [9, с. 117–120].

Итак, большевиков в борьбе за власть Советов поддерживали рабочие, их профсоюзные организации; солдаты из-за декрета о мире. Крестьянство стало колебаться, но еще живы оставались надежды на Учредительное собрание. После октябрьских событий партия социалистов-революционеров окончательно раскололась, левые эсеры поддерживали большевиков. Перед лицом большевистской угрозы сблизился эсеровский центр и правый фланг. Последующая борьба за власть развернется в связи с итогами выборов в Учредительное собрание.

Источники и литература:

1. Сибирские записки. 1917. № 2.
2. Красноярский край в истории Отечества: Книга первая. 1890–1917. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1996.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 199.
4. ГАКК Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 212.
5. Свободная Сибирь. 1917. 15 апреля.
6. Свободная Сибирь. 1917. 27 апреля.
7. Сибирская правда. 1917. 17 апреля.
8. Наш голос. 1917. 6 июля.
9. Рогачев А. Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925 годы): Краснояр. гос. аграр. ун-т. — 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск, 2008.
10. Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.

УДК 94 (470) «16/18»

Съемщиков Е. А.

СОСТАВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЕНИСЕЙСКОГО И КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДОВ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Аннотация: в статье показан состав должностных лиц в уездном управлении накануне революции. Автор сделал попытку анализа составов должностных лиц исходя из состояния их в чинах и занимаемых должностей.

Ключевые слова: администрация, состав, управление, уезд.

Согласно «Учреждению управления Сибирских губерний и областей», в структуру уездного управления Сибири входили:

– уездная полиция во главе с уездным исправником, а в Степном генерал-губернаторстве — уездным начальником; уездное по крестьянским делам присутствие с составом крестьянских начальников уезда; уездное по воинской повинности присутствие с составом должностных лиц, определенных его императорским величеством (е. и. в.), — не во всех уездах;

– медицинская часть в составе уездных врачей и сельских участковых врачей; уездный оспенный комитет (не во всех уездах);

– уездный распорядительный комитет (только по повелению е. и. в., но не во всех уездах); уездное казначейство.

Мировые судьи не входили в структуру и состав уездного управления, представляли собой самостоятельную вертикально структурированную ветвь государственного управления, отделенного от исполнительного, законодательного и административного.

Уезды Енисейский и Красноярский входили в состав Енисейской губернии, которая была подведомственна Иркутскому генерал-губернаторству. На лето 1916 года губернатором Енисейской губернии состоял статский советник Гололобов Яков Григорьевич.

На лето 1916 года и в канун 1917 года составы должностных лиц в уездном управлении Енисейского и Красноярского уездов были укомплектованы чиновниками надлежащим об-

разом. В Енисейске городскую власть представляли [1]:

- 1) городской голова Александр Ильич Елтышев;
- 2) городским врачом состоял надворный советник Александр Ильич Вицын.

В составе уездного управления значились: исправником — коллежский асессор Иван Алексеевич Бахов; должность уездного казначея занимал надворный советник Михаил Иванович Дорофеев; горным исправником — губернский секретарь Константин Иосифович Брингельт (занимал должность по Южно-Енисейскому округу); горным исправником — коллежский секретарь Николай Антонович Пржелясковский (занимал должность по Северо-Енисейскому горному округу); крестьянскими начальниками (по участкам): статский советник Самуил Константинович Буданцев, титулярный советник Александр Александрович Платонов, поручик запаса Виталий Иванович Максимов. Уездным врачом — статский советник Сергей Николаевич Щеглов; сельскими врачами (по участкам): коллежский советник Николай Иванович Гнетнев, начального чина Лиана Мордох-Мильштейн. Должность сельского врача состояла вакантной.

В Туруханском отдельном управлении, подведомственном Енисейскому уезду, состояли: отдельным приставом — коллежский секретарь Иван Игнатьевич Кибаров; врачом — надворный советник Дмитрий Федорович Олюнин.

В Красноярске городскую власть составляли [2]: городской голова — почетный гражда-

нин города Степан Николаевич Потылицын; по-лицеймейстер — титулярный советник Василий Константинович Шемякин; городской врач — коллежский советник Иннокентий Иванович Кусков.

На уровне уезда власть представляли: уездный воинский начальник — подполковник Н. Я. Калинин; помощник его — коллежский советник С. Г. Додунов; горный исправник — коллежский советник Григорий Петрович Амбразевич; крестьянскими начальниками (по участкам): статский советник Василий Николаевич Милорадовский, коллежский советник Александр Павлович Образцов, коллежский асессор Иван Фердинандович Квасницкий, начального чина А. А. Чоловский. Уездный врач — начального чина Василий Александрович Плесский; сельские врачи (по участкам): начального чина В. А. Оношкович-Яцына; врач Алефтина Ивановна Гусарова, титулярный советник Шома Мошкович Вайнлуд, начального чина Петр Николаевич Горных.

Из всех чиновных особ лишь одна, должность сельского врача, состояла вакантной, что являлось текущим некомплектом, однако все должности, принимавшие участие в управлении на уровне уезда, осуществляли распорядительную власть в полном составе.

Чиновные особы, занимавшие должности в уездном управлении Енисейского и Красноярского уездов, имели продолжительный (большой) срок службы и прохождения в чинах. По составу чинов, занимавших должности в уездном управлении, были:

По степени укомплектованности чиновными особами Енисейский уезд выглядел лучше Красноярского уезда.

По длительности пребывания чиновных особ в чинах Енисейский уезд выглядел предпочтительнее Красноярского уезда: четыре коллежских советника не могли перевесить сроки пребывания в службе статских советников, коллежского советника и трех надворных советников.

Большое количество персон, состоявших в начальном, то есть в XIV классе, говорило о начальном этапе вступления в службу чиновных особ.

В чине титулярного советника состояли три персоны в обоих уездах. Особенность выслуги чинов титулярного советника заключалась в длительности его достижения и при условии награждения субъекта орденом Святого Владимира IV степени. Пожалование осуществлял лично его императорское величество государь император. Этот чин давал право на личное дворянство.

Чин статского советника давал право на потомственное дворянство при нахождении в службе двадцати лет и наличии ордена Святого Владимира IV степени. Определяющим фактором в службе по определению от правительства для любого чиновника или служителя был чин. Поэтому в службе по определению от правительства служили очень долго. Только 35 лет продолжительной службы давали чиновнику право заслужить полный пансион, который равнялся его денежному вознаграждению за год.

На 1916 год выплата чиновникам за пребывание в чинах государственной службы составила [3]:

	Енисейский уезд	Красноярский уезд
– статских советников	2	1
– коллежских советников	1	4
– надворных советников	3	-
– коллежских асессоров	1	1
– титулярных советников	1	2
– начального чина	1	4

- статскому советнику — 1 875 рублей в год серебром;
- коллежскому советнику — 750 рублей в год серебром;
- надворному советнику — 600 рублей в год серебром;
- коллежскому асессору — 450 рублей в год серебром;
- титулярному советнику — 250 рублей в год серебром.

Таким образом, персональный состав чиновных особ в обоих уездах был достаточно опытным и способным осуществлять распорядительную власть, что, вероятно, объясняет тот факт, что в губернии в 1917 году массовых революционных беспорядков, как в столичных городах, не было.

Источники и литература:

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1916 год. С. 564–565. Спб., 1917.
2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1916 год. С. 566. Спб., 1917.
3. Свод законов Российской Империи (СЗ РИ). Ч. III. Уставы о службе гражданской. Кн. I. Свод устава о службе по определению от правительства. Ст. 541. Примечание. Спб., 1872.

УДК 94(47). 084. 1.2.3

Шеншеев А. П.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЕНИСЕЕ

***Аннотация:** выявляя основное содержание революции 1917 года и Гражданской войны на территории Енисейской губернии, автор показывает общность событий, происходивших в стране и Сибири, и в то же время указывает на их особенности, которые в силу разных причин были присущи данному региону. Революция здесь, обретая черты хаоса, развивалась главным образом в городах и по составу участников была прежде всего солдатской. Гражданская же война, будучи по характеру в основном повстанческой, не была масштабной и политически четко выраженной, но демонстрировала высокий уровень насилия и жестокости.*

***Ключевые слова:** большевики, Гражданская война, Енисейская губерния, крестьянство, партизанское движение, повстанцы, революция, советская власть, солдаты, уголовная преступность.*

Обращаясь к истории революции 1917 года и Гражданской войны в России, следует признать, что ее освещение в силу разных причин будет еще длительным и состоящим из разных интерпретаций. Если в советское время, к примеру, объяснялось, что известные катаклизмы, изменившие политический строй России, были обусловлены классовой борьбой между рабочим классом и беднейшим крестьянством с одной стороны и капиталистами и помещиками вместе с мировыми империалистами — с другой, то сегодня уничтожение империи, как утверждается, явилось результатом вмешательства внешних сил, деятельности иностранных представительств и разведок [1, с. 4].

Но такое объяснение причин падения самодержавия, происшедшее, конечно, в столицах, а потом поддержанное определенными политическими силами в провинции, снова умаляет значимость революционных событий в Сибири и, соответственно, снижает актуальность их изучения на местах.

Скорее всего, правы те историки, которые пишут, что свержение самодержавия, ожидаемое и в то же время неожиданное для большинства населения российской провинции, было обу-

словлено комплексом причин: тяжелым социально-экономическим положением страны, усугубленным тяготами Первой мировой войны, несовершенством отношений монархии и политической элиты с обществом в целом, падением авторитета православной церкви и оскудением веры, а также самоубийственными действиями политических и военных кругов. Вовлеченные ими в политику широкие народные массы, сначала поддерживая буржуазно-парламентскую модель выхода из национального кризиса, вскоре образовали неконтролируемый революционный хаос, закономерно переросший в Гражданскую войну [2, с. 15, 17, 19–21].

На наш взгляд, развитие ситуации на Енисее диктовалось сложившейся внутренней обстановкой. К революции 1917 года находившаяся географически в центре Сибири Енисейская губерния являлась провинциальным и тыловым регионом со слабо развитыми внутренними коммуникациями, незначительными очагами промышленности и аграрной направленностью экономики. При малочисленности и неразвитости пролетариата основным населением здесь выступало оторванное от городов, часто индифферентное к политике почти миллионное крестьянство, которое стра-

дало от неразвитости рыночных и напряженности внутренних отношений. Здесь, как и в целом в Сибири, отсутствовали помещичьи хозяйства и аграрное перенаселение, но в наличии были массивы свободных земель, принадлежавших, например, государству или кабинету, а рядом с ними находилось крестьянство, состоявшее в основном из потомков различного рода ссыльных и переселенцев и испытывавшее ограничения в пользовании землей и лесом. На Енисее проживали казаки и инородцы, выделявшиеся своим образом жизни и мироощущением, чья земельная обеспеченность вызывала зависть у других жителей деревни.

По мнению осведомленного жандармского руководства, здесь еще в 1915 году отсутствовали элементы, на которые могла бы опереться административная власть. В аналитическом обзоре, составленном теми же жандармами на 26 января 1917 года, действия властей определялись как «неумелые и безуспешные», предсказывалась анархическая революция без определенных целей и будущего [3, с. 71].

Начавшиеся в феврале 1917 года революционные события вслед за Петроградом в основном происходили в городах губернии, и в частности в Красноярске. Хотя имевшийся здесь пролетариат был сравнительно незначителен и насчитывал 3,5 тысячи человек, разрушителями прежних устоев жизни стали политические ссыльные и солдаты сибирских запасных полков. Большевицкая колония, пополнившаяся некоторыми меньшевиками и затем левыми эсерами, уже представляла определенную политическую силу. Местный гарнизон состоял из 25–35 тысяч солдат, распропагандированных и не желавших воевать, который после амнистии Временного правительства дополнился в прошлом политическими и уголовными преступниками. Революционным резервом являлись сконцентрированные в Красноярске 12 тысяч бывших военнопленных Первой мировой войны, освобожденных, но не имевших возможностей, а иногда и желания возвращаться на родину и вовлекаемых большевиками в политический процесс [4, с. 29].

Во главе революции встали социалисты-революционеры, наследники народолюбцев и защитники крестьянского большинства. Однако вскоре

развитие общественно-политической ситуации в Красноярске стало характеризоваться постоянным доминированием и усилением позиции большевиков. Данное обстоятельство выделяло его из других крупных городов Сибири, благодаря чему губернская столица на Енисее стяжала славу сибирского Кронштадта. Несмотря на то что здесь активно действовали областники, кадеты и социалисты-революционеры, а монопольное влияние на крестьян губернии принадлежало эсерам, у большевиков в городе, как считает один из историков, не оказалось достойных противников [5, с. 245].

В действительности же причины этого феномена были шире и заключались не только в личных качествах политических оппонентов. Как и в целом по стране и Сибири, созданная революционной общественностью новая власть в Енисейской губернии оказалась слабой и утонула в разногласиях. Сложившееся многовластие привело к разочарованию народных масс в демократических преобразованиях и к утрате скреп, удерживавших общество от распада и тормозивших его бунтарские настроения.

На окраинах Российской империи главной и ударной силой, свергнувшей старый режим и установившей власть Советов, явились солдаты. Красноярским большевикам удалось возглавить и перевести их антивоенное движение в русло борьбы с органами Временного правительства. По этому поводу один из ярких противников большевизма писал: «На всем пространстве Сибири г. Красноярск выделился как болезненный нарост на здоровом теле благодаря тому, что... красноярские большевики увлекали неустойчивую толпу на путь анархии и развала» [6, 13 августа]. Демократическая общественность подверглась натиску солдатской толпы и еще задолго до октября 1917 года начала сдавать свои позиции перед радикалами.

Официальная церковь, по мнению некоторых авторов, находилась в состоянии глубокой летаргии и встретила известие о падении монархии спокойно. Революционные события 1917 года приветствовались большинством енисейского духовенства, внутри которого набирало силу реформаторское крыло, стремившееся к освобождению церкви от государственной зависимости,

к демократизации управления и передаче всей полноты власти от Святейшего Синода к Собору, избираемому совместно клиром и мирянами. Церковь признала законность местных органов Временного правительства и призвала верующих подчиниться новой власти.

Неудачное властвование российской демократии создало условия для дальнейшей политической и социально-экономической дезинтеграции, возникновения вакуума власти, усиления социально-политического противостояния в обществе и эскалации насилия. Такое «завоевание революции», как свобода, было понято большинством населения в качестве вседозволенности. Социальная неудовлетворенность, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне, а также растущая агрессивность людей стали питательной основой и сопровождалась ростом преступности. Особенностью ее стало определяющее участие «человека с ружьем», ссыльных и иностранных военнопленных.

Известие о революции и смене политического строя население енисейской деревни, за исключением казачества, встретило в основном спокойно, даже с радостным воодушевлением и надеждой на улучшение жизни. Но в дальнейшем какая-то часть крестьянства, устав ждать обещанного и справедливого распределения земельных и лесных богатств, перешла к удовлетворению своих экономических интересов собственными усилиями. Социальную и психическую напряженность порождало еще и водворение переселенцев. Начавшаяся борьба в енисейской деревне включала элементы как революционно-демократического, так и анархо-бунтарского или погромного характера.

Победив на избрании Красноярской городской думы и разгромив местную корниловщину, большевики уже в сентябре 1917 года заявили себя в качестве политической силы, способной взять власть в Енисейской губернии. Несмотря на провальный итог выборов в Российскую Конституанту и сопротивление общественности, красноярские большевики, следуя за столичными товарищами, захватили государственные учреждения и объявили о переходе власти к Советам. Поддержанная митингами солдат и городских обывателей, она затем начала распространяться в уездах.

Енисейское крестьянство, только что одобрявшее политику социалистов-революционеров, но под влиянием декретов советского правительства продолжавшее терять свое единство, оказалось участником уездных съездов, которые стали ареной политической борьбы за власть. Не выражая интересов всей деревни и будучи крестьянскими только по названию, они подтвердили воцарение советской власти и тем самым поддерживали курс большевиков на строительство однопартийной власти и раскол деревни.

В этих условиях РПЦ была вынуждена приспособиться к новой политической действительности, искать оптимальную модель взаимодействия с гражданскими властями и верующими. Революция стимулировала разложение общества, которое выразилось в кощунственном поведении церковных служителей и прихожан.

Сужение демократических свобод большевиками, их неумелая социально-экономическая политика с самого начала вызывали мятежные настроения в определенных кругах и слоях местного общества. Советская власть, переживая очередной российский кризис, весной 1918 года объявила поход в деревню за хлебом, вызвавший недовольство крестьян. Но неожиданным для всех политических сил и определяющим будущую конфигурацию власти на Енисее явился мятеж чешских легионеров. Перешедшая в форму острого противостояния, Гражданская война заключала в себе борьбу большевиков с широким спектром антибольшевистских сил. Своеобразие ее в данном регионе во многом определялось социальной и политической активностью прежде всего переселенцев, казачества и некоторых этнических групп коренного населения. Состав населения, безусловно, оказывал существенное влияние на поведение енисейской деревни, провоцируя, к примеру, высокий уровень насилия и жестокости.

В то же время Гражданская война здесь отличалась отсутствием массовости участников, больших масштабов боевых действий и часто четко выраженных политических лозунгов. В то же время обострение политической и вооруженной борьбы между красными и белыми вело к сращиванию ее с преступностью.

За исключением начала лета 1918 года и зимы 1919–1920 года, когда большевики вели борьбу с чехами, а Красная армия — с белыми, основным содержанием Гражданской войны на территории Енисейской губернии являлись военные действия между правительственными войсками и крестьянскими повстанцами. Столкновение между идеей вольной, безвластной организации и идеей государственной власти — монархической ли, коммунистической или буржуазно-демократической — определяло суть многих крестьянских выступлений.

Особенностью Енисейской губернии являлось избыточное насыщение ее лицами, осужденными за революционную и уголовную деятельность, а также крестьянами-переселенцами. Регион на Енисее издавна был пристанищем всех категорий ссыльных, которые пустили здесь корни и оказывали свое воздействие на деревню. Благодаря этому население оказалось значительно «подогретым» протестными идеями. Более высоким среди местного крестьянства являлось и представительство переселенцев, бывших часто иной национальности, чем старожилы. С разорением Малороссии и Прибалтийского края происходил сильный приток беженцев — украинцев и латышей, которые селились отдельными поселками в Красноярском и Канском уездах и сохраняли не только традиционные для себя формы хозяйствования, но и обостренные отношения с властью и окружающим миром. Продолжавшееся размещение переселенцев на территории губернии повысило их удельный вес среди местного крестьянства до 58,6% [7, с. 6, 33], а их участие в восстании предопределило его очаговый характер.

Возникшее с конца 1918 года партизанское движение распространилось прежде всего в переселенческих районах, обособленных, удаленных от административных центров и заселенных населением, более независимым и отличавшимся общественной активностью. При слабости политического влияния извне повстанчество обрело общекрестьянскую окраску. Середняки и зажиточные крестьяне в массовом порядке переходили на сторону красных партизан по решению общественных сходов, которые, случалось, объявляли мобилизацию под угрозой насилия, или же под влиянием успехов повстанческого движения.

Чаще всего их борьба была направлена на восстановление всесословных и демократических Советов.

Вследствие незначительности среди партизан рабочих и представителей различных политических партий их выступления характеризовались обилием местных поводов, групповой борьбой за собственные интересы и нередко криминальной окраской. Присущая повстанчеству стихия скорее исходила из его крестьянской сути и была обусловлена не только очевидными экономическими или политическими интересами, но и прорывом на поверхность глубоко архаичных форм народного сознания, определенных представлений о «воле», социальной справедливости, воинской доблести и т. п.

Под влиянием архаизации деревенской психологии и политики властей во время Гражданской войны возникли враждебные отношения, которые испытывали многие крестьяне к горожанам. Они выступали против города прежде всего потому, что видели в нем сосредоточие властных институтов, политика которых осуществлялась без учета интересов деревни или возмущала ее население. Определенная часть крестьян, рассматривавших горожан как социальную общность, чуждую им своей культурой и образом жизни, стремилась к захвату городов с целью удовлетворения собственных и узких интересов. В то же время города, где повстанцы оказывались на время хозяевами, становились ловушками: крестьяне начинали разлагаться, а их «армии» — разваливаться.

Зачастую партизанское движение являло собой борьбу крестьян за самостоятельное решение своей судьбы и было проявлением той стихии, к которой для достижения власти обращались все политические силы. Подчиняя себе верхи, заметными в повстанческой среде были настроения «стихийного большевизма» или стихийного и бессознательного протеста против любых форм неравенства, который с его разрушительностью оказался близким крестьянству на уровне его менталитета.

Гражданская война побудила общество и к самоорганизации, которая выразилась в создании дружин самообороны или самоохраны. Они

организовывались посредством общественной мобилизации, состояли из крестьян различных социальных слоев и следили за порядком на определенных территориях, а также участвовали в преследовании партизан и обороняли свои селения от их налетов. Но в силу разных причин дружинники были не в состоянии спасти от гибели белый режим.

Новая власть теряла своих сторонников еще на стадии организации, а в дальнейшем отличалась острым соперничеством различных группировок. Ноябрьский 1918 года переворот позволил правым силам в лице Российского правительства А.В. Колчака возглавить борьбу с большевиками. Однако и они оказались не способными организовать сопротивление натиску окрепшей Красной армии.

Наступление многочисленных и жестко организованных войск 5-й армии явилось решающим фактором установления советской власти на Енисее. Фронтовые поражения не позволили белым, захватившим опорные базы повстанчества, окончательно навести порядок в тылу. В свою очередь, партизанское движение, нарушив сообщение по Транссибирской магистрали, дестабилизировав обстановку и оттянув на себя правительственные войска, облегчило борьбу красных и способствовало их победе над колчаковцами.

Воцарившись в Енисейской губернии, советская власть сначала имела слабую политическую и военную опору. Она не пользовалась авторитетом у основной массы населения и зачастую держалась, лишь используя красный террор. Так, если во время наступления белых на партизанские районы Енисейской губернии численность загубленного ими населения, по неполным данным, составляла 2,8 тысячи человек, а количество сожженных полностью или частично селений достигало 69 [8, л. 138], то только в Красноярске зимой 1920 года от голода, холода, тифа и чекистских расстрелов погибли, по разным данным, от 10 до 32,7 тысячи военнопленных [9, с. 51].

Вскоре на территории Ачинско-Минусинского района появились так называемые банды инородцев, недовольных сохранявшимися издержками русской колонизации и появлением гра-

бивших улусы красных партизанских отрядов. Осенью же 1920 года в Красноярском, Ачинском и Канском уездах вспыхнули восстания крестьян, обусловленные большевистской политической военной коммунизма. Охватывая все слои крестьянства и совмещая борьбу за его интересы с уголовными деяниями, новое повстанчество на Енисее выдвигало множественные и разные политические лозунги. Некоторые из них являлись декларативными, другие способствовали развитию этого явления, а третьи — выражали его антикоммунистическую и в какой-то степени национальную сущность. Поведение повстанцев часто не укладывалось в рамки объявленной ими политической ориентации. Так, вырезая местных коммунистов, они не останавливались перед погромами волисполкомов и сельсоветов.

К весне 1921 года советская власть в основном ликвидировала крестьянское повстанчество, но справиться с «бандами» в инородческом районе, где их поддерживало местное население, она сразу не смогла. Протест, проявляемый в основном группами подтаежных хакасов, имел свои особенности. Поведение их определялось не столько политическими воззрениями, сколько принадлежностью к какому-либо родовому сообществу. Повстанцами становились даже коммунисты, следовавшие добровольно или насильственно уводимые в тайгу сородичами. Вместе с мужчинами в труднодоступные горно-таежные места уходили женщины, которые являлись не только соучастниками этой борьбы, но и организаторами и хранителями семейного очага. Поэтому, объединяя этих людей, так называемое движение хасхылар (буквально «беглецов». — *А. III.*) какое-то время выступало в качестве защиты местного населения от очередного насилия и своеобразной формой сохранения его традиционного образа жизни. С введением НЭПа и некоторой суверенизацией инородцев в форме Хакасского уезда повстанчество утратило поддержку коренного населения, и численность его участников стала сокращаться.

Следовательно, революционные события 1917 года охватили на Енисее прежде всего города и показали слабость новой власти, ее неспособность справиться с возникшим хаосом и выросшей уголовной преступностью. В то же время они

засвидетельствовали способность большевиков беззастенчиво и энергично действовать, выдвигая сильные политические лозунги, находившие поддержку прежде всего в солдатских массах. Гражданская война, воплотившаяся в местных условиях в основном в форме крестьянского повстанчества и борьбы с ним, зачастую носила своеобразный политический характер.

Безусловно, революция и Гражданская война, унесшие или сломавшие жизни многих россиян, были трагедией. Вместе с тем они способствовали стремлению общества к социальной справедливости и в конечном итоге привели к созданию новой российской государственности, существующей под иными идеологическими лозунгами, и мобилизационной системы экономики.

Уроки событий свидетельствуют, что у масс зачастую отсутствовала логика поведения, бунтарские явления возникали и нарастали внезапно. Вера в глубокий смысл объединения всех прогрессивных сил зло обманула их представителей, поскольку все они, вместе взятые, представляли лишь малочисленные привилегированные слои. Оказавшись во власти, они ощутили ужас

встречи с революционным народом, а правление их оказалось слабым и чуждым интересам большинства населения. Антибольшевистские силы не обладали сильной идеологией, а церковь во многом утратила свою роль регулятора духовности и нравственности людей. В то же время воинствующая большевистская утопия была созвучна народным представлениям и оказывала на массы гипнотическое воздействие. Ее носители оказались партией, жестко нацеленной на взятие и удержание власти.

Наконец, события тех лет свидетельствовали о сложившейся и поучительной закономерности: любая революция несет в себе неизбежность диктатуры, необходимой для обуздания разбухших ею же стихийных сил. Гражданская война на Енисее не завершилась в начале 1920-х годов мирным исходом. Вовлечение в политику широких народных масс и воцарение у власти большевиков потребовали установления серьезных ограничений и порядка, мощных репрессивных мер, направленных против недавних противников и союзников, которые, в свою очередь, привели к трансформации политической элиты и общества.

Источники и литература:

1. Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб.: Питер, 2010. 174 с.
2. Буддаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
3. Максимов С. В. Социально-политические ожидания народа на рубеже 1916–1917 годов в оценке енисейских губернских жандармов // Духовно-исторические чтения. Вып. 5. Красноярск: КрасГАСА, 2000. С. 68–70.
4. Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири. 1916 — февраль 1918. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1978. 284 с.
5. Шиловский М. В. Почему Красноярск в 1917 году стал сибирским Кронштадтом? // 1917 год в российской и мировой истории: Мат-лы междунар. науч. конф. (Красноярск, 14–15 нояб. 2007 г.). Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2007. С. 241–245.
6. Свободная Сибирь. 1917.
7. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск: Красноярский госпединститут, 1972. 251 с. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М. — Л.: ГИЗ, 1925. 313 с.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 527.
9. Шекшеев А. П. Красный террор на Енисее в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2016. № 11.

УДК 316.613.5-055.26(47+57) «1917»

Шестакова К. И.

РОЛЬ ЖЕНЩИН В РАЗВИТИИ И УСПЕХЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 1917 ГОДА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация: в статье на основании архивных документов раскрываются особенности революционного движения в Енисейской губернии и роли женщин в этом движении. Раскрываются особенности деятельности и мотивы поведения женщин, их экономическое и социально-политическое положение.

Ключевые слова: революция, повседневная жизнь, женщины.

Любая революция — явление сложное, многогранное, в ней задействовано множество различных общественных сил и политических течений. Революция в такой большой стране, как Россия, тем более не может быть однородной и единовременной. Мы знаем, что в разных частях страны события Октябрьской революции 1917 года развивались неодинаково, двигались разными социальными группами и из разных оснований. Пожалуй, каждая заслуживает отдельного исследования, чтобы увидеть события столетней давности в более полном, более развернутом и объективном свете.

В данной работе революционные действия, с одной стороны, ограничены территориально — Енисейской губернией, особенности которых обусловлены местными природными, исторически сложившимися, социальными, экономическими и политическими отличительными чертами. С другой стороны, объект внимания ограничен по гендерному признаку. Исследование проводилось на основе архивных документов, находящихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края: воспоминания, автобиографии, цитаты из личной переписки, газетные статьи о женщинах революции 1917 года в Енисейской губернии.

Первое, о чем стоит сказать в связи с революционным движением в Красноярске и его окрестностях, — это отметить удаленность от центра и магистрали культурной жизни страны. Сохранившиеся документальные свидетельства того времени говорят о невысоком культурном уровне

жителей Енисейской губернии: «...Вносят сюда только одичание, озлобление в без того малокультурные массы населения и поддерживают в них атмосферу бесправия и насилия, доставшуюся в наследство от ушедшей власти» [1, л. 2], — говорится в обращении Красноярской организованной российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) о самосуде, совершенном 27 июня 1918 года над А. П. Лебедевой, Т. П. Марковским и С. Б. Печерским.

Ссылная Елена Дмитриевна Стасова, уроженка Санкт-Петербурга, также неоднократно в личной переписке называет населенные пункты Енисейской губернии «болотом», например Ачинск «печальным городишкой», или вот тоже об Ачинске: «...Здесь такая же тина, как и в Бейском, такое же отсутствие людей, хотя здесь и есть ссылки, но все получившие права и сдавшие все свои мечты в архив за семью печатями» [2, л. 12].

Неизвестно, затронула бы революция Сибирскую часть страны, если бы она не была местом ссылки, а значит, местом концентрации особо активных революционных деятелей. «...Активная роль, которую играли в Знаменской партийной организации политические ссылки, была характерной чертой для сибирских организаций вообще: в них большую роль играли ссылки», — писала в своем очерке Циклина-Векшина Е. В. [3, л. 5].

Местный пролетариат и крестьяне в большинстве своем могли оставаться неосведомленными и безразличными относительно революционных событий в европейской России, о чем свидетель-

ствуют сохранившиеся документы. А.З. Сидоркина вспоминала: «Родилась я в 1889 году в семье рабочего. В 1917 году произошла революция, для меня это было совершенно неожиданно, так как я политически была совсем не подготовлена. Побывав на одном собрании в мастерских, меня это заинтересовало, на завтра я пошла к т.т. Теодорович и Акуловой, с которыми была знакома с 1916 года, так как я им работала. Рассказала свои впечатления о собрании, на котором была. Товарищи посоветовали мне бывать почаще на таких собраниях, где я могла бы больше понять, почему произошла революция...» [4, л. 1].

Не будь этих собраний и кружков, организованных в основном ссыльными, объяснять причины революции и рассказывать о непримиримой классовой борьбе было бы некому. Главными агитаторами, вдохновителями и пропагандистами коммунистических идей среди жителей Енисейской губернии были, несомненно, ссыльные. И зачастую именно женщины играли здесь «первые скрипки». Они занимались копированием и распространением литературы, организовывали кружки, встречи, заседания, устраивали явки, поддерживали всевозможные связи и привлекали все новых приверженцев социалистической революции. Их неутомимость и незыблемая вера в свое правое дело порой удивляют, идут вразрез с представлениями о «слабой» половине человечества.

Одной из ключевых фигур сибирских революционных событий была ссыльная Александра Владимировна Померанцева. По заданию Красноярской социал-демократической организации с осени 1916 года до весны 1917 года Померанцева работала в Ачинске, где была создана подпольная партийная организация из железнодорожных рабочих и солдат Ачинского гарнизона. «В городе Ачинске Померанцева вместе с ссыльными большевиками: Мурановым, депутатом 4-й Государственной думы, фракции большевиков, Врублевским, польским революционером, и др. — проводили большую агитационную работу среди рабочих и солдат Ачинского гарнизона. Александра Владимировна выполняла одну из самых важных работ пропагандиста-агитатора» [5, л. 1].

В дни Февральской революции Померанцева являлась бессменным докладчиком по вопросам текущих событий. Будучи представителем только

что созданного Ачинского Совета рабочих и солдатских депутатов и выполняя его поручения, Померанцева побывала во всех селах Ачинского уезда и наряду с агитационной работой активно способствовала созданию в селах уезда Советов крестьянских депутатов.

«В мае 1917 года Померанцева была отозвана на работу в Красноярск, где систематически и с большим успехом выступала перед красноярцами и жителями близлежащих районов в качестве лектора-пропагандиста. Пропагандист по призванию, Александра Владимировна умело связывала теоретические лекции с практической повседневной работой по строительству новой жизни на социалистических началах в условиях уезда, района, города, села... Такие лекции, как «Интернационал и европейская война», «Отделение церкви от государства», «В защиту матери и ребенка», «Женщина, война и социализм» и др., [...] всегда собирали много публики, с интересом слушавшей ее пламенные речи. Александра Владимировна, как вспоминают товарищи по работе, является и прекрасным мастером письменного слова, ее статьи тогда украшали газету «Красноярский рабочий» и «Сибирскую правду» [5, л. 2].

Елена Стасова, сосланная в январе 1914 года по решению Тифлисской судебной палаты на поселение в село Рыбинское Канского уезда Енисейской губернии, на месте сразу активно принялась за общественно-политическую и агитационную работу. «... (здесь) я застала Белопольского Илью, Понкраторова И.И., Ляпидевского Федора и др., а со мною пришла еще Черепанова Мария и ее муж Сергей Черепанов. Нами была организована касса взаимопомощи и созданы кружки, занимавшиеся главным образом изучением истории рабочего движения. Держали мы связи и с другими ссыльными колониями и реагировали на все события тогдашнего времени, посылая наши резолюции в адрес наших большевистских депутатов IV Думы» [2, л. 5].

Куда бы ни направляли Стасову: в с. Бейское Минусинского уезда, в г. Ачинск, в с. Курагино, — везде Елена Дмитриевна находила единомышленников и охватывала невероятный фронт работ по развитию революционного движения. «... В Курагино я организовала небольшую группу ссыльных и тесно связалась с Минусинском.

Вместе с минусинскими товарищами мы затеяли выпускать письма к ссылным, в которых мы освещали все современные события...» [2, л. 5]. «...Во время моего пребывания и в Рыбинском, и в Ачинске, и в Курагино я ежедневно переписывала для товарищей во всей сибирской ссылке те статьи или листовки, которые получались из Ц. К., как, например, сообщения о Циммервальде и Кинтале, постановления Ц. К. о войне и т. п.» [2, л. 6].

Однако местные образованные, энергичные, красивые девушки, поддержавшие революционное движение, сыграли не менее важную роль. Это Ксения Антоновна Липинская, уроженка сибирского села Кожебар, Ада Павловна Лебедева, рожденная в д. Алзамай Иркутской губернии, Гальфира Ивановна Окулова-Теодорович из деревни Шошиной под Минусинском, Евдокия Лаврентьевна Пузанова, чьи родители отбывали ссылку в д. Усолке Тобольской губернии, Александра Алексеевна и Мария Алексеевна Кузнецовы, с. Тертеж Енисейской губернии, и многие другие.

Местные хорошенькие и увлеченные идеями коммунизма девушки были идеальными помощницами революции, например Агния Свищева: «Ага, выросшая в Красноярске, живая и общительная, знала в городе многих жителей, которых по соседству, которых по работе в газете, по учебе. Это очень помогало ей в выполнении партийных поручений, в собирании сил большевистского подполья» [8, л. 3]. «Агния Свищева, — писал Иван Семенович Дмитриев, — была одним из собирателей большевистского подполья в Красноярске. Больше того, она, как и Матушевский, были здесь главными вдохновителями нелегальной партийной работы в первый ее период: Матушевский как идейный руководитель, а Агния как неутомимый организатор. Она первая установила связь с большевиками, томящимися в белогвардейской тюрьме. Всячески она старалась помочь арестованным коммунистам, стремясь поддержать их материально и морально сообщениями о ходе Гражданской войны и деятельности парторганизации. Агнии удалось приносить передачи Вейнбауму» [8, л. 6]. «В 1917–1918 гг. в г. Красноярске совместно с группой активисток-коммунисток она читала лекции и делала

доклады. На этих собраниях Агу любили. Она умела затронуть лучшие струны души каждого» [9, л. 1]. «Ага Свищева была прямой участницей, в этой увязке самую сложную и ответственную работу организация поручала Свищевой: по передаче оружия, патронов в партизанский отряд она брала на себя. Ей приходилось скрываться, ежедневно менять свою декорацию и костюмы, и иногда она превращалась в нищую — цыганку, гадавшую на руке, где бы только было можно пробраться в такие места, где царила вся белогвардейская свора, где было можно узнать о том или ином товарище, который подвергся опасности. Иногда она превращалась в светскую барышню — аристократку, с целью проникнуть на чешский банкет. Узнавала ихние планы об отправке войск на партизанские отряды и немедленно сообщала об опасности, которая грозила партизанам» [9, л. 2].

Определенную и немаловажную роль сыграла настраивающая на некоторую степень романтизма сибирская природа, близость к природному заповеднику «Столбы», скалистому отрогу Западных Саян. Одна из активисток революционного движения Сибири Анна Леушина (в девичестве Свищева) вспоминала: «...Редко кто не подпадает под обаяние Столбов — этого красноярского чуда природы. Грандиозные дикие скалы громоздятся друг на друга, будто кто-то могучий набросал их в высоту. Небольшие скалы раскиданы вокруг, как после забавы богатырей. А сверху видны бесконечные синеющие дали тайги и серебряная лента далекого Енисея. Романтическое прошлое Столбов, как убежища нескольких поколений революционеров, создало особый стиль дружелюбия и товарищества между столбистами» [8, л. 5]. Возможно, именно это очарование романтикой столбизма внушило столь непреклонную веру девушкам в идеи коммунизма и мечты о лучшем и более справедливом обществе: «...И сестры Свищевы попадали под очарование Столбов и приютившей их компании «беркутов», куда их привели Леушин и Степанов» [8, л. 5].

«Партийный комитет ищет путей к солдатской массе. Женщины! Женщины помогут. Пузанова, Галинина, Кандуфорова — вот те, кто смело берется за работу среди солдат. Они знакомятся с солдатами, зазывают на квартиру, поят чаем.

И рассказывают... Рассказывают о себе, о своих мужьях, братьях, товарищах. Эти добродушные, ласковые женщины» [10, л. 1].

Большевикам повезло, что их единомышленницами стали столь блестящие, умные, талантливые молодые женщины. Именно их дар убеждения и способность выступать перед публикой обеспечили массовую поддержку большевиков в Красноярске, Минусинске, Ачинске.

Страшное дело война, но одно дело, когда гибнут мужчины, другое дело, когда даже под пытками не сдаются красивые девушки, когда они берут в руки оружие и идут защищать свои идеи на фронт. «... И вместе с рабочими на фронт идут женщины Ада Лебедева, Зина Гущик, десятки других идут и становятся в ряды бойцов. И еще больше в санитарных вагонах едут на фронт в качестве красных сестер» [10, л. 1].

Многое пришлось пережить, перестрадать, подвергаться ужасным пыткам и истязаниям. Из воспоминаний Пузановой: «...Подвергнули меня жестоким истязаниям: проломили голову в двух местах и рассекли шашкой губу, и все это только из-за того, что им хотелось узнать, где находится наша организация. Напрасны были эти страшные, ужасные труды, я им ничего не сказала» [11, л. 5]. Их преданности делу и отваге можно только позавидовать. В своем письме Ага

Свищева пишет своей сестре: «...Иду в подполье, пусть лучше скорее расстреляют, чем знать и смотреть, как один за другим гибнут товарищи, а ты являешься молчаливым зрителем» [8, л. 1]. «Как ни тяжело было нашим женщинам оставлять своих детей, каким большим ни казалось им их личное горе — ни одна из них не плакала» [12, л. 5]. Уходили и погибали, тем немногим, кому удалось выжить, помогла воля случая: «... Судьба наша была решена. Трудно было поверить в то, что мы останемся живы... Было страшно и томительно-жутко переживать моменты, когда других товарищей выводили на расстрел... Целых 7 суток ехали мы в холодных вагонах в ожидании скорого конца, но, доехав до Черемховских копей, нас освободили. Опять можно было вздохнуть свободнее» [11, л. 8]. И, несмотря на все трудности, которые им пришлось пережить, они продолжали следовать к своей цели.

Значение женщин в истории трудно переоценить. Часто они становились своеобразным «топливом» тех или иных исторических событий. Так и сто лет назад молодые, образованные, красивые женщины становились главными вдохновительницами большевиков, образцами смелости, решительности и непреклонности в своих убеждениях в борьбе за лучшее общество.

Источники и литература:

1. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. П-64. Оп. 5. Д. 541.
2. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 818.
3. ГАКК. Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 48.
4. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 619.
5. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 496.
6. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 586.
7. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 448.
8. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 305.
9. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 607.
10. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 10. Д. 486.
11. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 485.
12. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 194.

УДК 908.302.19.5

Чернышов В. В.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»)

***Аннотация:** Февральская революция 1917 года вызвала подъем общественно-политической жизни в Енисейской губернии. Эти процессы затронули не только городское образованное население, но и достаточно консервативно настроенное сибирское крестьянство. Участие тех или иных слоев общества в общественно-политической жизни, деятельность политических партий, отношение к этим партиям со стороны населения — все эти вопросы важны для понимания той обстановки, которая сложилась в губернии в период с февраля по декабрь 1917 года. Существенную роль в изучении таких вопросов играли и играют архивные документы.*

***Ключевые слова:** архивные документы, революция, Совет рабочих и солдатских депутатов, земства.*

Революционные события 1917 года вызвали небывалый ранее подъем общественно-политической жизни в Енисейской губернии, активное участие в которой принимает большое количество ее жителей, относящихся к разным социальным группам. И без подробного изучения общественных настроений этих социальных групп, их взаимодействия с политическими партиями и новыми революционными органами власти невозможно понять ту обстановку, которая сложилась во время революции, выявить местные особенности революционного процесса.

Существенную помощь в этом оказывали и оказывают документы, находящиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Это документы волостных правлений, волостных земских управ, Красноярской городской думы, Красноярской городской управы, Красноярского Совета, Енисейской губернской управы, Временного правительства, политических партий, воспоминания участников событий. Множество сведений содержится и в периодических изданиях того времени.

Достаточно большой массив таких документов свидетельствует об участии в происходящих событиях городского населения губернии. Именно это население, несмотря на то что оно представляло собой различные социальные слои — крупную и среднюю буржуазию, чиновничество, интеллигенцию, мелких торговцев, рабочих, переселившихся в город крестьян, солдат и офицеров местных гарнизонов, которые по-своему видели как свое место в революции, так и ее окончательный результат, — стало движущей силой революционных процессов.

Уже 3 марта 1917 года гласные Красноярской городской думы направили в Петроград телеграмму, в которой сообщали, что городская дума «шлет свой горячий привет с выражением полного доверия новому правительству» и «готова всемерно оказать ему свое содействие в укреплении нового строя и довести войну до победного конца» [1, л. 22]. А вот как описывает первые дни Февральской революции в Енисейске один из очевидцев событий: «На что наш Енисейск «Пропавший город» (Пропадинск), и то столько

событий, которые можно увидеть и услышать раз в жизни [2, л. 4 об]. Амнистия... Вечером был на собрании, решили избрать для управления городом временную комиссию представителей от народа — по одному или нескольких делегатов от разных классов [3, л. 5]. У жандармерии оружие отобрано. Сколько здесь ораторов, теперь всех не переслушаешь. Что раньше нельзя и подумать, теперь все открыто выливается на улицу... Собрание на площади, небывалое стечение народа, музыка духовая. Всевозможные ораторы стоят на балконе, больше социал-демократы. Нашелся даже один анархист» [4, л. 5 об].

Эти воспоминания перекликаются и с воспоминаниями известного красноярского ученого Александра Леопольдовича Яворского, который после демобилизации из армии в мае 1917 года приехал в родной Красноярск: «По Большой улице народу бродит много. В разных местах идут открытые заседания партий, где обсуждаются всякие новые известия, идущие с центров и с войны. У анархистов... какой красивый... гимн. Как-то шли по улице со своим черным знаменем и пели этот гимн. Действительно зовущий на борьбу и какой-то торжественный. У большевиков, пожалуй, больше всего народу и лучшие ораторы, среди которых выделяется как митинговый оратор Алексей Окулов. Кроме того, эсеры, партия народной свободы, областники... После работы послушать ораторов стало для многих необходимостью. Многие записались в какую-либо партию» [5, л. 4].

Однако вскоре революционная эйфория у имущих слоев населения, интеллигенции, среднего городского обывателя под воздействием все ухудшающегося экономического положения, тяжелой криминогенной ситуации пошла на спад. И по словам того же А. Л. Яворского: «Теперь уже поносили не царизм и не прошлое, а другую партию, которая стояла на пути и мешала» [6, л. 4]. Социальные группы, относящиеся к имущим слоям городского населения, все меньше интересуются политикой, что сильно подрывает позиции политических сил, выступающих в поддержку Временного правительства.

Но если средний городской обыватель разочаровался в революционных изменениях, то уверенность рабочего класса, солдат, определенной

части младших офицеров и служащих, левой интеллигенции в необходимости радикальных преобразований все более и более возрастала. Выразителем их интересов стали Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов, созданный 3 марта 1917 года по инициативе местной организации социал-демократической партии, а также Советы рабочих и солдатских депутатов в Ачинске, Енисейске, Минусинске, Канске, Туруханске.

Под их воздействием в губернии был установлен на некоторых предприятиях 8-часовой рабочий день, вводились налоговые льготы, существенно улучшились условия труда рабочих, повышалась заработная плата. Такая социальная политика скоро дала свой результат, и на выборах в городские думы по новому законодательству, прошедших летом 1917 года, победили социалистические партии, представленные в Советах. Так, 25 июня 1917 года состоялись выборы в городскую думу Енисейска. В них участвовало всего 2428 избирателей из 4502, числящихся по избирательному списку, при том что голосовать теперь могли граждане любого пола старше 18 лет. От объединенной группы народных республиканцев, союза домовладельцев, союза служащих правительственных учреждений, еврейской и магометанской национальности было выбрано 9 гласных; от списка городских обывателей — 1 гласный; от мещанского сословия — 1 гласный. По объединенному же списку социалистических партий, Совета рабочих и крестьянских депутатов, профессиональных рабочих, солдат гарнизона в городскую думу было выбрано 14 гласных [7, л. 5].

Более масштабно с политической точки зрения прошли выборы в Красноярскую городскую думу. В них участвовали все крупные политические партии: социал-демократы, эсеры, Партия народной свободы (местное название партии кадетов). Последние были наиболее старой легальной партией в губернии. В ее состав входили многие представители местной интеллигенции, люди, очень известные в сфере просвещения, образования, науки, благотворительности, такие как ученый-этнограф, юрист Д. Е. Лаппо, присяжный поверенный П. И. Кусков, учитель, председатель педагогического совета Красноярской

женской гимназии А.П. Оносовский, председательница Синельниковского общества А.А. Кускова [8, л. 16]. Однако, предоставив достаточно передовую и демократическую программу, кадеты проиграли большевикам, которые получили 38 мест в думе. 27 мест получили эсеры, 3 места — социал-демократы-меньшевики. [9]. Выступая на открытии Красноярской городской думы, представитель партии кадетов так обрисовал расклад политических сил: «Партия народной свободы не может не отметить, что ей придется действовать в думе почти исключительно социалистической. Партия не видела бы в этом ничего для себя трудного, если бы переход к социалистическому управлению совершился бы постепенно и если бы население города Красноярска в своей преобладающей массе было проникнуто социалистическими идеями и сознанием. Но в наличности нет этих условий. Имея 82% социалистов в думе, мы ни в коем случае не можем думать, что из 5 красноярцев — 4 социалиста. Население города, как мы думаем, пошло за социализмом как за лозунгом, а не в силу идей, между тем как социализм пока еще только идея, а не лозунг» [10, 26 об].

Важные политические процессы происходили в деревне, где проживало большинство населения губернии. Правда, первоначально участие крестьян в революции носило спорадический и достаточно анархический характер. Так, мировые судьи сельских округов в своих донесениях в Красноярский окружной суд сообщали, что с начала революции местные крестьяне приходили в судебную камеру со словами: «Царя нет и судов нет», «Ты не имеешь права судить в волости», «Власть дана народу», «Сказано сменить всех сверху донизу», «Прикрывай свои дела и уматывай» [11, л. 24 об]. Некоторых судей, врачей, переселенческих чиновников задерживали под угрозой оружия и выдворяли из сел и деревень.

В этой связи показательна история крестьянина Григория Герасимовича Головина, жителя Шалинской волости, который в марте 1917 года попытался избираться в местный Комитет общественной безопасности. Однако крестьяне за него не проголосовали. Тогда Головин стал агитировать против Временного правительства, и под его воздействием местные крестьяне действительно

перестали платить подати, стали усиленно вынимать деньги из сберегательной кассы при Шалинском почтовом отделении, отказываться повиноваться представителям власти [12, л. 6].

Но постепенно крестьянское население политизировалось и попадало под влияние социалистических партий, в первую очередь партии социалистов-революционеров. Так, на съезде крестьянских депутатов Канского уезда, прошедшем 10–16 апреля 1917 года, была вынесена достаточно интересная резолюция. Депутаты заявили о необходимости конфисковать имущество и капиталы бывшего царя, а самого его судить «с высшей мерой наказания»; заключить мир без захватов и контрибуций; отменить частную собственность на землю, водные пространства, но конфискация или отобрание земли должно производиться планомерно, без стихийных земельных захватов; поддерживать Временное правительство до тех пор, пока оно будет строго исполнять волю народа, выражаемую через Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [13, л. 1 об]. Решение же вопросов местного характера крестьянские депутаты видели таким образом: правительство должно прекратить ссылку в Сибирь; церковно-приходские школы вывести из ведения церкви и передать в ведение Министерства народного образования; сельская милиция должна не допускать и прекращать всяческое бесчинство, хулиганство, драки, озорство, пьянство [14, л. 2].

Однако в целом деревня была более консервативна, чем город. Об этом свидетельствует одна примечательная заметка в газете «Енисейский край» от 15 марта 1917 года, в которой сообщалось, что Ачинский комитет общественной безопасности командировал в уезд экспедицию по селам и деревням «для ликвидации старого режима». В состав экспедиции вошли одно лицо с административными полномочиями и два пропагандиста. И что самое примечательное — к экспедиции в целях охраны были приставлены воинские чины [15].

Важным общественно-политическим событием в жизни крестьянского населения стали выборы в земские учреждения. Губернские, уездные, волостные земские учреждения были введены в Сибири 17 июня 1917 года. В мае-

июне 1917 года Енисейским уездным съездом крестьянских представителей была организована Енисейская уездная земская управа. Управа состояла из председателя, трех членов и четвертого, избранного от города Енисейска демократическим городским собранием. В функции управы входила вся административно-хозяйственная деятельность уезда. Образовывались земские управы и в других местах. Однако часть населения достаточно равнодушно относилась к введению этого института. В сообщениях уездных комиссаров о проведении выборов в земские учреждения сообщалось, что наиболее сознательные слои крестьянского населения представляли в основном крестьяне-переселенцы из Европейской России, знавшие о пользе этого института. Крестьяне-старожилы шли на выборы неохотно, из-за опасения быть оштрафованными. Так, в Ачинском уезде участвовало в выборах 55–60 % населения, но в отдельных округах эта цифра до-

стигала с трудом 14 %. Наиболее низкая явка приходилась на округа, где голосование было связано с поездкой в другое село.

Введение земств должно было стать противовесом радикально настроенным городским думам и Советам. Но время земств уже прошло, и, как это видно из документов, земства уже в скором времени превратились в бюрократические учреждения, требующие на свое содержание все больше и больше средств, что в конечном итоге и определило победу большевиков в октябре 1917 года.

Как видно из сказанного, документы, находящиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края», позволяют представить достаточно полную картину событий, происходивших как в период с марта по октябрь 1917 года, так и событий, следующих после Октябрьской революции.

Источники и литература:

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. 117. Оп. 1. Д. 1282.
2. ГАКК, там же.
3. ГАКК, там же.
4. ГАКК, там же.
5. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 174.
6. ГАКК, там же.
7. ГАКК. Р-1813. Оп. 2. Д. 10.
8. ГАКК. Ф. 173. Оп. 2. Д. 12.
9. ГАКК. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. 6 июля 1917 года.
10. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2417.
11. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 313.
12. ГАКК. Р-44. Оп. 2. Д. 3.
13. ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 10.
14. ГАКК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 10.
15. ГАКК. Енисейский край. 15 сентября 1917 года.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЮЗ

ЧАСТЬ 3

Революция: социальный и нравственный выбор общества

УДК 94.37.08 «1917»

Бибикова В. В.

ЕНИСЕЙСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО В 1917 ГОДУ

Аннотация: в статье анализируется трансформация политических взглядов и настроений учительства Енисейской губернии с Февральской до Октябрьской революции.

Ключевые слова: Всероссийский учительский союз (ВУС), всеобщее обязательное обучение, децентрализация управления, светскость школы.

Весть об отречении царя от престола распространилась в Красноярске 27 февраля 1917 года. В городе это известие встретили с восторгом. Из всех учебных заведений в адрес Временного правительства шли приветственные телеграммы. Журнал «Сибирская школа» печатал восторженные стихи:

Пало рабство и позор,
Пламя жизни загорелось,
Пусть выходит на простор
Все, чем сердце изболелось. [16, с. 40]

Так вперед, без сомненья и страха!
Да исчезнет былого кошмар.
Наш девиз будет — общее благо,
Лозунг: «Прошлому — смертный удар!» [17, с. 1]

Это соответствовало общему восприятию произошедших изменений. Журнал «Русская школа» сообщал: «Свергнутый царь ни у кого не встречает сочувствия. У всех пасхальное настроение» [13, с. 24].

В конце 1916 года в сводках жандармского управления Енисейской губернии о «настроениях педагогического персонала» говорилось: «Педагогический персонал кадетствует повсюду, есть единичные личности-революционеры, держащиеся, впрочем, очень осторожно. Контингент народных учителей повсеместно, где они не были призваны в действующую армию, принадлежит к социал-демократам по убеждениям или народникам социалистам-революционерам» [3, с. 8].

После Февральской революции в Москве и Петрограде спешно шли приготовления к организационному съезду Всероссийского учительского Союза. В Енисейской губернии с марта началась работа по созданию «учительских обществ».

В частности, в Ачинске на собрании 11 марта 1917 года учителя поставили перед собой «новую великую гражданскую задачу»: «Мы должны помочь народу найти то русло, по которому направилась бы его воля в его стремлении к новой свободной жизни, помочь народу в достижении не только политических свобод, но и свобод экономических и социальных. Мы всеми силами должны поддерживать Временное правительство, эту единственную авторитетную власть в России, и тем спасти исстрадавшуюся страну от смут и беспорядков и не дать погибнуть провозглашенным великим принципам свободы». Ачинцы поддержали продолжение войны «до победного конца» [17, с. 7, 8]. 1-й съезд Ачинского отделения ВУС (1–7 июня 1917 года) поддержал Временное правительство, но при этом в решении отводится место Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «Впредь, до созыва Учредительного собрания, мы признаем Временное правительство единою и нераздельною властью в России и подчиняемся всем распоряжениям этой власти, контролируемой общественным мнением России в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». И вновь съезд выступил против сепаратного мира и братаний на фронте [5, с. 124]. В Минусинске отделение ВУС было организовано 10 мая 1917 года. Как и в других отделениях, они видели необходимость введения всеобщего бесплатного и обязательного начального обучения, преподавания на родном языке, «признания преподавания религии частным делом», «исключения этого предмета из курса общеобразовательных школ как обязательного предмета».

В Красноярске организационное собрание состоялось 9 апреля. Был принят устав общества, определивший его цели и задачи. Кроме задач

«коренного изменения общего строя и учебно-воспитательного дела в школе», новое общество ставило и более широкие задачи, в частности: распространение в населении научного и прикладного образования, нравственное и художественное воспитание и физическое развитие населения; удовлетворение стремлений местного населения к организованности и воспитание в нем навыков к участию в общественной и политической деятельности [16, с. 41].

Таким образом, наряду с вопросами демократизации и реорганизации внутреннего строя жизни школы, правовой и профессиональной защиты учителей члены союза ставили перед собой просветительские задачи. Особенно обращает на себя внимание задача «удовлетворения стремлений» населения к «организованности» и «воспитания в нем навыков к участию в общественной и политической жизни». Пройдет совсем немного времени, и учительство увидит, что население само будет организовываться и участвовать в общественной и политической жизни. И, пожалуй, эта самостоятельность в принятии решений, зачастую не совпадающих с принятыми в среде интеллигенции, будет открытием для учительства. При этом в обращении ко всем учителям губернии съезд не переоценивал своего участия в революционных событиях: «Товарищи! Мы только что пережили радостный, незабываемый праздник воскресения России для новой, светлой жизни. Революционный народ произвел неслыханный, сказочный переворот, сломил деспотическую царскую власть, и мы теперь все уже не бесправные российские обыватели, не забитые и гонимые полурабы, а свободные граждане, взявшие в свои руки счастье и величие родной страны» [17, с. 2].

Канское отделение ВУСа было учреждено на съезде, проходившем 27 марта 1917 года. Один из руководителей отделения Злотников сообщал: «Свобода» была у всех на устах». При этом он высказывал то ли разочарование, то ли недоумение по поводу того, что «оказывается, эту «свободу» в стране революционных крестьян, рабочих и солдат поняли не совсем правильно. Пользуясь свободой, можно было оскорблять сколько угодно каждого. И учительство на первом же съезде в «свободной стране» было оскорблено до глуби-

ны души. Нам сказали: «Придет немец, и русская школа, о которой вы так много заботитесь сейчас, будет такой же кабак, как было до сих пор». А в местной газете мы были окрещены как «замогильные голоса». Можно было оскорблять учительство оптом и в розницу. Оно, при отсутствии единения, не в силах защищать себя» [8, с. 62]. Латышские учителя (май 1917 года) в резолюции собрания писали: «Учитель обязан приложить все свои силы, чтобы использовать и провести в жизнь достоинства революции и осуществить ее дальнейшее развитие» [9].

Все эти настроения были в русле решений 1-го съезда ВУС. Один из его организаторов Я. Я. Гуревич писал: «Когда свершился наконец мартовский переворот, когда обрушились разом все устои самодержавно-бюрократического строя, русская общественность неудержимой волной бросилась на место, освобожденное низвергнутой властью» [14, с. 56].

На съезде выдвигались требования упразднения учебной цензуры, дирекций и инспекций народных училищ, училищных комитетов, училищного совета при Синоде; провозглашение полной свободы учительских организаций, собраний, союзов. В платформе ВУС были заложены радикальные положения: введение всеобщего и обязательного обучения на первых двух ступенях общеобразовательной школы; принятие мер, обеспечивающих действительную общедоступность обучения (бесплатное снабжение учеников учебниками, одеждой, пищей); преподавание на родном языке; бесплатность обучения; уничтожение привилегий в области образования, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием, сословностью; совместное обучение; признание преподавания вероучения частным делом [14, с. 20].

Участники съезда не задавались вопросом, насколько государство способно выполнить эти предложения. Выступление министра народного просвещения А. А. Мануйлова было воспринято весьма сдержанно в силу того, что он не отреагировал на предложения участников съезда о новом правописании, отмене церковно-славянского и иностранных языков как обязательных, о децентрализации школьного управления [18, с. 174–175]. Стремление к свержению старой бюрократии души.

тии было настолько сильным, что даже в августе 1917 года на 1-м губернском съезде учителей высказывали требования: «Министерство народного просвещения отжило свое время и должно быть уничтожено! Долой указания сверху! Указания должны идти снизу, от организованной демократии! Школа должна быть свободна, только свободная школа и может воспитать свободного гражданина. Долой весь мусор государственной политики, циркуляры, предписания. За отделение школы от государства! Вся власть местным самоуправлениям!» [20, с. 20].

Под влиянием происходивших событий учительство консолидировалось, оформляясь в довольно закрытую корпорацию. Летом в Красноярске проходили выборы в Красноярскую городскую думу. Наряду с политическими партиями в списках были выдвиженцы пяти групп, или, как сказали бы сейчас, блоков: от арендаторов, православных христиан, домовладельцев черной сотни, евреев и Союза учителей. Эсер А. Гневушев, преподаватель учительского института, выражал недоумение по поводу отдельного списка учителей в выборной кампании: «Появление двух последних списков труднообъяснимо и может быть понято как результат недостаточного политического развития граждан-избирателей». Эту точку зрения он объяснял тем, что «всякая политическая партия» имеет политическую программу, которая ложится в основу предвыборных платформ. «Какие особые интересы у евреев и педагогов? Если евреи ослабляют самостоятельным выступлением на выборах буржуазные партии, то нет никакого сомнения в том, что педагоги ослабляют партии социалистические. Вопросам народного образования все три политические партии отводят достаточно внимания», — писал он [10]. На выборах победу одержали большевики (41 место), на втором месте — эсеры (27 мест), на третьем — кадеты (9 мест). Отделение ВУС заняло предпоследнее место, за него было подано 252 голоса [1, с. 12].

Политические партии начали борьбу за влияние среди учительства, видя в нем агитационный ресурс накануне выборов в Учредительное собрание. На 1-м губернском съезде учителей (1–9 августа 1917 года) эсер Фомин призвал учителей играть в выборной кампании «первенству-

ющую роль» по подготовке населения к сознательному участию в них и пригласил трудовую интеллигенцию, как «часть великого фактора прогресса», объединиться в «единый союз плуга, молота и мысли на пользу Родины и революции». От Красноярского комитета РСДРП(б) А. И. Окулов призвал учительство к дружной совместной работе, особенно в стремлении к «скорейшей передаче власти в руки Советов солдатских и рабочих депутатов». Выступление А. И. Окулова, с одной стороны, поддерживалось аплодисментами, с другой — осмистывалось [20, с. 8–10]. Это позволяет сделать вывод, что учительство не было однородным по своим политическим убеждениям. На следующий день в газете «Знамя труда» был опубликован протест учителей-латышей по поводу произошедшего инцидента: «Мы, группа учителей-латышей, принадлежащих к разным социалистическим партиям, находим, что таким отношением к свободе слова нанесено оскорбление не только т. Окулову, но и политической организации, от которой он приветствовал съезд, и выражаем по этому поводу глубочайшее сожаление» [20, с. 30]. На съезде это заявление было обсуждено и принята резолюция, в которой указывалось, что съезд «не мог желать оскорбить» ни одну из партий, но в то же время не «может быть ответственным за отдельное некорректное реагирование» [20, с. 31].

Но анализ резолюции съезда говорит о том, что ни одно большевистское предложение съездом не было поддержано. Я. Е. Боград в ходе обсуждения вопроса о продолжении войны сказал: «Я знаю, что собрание уже настроено против нас. Но я буду доволен даже тем, что сумею, может быть, заронить хотя бы сомнение в истинности заверений наших противников» [20, с. 46].

А вот социалисты-революционеры были настоящими именинниками съезда. Все выступления эсеров поддерживались бурными аплодисментами. Это свидетельствовало об изменении предпочтений учительства, весной, безусловно, поддерживающих кадетов. Хотя кадеты на съезде выступали гораздо более радикально, чем большевики. К примеру, кадет Г. Бондарь выступил с докладом «Школа и церковь», в котором предложил «скорейшее устранение Закона Божия из школы», сделав заключение о том,

что Закон Божий «нарушает принцип свободы веры и свободы совести», что его преподавание «бесполезно отнимает много времени» и «имеет сомнительное воспитательное и образовательное значение» и является «орудием затмения масс в ущерб их культурному развитию», и поэтому необходимо «отделение церкви от школы признать существенно необходимым в первую очередь» [20, с. 26]. При выборах в Учредительное собрание он призвал «проводить кандидатов, стоящих на этой платформе» [20, с. 27]. Преподаватель Р.А. Френкель был вынужден признать, что ему ближе позиция большевика Бограда, нежели кадета Бондаря: «Я аплодировал Бограду за то, что он, социал-демократ, большевик, сказал: да, мы решительно стоим за исключение Закона Божия из школы, но если русское крестьянство будет думать иначе, мы склонимся перед его волею. Между тем как от представителя партии КД гражданина Бондаря мы слышали иное» [20, с. 35]. Съезд принял решение, что «обязательное обучение Закону Божию должно быть устранено из курса школы и заменено свободным, не стесняемым никакими рамками, живым общением вероучителя с учащимися в школе» [20, с. 37]. За обязательное преподавание было подано лишь 3 голоса, против — 150, воздержались — 16 [20, с. 37].

На августовском съезде приняли решение об участии учителей в выборах в Учредительное собрание. Ни о какой политической нейтральности речи не было. Представитель губернского земства Б.Ф. Тарасов так охарактеризовал положение в губернии: «Настоящее настроение деревни ужасно. Народ, выйдя из-под прежней власти Бога, царя, губернатора, проникается теперь ненавистью ко всякой государственности. Современное настроение деревни характерно формулируется одной песенкой, слышанной мной в деревне: «Бога нет, царя не надо, губернатора убьем; податей платить не будем и в солдаты не пойдем» [20, с. 51]. Думается, принятая учительским съездом резолюция о продолжении войны не учитывала этих настроений, которые не пытался скрыть один из руководителей губернии. Но и в этих условиях Б.Ф. Тарасов призвал учителей проводить подготовку к выборам: «Учитель не должен смущаться таким ужасным состоянием деревни. Идите смело в народ, прини-

майте меры к уничтожению всякой розни между отдельными интеллигентными силами деревни» [20, с. 51]. Эсер Фомин развеял кадетское предположение о возможности избежать в ходе выборов «розни». Он прямо сказал: «Прежде чем пойти на работу в деревню, учительство должно определить свою партийность, потому что беспартийность не есть объективность критических суждений. Каждая партия является выразителем интересов известной группы населения. Беспартийным лучше не ходить в деревню, потому что будут выставлены партийные списки, и крестьянство будет спрашивать о каждом списке. Первая задача учительства — политическое самоопределение... активная работа как партийного работника» [20, с. 59]. Съезд учителей, как видно, политизировался, стоять вне политики, соблюдать нейтралитет не рекомендовалось. И в резолюции съезда было указано: «Революция властно требует от всех сознательных граждан партийного самоопределения. Вне партийного самоопределения невозможно участие в общественной жизни. Крайне важно партийно определиться представителям интеллигенции в деревне, народным учителям ввиду предстоящих в ближайшее время выборов в Учредительное собрание; народным учителям необходимо принимать в подготовке к выборам в УС самое деятельное участие путем ознакомления населения с порядком выборов, разъяснения избирательного закона, пропаганды партийных программ, взглядов» [11].

Как писалось в эсеровской газете «Наш голос», учительство «старалось не только обсудить чисто профессиональные педагогические вопросы, но и набраться побольше сил и навыков для предстоящей великой работы на местах по подготовке населения в местное самоуправление и в УС. Оно пойдет на эту работу. Оно уже записывается целыми группами в исполнительном комитете Советов крестьянских депутатов» [11].

На съезде было продемонстрировано усиление пропагандистского воздействия политических партий на учительство. Учителям были предложены различные политические платформы к решению узловых проблем России. Учителя поддержали в основном резолюции, предложенные меньшевиками и эсерами. Но несомненный интерес и к докладам большевиков. По всей ве-

роятности, это было продиктовано результатами городских выборов. К полной неожиданности эсеров, организовавших после съезда учительские курсы, учителя проявили «громадный интерес» к лекции «О взглядах большевиков», прочитанной большевиком Г. С. Вейнбаумом [6, с. 89].

Несомненен кризис авторитета кадетов к середине лета и рост интереса к эсерам. Причиной являлись политические кризисы, пережитые страной в июне-июле 1917 года, и именно эти потрясения заставили учительство искать альтернативу кадетской партии.

Следует согласиться с заключением Н. Н. Смирнова: «Вовсе не программные установки определяли степень влияния той или иной политической партии среди российских педагогов. Сказывались прежде всего чисто человеческие факторы:

- 1) опасение оказаться на крайне революционных или контрреволюционных позициях и тем самым быть отторгнутым корпорацией;
- 2) желание быть над схваткой (своеобразным третейским судьей) и выносить собственные решения по вопросам общественно-политической жизни страны;
- 3) уход от политики в решение чисто профессиональных задач.

Иными словами, со всех сторон казалось выгодным оказаться в центре, но... позиции контролировались меньшевиками и эсерами» [18, с. 259].

Что же касалось большевиков, то активной наступательной работы по разъяснению своей позиции в области образования среди учительства ими не велось в достаточной мере. Во-первых, партия была малочисленной, во-вторых, их основные усилия были направлены на агитацию и работу в среде рабочего класса — как основной движущей силы революции. Нужно учитывать и преследования большевиков со стороны Временного правительства, начавшиеся летом 1917 года.

Осень не добавила активности в учительской среде енисейского учительства. Настроение было уже не восторженное. Достаточно прочитать стихотворение в газете «Свободная Сибирь»:

Ленты. Флаги. Льются речи.
Даль светла, ясна.
Солнце, зелень. И встречает
Революцию весна.

Пал барометр. Слякоть, осень.
Даль весьма темна.
На земле хаос. Крадется
К революции зима. [15]

В течение осени в средних учебных заведениях губернии проводились выборы учительского персонала, сопровождавшиеся скандалами, в которые были втянуты родители и учащиеся. Как правило, свергались руководители учебных заведений.

По стечению обстоятельств 24–25 октября 1917 года в Красноярске находился член правления ВУС П. И. Преображенский, который отметил, что вся работа в губернии идет по тому направлению, которое намечено Государственным комитетом по народному образованию, но «отрицательной стороной является большевизм в школьной жизни» [2, с. 26].

ВУС не поддержал Октябрьскую революцию, и резолюции из Петрограда о саботировании новой власти начали реализовываться в губернии. В Красноярске учительство раскололось примерно наполовину, и забастовка не была проведена. Забастовки учителей были организованы в Ачинске и Канске. Однако среди населения эти протестные акции не вызвали одобрения. Симптоматичным было выступление крестьянина Власова на Ачинском крестьянском съезде (5–8 декабря 1917 года): «Чиновничество и интеллигенция стремились себя разукрасить и поставить впереди народа, но они обманули народ и провалились» [12, с. 7].

Миссионерские взгляды, распространенные в учительской среде весной 1917 года, к осени 1917 года исчезли. В условиях пошатнувшихся государственных и религиозных опор интеллигенция претендовала занять место разработчика новых векторов развития общественно-политического устройства страны, но жизнь вытолкнула в качестве доминирующей силы рабочий класс и РСДРП(б) с ее идеологией. Распад социальной структуры общества к осени 1917 года вытеснил интеллигенцию с лидирующих в февральские дни позиций, отодвинул ее от власти, лишил возможности определять будущие траектории раз-

вития общества и государства. Журнал «Сибирские записки» саркастически писал: «Повсюду первые места заняли рабочие и солдаты. Рядовой обыватель и интеллигенты были, как «буржуи», отпихнуты далеко назад. Чтобы попасть в первые ряды, для последнего рода лиц было необходимо принять покровительственную окраску. Так многие и делали, и некоторые столь усердно, что даже перекрасились» [19, с. 108].

Протесты интеллигенции против Октября не были неожиданностью для большевиков.

В.И. Ленин еще до революции писал: «Русская интеллигенция и русское крестьянство, как социальные слои, сопоставляемые с пролетариатом, могут быть опорой только буржуазно-демократического движения. Это не только соображение, обязательно вытекающее из нашего учения... Нет, это, кроме того, и прямой факт, начинающий сказываться уже теперь. А в момент политического переворота и на другой день после этого переворота этот факт неизбежно скажется еще с гораздо большей силой» [7, с. 374]. В.И. Ленин не ошибся в своем предвидении.

Источники и литература:

1. Бердников Л. П. Вся красноярская власть. К., 1996.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 577. О. 1. Д. 1.
3. ГАКК. Ф. 827. О. 1. Д. 283.
4. ГАКК. Ф. 827. О. 1. Д. 1236.
5. Жолудев Д. Г. Краткая история Красноярского края. Енисейск, 1961.
6. Красильников С. А. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти [1917 – лето 1918 года]. Н., 1985.
7. Ленин В. И., ПСС. Т. 6. М., 1972.
8. МУ МГА КК. Ф. 105. О. 1. Д. 13.
9. Наш голос. 1917. № 42.
10. Наш голос. 1917. № 59.
11. Наш голос. 1917. № 112.
12. Протоколы 11-го Ачинского уездного крестьянского съезда, объединенного с Советом рабочих и солдатских депутатов [5–8 декабря 1917 года]. Ачинск, 1917.
13. Русская школа. 1917. № 2–4.
14. Русская школа. 1917. № 9–12.
15. Свободная Сибирь. 1917. № 151.
16. Сибирская школа. 1917. № 2.
17. Сибирская школа. 1917. № 3.
18. Смирнов Н. Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. М., 1990.
19. Сибирские записки. 1917. № 4–5.
20. Труды первого общегубернского съезда учащихся Енисейской губернии в г. Красноярске с 1 по 9 августа 1917 года. Ачинск, 1918.

УДК 94(571)

Бобрик И. Е.

«ВЫШЕ ВСЯКОЙ ПАРТИИ ДОЛЖЕН СТОЯТЬ ПАСТЫРЬ ЦЕРКВИ»: ЕНИСЕЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПЕЧАТЬ И ВЗГЛЯДЫ ДУХОВЕНСТВА ЗИМОЙ — ЛЕТОМ 1917 ГОДА

***Аннотация:** рассматриваются взгляды енисейского духовенства на церковные настроения в течение зимы — лета 1917 года. На основе печати показаны различные пути модернизации приходской жизни, распространенные в среде духовенства, а также наиболее злободневные вопросы Енисейской епархии. Приводится несколько полярных точек зрения священнослужителей, а также ключевые проекты церковно-общественных преобразований.*

***Ключевые слова:** Енисейская епархия, церковная революция, обновленчество, церковная печать, Великая российская революция, духовенство.*

События, охватившие Российскую империю в 1917 году, для истории Русской православной церкви стали границей между старым, синодальным периодом истории РПЦ и новым, советским (или т.н. вторым патриаршим). Стремительные изменения, пережитые российским обществом в предреволюционное десятилетие, в совокупности с многочисленными кризисными явлениями породили брожение в умах, всколыхнувшее практически все социальные слои. В течение 1917 года поднимались различные вопросы, связанные с поисками новых типов государственно-конфессиональных отношений. Исторический опыт таких исканий актуален и сегодня, когда наблюдаются тенденции к вовлечению церкви в политические процессы, поскольку Русская православная церковь, как социально-политический институт, активно сотрудничает с различными общественными структурами. В связи с этим возникает опасность обмирщения церкви, а это, в свою очередь, может стать существенной «ошибкой из прошлого».

Каким образом енисейское духовенство видело реформированное будущее Русской православной церкви? Не останавливаясь на проблеме взаимоотношения епископата и приходского духовенства, достаточно разработанной в историографии [1, 8, 10], попытаемся определить тенденции в умах ду-

ховенства, проблемы, внутриепархиальные кризисные явления, которые, по мнению духовенства в 1917 году, необходимо было устранить. Стоит также отметить, что, несмотря на разнообразие взглядов на церковно-общественные преобразования до февральских событий 1917 года, после свержения монархии большинство вопросов так и остались нерешенными.

Вступая в 1917 год, Енисейская епархия ощутила ряд острых проблем в церковной жизни. С января 1917 года эти проблемы стали обсуждаться на страницах нового епархиального журнала — «Енисейская церковная нива». Название журнала выбрано, скорее всего, не случайно. В буквальном смысле нива — это поле, возделанное для посева, в переносном значении — поле деятельности. В христианском разуме церковной нивой нередко именуют всю паству, главным «сеятелем» такой «нивы», как гласит библейская притча, выступает сам Христос: «И стал сеять семя свое — Слово» (Лк, 8:5). Позже на страницах журнала выяснилось, что в непоколебимом тезисе «сеять слово», по мнению некоторой части духовенства, и заключаются многие приходские проблемы, поскольку «слова» и «дела» енисейских священнослужителей заметно различаются, что лишний раз вызывает недовольство прихожан [4, с. 14–15]. Тем не менее «Енисейская цер-

ковная нива» стала своеобразной дистанционной интеллектуальной площадкой для обсуждения актуальных тем из жизни епархии.

Предреволюционный «анамнез» Енисейской епархии, судя по первым номерам «Енисейской церковной нивы», следующий. В некоторых уездах губернии церковно-приходские школы полностью пришли в упадок, потому как крестьяне не стали отправлять туда своих детей [5, с. 35], семинаристы бегут из семинарий [3, с. 42–43], священники занимаются больше мирскими делами, нежели церковными, перестают посещать своих прихожан, уклоняются от религиозных норм [4, с. 15], а подавляющая часть пастырей охвачена мыслью о введении «казенного жалования» [3, с. 44; 4, с. 30; 7, с. 6]. Мнение духовенства относительно народа разделилось: первая группа пастырей считала, что народ становится менее религиозным [3, с. 52]; вторая группа — народ по-прежнему религиозен, но берет «дурной» пример со своих пастырей [4, с. 15]; третья группа — сибирский народ в принципе «уроды в христианском разуме», поскольку имеет особый взгляд на религию и взаимоотношения со священнослужителем (И. Парышев) [6, с. 18].

Таким образом, ненавязчиво, по совокупности мнений, енисейское духовенство в кризисном состоянии церкви склонно обвинять в происходящем не столько паству, сколько самих пастырей. В «Енисейской церковной ниве» один из членов духовенства анонимно констатировал: «Не одних верующих нужно перевоспитать, а более и прежде всего служителей церкви» [4, с. 14]. «Народ видит, что мы только говорим, а на деле не делаем», — писал «Пастырь» [4, с. 14]. О похожем явлении говорил и И. Фигуровский: «Теперь, когда мы горячо говорим о высоте пастырского служения, а сами также энергично уклоняемся от пастырства» [3, с. 43].

Енисейское духовенство, создавая новый журнал за пару месяцев до свержения монархии, осознавало важность момента и, казалось бы, производило пророческие слова: «Если же не пойдем сейчас, мы потеряем последний свой авторитет, утратим последнее свое влияние, и вместо нас придут «волки хищные, которые распудят и расхитят «овец» нашего богоданного словесного стада» [3, с. 25]. В первом номере нового журнала

епископ Никон отметил, что народное недовольство, растущее с каждым днем, опасно своей стихийностью, поэтому нужно, чтобы руководство над этим процессом взяло духовенство, поскольку «ближе всех других стоит к народу, конечно, православное русское духовенство» [3, с. 25].

Таким образом, осознание того, что многие церковные проблемы исходят из деятельности самих пастырей, уже пришло в передовые умы духовенства, но спустя некоторое время «волной» реформаторских тенденций эту проблему «смыло» желанием «соборности», т.е. выборности и коллегиальности в епархиальных структурах.

Интересный проект церковно-общественных преобразований предлагал священник с. Едетского Ачинского уезда Алексей Августович Веселовский, который до 1908 года состоял личным почетным гражданином. В связи с тем, что «отсутствие уважения к пастырю стало обычным явлением», Веселовский предлагал «изменить правовое положение духовенства»: предоставить доступ во все общественные учреждения, ввести казенное жалование, братский суд «чести», мобилизовать всю интеллигенцию на разрешение приходского вопроса, организовать единение пастырей на местах, расширить деятельность приходских попечительств, организовать попечение о материальных нуждах прихода, заняться воспитанием детей в духе православия, развить церковно-певческое дело [4, с. 51].

«Пастырь», скрывший свое имя по понятным причинам, довольно остро отметил существующую проблему в среде духовенства: «Мы страшимся лишь потому, что интересы наши крепко связаны с земным, что заботу о земном мы связали и отождествили с заботами о церкви, религии» [4, с. 14].

Итак, вступая в революцию, духовенство Енисейской епархии осознало необходимость укрепления церковного и политического авторитета священника. «Правильное» соотношение «слова и дела» в пастырской среде многими перед революцией понималось как один из выходов в кризисной ситуации.

После февральского переворота и свержения монархии, по нашему мнению, наступает первая «волна» нахлынувшей «свободы» в епархию,

с головой скрывшая епископа Никона. 3 марта, возвращаясь из мужского скита, владыка узнал о произошедших в столице событиях. Как известно, енисейский архиерей крайне восторженно встретил эти события, о чем уже не раз писалось исследователями [8, 10]. Разослав телеграммы правительству, отыскав поддержку революции в рядах енисейского духовенства, епископ Никон стал вести активную политическую жизнь в регионе. С церковного амвона после богослужений владыка выступил с речами 3, 5, 10, 12, 18 марта, чем, конечно же, изрядно «приелся» красноярскому духовенству. «В дни переворота, — говорил владыка, — я молчать не хочу, не могу и не буду» [5, с. 15]. Епископ Никон всячески старался вызвать в регионе максимальную поддержку Временному правительству.

Первому воскресенью после переворота (5 марта) архиерей придал большую значимость, поэтому, отслужив службу в Кафедральном соборе и выступив с политической речью, владыка совершил торжественный молебен с участием всего городского духовенства. «На нас, отцы, лежит важный долг разъяснить пасомым всю важность исторического момента», — говорил епископ Никон [5, с. 13]. Подобную схему, как 5 марта, он провел и 10 марта, в пасхальный день. При этом епископ Никон сравнил произошедший переворот с Воскресением Христовым, определив свержение монархии как «гражданскую Пасху» [5, с. 16]. Кроме этого, в своей речи оратор призывал в пасхальный день отказаться от политической борьбы и раздоров, напоминая известное французское «всеобщее братание». После молебна состоялось массовое шествие, охватившее до 40 тысяч человек. 12 марта в Архиерейской церкви владыка вновь выступил с речью, высказал «боязнь за Святую Русь», говоря о проблеме незавершенности войны [5, с. 17].

Таким образом, весь март 1917 года в регионе характеризовался гиперактивной деятельностью епископа Никона, который постепенно политически «взрачивал» енисейское духовенство.

Вторая «волна» свободы, по нашему мнению, начинается тогда, когда енисейское духовенство смогло «объединиться» и составить оппозицию своему архиерею. Созванный самим епископом Никоном съезд стал местом для осуждения де-

ятельности владыки. За несколько дней до открытия съезда газеты питали надежды на предстоящий съезд. Особо отмечались «соборность», «общеeparхияльность» съезда, обозначались текущие проблемы епархии (чуждость пастырей по отношению к прихожанам, отсутствие всякой духовной связи, высокая мобильность духовенства). «Этот местный «соборик» должен освежить воздух», — писал «Прихожанин» в «Свободной Сибири» [11]. В конечном итоге спустя два дня после открытия съезда был поставлен вопрос об отношении епархии к епископу Никону. Примечательно, что материалы данного съезда никак не отражены в «Енисейской церковной ниве», а в большей степени в городских газетах.

Идея выборности в рядах духовенства некоторым образом влияла на цели будущего съезда. Хотя, по мнению священника Петра Скрынченко, такие настроения были лишь данью моде, а енисейское духовенство вообще было не готово воспринять принцип выборности [6, с. 25].

Давно назревший и малорешаемый «приходской вопрос» имел крайне неоднозначную оценку в рядах духовенства: одни видели решение проблем в материальном обеспечении духовенства (П. Скрынченко, А. Веселовский, М. Скрынченко), другие в выборности пастырей, их духовном воспитании (И. Фигуровский). Часть духовенства видела решение «приходского вопроса» в кооперативном движении, поскольку «в росте сельской кооперации видная роль принадлежит сельской интеллигенции, в частности духовенству» [7, с. 56]. Для этих целей предлагалось организовать в каждом селе несколько кооперативов, на средства которых рекомендовалось построить приходской дом для культурно-образовательного и религиозно-нравственного развития сельских жителей — «народный дом» [7, с. 57–58].

Интересным вариантом разрешения «приходского вопроса» предлагалось пчеловодство, на страницах енисейской печати даже стали появляться статьи на эту тему [4, с. 43; 5, с. 53]. Еще в середине XIX века ученый-пчеловод Н. Витвицкий писал, что «повсюду в просвещенной Европе священники пекутся и об улучшении пчельного хозяйства», являющегося прибыльной «и вместе приличной для их сана промышленностью» [2, с. 86]. Кроме того, пчеловодство высту-

пает в качестве поднятия авторитета среди прихожан, а также как богослужебный ресурс (воск для свечей). В Енисейской губернии после массовых сокращений поставок воска на фоне разногласий между прихожанами и пастырями возникла идея популяризовать занятие пчеловодством. Сама необходимость популяризации наталкивает на мысль о низком проценте «церковников-пчеляков» в Енисейской губернии.

В политическом отношении духовенство Енисейской епархии было неоднородным. Наиболее привилегированная часть духовенства принадлежала к кадетской партии [5, с. 20], другая заявляла о том, что большинство священников епархии красные (социал-демократы) [9], третья группа священнослужителей стояла на принципе внепартийности — «вышепартийности» [7, с. 43]. Данный принцип предполагал, что священнослужитель не должен состоять членом партии, поскольку будет «вместо мира» вносить партийную борьбу в приход, поэтому священник должен быть «выше партии» [6–8, с. 43].

Источники и литература:

1. Бабкин М. А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. — М.: Индрик, 2006. — 504 с.
2. Витвицкий Н. М. Практическое пчеловодство. Часть I. — СПб: типография Эдуарда Веймара, 1861. — 153 с.
3. Енисейская церковная нива. 1917. № 1.
4. Енисейская церковная нива. 1917. № 2.
5. Енисейская церковная нива. 1917. № 3.
6. Енисейская церковная нива. 1917. № 4–5.
7. Енисейская церковная нива. 1917. № 6–8.
8. Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. — Красноярск: ИД «Восточная Сибирь», 2011. — 480 с.
9. Наш голос. 1917. № 24.
10. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). — СПб: Лики России, 2008. — 224 с.
11. Свободная Сибирь. 1917. № 9. 13 апреля.

Таким образом, духовенство Енисейской епархии начиная с зимы 1917 года заметно активизировалось в обсуждении церковных проблем. За несколько месяцев до свержения монархии был создан новый епархиальный общественно-политический журнал, на страницах которого предлагались многочисленные пути выхода церкви из кризисного состояния. В это же время часть духовенства осознала, что общественная деятельность пастырей в предреволюционное десятилетие крайне негативно сказывалась на отношении к ним своих прихожан. После свержения монархии на формирование мнения приходского духовенства епархии оказало заметное влияние отношение правящего архиерея к революционным событиям. Сама фигура епископа Никона в сочетании с его многочисленными проповедями и обращениями вызывала массу недовольств, результатом которых стало свержение архиерея на первом же после свержения монархии съезде духовенства и мирян.

УДК 94 (470)

Дядус Е. В., Заикина А. Ю.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (на примере Ачинского уезда)

***Аннотация:** в статье рассмотрена повседневная жизнь мирных обывателей в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Выделены важные изменения в обычной жизни российских граждан в эпоху больших социально-политических перемен.*

***Ключевые слова:** повседневность, хулиганство, преступность, женотделы, продразверстка.*

Если попытаться найти слово, предельно емко характеризующее повседневность эпохи революции и Гражданской войны, то таковым, несомненно, будет слово «нищета». Первопричины ее нужно искать в событиях, предшествовавших революции. Развал экономики в связи с началом мировой войны, непосильная для народного хозяйства страны нагрузка — вот факторы, положившие начало разрухе. Революция ускорила те процессы, которые начинались раньше, и разрушила привычные устои жизни. Важнейшими дезорганизующими факторами, принесенными революцией, были развал власти и извращенное понимание свободы. Революционные события привели к исчезновению прежнего правового пространства, правоохранительной системы. Как следствие — произошел взрывной рост уголовной преступности. Множество преступных банд, занимающихся грабежами обывателей, действовало по всей стране. Классовый состав банд был преимущественно крестьянским. С 1917 по 1922 год прокатилась волна кровавых грабежей, бандитских налетов, сопровождавшихся зачастую зверскими убийствами. В Ачинском уезде действовало три банды: Лященко, Алиферова и Соловьева. Особенно свирепствовали молодчики братьев Лященко в Нагорново, Журавлевке, Ивановке, Окунево, Зерцалах. На юге уезда — банда Соловьева [9, с. 259]. Причинами, вызвавшими повстанчество в Ачинском уезде, являлись недовольство населения политикой органов коммунистическо-

го режима (продразверстками, мобилизациями и трудовыми повинностями), не считавшихся с реальными интересами и объективными возможностями крестьянства, а также возмущение методами ее осуществления, злоупотреблениями и преступлениями служащих советских учреждений. В 1921–1922 годах на юге Ачинского и Минусинского уездов образуются боевые районы по борьбе с бандитизмом. Начальником одного из районов назначен прибывший в конце февраля в Красноярск Аркадий Петрович Голиков. К осени 1922 года банды были в основном рассеяны. В 1924 году Иван Соловьев был арестован. По данным печати, после суда в 1926 году расстрелян. Но в 1967 году, когда в Ачинске пошел первый трамвай, все от старого до малого опробовали трамвайный маршрут. В одном из вагонов ехали бывшие партизаны. Когда в вагон вошел высокий, худощавый, полностью седой старик, партизаны закричали: «Это Соловьев!» Был ли это факт появления Соловьева после долгой отсидки, или здесь вкралась какая-то ошибка, сейчас можно только догадываться [9, с. 260].

Преступность изменяла повседневную жизнь. С фронта в городскую социальную среду стали возвращаться люди, привыкшие мыслить повоенному. Во главе встал культ силы и насилия в обществе. Настало время простых мер и быстрых решений. Появился новый социальный тип «человек солдатообразный» [8, с. 34]. Мирные жители боялись выйти на улицу в вечернее

и ночное время. Кроме того, на улицах городов нередко буйствовали пьяные красногвардейцы и солдаты. В ответ на постоянные угрозы жизни обыватели стали перенимать модели поведения у преступников и военизированных полукриминальных властей. Преступность сверху оправдывала и вызывала к жизни преступность снизу.

Конец Гражданской войны ознаменовал начало роста хулиганства. Например, в Ачинском уезде число приговоренных к различным срокам тюремного заключения за нарушение общественного порядка с 1922 по 1924 год увеличилось более чем в 3,5 раза [1, л. 3]. По частоте совершения хулиганских действий города далеко опережали сельские поселения. Революция и ее последствия, Гражданская война, голод и болезни оказали травмирующее влияние на подростков физически и психически, показав им страшные картины насилия. Психиатры констатировали, что молодые люди, детство и переходный возраст которых совпали с периодом социальных потрясений, проявляли повышенную нервозность, истеричность, склонность к патологическим реакциям [8, с. 36]. Это время стало периодом массового распространения среди населения «трущобных» болезней, в первую очередь венерических и в молодежной среде. Сифилис и гонорея в запущенных формах оказывали существенное влияние не только на физическое, но и на психическое здоровье населения. Свою губительную роль в распространении хулиганства 1920-х годов сыграла беспризорность детей и подростков, которая нарушила нормальный процесс начальной социализации молодого поколения. В подавляющем большинстве хулиганы того времени были мужчинами. Хулиган редко «геройствовал» в одиночку. Он предпочитал делать это в группе или шайке. Мнением ее членов он дорожил, за влияние на них — боролся. Шайка же обычно действовала в конкретном районе, в котором проживало большинство ее членов [8, с. 37].

В 1920-е годы трудноразрешимой проблемой как во всей стране, так и в Енисейской губернии была проституция. Масштабы «продажной любви» превышали дореволюционный период. Проституция была неотъемлемым элементом повседневного быта горожан, в первую очередь рабочих. Сильнее всего способствовал расцвету

«продажной любви» рост женской безработицы. Для борьбы с проституцией открывались дешевые столовые и общежития, женщин посылали на работу на биржу труда. Велась коммунистическая пропаганда [4, с. 136].

На фоне экономической разрухи и политической нестабильности особой проблемой было пьянство. Всю Гражданскую войну просуществовал сухой закон, установленный еще при царской власти. Но на место исчезнувшей «монопольки» за 60 копеек пришло море самогона. В 1921 году по Ачинску прошла целая вереница уголовных дел о самогоне [9, с. 265]. Среди «героев» этих дел есть старики, уничтожившие небольшое количество хлеба для выделки «лекарствия», есть «промышленники», потратившие на это гнусное дело не одну сотню пудов хлеба. Меньшим наказанием для самогонщиков было пятилетнее заключение в Дом лишения свободы. Поскольку 1920–1922 годы были голодными, то самогонщиков судили наравне с контрреволюционерами и бандитами. Приговор был один — расстрел [9, с. 266].

Изучение повседневной жизни в условиях революции позволило выявить пик переломной эпохи для обывателя. Это был 1918 год, отмеченный голодом, началом эпидемий, первыми массовыми репрессиями, разгулом пьяных погромов, преступности и самосудов, отделением церкви от государства, разгоранием Гражданской войны и т. д. Жизнь в страхе и лишениях после революционной весны 1917 года давалась обывателю очень нелегко. Поввысилось число самоубийств. В условиях тяжести быта и морально-нравственной неготовности к такой жизни определенная часть мирных жителей не нашла в себе сил жить в борьбе за существование дальше.

В первой половине 1920-х годов главным в содержании политики советской власти в отношении женщин было предоставление им всей полноты прав. «Новая» женщина должна была овладеть грамотой, элементарными нормами гигиены, освоить новые формы досуга. В целях превращения женщины в общественницу властью были использованы такие формы активности, как женотделы и делегатские собрания. Так, в октябре 1920 года в Ачинске состоялось общее собрание домохозяек города. Однако в связи

с малочисленностью собравшихся (22 человека) было проведено только собеседование на тему «Капиталистический строй и положение женщины-работницы» [13, с. 74]. Среди причин столь слабой активности женщин — тяжелое положение, в котором находилась губерния. В Ачинском уезде создавались немногочисленные женотделы для организации и политического просвещения. Из работниц и домохозяек выбирались делегатки, которые регулярно ходили на собрания. Женотделы открывали курсы нянь и сестер, следили за состоянием госпиталей, оказывали помощь больным. Участвовали в субботниках по уборке территорий, следили за состоянием детских колоний. Обеспечение крестьянок работой — одна из задач женотделов — решалась беспорядочно [4, с. 136]. В 1920 году женские органы испытывали кадровый голод из-за безграмотности населения. Кроме того, малое число женщин обладало нужным социальным происхождением с коммунистическими взглядами. Большинство их — домохозяйки — не отзывались на призывы партии. Они вовлекались в комиссии по улучшению быта учебных заведений, группировались вокруг школ. Влияние оказывала и церковь, от которой многие не отошли. В ноябре 1920 года в Ачинском уезде состоялось самовольное собрание женщин, возникшее по поводу снятия икон из школы. Женщины настояли, чтобы иконы в школе оставили на прежнем месте [2, л. 14]. В условиях недоверия народа к власти не представлялось возможным вовлечь женщин в общественную работу. Они, скорее на инстинктивном уровне, ставили во главу угла проблему выживания своих детей и своей семьи. Таким образом, говорить о развитии массового женского движения в Ачинском уезде в начале 1920-х годов можно только достаточно условно [13, с. 74].

Немаловажной проблемой для населения был банальный холод. Основной заботой граждан была постоянная попытка найти дрова, чтобы протопить свое жилище. В ход шло все, что только может использоваться в качестве дров. Сначала разбирались заборы и изгороди, распиливались телеграфные столбы, позже даже домашняя утварь использовалась в качестве топлива. К проблеме холода добавлялся острый недостаток мебели [2, л. 7].

Многие дома требовали ремонта. Они становились не совсем пригодными для жилья из-за дырявых крыш, проблем с канализацией и водопроводом, прогнивших дверей и оконных рам. Из-за этого в домах было сыро, холодно, порой царило зловоние. На улицах не собирался мусор, отсюда груды его и нечистоты. Все это повышало угрозу эпидемии и распространения заболеваний. После ухода белых в Ачинске было брошено много лошадей, которые умирали от истощения. Их трупы вывозились за город. «Позднее, в «Неделю чистоты», а потом в воскресники лошадиные трупы были зарыты в землю. Улицы города и дворы граждан были загрязнены навозом до невозможности. Появилась болезнь — сыпной тиф, который унес много жертв» [2, л. 6].

В такой ситуации невыполнение населением предписанных норм и правил гигиены являлось обычным делом. Руки трудно было мыть, поскольку стоял острый дефицит мыла. Беднейшая часть населения почти все заработанные деньги тратила на еду, поэтому не могла обеспечить себя средствами гигиены. В пищу нередко употреблялись продукты ненадлежащего качества в связи с отсутствием качественных товаров потребления.

В дальнейшем, по мере ухудшения жизни (рост смертности, эпидемий, усиление голода, холод в домах, отсутствие света, антисанитария в городах, полный развал жилищно-коммунального хозяйства, острейший дефицит предметов первой необходимости и т.д.) население стало постепенно привыкать к такой повседневности. Это отразилось в увеличении числа браков и деторождений в 1920–1922 годах.

Катастрофическое состояние медицины и невозможность достать элементарных лекарств, ужасающие по своим масштабам эпидемии в сочетании с сильным недоеданием, отсутствием отопления в домах приводили к крайне высокой смертности.

Для большей части населения революция была неким «долгожданным освобождением». И, быть может, так оно бы и случилось, если бы не началась Гражданская война. У жителей образовалась социальная апатия, что и привело как раз к тому, что люди работали в прямом смысле за еду, а не за идеалы революции.

Небольшая заработная плата трудящихся расходовалась почти на 80 % на продукты питания. Второй по значимости, но гораздо меньшей по стоимости статьей расходов являлось приобретение одежды, обуви. У рабочих и служащих на эти цели расходовалось примерно 20 % семейного бюджета. Низкими были расходы на гигиену и здравоохранение, составлявшие на одну рабочую семью 1 %, служащие тратили на данную графу расходов около 1,5 % [10, с. 272–273].

В любом случае той зарплаты, которую получали люди, не хватало. Тому есть ряд причин. Во-первых, чаще всего она была низкой, во-вторых, из-за обесценивания денег наблюдался рост цен, а в-третьих, имел место быть сильный недостаток продуктов питания. Все это было своеобразным «раем» для спекулянтов.

Запрет частной торговли вызывал повышение цен. Торговцы уходили на полулегальные базарчики. Рабочие не получали зарплату несколько месяцев. В Енисейской губернии и Ачинском уезде в 1920 году цены выросли на муку в 21 раз, на мясо в 16 раз, на сапоги в 10 раз [6, с. 144]. Кроме того, Сибирь «должна была» помогать Центральной России. Непомерные поборы возмущали сибиряков. По статистическим данным о продразверстке на 1 июля 1920 года, Ачинский уезд выполнил план на 80 % общей разверстки [3, л. 22]. Спустя лишь несколько месяцев разверстка дала в уезде 100 %-ный результат. Гибельно действовал на сельское хозяйство и тот факт, что на корм скота крестьянам не оставлялось сена [3, л. 14]. Начинались восстания. В Ачинском уезде самое крупное — Сerezское восстание, где погибло 38 большевиков [6, с. 162]. С введением в 1921 году продналога ситуация улучшилась ненамного. Так, по февральским информационным сводкам 1922 года сообщалось: «Цифры обложения продналога во многих местах Енисейской губернии превышают количество имеющегося хлеба у крестьян: стихийные бедствия,

постигшие отдельные места губернии, и ошибки, допущенные при определении норм продналога, создали острое недовольство крестьян советской властью. Они говорят, что продналог для них не лучше продразверстки» [3, с. 81]. В Ачинском уезде было обнаружено множество скрытых пашен, и власть просила население выдать их владельцев. В уезде действовала шайка спекулянтов, стоимость промышленных товаров у которых была ниже, чем в кооперативных магазинах. В архивах сохранились отрывочные сведения об имуществе, конфискованном у крестьян за невыполнение продналога выездными сессиями губревтрибунала. В Ачинском уезде: крупного рогатого скота — 590 голов, мелкого скота — 93, овец — 483, свиней — 13, лошадей — 161, хлеба — 390 пудов, овса — 509 пудов, крупы — 12 пудов, гречихи — 50 пудов, масла — 27 пудов, сала — 133 пуда, сельскохозяйственных машин — 35, плугов — 4, саней — 28 [3, с. 81].

В начале 20-х годов на территории Ачинского уезда кроме продналога собирались и такие, как общегражданский, промысловый, уравнильный сбор, гербовый сбор, канцелярский сбор, трудовой налог, местные сборы, акцизы. Ввиду замены трудналога на денежные повинности горожанам выдали окладные листы, по которым они должны были выплатить 42 тысячи рублей в знаках 1922 года [9, с. 261].

Революция и последующая Гражданская война стали одними из самых тяжелых испытаний для России и российского общества. Массы рядового населения, уцелевшие в ходе Гражданской войны, стали определять в дальнейшем облик так называемого советского человека. По сути своей прежнего дореволюционного обывателя, в большей мере подавленного пережитым страхом и потрясениями, более зависимого — в условиях возрастающих потребностей и постоянного дефицита — от бытового, материального, повседневного, чем ранее.

Источники и литература:

1. Архив города Ачинска. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.
2. Архив города Ачинска. Ф. 17-Р. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.
3. Архив города Ачинска. Ф. 13-Р. Оп. 1. Д. 89. Л. 34.
4. Авдюков Ю. П. Ачинск. Красноярск: Кн. изд-во, 1983. 153 с.

5. Антисоветские выступления бывших красных партизан Енисейской губернии в годы Гражданской войны и коллективизации / Ефремов И. В. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Т. 1. Красноярск, 2009. С. 72–74.
6. Бердников Л. П., Лони́на С. Л. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории финансового управления Енисейской губернии и Красноярского края. Ч. 1. Красноярск: издание министерства финансов Красноярского края, 2009. 264 с.
7. Деятельность женских организаций в системе советского общества в 20-е годы 20-го века / Л. А. Шевченко // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Т. 2. Красноярск, 2009. С. 133–139.
8. К вопросу о причинах появления красного бандитизма в Енисейской губернии в начале 1920-х гг. / Луцаева Г. М. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Т. 1. Красноярск, 2009. С. 102–104.
9. Красноярье: пять веков истории. Учебное пособие по краеведению. Часть 2. /сост. Н. И. Дроздов, Л. Э. Мезит, В. Ф. Губкин и др. Красноярск, 2006. 256 с.
10. Крестьянский двор как экономическая основа сельского хозяйства в Приенисейском регионе в 1920-х годах. / Анисимова Л. Ю. // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Т. 1. Красноярск, 2009. С. 15–17.
11. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов //Вопросы истории. 2001. № 2. С. 33–42.
12. Лопаткин Г. С. Летопись града Ачинска. Ачинск: Краснояр. регион. полит. обществ. движение «Свет», 2000. 543 с.
13. Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: изд-во ООО «Версо», 2008. 416 с.
14. Царев В. И. Ачинск: градостроительная история. Красноярск: Стройиздат, 1992. 120 с.
15. Чесмочаков Г. С. Ачинск. Красноярск: Кн. изд-во, 1976. 87 с.
16. Холина М. В. Изменения в повседневной жизни женщин в 1920-е гг. (на материалах малых городов Красноярского края) // Вестник МГОУ: электрон. журн. 2010. Вып. 1.
Режим доступа к журн. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/6597> (дата обращения: 05.07.2017).

УДК 94(47).084.3 (571)

Капустина Я. В.

РОСТ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В УСЛОВИЯХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** в статье рассматривается девиантное поведение жителей города Красноярск в виде проявления алкоголизации, проституции, наркомании, а также борьба государственной власти против пороков общества и за укрепление моральных устоев в условиях повседневности в годы революции и Гражданской войны.*

***Ключевые слова:** девиантное поведение, революция, Гражданская война.*

Одним из аспектов проблемы мировосприятия в годы революции и Гражданской войны стал рост девиации: алкоголизации, проституции, наркомании. Это было взаимообусловлено процессами социально-экономических преобразований.

С точки зрения психологии, принимая алкоголь, человек воспринимает окружающий мир по-особенному, он ощущает эйфорию, легкость, внезапную веселость. В социально-психологическом аспекте человек под воздействием алкогольного опьянения чувствует единение и неразделенность с людьми [2, с. 51].

О масштабах алкоголизации населения во многом свидетельствуют газетные данные. В них отражены постановления тех или иных властей по борьбе с алкоголизмом, а также сведения от городских, местных властей о пьянстве в городах и уездах. Так, «Свободная Сибирь» сообщала: «30 октября помощником начальника первого отделения народной милиции прапорщиком А. И. Ивановым обнаружен в доме № 93 по Садовой улице самогонный завод, помещавшийся в одном из флигелей, раньше служившем домашней баней. ...В этом флигеле жили две семьи — Тибаковы и Никифоровы. При обыске было обнаружено несколько четвертей готовой самогонки крепостью 23 градуса» [15; 3 ноября]; «3 декабря помощником первого отделения поручиком Поповым был произведен с отрядом милиционеров тщательный обыск в доме Терскова по Нижне-Тюремной улице, где в квартире А. Я. Семеновой удалось обнаружить бидон

самогонки. ...Характерно то обстоятельство, что почти каждый дом по Нижне-Тюремной улице является таким же гнездом самогонщиков, как и в описанном случае» [15; 10 декабря].

С приходом к власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в губернии начинают проводиться конкретные меры по борьбе с пьянством и самогонноварением. В марте 1918 года комиссия по нормировке отпуска спирта постановила следующее: «1) Аптеки, лечебницы обязаны вести ежемесячную точную отчетность по приходу-расходу всех спиртов; 2) спирт и вина аптеки могут отпускать лишь по рецептам врачей, зарегистрированных в городе; ...5) комиссия предлагает врачам прописывать чистый спирт и коньяк лишь в исключительных случаях и не больше 100 грамм за один раз» [16; 31 марта].

Проходивший с 1 по 13 марта 1918 года в Красноярске Съезд представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил беспощадную борьбу самогонщикам, в мае их преследование еще более ужесточилось. В Народном доме Красноярск был даже открыт антиалкогольный музей. Но усилия власти в борьбе с алкогольным злом плодов не приносили [1, с. 26–27].

В апреле 1918 года секция Второго общесибирского съезда Советов приняла резолюцию, пункт 5 которой гласил: «...Производство самогонки, истребляющее громадное количество хлеба и тем увеличивающее армию голодающих,

есть преступление, и нужно бороться с самогонщиками самыми суровыми, беспощадными мерами. Вплоть до конфискации имущества винокуров» [16; 4 апр.].

Борьба с алкоголизмом продолжалась и во время прихода в город власти белого правительства. Один за другим, как и во времена Советов, выходили постановления и приказы о борьбе с пьянством.

Население города и уезда не отказывалось принимать алкоголь. Сообщения в газетах: «Задержаны пьяные граждане Сидор Романьков и Мефодий Сапожников, которые и были доставлены в милицию. У Сапожникова отобрана фляга с самогонкой» [5; 2 августа] или «...Ведется своеобразная «борьба с самогонкой». А именно вливанием в свой желудок. Ведут эту борьбу многие, очень многие. Священник, солдаты, милиция пьянствуют, а волостная земская управа состоит из самогонщиков да бывших милицейских, поэтому нечего удивляться, что в каждом ручейке дымит самогонный завод» [6, 5 октября] — свидетельствуют о том, что человек не мог найти выхода из сложившейся обстановки, а видел его в бутылке, заливая горе спиртным.

Неоднократные случаи пьянства и безобразного поведения в пьяном виде офицеров заставляли высшее начальство принимать определенные меры в этом отношении. Из приказа № 85 от 5 октября 1918 года по Красноярскому гарнизону полковника Федоровича и начальника штаба подполковника Ясинского просматривается, что в офицерской среде наблюдались позорные и прискорбные случаи пьянства, дебоша и различных безобразий, нередко сопровождающихся действием оружия, которые вызывали справедливое негодование и возмущение населения города. Далее звучало предупреждение о разжаловании офицеров в солдаты в случае пьянства [16; 9 октября].

Всю трагедию ситуации можно оценить на основании сведений, сообщавшихся министру внутренних дел управляющим Енисейской губернии 17 февраля 1919 года. В них он отмечал: «По частным обследованиям самогонного промысла расход ржи в Енисейской губернии на самогонку исчисляется около 3 млн пудов. Самогонный

промысел получил настолько широкое распространение, что самогонка стала общеупотребляемым напитком за столом, как квас или домашнее пиво, ее пьют и женщины, и дети всех возрастов. Отмеченное развитие самогонного промысла связано, с одной стороны, с накоплением населением городов и деревень громадных денежных средств, а с другой — с утратой у людей чувств законности и правопорядка. Это и привело к значительному понижению нравственного уровня не только среди широких масс крестьян и рабочих, но и в среде служащих, офицерства и чиновничества. Разврат, пьянство, нищенство, курение табака наблюдаются ежедневно десятками примеров, особенно в городах» [4, л. 47].

Обязательным постановлением уполномоченного Верховного правителя по охране порядка и общественного спокойствия в Енисейской и части Иркутской губерний генерал-лейтенанта Розанова запрещалась продажа спиртных напитков воинским чинам частей, находившихся в Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде Иркутской губернии. Предоставлялось право отпускать спиртные напитки только начальникам воинских отрядов, пользующимся правами не меньше командиров отдельных частей [8, 2 мая]. Эти факты свидетельствуют об алкоголизации даже армии, ее деградации, не говоря уже о простом городском или сельском населении.

Под таким натиском пьянства ликвидируется даже Общество трезвости Енисейской губернии, которое имело широкие планы по борьбе с алкоголизмом [13; 9 марта].

Именно в начале XX века была заложена традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 1920–1930-е годы [10, с. 181].

В условиях Гражданской войны даже детям приходилось заниматься добычей алкоголя для взрослых. Так, в Николаевской слободе около винной лавки в хвосте стояли дети с корзинами. Они покупали водку, ставили корзину с напитком в укромное место и под охраной одного из мальчуганов отправлялись шнырять по роще. Затем подходили к взрослым и предлагали достать водку «одним духом» за 20 руб. бутылку. Взрослыми такие предложения охотно принимались, торг

шел успешно, родители радовались хорошему заработку своего ребенка [17; 25 августа].

26 августа 1919 года в газете «Енисейский вестник» было повторно опубликовано обязательное постановление, изданное 30 января того же года начальником Красноярского военного района и подтвержденное исполнителем дел уполномоченного Верховного правителя и Верховного главнокомандующего в Енисейской и части Иркутской губерний на правах генерал-губернатора генерального штаба полковником Сыромятниковым. Постановлением воспрещалось: «1) Хранение, сбыт и приобретение, а также перенос и перевозка изготовленных без надлежащего разрешения подлежащих обложению акцизом напитков (самогонка и другие); 2) хранение, сбыт и приобретение денатуратного спирта; 3) распитие крепких напитков на дорогах, улицах, площадях; 4) обнаруженные у нарушителей напитки и изделия, указанные в постановлении, а равно предметы, предназначенные для винокурения, подлежат отображению, а затем уничтожению. Виновные в нарушении упомянутых пунктов подвергаются в административном порядке денежному взысканию или тюремному заключению до трех месяцев» [8, 26 августа].

В январе 1920 года пришедшие снова к власти большевики продолжили борьбу с пьянством. Введенный сухой закон в 1914 году в России был фактически подтвержден декретом СНК РСФСР от 19 декабря 1919 года [6, с. 34–38]. Декрет СНК РСФСР от 9 августа 1921 года разрешал продажу лишь вин крепостью не более 14 градусов [11, с. 22].

Под запретом оказалась при советской власти и древнейшая из профессий — проституция. Тем не менее полностью она не исчезла. В связи с трудовой повинностью профессиональная проституция пресекалась и существовала в виде подсобной. Первое время после революции проституция в городе затихла, но затем ее масштабы снова стали увеличиваться. Об этом свидетельствует рост количества венерических заболеваний в среде красноармейцев и служащих водного транспорта [3, л. 49].

Методы борьбы с проституцией неоднократно были предметом рассмотрения на различ-

ных межведомственных совещаниях с участием представителей комиссариатов внутренних дел, здравоохранения и юстиции. Звучали предложения отказаться от законодательного запрещения проституции, которое все равно не приведет к успеху, и начать борьбу с осуществлением строгой регламентации, делая упор на меры воспитательного характера. В то же время при борьбе с проституцией практиковались и репрессивные меры. Звучали предложения обязать женщин «без определенных занятий» явиться в подотделы принудительного труда для получения работы по специальности или обучения профессии, уклонявшихся от явки предполагалось направлять в женские трудовые колонии [14, с. 12–14].

В борьбе с проституцией в Красноярске обязывали к труду, особенно безработных, приезжих женщин, которые «шатались» на вокзалах [3, л. 51–54].

В декабре 1922 г. был опубликован циркуляр ВЦИК, определивший систему мер борьбы с проституцией в общероссийском масштабе. Циркуляр предлагал довольно широкий набор мер экономической и социальной поддержки женщин и детей, вовлеченных в проституцию [7, с. 342].

Ни «мягкие», ни «жесткие» меры не могли, однако, привести к полной ликвидации проституции. Более того, в период НЭПа, когда было восстановлено денежное обращение, родился новый слой городской буржуазии, стали снова открываться рестораны и другие увеселительные заведения. Кроме того, в указанный период уровень безработицы, в том числе среди женщин, оставался очень высоким, что послужило причиной активизации торговли любовью.

Помимо алкоголизации, проституции, в городе существовала, хоть и не в больших масштабах, проблема употребления наркотических веществ. Опиум в Красноярск завозился из восточных стран. Так, еще в декабре 1917 года большевиками был реквизирован опиум (39 кусков) у гражданина персидского подданного Саркиса Артунына [9, с. 277].

«Война, перемешивая народы различных государств, привила пороки одних народов другим», — писала о наркомании газета «Енисейский вестник», которая поднимала и эту проблему. Да-

лее она продолжала: «В настоящее время развивается курение опиума, особенно среди солдат. Этот вредный порок занесен китайцами, которые за недостатком во время войны рабочих рук хлынули мощной волной в Россию... На вопрос солдату местного гарнизона, занимающемуся курением опиума, многие ли его товарищи употребляют его, он ответил, что курение сильно распространено среди солдат, и особенно среди раненых. Это печальное явление заслуживает серьезного внимания широких общественных кругов и военного начальства, которые обязаны принять экстренные меры для борьбы с ужасным пороком» [8, 16 января].

Последствия революции и Гражданской войны в виде проявления девиантного поведения, а в особенности алкоголизма, проституции, наркомании, еще долгое время сказывались на жизни населения города Красноярска. Изжить эти проблемы не удалось до сих пор. При сравнении 1918–1920 годов с началом XXI века прослеживается практически та же история деморализации российского общества в виде алкоголизации, наркомании в жизни людей, преодоление которых нуждается как в государственной политике, так и анализе личного, собственного поведения человека, принятии конкретных мер в преодолении кризиса.

Источники и литература:

1. Бердников Л. П. Вся красноярская власть. Очерки истории местного советского управления и самоуправления 1917–1993 гг. Красноярск, 1996. — 316 с.
2. Горин Н. Русское пьянство как социально-культурный феномен // Власть. 1998. № 3.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.-Р 270. Оп. 1. Д. 18.
4. ГАКК. Ф.Р-1800. Оп. 2. Д. 348.
5. Голос момента. 1918. Енисейская ежедневная газета. Енисейск.
6. Декреты Советской власти. Т. 7. М.: Политиздат, 1974. — 676 с.
7. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: «Алетейя», 2000. — 384 с.
8. Енисейский вестник. Издание Енисейского губернского управления. 1919. Красноярск.
9. Красноярский Совет март 1917 г. — июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов). Сборник документов. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1960. — 582 с.
10. Кара-Мурза С. Столыпин — отец русской революции. М.: Алгоритм, 2002. — 256 с.
11. Коржихина Т. П. Борьба с алкоголизмом в 1920-х — нач. 30-х гг. // Вопросы истории. 1985. № 9.
12. Новый путь. Орган социалистической мысли. Еженедельное издание. 1918. Енисейск.
13. Общее дело. Красноярск. 1919.
14. Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и Гражданской войны. СПб: Дмитрий Булганин, 2000. — 348 с.
15. Свободная Сибирь. 1917. Газета политическая, экономическая и литературная. Красноярск.
16. Свободная Сибирь. 1918. Красноярск.
17. Свободная Сибирь. 1919. Красноярск.

УДК 364.02

Катцина Т. А.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМ ВОЙНЫ В ГОДЫ «ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ» (1914–1921): РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: на документальных и публицистических материалах о Восточной Сибири проведен общий обзор основных тенденций и специфики социальной помощи военным инвалидам в 1914–1921 гг. Поскольку в этот период произошла смена модели социальной помощи от общественного призрения к социальному обеспечению, акцент сделан на механизмах реализации идей и результатах.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Иркутская губерния, Первая мировая война, Гражданская война, революция, инвалиды войны, общественное призрение, социальное обеспечение.

Период 1914–1921 годов занимает особое место в российской и мировой истории. Он связан с войнами (Первой мировой, Гражданской) и революцией 1917 года, когда все жизненные процессы претерпели значительные перемены. В сфере социальной защиты населения произошла модификация концептуальных основ политики и практики, идеологии и базовых ценностей, акторов (субъектов) и институтов; объект помощи был смещен на многочисленных жертв войны (пострадавших от военных действий).

Масштабы Первой мировой войны и значительное число инвалидов (около 700 тысяч на 1 октября 1917 года) [1, с. 173] потребовали нового уровня решения их социальных проблем. Прежде всего, обозначилась консолидация общественных сил. В августе 1914 года началась деятельность Елизаветинского комитета и Верховного совета. При Главном комитете Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) организовалась Объединенная комиссия по вопросам помощи увечным воинам. В нее вошли представители ВСГ, Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС), московского городского управления, губернского земского комитета, Российского общества Красного Креста, Елизаветинского комитета [3, с. 28–29]. Основной региональной общественной организацией, занимающейся ранеными и больными воинами, стало организованное в сентябре 1914 года

в Петрограде Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий, которое имело задачи, аналогичные задачам ВСГ. В годы войны произошло осознание того, что дело помощи увечным воинам не должно носить характер факультативной благотворительности, а быть задачей государственной, требующей для своего осуществления ответственного органа на местах, «для которого призрение увечных воинов являлось бы не правом, а обязанностью» [4, л. 6 об.].

Определенную программу действий в отношении инвалидов войны сформулировал I съезд представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям, проходивший в Красноярске 15–17 июня 1915 года. В специальной резолюции съезд признал необходимым подыскивать инвалидам войны вакансии низших служащих; внушать способным к какому-либо труду, чтобы они не уклонялись от него «и не рассчитывали исключительно на благотворительную помощь, которая может быть лишь временной... до приискания места или восстановления трудоспособности», для утративших совершенно трудоспособность — учредить в Красноярске убежище; помощь оказывать без различия состояния, «причем не должно быть различия между кассами разных организаций, действующих в каждом городе» [5, с. 13]. Красноярский комитет ВСГ сообщал в октябре 1915 года,

что «таких воинов, которые нуждались бы в полном признании, как калеки, пока еще не зарегистрировано» [6, с. 462], но уже в марте 1916 года открыл приют, где инвалиды имели возможность обучиться сапожному ремеслу [7, с. 11]. В августе 1916 года открылся приют для безногих инвалидов в Иркутске, а в декабре того же года здесь достраивали областной инвалидный дом [8, с. 159]. Два временных (до окончания войны) убежища для инвалидов, каждое на 20 мест, стали функционировать в октябре 1916 года при Успенском монастыре и Знаменском ските (Енисейской епархии) благодаря дотации (31 250 руб.) Елизаветинского комитета. Здесь планировалось проводить занятия по земледелию, пчеловодству и огородничеству, устраивать краткосрочные курсы по кооперации и другим отраслям знаний, доступным увечным [9, с. 1]. Подтверждает полезность проводимых мероприятий следующий факт: 13 инвалидов из разных мест Енисейской губернии, окончив курсы по кооперации и счетоводству, смогли вскоре трудоустроиться с заработком «от 40 до 60 (а один 125) руб. в месяц» [7, с. 11]. Но эту деятельность неверно было бы идеализировать, прежде всего потому, что, как отмечали сами деятели благотворения, в отношении помощи увечным воинам за время войны было сделано «бесконечно мало» [7, с. 15; 10, с. 231]. После волны патриотического подъема в начальный период войны приток пожертвований уже в январе 1915 года значительно сократился, а потребности помощи в связи с событиями на фронте и массой новых призванных возросли [11, с. 679]. В условиях ресурсного дефицита появлялись новые формы привлечения средств, например посредством «братской помощи» пострадавшим воинам. Идея заключалась в том, что каждого отдельного воина, лишившегося трудоспособности и не обеспеченного в достаточной мере пенсией из государственного казначейства, принимало на свое попечение или отдельное лицо, или коллектив (учреждение, общество, учебное заведение, отдельные классы, группы учащихся, служащие, родительские комитеты и т. п.). «Признавая за такой формой общего участия в деле помощи пострадавшим защитникам Родины большое моральное и по отношению к учащимся — воспитательное значение» [12, л. 1], Министерство просвещения подготовило соответствующий циркуляр и в июне 1916 года разослало

его подведомственным учреждениям. В Иркутске действовали объединенные комитеты (когда сборы разных организаций совпадали по времени и назначению). Однако по мере обострения общенационального кризиса идеи консолидации и солидаризации сибирского населения утрачивали свою изначальную привлекательность, уступая место иным ценностным ориентирам и устремлениям, связанным с социальной и политической поляризацией общества и усилением конфронтации различных его слоев и групп [13, с. 314].

В то же время революционная эпоха дала импульс развитию собственных союзов инвалидов. Они руководствовались принципами: «Инвалидам нужно заботиться об инвалидах», «В подачках не нуждаемся» и ставили перед собой следующие цели: «Распространение информации о лечении, получение пособий инвалидами (в плену, на лечении или у себя дома), составление картотеки для классификации всех инвалидов, ходатайства о переводе всех больных и раненых из плена в нейтральные страны, основание артелей и мастерских инвалидов для поощрения возвращения их к труду и к жизни в обществе» [14, с. 16]. На проходивший в Петрограде с 15 по 27 июня 1917 года I Всероссийский съезд увечных воинов прислали своих делегатов 34 организации. Инвалиды, потерявшие свой единственный капитал — здоровье, заявляли о полном отсутствии внимания и заботы к своим нуждам, волоките при решении дел, несоответствии мизерной пенсии реальным потребностям и растущей дороговизне жизни. Они не намерены были, по их словам, отказываться от долгожданного за свои раны, «заслуженного своею кровью» удовлетворения своих неоплаченных нужд [15, л. 65].

Временное правительство, в соответствии с политикой делегирования управленческих функций общественным организациям, реорганизовывало помощь инвалидам с привлечением их самих, учредив 29 июня 1917 года при Министерстве государственного призрения (МГП) Временный общегосударственный комитет помощи военно-увечным, наметив создание местных комитетов (городских, уездных, волостных). В сентябре, на второй сессии комитета, министр государственного призрения И. Н. Ефремов предлагал создать органы «социальной инспекции» с координирующими функциями, где объединяющая роль отводилась бы Союзу

земств и городов. Через комитет инвалиды добились равенства между всеми увечными, включая офицеров и жертв предшествовавших конфликтов, что, конечно же, требовало уменьшения пособий для высших званий и лучшего распределения имевшихся средств [17, с. 55]. Под напором их требований МГП провело 24 августа частное совещание по вопросу «о выдаче всем увечным воинам по России 150 руб., как это было после революции в Петрограде» [18, с. 1].

На местах выдвигались проекты оказания помощи инвалидам через их самостоятельные объединения. В Енисейской губернии — «при условии организации их в уездные союзы, с объединением таких союзов в губернское центральное бюро» с отделами: статистико-экономическим, медицинским с протезной мастерской, юридическим и пр. Предполагалось, что средства «должно дать и государство, и земство и общество». Была продолжена работа по социальной адаптации инвалидов. Так, Минусинский союз увечных воинов, организовавшийся во время революции, уже 15 июня устроил для своего контингента краткосрочные курсы секретарей и делопроизводителей, что соответствовало требованиям времени в связи с введением волостного земства и реформой сельских управлений. Однако работа по налаживанию трудовой помощи осложнялась «твердым убеждением» большинства сельских жителей, «что получение каких-либо знаний и умений инвалидами и поступление их на службу даже в частные учреждения лишит их пенсии». По этому вопросу с населением проводилась разъяснительная работа [7, с. 11, 12, 15].

После прихода большевиков к власти сфера социальной помощи была объявлена прерогативой государства, которому требовалось «сломать все старое «призрение» и на его место поставить обеспечение нетрудоспособных и неимущих на социалистических началах» [20, с. 5]. Период становления советской социальной политики с 1917 по 1921 год современные исследователи называют «утопическим» [21, с. 21]; дефицит ресурсов, потребовавшихся для почти непрерывной войны в 1917–1920 годах, явился предпосылкой для комплекса дискриминационных и патерналистских мер, составивших основу социальной политики Октября [22, с. 70–71]. Ведомственная разобщен-

ность и отсутствие единого законодательства привели к отказу от медико-социальной, социально-психологической, социально-педагогической и правовой помощи, которые получили развитие в социальной системе еще в имперский период [23, с. 402].

3 декабря 1917 года народный комиссар государственного призрения А. М. Коллонтай подписала приказ об упразднении благотворительных учреждений и обществ помощи увечным инвалидам и о передаче их дел и денежных средств Временному общегосударственному комитету помощи военно-увечным для распределения финансов по местным отделениям комитета [24, л. 1 об.]. Последовавший через 20 дней Декрет Совета народных комиссаров (СНК) «Об упразднении комитетов помощи военно-увечным и передаче дела помощи увечным воинам и их семьям Всероссийскому союзу увечных воинов» означал фактическую ликвидацию всех организаций комитета и сосредоточение помощи в ведении нового объединения и его местных органов. Инвалиды войны, имеющие свой союз, «организованы и действуют твердо, напористо и настойчиво. От их требований не уйдешь», — вспоминала Коллонтай [25, л. 90]. СНК, «признавая организацию инвалидов войны и труда на преследующую цели выделения инвалидов из общей массы трудящихся в особую группу антигосударственной и учитывая широкую помощь, оказываемую государством инвалидам», 24 февраля 1920 года постановил: «Российский союз инвалидов войны и труда со всеми его местными отделениями — закрыть, все его имущество передать органам Народного комиссариата труда и социального обеспечения» [26, л. 1].

Следует отметить, что в течение 1918 года были упразднены следующие дореволюционные структуры, ориентированные на поддержку инвалидов войны и членов их семей: Александровский комитет о раненых, Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне нижним чинам армии и флота и их семьям, Комитет имени генерал-адъютанта М. Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам. В соответствии с декретом СНК от 26 апреля 1918 года Народный комиссариат государственного призрения был переименован в Народный комиссариат социального обеспечения (НКСО),

его органами на местах становились губернские и уездные отделы социального обеспечения (собесы). К слову, Иркутский губернский союз увечных воинов вошел в отдел социального обеспечения как его подраздел [28, л. 3]. Центральное руководство также осуществлял Народный комиссариат труда (НКТ). Одновременно вопросы медико-социального обеспечения решал Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ). Разграничение функций между центральными органами социального обеспечения произошло только весной 1920 года. Так, охрана материнства и младенчества, медицинская экспертиза, установление утраты трудоспособности, все лечебные учреждения и протезные мастерские закреплялись за НКЗ; нормирование заработной платы, труда, учет и распределение рабочей силы, охрана труда, обеспечение безработицы и установление общих норм пенсий и пособий — за НКТ. За НКСО осталось назначение пенсий и пособий, обеспечение лиц, утративших трудоспособность на военной службе, а также жертв контрреволюции, пожаров, наводнений, голода, эпидемий, войны, «ненормальных социальных отношений капиталистического строя (беспризорности, нищенства, проституции, физической и моральной дефективности)».

Март 1918 года отмечен в Енисейской губернии организацией отделов призрения при губернском и уездных Советах солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Отделам призрения предписывалось немедленно взять в свое ведение все имеющиеся социальные учреждения и привести их в надлежащее состояние. Енисейский губернский союз увечных воинов пока оставался самостоятельной организацией и пользовался поддержкой отдела призрения. В том же месяце общегубернский крестьянский съезд Советов совместно с делегатами Союза увечных воинов выработал проект оказания помощи увечным воинам: жертвам войны, жертвам революции и их семьям. Для покрытия дефицита средств предлагалось ввести обложение театральными и иных увеселительных предприятий гербовым (20%) налогом на билеты, программы и афиши; установить отчисление процентного заработка от кредитных товариществ, штрафов от самогоноварения и пр.; «устроить праздник УВЕЧЬЯ» и в этот день произвести сбор пожертвований по всей Енисейской губернии в пользу инвалидов [27, л. 41–44].

Проводимые мероприятия подверглись в Восточной Сибири реформированию, когда на ее территории функционировали, сменяя друг друга, антибольшевистские образования: Временное Сибирское правительство (июнь — ноябрь 1918 года), Временное Российское правительство Верховного правителя адмирала Колчака (ноябрь 1918-го — январь 1920 года). В условиях смены власти социальное обеспечение нуждающимся лицам нарушалось еще больше: денежные выплаты проводились нерегулярно, так как прежние каналы финансирования перекрывались, а доходы с увеселительных зрелищ сокращались, регистрационные книги и раздаточные ведомости терялись, и восстановить их часто не представлялось возможным. Если в августе 1918 года союзы увечных воинов в Иркутской губернии еще говорили о своем «тяжелом финансовом положении», то уже в октябре оценивали его как критическое. В ноябре того же года заявил о прекращении своей деятельности Иркутский союз увечных воинов «ввиду того, что не смог оказать помощь». На повестке дня стоял вопрос о закрытии единственного в губернии инвалидного дома из-за «крайне тяжелого положения и невыясненности отношения со стороны правительства», недостатка сотрудников [28, л. 11, 12, 22 об., 30].

Временное Российское правительство Верховного правителя адмирала Колчака опиралось на демократические основы социального законодательства Временного Всероссийского правительства, поддержку благотворительности. Положение о призрении увечных воинов и их семей (май 1919 года) установило меры и формы социальной поддержки (пенсии и пособия военно-увечным и их семьям; содержание нетрудоспособных в учреждениях общественного призрения, на курортах и санаториях; организация учебных мастерских для увечных, желающих обучиться ремеслу или приобрести прикладные знания, содержание (бесплатно) детей в учреждениях общественного призрения), финансируемых из правительственного бюджета. К пенсии военно-увечным вводилась надбавка на содержание детей и временная 100-процентная надбавка «на дороговизну» [29, л. 3]. Слабыми местами отделов общественного призрения являлись вопросы первоначальной помощи (деньгами, вещами, продуктами) и назначения пенсий увечным воинам до их освиде-

тельствования [30, с. 27]. В апреле 1919 года был утвержден Сибирский военно-благотворительный комитет имени Верховного правителя адмирала Колчака. Средства от проводимых благотворительных акций аккумулировались в Объединенном комитете общественных организаций. Продолжали поступать пожертвования, хотя крупных не отмечалось. Так, в пользу инвалидов войны Иркутской губернии великобританский вице-консул К. Ф. Нэш передал в ноябре 1919 года 100 рублей, 50 шт. кальсон, 200 пар носков и 35 теплых пиджаков [31, л. 10]. Увечным воинам-полякам оказывал поддержку Польский военный союз в Красноярске [32, л. 144]. Однако компромиссные решения не могли удовлетворить участников социальных отношений, что привело к краху правительственной программы социального сотрудничества.

После восстановления советской власти в Восточной Сибири (январь 1920 года) здесь начался процесс создания собесов. Структура Енисейского губернского собеса трижды менялась за первые полгода. В декабре 1920 года в ходе реструктуризации в нем был выделен инвалидный подотдел, перед которым стояли задачи: наладить надлежащий учет инвалидов в губернии, открыть для этого контингента новые стационарные учреждения и ремесленные мастерские [33]. В распоряжении губернского собеса находились продуктовый и вещевой склады с раздаточным пунктом, пошивочная и сапожная мастерские, прачечная и большой огород для того, чтобы обеспечить овощами подведомственные учреждения [34, с. 195–197].

Из-за ограниченных средств, которые государство отпускало на содержание инвалидных домов,

их контингент остро нуждался в обмундировании, испытывал заболевания на почве недоедания. Заведующий Иркутским губернским собесом отмечал: «Почти во всех уголках нет сотрудников. Работают 4–5 человек, в большинстве абсолютно малограмотные, которые в присылаемых им распоряжениях и циркулярах совершенно не могут разобраться; делают большие ошибки; рассматривают органы собесов как нечто лишнее, ненужное... условия работы в смысле заработной платы и натурального снабжения оставляют желать много лучшего», продовольственные пайки выдаются в ограниченном количестве и с большим опозданием [36, л. 4, 11]. Аналогичная ситуация отмечена и в отчете [35, с. 278] Енисейского губернского собеса.

Итак, в годы «Великих потрясений» (1914–1921) кардинально изменилось представление о роли государства в социальной помощи, произошел переход от общественного призрения (проводилось в порядке благотворительности) к обеспеченной государством социальной поддержке военных инвалидов и их семей (равно как других категорий населения, перечень которых устанавливало государство). В тяжелых социально-политических и экономических условиях государство, местные органы власти и общественные организации пытались решать проблемы социальной защиты населения, но в силу изложенных выше обстоятельств регулирование процессов развития общества, принятие решений в социальной сфере и меры реальной социальной помощи сводились к своеобразной реакции на «стихийное бедствие», не осуществлялись в полном объеме и не соответствовали программным декларациям.

Источники и литература:

1. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. Т. 1. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939.
2. Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М. [б. и.], 1925.
3. Личный состав учреждений Всероссийского союза городов (на 1 февраля 1916 г.). Вып. 1. М.: Городская Типография, 1916.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 6.
5. Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в гор. Красноярске. 15–17 июня 1915 г. Красноярск: Электро-типография Епархиального Братства, 1915.
6. Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 18–19.
7. Сибирская деревня. 9 июля. 1917.
8. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В. П. Зиновьев. Новосибирск: изд-во «Автограф», 2015.

9. Енисейские губернские ведомости. 1916. № 67.
10. Щербинин П. П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII — начале XX в. // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 222–233.
11. Катцина Т. А. Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 – октябрь 1917 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6 (36). С. 674–680.
12. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 348. Оп. 1. Д. 461.
13. Харусь О. А. Создание областных союзов городов Сибири: опыт конструирования региональной идентичности в условиях военного времени (1914–1916 г) // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 311–315.
14. Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России; пер. В. Гавриленко // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 12–17.
15. ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 8.
16. Коваленко Н. А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль – октябрь 1917 г.). М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000.
17. Павлова И. П., Катцина Т. А. Право на помощь: разработка законодательства о социальной политике в период деятельности Временного правительства (март – октябрь 1917 г.) // История государства и права. 2017. № 8. С. 53–58.
18. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Пг.: Первая государственная типография, 1918.
19. ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 36.
20. Социальное обеспечение в Советской России: Сб. статей к съезду Советов. М.: Государственное изд-во, 1919.
21. Лебина Н. Б., Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 21–67.
22. Федоров А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 69–86.
23. Тевлина В. В. Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 397–414.
24. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 151.
25. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 134. Оп. 1. Д. 216.
26. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 668.
27. ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 55.
28. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 55.
29. ГАРФ. Ф. Р-3850. Оп. 1. Д. 13.
30. ГАРФ. Ф. Р-3850. Оп. 1. Д. 1.
31. ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 198.
32. ГАРФ. Ф. Р-7555. Оп. 1. Д. 1.
33. Красноярский рабочий. 1920. 24 июля.
34. Полгода советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 г. Красноярск: Енисейское губернское государственное издательство, 1920.
35. ГАИО. Ф. Р-558. Оп. 1. Оц. 2. Д. 19.
36. Отчет Енисейского губернского экономического совещания Совету труда и обороны и Сибирскому областному экономическому совещанию с 1 октября 1921 г. по 1 мая 1922 г. Красноярск: Государственная типография, 1922.

УДК 94:316.728(571.51)

Кухта С. В.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ г. КРАСНОЯРСКА В 1917 ГОДУ (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»)

***Аннотация:** в статье на основании архивных документов раскрываются основные особенности повседневной жизни красноярцев в 1917 году. Революционные будни горожан характеризовались повышением цен, дефицитом товаров первой необходимости, социальными аномалиями, в частности ростом преступности и алкоголизма.*

***Ключевые слова:** революция, повседневная жизнь, быт горожан, социальные аномалии, досуг.*

В условиях многообразия исторических подходов и непрекращающихся дебатов о роли событий 1917 года архивные источники, в том числе многочисленные материалы региональных архивов, продолжают иметь ключевое значение для современного исследователя. Интереснейшие документы этого периода позволяют раскрыть не только специфику революционного процесса вдали от Петрограда и Москвы, но и в полной мере оценить все те изменения в повседневной жизни городского обывателя, которые стали следствием кардинальных политических перемен в российском государстве. Будни жителей Красноярска — одного из революционных форпостов страны и города с быстрорастущим населением — нашли отражение в документах многих фондов Государственного архива Красноярского края, среди которых наиболее содержательны материалы Красноярской городской думы, соединенного исполнительного бюро Енисейского губернского комитета общественной безопасности, Енисейского губернского комиссара, продовольственной управы и других.

По воспоминаниям современников, население Красноярска не осталось равнодушным к февральским событиям и восприняло надвигающиеся перемены с воодушевлением. Солдаты Красноярского гарнизона, возбужденные слухами, массами самовольно уходили из рот на улицы города [21, л. 7–8]. Офицер 15-го Сибирского стрелкового полка Ф.И. Анищенко вспоминал: «Еще за три дня до получения телеграммы о Фев-

ральской революции в Петрограде по заданию революционной организации команды я, как единственный офицер организации, должен был провести свою команду по городу. Мы беспрепятственно прошли по главным улицам города с красным флагом и революционной песней. Все с удивлением смотрели на нас. Толпа горожан и мальчишек следовала за нами». [24, л. 64–64 об.]. В марте, в день широко отмечавшегося праздника русской революции, жители украсили город красными флагами (ввиду нехватки ткани шивались красные полосы от национальных флагов), транспарантами со всевозможными надписями, по улицам двигались оживленные толпы народа с красными значками в петлицах и на головных уборах [26, л. 19]. Весна 1917 года стала для Красноярска временем непрерывных собраний и митингов. На улицах то и дело возникали летучки и бесконечные жаркие споры — о войне, о земле, об отношении к Временному правительству, схватки большевиков с меньшевиками, эсерами и анархистами [22, л. 2].

Однако восторг первых «розовых» дней Февральской революции сменился растерянностью на фоне растущего продуктового кризиса и вздорожания жизни. Уже в апреле у мануфактурных и продовольственных лавок образовывались длинные хвосты очередей, занимавшие тротуары и мешавшие уличному движению [41, с. 3]. Колоссальный рост цен на продукты первой необходимости за три года войны и сравнительно низкая зара-

ботная плата заставляли наименее обеспеченные слои населения вести полуголодное существование. Сокращение бюджета пало главным образом на основную потребность — питание [7, л. 33]. К примеру, в мае 1917 года поденная плата рабочим в Красноярске составляла: для землекопов 2 рубля 25 копеек, каменщиков — 3 рубля, слесарей — 4 рубля, чернорабочих — 2 рубля 25 копеек (по сравнению с февралем она увеличилась в 1,5–2 раза) [2, л. 265, 320]. В свою очередь, динамика цен на продукты первой необходимости выглядела следующим образом [7, л. 33] (см. табл. 1).

К лету город испытывал недостаток в табаке, весь запас которого был израсходован. Вскоре нелегальная торговля папиросами развернулась прямо у городского сада [51, с. 4]. Не хватало картофеля, который многие предприимчивые красноярцы начиная с июля систематически воровали с огородов жителей сел Торгашино и Базаиха [45, с. 2; 55, с. 3]. Ежедневно многие горожане, вооруженные топорами и ружьями, направлялись в окрестные леса за кедровыми орехами, птицей и ягодами [38, с. 4].

В связи с установлением для населения Красноярска мясной нормы в 1,5 фунта в неделю на человека резко подорожали колбасные изделия, которые было трудно достать, а также все продукты, привозимые крестьянами [47, с. 3]. Ввиду нехватки говядины и свинины по городу открывались мастерские по изготовлению колбасы из конского мяса [1, л. 32], кроме того, в рацион красноярцев прочно вошли скотские головы, ноги, осердия [20, л. 207]. Корреспондент газеты «Свободная Сибирь» описывал случай, когда в сквере в Дубенском переулке с камнями на белку охотилась тол-

па мужчин, наиболее удачливый из которых ушел домой с добычей [52, с. 4]. С недостатком какого-либо продукта немедленно начиналась спекуляция: так было с хлебом, мясом, маслом, сахаром и другими товарами [35, л. 45, 48 об.]. На рынке не было обуви, одежды, однако легко можно было приобрести элементы солдатского обмундирования (так, в июле за каску на барахолке можно было получить 4 рубля) [48, с. 4; 49, с. 4].

Уже в начале осени ввиду усиливающихся продовольственных затруднений среди обывателей открыто начали проявляться беспокойство, озлобление и агрессия. В публичных местах раздавались угрозы в адрес городского продовольственного комитета [30, л. 12]. К зиме кризис только набирал обороты: было принято решение об увеличении тарифов на воду и электроэнергию [31, л. 162; 39, с. 4; 40, с. 4], продолжался спекулятивный рост цен (пара дефицитных ботинок стоила 75 рублей, мужской костюм — 200 рублей) [19, л. 27].

Примерная смета на содержание семьи из четырех человек осенью 1917 года, помимо питания, предполагала расходы на содержание квартиры из одной комнаты, разделенной перегородкой, — 20 рублей, отопление (1,5 сажени дров) — 45 рублей, освещение (20 фунтов керосина) — 3 рубля 40 копеек, покупку мыла (10 фунтов) — 8 рублей, плату за баню (4 раза в месяц) — 6 рублей, врачебную помощь и медикаменты — 4 рубля [20, л. 208] при средней заработной плате в 112–150 рублей в месяц [7, л. 34].

В особенно сложном положении оказались семьи, чьи кормильцы были призваны или погибли

Таблица 1

Цены на продукты первой необходимости в г. Красноярске		
Наименование	1914 год	1917 год
Хлеб, 1 пуд	70 копеек	3 рубля 60 копеек
Мясо, 1 фунт	14 копеек	40 копеек
Масло, 1 фунт	39 копеек	1 рубль 90 копеек
Картофель, 1 пуд	20 копеек	1 рубль 20 копеек
Дрова, 1 сажень	3 рубля 80 копеек	20 рублей
Мануфактура	1 рубль	4–5 рублей

на фронте. Из жалобы в губернский комиссариат жителя Покровского переулка г. Красноярска беженца Амвросия Ярмоцкого: «Войной я разорен, оба мои взрослые сына, как обязанные, находятся на службе, я больной преклонных лет, жил на труде обоих моих сыновей, жена почти моих лет и дети: Анна, 11 л [ет], Петр, 11 л [ет], и Анастасия, 7 лет, остались без всех средств к жизни, так как лишились последних рабочих рук и при такой еще дороговизне, как нам жить, не видя ниоткуда помощи» [12, л. 7]. Вдовы, имевшие собственные дома, сдавали комнаты, стоившие около 7 рублей в месяц; при наличии в хозяйстве лошади младшие дети могли заниматься извозом, зарабатывая на этом до 40 рублей [13, л. 6–6 об.].

Многие престарелые и инвалиды оказывались совершенно без крова и одежды. Из прошения ссыльного австрийского подданного Гриншпака Герша: «Я насчет одежды к зиме не приготовлен. Не раз приходится ночью и днем «колоть» из-за того, что нечем укрыться» [9, л. 5]. Городские богадельни были переполнены и не могли принять всех обездоленных горожан, среди которых были дети в возрасте до шести лет [14, л. 23–23 об.]. Новорожденных младенцев неспособные к их воспитанию матери все чаще оставляли на вокзале станции Красноярск с записками примерно одинакового содержания: «Милостивые господа, прошу вас приютить сего оставленного ребенка, буду за такового молить Бога, только прошу простить, что так поступила. Положение безвыходное. Чем гибнуть вдвоем, лучше погибну одна» [17, л. 4–4 об.]. Санитарное состояние заведений общественного призрения Красноярска не отвечало даже минимальным требованиям. К примеру, из отчета об осмотре ночлежного дома Ф.Ф. Раздоренова в ноябре 1917 года явствует, что все его помещения утопали в ужасающей грязи, койки и нары кишели насекомыми, а в окнах были разбиты стекла [4, л. 11].

Признаком разрухи городского хозяйства стали антисанитария и неудовлетворительное состояние рынков, дорог и тротуаров, превратившихся в груды наваленных досок и щеп [50, с. 4; 3, л. 22–22 об.].

1917 год в Красноярске, как и в большинстве крупных городов России, ознаменовался резким ростом преступности, что было связано не только

со снижением общего уровня жизни, но и с освобождением из местной тюрьмы и прибытием из Европейской России партий амнистированных уголовных. Освобожденные были выпущены на улицы Красноярска «без всяких средств», не имели «ни крова, ни одежды, ни работы» [5, л. 15].

Как следствие, в городе получили распространение кражи и грабежи на частных квартирах и в лавках (воровали преимущественно продукты питания, зимнюю одежду, развешенное для просушки белье), покушения на убийство и пьяные драки. Созданная в марте народная милиция не справлялась с возложенными на нее задачами, а зачастую сами милиционеры (или лица, ими представлявшиеся) были замешаны в грабежах. Жертвами нападений с целью ограбления становились торговцы-китайцы, подростки, женщины: «У гражданки Белокопытовой на Новом базаре Черкла Залавкиши-оглы похитил два куса сливочного масла, вследствие чего толпа стала производить над ним самосуд», — описание одного из многочисленных происшествий в г. Красноярске в ноябре 1917 года [36, л. 4 об.]. Особо незащищенными оказывались женщины, большей частью жены нижних чинов, ушедших на войну, торговавшие на базарах ради поддержания своих семей. Приходящие на рынок солдаты ругали их «площадными словами» и отбирали предметы торга [8, л. 1, 3, 3 об.; 25, л. 149]. Обеспокоенные за свою безопасность красноярцы ходатайствовали в губернский комиссариат о разрешении на приобретение оружия, организовывали ночные караулы по охране улиц, для содействия которым по городу рассылались конные патрули казаков [29, л. 217; 33, л. 92; 53, с. 4; 44, с. 4; 34, л. 4 об.].

Еще одной проблемой для новой власти и жителей города стали пьянство и незаконная продажа алкогольной продукции. Несмотря на предпринимаемые меры по усилению розыска самогонщиков и расширению антиалкогольной агитации в деревнях Красноярского уезда, пьяных в городе не убавлялось. При этом уже в начале 1917 года фиксировалось усиление алкоголизма среди женщин и детей [16, л. 9 об.; 55, с. 3; 27, л. 45]. Жительницы окрестных деревень — «постоянные провозительницы и торговли самогонным вином» — регулярно прибывали в Красноярск по железной дороге и снабжали самогоном 70-тысячное население Красноярска [18]. Алкоголь распростра-

нялся через квасные лавки, в которых постоянно наблюдался «ночной разгул солдат и темных частных личностей» [27, л. 74; 28, л. 94]. Помимо этого, распространенным типом правонарушений было разного рода мошенничество. Свои услуги легковверным горожанам предлагали гадалки, индийский факир, применявший лечение гипнозом [36, л. 1–1 об., 15, л. 1].

Революционная весна принесла с собой и увлечение любителей разнообразных азартных игр. В красноярских столовых была налажена и пользовалась популярностью игра в бильярд, ночлежки дома Ф. Ф. Раззорова днем и ночью играли в карты, азартные игры допускались даже среди офицеров в помещении общественного собрания [4, л. 16; 10, л. 23; 23, л. 132]. Очевидно, что в 1917 году игры вышли за пределы частных квартир: в лото, шмен-де-фер и орлянку публично играли на берегу Енисея, около здания духовной семинарии, на Новобазарной площади (где игроки могли расположиться на деревянных мясных прилавках), рядом с городской почтой. В игре участвовали извозчики, солдаты, выпущенные из тюрьмы арестанты — шулеры [32, л. 68; 25, л. 149; 43, с. 4]. В дачной местности за Успенским монастырем часто организовывались футбольные матчи на жетоны [54, с. 3].

От безрадостной действительности красноярцы могли отвлечься в городском и интимном театрах, кинематографах «Аквариум», «Арс», «Кинемо», театре и кинематографе железнодорожного собрания. Там можно было посмо-

треть постановки «Прозорливец (жизнь старца Гр. Распутина)», «Женщина из мрака. Сатанела», «Казнь», кинокартины «Безумие таланта», «Не выдержали — поженились» и многие другие [11, л. 139; 37, с. 1; 46, с. 1]. Для солдат 14, 16 и 30-го запасных полков действовали солдатские клубы, для детей — детская площадка за монастырем. Летом горожане охотно отправлялись за город и на Столбы, однако отсутствие в продаже подходящей обуви значительно ограничивало возможности отдыхающих. В течение всего года традиционно проводились благотворительные спектакли, концерты, маскарады, лотереи-аллегри, гуляния в общественном собрании и городском саду [11, с. 1; 34, л. 4; 42, с. 4]. Особой популярностью у городского населения пользовались представления уличных балаганов и цирка, здание которого было приспособлено для работы в зимний сезон 1917–1918 годов [31, л. 245–247 об.; 6, л. 3, 4].

В целом 1917 год стал для красноярцев, как и для всех жителей охваченной фундаментальными общественно-политическими преобразованиями страны, серьезным испытанием. Революция проникла во все сферы жизни человека, вынуждая обывателей ежедневно приспосабливаться к меняющимся в худшую сторону условиям жизни, что не могло не привести к росту бытовой агрессии, политической апатии, алкоголизму и дальнейшей криминализации общества.

Источники и литература:

1. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 161. Оп. 1. Д. 873.
2. ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 15.
3. ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 18.
4. ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 60.
5. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2416.
6. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2420.
7. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2422.
8. ГАКК. Ф. 516. Оп. 1. Д. 2446.
9. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7682.
10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7686.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 20.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 191.
13. ГАКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 194.

14. ГАКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 392.
15. ГАКК. Ф. 595. Оп. 71. Д. 399.
16. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283.
17. ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 618.
18. ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 638.
19. ГАКК. Ф. 894. Оп. 1. Д. 16.
20. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 11.
21. ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 267.
22. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 206.
23. ГАКК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 3.
24. ГАКК. Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 31.
25. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 1.
26. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 3.
27. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 8.
28. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 11.
29. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 16.
30. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 19.
31. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 6.
32. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 18.
33. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 32.
34. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 112.
35. ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 168.
36. ГАКК. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 4.
37. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. — 26 июля (№ 101).
38. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. — 24 августа (№ 125).
39. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. — 31 августа (№ 130).
40. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. — 4 октября (№ 156).
41. Свободная Сибирь. — 1917. — 28 апреля (№ 19).
42. Свободная Сибирь. — 1917. — 3 мая (№ 23).
43. Свободная Сибирь. — 1917. — 7 мая (№ 27).
44. Свободная Сибирь. — 1917. — 17 мая (№ 33).
45. Свободная Сибирь. — 1917. — 19 мая (№ 35).
46. Свободная Сибирь. — 1917. — 8 мая (№ 41).
47. Свободная Сибирь. — 1917. — 9 июня (№ 52).
48. Свободная Сибирь. — 1917. — 29 июня (№ 69).
49. Свободная Сибирь. — 1917. — 2 июля (№ 71).
50. Свободная Сибирь. — 1917. — 11 июля (№ 78).
51. Свободная Сибирь. — 1917. — 14 июля (№ 81).
52. Свободная Сибирь. — 1917. — 15 июля (№ 82).
53. Свободная Сибирь. — 1917. — 16 июля (№ 83).
54. Свободная Сибирь. — 1917. — 22 июля (№ 87).
55. Свободная Сибирь. — 1917. — 27 июля (№ 91).

УДК 908 «1917»

Лецрих С. В.

ОТЗВУКИ 1917 ГОДА В ИЛАНСКОМ РАЙОНЕ

Аннотация: данная работа посвящена историческим событиям 1917—1918 годов, проходившим в Иланском районе. Прослеживается связь событий в Центральной России и районе. Дается характеристика восстания в городе в 1918 году.

Ключевые слова: революция, Иланский район, восстание, общественно-политические силы.

Иланский район — один из многочисленных районов Красноярского края. В его биографии есть много славных страниц: стахановский труд железнодорожников и жителей сел, и героическое участие иланцев в Великой Отечественной войне, и ударное строительство города и района. Имеющий за плечами многовековую историю, Иланский район славится бережным отношением к своему культурному наследию, сильными трудовыми традициями и предприятиями, среди которых центральное место, конечно, занимает железная дорога.

«Гнездом революционеров» назвал генерал Меллер-Закомельский станцию Иланскую. А начальник Сибирской железной дороги Ивановский испуганно телеграфировал в столицу, что Иланская — «второй революционный очаг после Красноярска». [1]

Февральская буржуазно-демократическая революция активизировала борьбу рабочих Иланского железнодорожного узла за свои права, 5 марта на станции собрался митинг, на котором присутствовали взрослые и дети. На митинге была заслушана телеграмма об отречении императора от престола и вынесено постановление: упразднить полицию и жандармерию, а полицейских и жандармов разоружить и отправить на фронт. Создан Совет рабочих депутатов, сформирована народная дружина для охраны общественного порядка. К лету 17-го года оформилась Иланская группа РСДРП(б) (численность — 110 человек) [6] во главе с машинистом Милехиным. Преданными делу революции были Елисеев, Гацук, Гришаев, Лекомских,

Кто из нас не хотел бы знать, что происходило на этой земле, когда нас еще не было?

Денисов, проводившие активную агитационно-пропагандистскую работу и пользующиеся уважением у рабочих.

Создана Красная гвардия, где Карабач (дослужившийся в годы войны до унтер-офицера) организовывал регулярные военно-практические занятия. И уже к октябрю 1917 года иланские железнодорожники обладали реальной властью в лице Совета рабочих депутатов, имели вооруженную опору в виде боевой Красной гвардии. [4]

Весть об Октябрьской социалистической революции пришла в Иланский вечером 27 октября (9 ноября). Телеграмму зачитал Милехин. По-разному была воспринята эта новость. Одни видели в новой власти защиту, другие не противились ей, третьи встретили враждебно. В этот же день был избран революционный комитет из пяти человек. В состав вошли Милехин, Елисеев — представители от депо, Зорин, Баев — представители от вагонников, Буцих — представитель от кондукторов. [6] Обязанности комитета — следить за революционным порядком, мобилизовать рабочих на решение неотложных задач.

С помощью иланских рабочих созданы сельские Советы в окрестных селах — Карапсель, Ловать, Далай, Степаново.

Бойцы иланского отряда Красной гвардии в декабре 1917 года выезжали на подавление юнкерского восстания в Иркутске. В январе 1918 года железнодорожники-добровольцы сражались в отряде Сергея Лазо в Забайкалье. В это же время отряд красногвардейцев был отправлен

в Красноярск на подавление выступления казаков атамана Сотникова. Часть иланских красногвардейцев занималась сопровождением обозов с хлебом, отгрузкой его в эшелоны, обеспечивала охрану от грабежа. [4]

Несмотря на вооруженную борьбу, иланцы старались наладить новую жизнь. Организован рабочий клуб, где под руководством железнодорожников готовились спектакли, концерты. Особым успехом у населения пользовалась пьеса М. Горького «На дне». Рабочий клуб играл важную роль в политическом просвещении трудящихся. Здесь проходили лекции, доклады. Выступали не только иланцы, но и представители из Канского укома, Красноярска.

Первый свободный Первомай иланцы отметили митингом, на котором присутствовало более 5 тысяч человек. [6]

Стремительность событий, неожиданность переворота, противоречивые вести о разгроме власти Советов в Сибири, о казнях подавляли людей. Партийная организация резко сократилась — кто погиб, кто арестован, кто вынужден был скрываться. Иланские большевики перешли на нелегальное положение, но не смирились и продолжали действовать соответственно изменившимся условиям. В октябре по сибирским дорогам охватившая районы от Челябинска до Иннокентьевской прокатилась забастовка. Стачка возникла в знак протеста отмены рабочего законодательства советской власти. На подавление забастовки тут же были брошены отряды чехов и белогвардейских солдат.

Большевики рассматривали октябрьскую стачку как пробу сил перед решительным натиском. Иланцы готовились к вооруженному восстанию против Колчака, которого контрреволюция 18 ноября провозгласила Верховным правителем России.

Начальник колчаковского военного контроля в политическом обзоре по Восточной Сибири тех дней писал: «Очагами большевизма следует признать город Красноярск с железнодорожными станциями Иланская, Зима, Иннокентьевская и Черемховская». [1] Сигналом к восстанию должно послужить выступление омских рабочих.

В ноябре 1918 года началось восстание рабочих в Томске, 22 декабря в Омске, 27 декабря в Канске и Иланске. Во главе восстания иланских рабочих встали большевики: машинист Милехин, слесарь депо Бондырев, рабочие депо Карабач, Гришаев, Лекомских и другие. Собравшиеся разработали план восстания:

1. Были созданы три группы, каждая из которых получила свое задание.
2. Пять человек направлены к блокпосту «Бузюк» разбирать пути и рвать провода связи.
3. Восемь человек во главе с Зориным разоружили железнодорожную полицию.
4. Под руководством Карабача пять человек обезоружили команду колчаковцев, состоявшую из 40 солдат и трех офицеров [6].

В семь часов утра в депо загудел гудок паровозного депо, возвестивший о победе вооруженного восстания. Так в Иланске, как и семь месяцев назад, была восстановлена советская власть, назначены комиссары. В окрестные деревни Степаново, Далай, Карапсель и другие выехали рабочие агитаторы, к которым примкнули сотни крестьян-бедняков.

Через час вооруженные иланские рабочие направились в Канск на помощь восставшим. На перегоне Теплые Ключи — Кан-2 поезд с иланцами встретился с эшелоном колчаковцев, следовавшим в Иланский для подавления восстания. В голове эшелона у колчаковцев была бронированная площадка с артиллерийскими орудиями. Выстрелами из пушки колчаковцы дали понять, чтобы поезд вернулся назад в Иланский. Дважды в течение дня пытались прорваться иланские рабочие к Канску, и все безуспешно. К вечеру белогвардейские части плотным кольцом окружили Иланский. 29 декабря восстание было подавлено. Началась кровавая расправа. [1]

Ранним утром начали арестовывать всех. На перроне колчаковцы и примкнувшие к ним местные кулаки построили около 300 рабочих. Генерал Красильников дал приказ: «На один штык по два рабочих». [6]. Бывший начальник депо Тульчинский, обязанный отправлять войска со станции, заявил генералу, что, если будут расстреляны все рабочие депо, он не сможет отправить поезда с солдатами. Опасаясь подхода

частей Красной армии и действий партизанских отрядов, Красильников отпустил более 100 рабочих, предварительно приказав их высечь. 72 человека расстреляны по дороге в канскую тюрьму. Часть арестована и доставлена в Канск. Расправа проходила и в Иланском. [4]

В Иланском это событие отмечено несколькими памятниками: в Железнодорожном саду стоит обелиск, на водонапорной башне, водокачке в депо установлены мемориальные доски, напоминающие о тех событиях. Именами погибших названы улицы города.

Изучить данную тему мы можем на уроках, используя материал архива Иланского района, экспозиции Музейно-выставочного центра и Музея железнодорожников Иланского района, где хранятся первоисточники прошедших событий, пройдя по улицам города, названным именами погибших иланцев.

Привлечение местного материала на уроках истории помогает осознанному усвоению учащимися самых сложных вопросов социально-экономического, политического и культурного развития страны. Методист-историк А. И. Стражев справедливо утверждал, что без краеведческой работы нельзя поставить по-настоящему преподавание истории. Известный методист Н. Г. Дайри не без основания считает, что программные вопросы, по которым изучается не только материал учебника, но и действительность, непосредственно окружающая учащихся, усваиваются значительно прочнее. Местный материал играет важную роль, связывая жизнь и быт любого населенного пункта с историей всей страны.

Однако краеведческим такой подход будет только тогда, когда изучение истории России будет параллельно рассматриваться с явлениями местного быта, местной природы, местной истории.

Источники и литература:

1. Вахрин Ю. И. Иланский. Красноярское книжное издательство, 1989. — 207 с.
2. Гришаев В. В. Красный хлебороб. Красноярское книжное издательство, 1973. — 224 с.
3. Дайри Н. Г. Основное усвоить на уроке: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1987. — 192 с.
4. Дергач В. А., Кузьмин И. А. От прошлого до наших дней. Иланский, 2003. — 175 с.
5. Лукиева Е. Б. Историческое краеведение. Учеб. пособие. Томск, 2003. — 156 с.
6. МКУ «Архив Иланского района», Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
7. Стражев А. И. Методика преподавания истории. М., 1964. С. 274.

УДК 94: 271.2 (571.51)

Малашин Г. В.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО И НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1920 гг.

***Аннотация:** на материалах архивных источников и публикаций исследуются модели поведения священнослужителей Енисейской епархии в ходе революционных событий 1917 года, последствия и результаты сделанного ими исторического и нравственного выбора.*

***Ключевые слова:** революция, 1917 год, Гражданская война, Енисейская губерния, Енисейская епархия, Церковь, священнослужители, архиереи, исторический выбор, нравственность, служение.*

Осмысление роли и места православной церкви в исторических событиях 1917 и 1918–1920 гг. в Сибири началось еще до окончания Гражданской войны [1, 2, 3], однако в силу известных исторических обстоятельств долгое время не могло быть предметом объективного монографического рассмотрения. В рамках проблематики этой темы актуальными представляются постановка проблемы исторического и нравственного выбора, который возникал в эти годы перед духовенством Енисейской епархии, а также вычленение исследователем основных моделей поведения представителей церкви — иерархов, священно- и церковнослужителей, прихожан. Необходимость рассмотрения нравственного аспекта такого выбора обусловлена значимостью для церкви как социального института духовной, евангельской, этической составляющих, актуализированных событиями 1917–1920 гг.

Как известно, Синодом и большинством епископов были поддержаны падение монархического режима и приход к власти Временного правительства; епископ Енисейский Никон одним из первых публично приветствовал Февральскую революцию [4, с. 228–229; 5, с. 75–76, 235]. Падение монархии одобрили и собрания духовенства епархии весной 1917 года [5, с. 214, 328, 349]. Голос консервативной, исповедующей традицион-

ные формы церковной жизни части духовенства поначалу не был слышен. Часть священнослужителей ожидала дальнейшего развития событий. Размежевание енисейского духовенства в зависимости от социально-политических воззрений и активности гражданской позиции (эта активность могла быть обусловлена как мировоззренческими, так и прагматическими соображениями) постепенно обозначилось в ходе дальнейших событий.

22 апреля экстренным епархиальным съездом духовенства и мирян было принято предложение «об освобождении епископа Никона от управления» [6, л. 4 об.]. Съезд принял решение о замене Духовной консистории избранным Наблюдательным советом «из трех духовных и трех мирян» и ряд других постановлений, носивших достаточно радикальный характер. Новый совет вступил в конфронтацию с временно прибывшим 26 мая 1917 года на енисейскую кафедру епископом Гавриилом (Воеводиным). Члены же бывшей консистории поддержали архиерея в его попытках приостановить реформаторскую деятельность оппозиционеров.

Деятельность епископов, поочередно управлявших Енисейской епархией в 1917 году, дает возможность говорить о нескольких типических моделях исторического и нравственного выбора

иерархов. Последующая судьба этих епископов и их место в церковной и общественной жизни становятся закономерным следствием этого выбора. Епископ Никон (Бессонов; †1919), своими дореволюционными политическими и нравственными эскападами во многом и спровоцировавший противостояние в епархии, после упомянутого епархиального съезда отбыл из Красноярска в отпуск, подал заявление в Синод о снятии сана и монашества [7, с. 126–127; 8, с. 9–11]. Он окончательно расстается с церковью, продолжив авантюристическую деятельность на светском поприще. Сторонник незыблемой архиерейской власти епископ Гавриил (Воеводин; †1917) действовал без учета меняющихся исторических реалий, усугубив конфликтные ситуации в епархии. В 1920-х годах впал в обновленчество, каялся, менял места служения, но жизнь окончил достойно, перед смертью отказавшись от выбитых у него в тюрьме показаний. Тип епископа-обновленца, равнодушного к нравственным проблемам, представлял третий управлявший епархией (август — октябрь 1917 года) архиерей — Зосима (Сидоровский А. А.; † после 1927 года). Он нашел общий язык с оппозиционерами, идя навстречу их требованиям, они даже обращались в Синод с ходатайством об оставлении его на этой должности [9, л. 2–2 об.]. В дальнейшем в женатом состоянии назначался обновленцами на красноярскую и другие кафедры. Активно сотрудничал с советской властью, преследуя своих недавних собратьев.

На период правления преосвященного Назария (Андреева; †1940) пришлись Октябрьская революция, установление советской власти в губернии 28–29 октября 1917 года, ее падение в июне 1918 года, Гражданская война, восстановление власти Советов в январе 1920 года и первые годы ее борьбы с церковью. Епископ Назарий представлял, на наш взгляд, еще один, наиболее важный для церкви того времени тип иерарха, деятельность и поступки которого были продиктованы верностью каноническим установлениям церкви, осмыслением меняющихся исторических условий и следованием при этом евангельским, обязательным для любого христианина заповедям. Несмотря на оппозиционные настроения клира, он сумел привлечь к работе представителей всех сложившихся к концу рево-

люционного года групп духовенства. Об этом говорят его почти единогласное избрание на красноярско-енисейскую кафедру на епархиальном Соборе 10–11 декабря 1917 года, сохранение им возможности управлять епархией во всех последовавших в губернии после октябрьского переворота событиях. При принятии сложнейших в тех политических условиях решений для него были приоритетны духовное и нравственное начала [10, с. 266–275]. Об этом свидетельствуют сохранившиеся источники, включая, например, материалы следствия 1928 года [11, с. 130–133].

Говоря о выборе, который совершался белым духовенством епархии, можно вычленить несколько аналогичных моделей. Были клирики и миряне, активно проявившие себя в дискуссиях и преобразованиях 1917 года, но в годы Гражданской войны отстранившиеся от участия в принятии носивших общественно-политический характер решений. Не мыслившие свою судьбу вне церкви, но идейно близкие к обновленчеству, в его рядах чаще всего они затем и оказывались. Протоиерей И. Орфеев (1874–1938), до революции — популярный миссионер, в 1917 году вошел в состав Церковно-епархиального совета, в 1918–1920 годах незаметно служил в Канске, с 1922 года пребывал в обновленчестве уже в качестве женатого «епископа Минусинского» [10, с. 324; 12, с. 264–265]. Протоиерей А. Турский (1888–1938), разъездной миссионер Урянхайского края, также оказался после Гражданской войны в числе женатых обновленческих «епископов» [12, с. 70; 13, с. 456–457]. С обновленчеством была связана жизнь еще одного представителя этой группы, мирянина И. П. Королева, активного участника дискуссий 1917 года, вновь заявившего о себе уже в годы обновленчества и деятельно боровшегося в 1924–1925 годах с влиянием «староцерковников» [14, с. 758–761].

Другая группа активно участвовавших в публичной жизни, политических и церковных дебатах 1917 года священников — служители-ренегаты, так называемые красные попы, после окончательного изменения положения церкви в начале 1918 года оказавшиеся готовыми не только отказаться от церковного служения, но и работать в антирелигиозных структурах. Публично снял священническое облачение известный

миссионер протоиерей В. Кузьмин (1878–1925), бывший лидер минусинских народных социалистов, с установлением советской власти ставший лектором-антирелигиозником, журналистом и чиновником советского «народного образования» [15, с. 416–417]. Еще до революции главный «обвинитель» епископа Никона на апрельском епархиальном съезде священник А. Муранов проявил себя как «не вполне благонадежный» пастырь, увлекавшийся оппозиционными политическими идеями. После периода публичной активности в 1917 году, с началом первого советского периода активно начинает сотрудничать с новой властью, за что после крушения власти Советов подвергается запрещению в служении. В начале 1920-х годов экс-священник Муранов участвует в кампании по изъятию церковных ценностей [10, с. 314]. Ту же лишенную следования нравственным принципам модель поведения демонстрировали «очень умелые и талантливые апологеты большевизма, ораторы и краснобаи, опирающиеся на темный преступный элемент» [16, с. 104–105]: громко заявившие о себе в 1917 году священники В. Орлов и И. Вашкорин из печально известного пятого (Тасеевского) благочиннического округа Канского уезда [17, л. 277–277 об., 280]. Орлов в январе 1918 года, после декрета об отделении церкви от государства, вышел «за штат», активно поддержал новую власть, но после чехословацкого мятежа, ссылаясь на свой сан, вышел из партии [18, л. 13; 19, с. 3]. Вашкорин в течение всего 1918 года просил у правящего архиерея прощение за предшествующий большевизм и испрашивал хорошее священническое место [20], но после декабрьского восстания в Канском уезде окончательно связал свою судьбу с партизанами, заведовал в их «армии» отделом пропаганды, время от времени, несмотря на запрещение в служении, совершая для них требы [21, 22]. В своих воспоминаниях рассказывал о «справедливом суде» партизанского ревтрибунала над бывшими собратьями [23, л. 49–50.]. Характерна относительно благополучная светская судьба обоих после 1920 года, причем Орлов активно участвовал в работе «ликвидационной комиссии» по изъятию церковных ценностей и борьбе с религией [15, с. 333–334].

Еще одна группа священников Енисейской епархии — маститые протоиереи и священники,

а также миряне, в 1917 году поддержавшие «реформы» церковной жизни, но в итоге ставшие деятельной опорой церковной власти, в годы Гражданской войны работавшие под руководством епископа Назария и созданного в Омске Временного высшего церковного управления Сибири. В их числе — избранные на епархиальном съезде 8 августа 1917 года для участия во Всероссийском поместном соборе протоиереи В.К. Тюшняков (1871–1938) и красноярский церковный педагог и историк, преподаватель Красноярской духовной семинарии И.В. Фигуровский (1879–1920) [24, с. 13]. Среди мирян, ратовавших в 1917 году за перемены в церковной жизни, следует назвать и Х.П. Соболева (1881–1938), в годы войны сумевшего отразить в редактируемых им «Енисейских епархиальных ведомостях» разнообразие суждений о «переживаемом моменте». Эти церковные деятели были репрессированы в 1930-х годах, а И.В. Фигуровский был расстрелян еще в мае 1920 года.

События Гражданской войны непосредственно затронули жизнь большинства приходов Енисейской епархии. В этот период можно говорить о нескольких моделях поведения приходских, в частности сельских пастырей Енисейской губернии. Сравнительно небольшая их часть поддерживала режим адмирала А.В. Колчака, реже — партизан. Выше назывались имена красных священников, пренебрегших священнической присягой. Известны и случаи, когда священники с иконами и хлебом-солью встречали партизанских лидеров, поддерживали большевиков в своих проповедях (иерей Н. Силин из с. Тасеево). Сотрудничество с правительственными войсками вменялось партизанами в вину целому ряду священников, за это убитых и замученных ими (например, благочинному П. Меркурьеву из Абана, иерею Н. Протопопову, настоятелю прихода П. Фелонину). Поддержка священниками белого или красного режимов бывала следствием идейно-мировоззренческих установок, но зачастую объяснялась далекими от духовных и нравственных категорий прагматическими соображениями [10, с. 280–284].

Источники позволяют говорить о двух наиболее значительных и ясных вариантах исторического и нравственного пастырского выбора. Были

священники и церковнослужители, которые, осознав невозможность в новых условиях продолжать свою деятельность, покидали приходы, оставляя свою паству без духовной поддержки (эти случаи чаще происходили в волостях, где были сильны позиции партизан). Сохранение жизни священников и их семей оказывалось при этом выборе важнее соображений долга. В 1919 году были запрещены в служении более 10 иереев, самовольно оставивших свой приход, а также 9 диаконов; о еще 5 священниках поданы документы в ВВЦУ для рассмотрения и вынесения по ним решения [25, с. 20; 26, с. 51–52].

И, наконец, пастыри, не оставившие паству даже под угрозой смерти. Именно они в проповедях напоминали прихожанам о необходимости следования евангельским заповедям любви к ближнему. Такая позиция в корне противоречила новой, большевистской или анархистской по духу идеологии, исповедуемой значительной частью партизан. Большая их часть стала жертвой красного террора, начиная с первого убитого за попытку увещавать восставших священника с. Каратузского Михаила Щербакова. Красный террор по отношению к православным пастырям развернулся с особой силой в 1-й половине

1919 года, затронув будущих священномучеников Амоса Иванова, Михаила Каргополова, Трофима Кузнецова, Дмитрия Неровецкого и др. Среди клириков епархии, принявших мученическую кончину, — священник о. Александр Ново-чадовский, который был буквально распят партизанами на заборе.

Ряд священников Енисейской епархии, сумевших до конца исполнить свою пастырскую миссию, не успел стать жертвами террора (Павел Митякин из Туруханского края, Михаил Вологодский из Канского уезда, Евфимий Горячев из Ачинского уезда и др.). Исполнение евангельской миссии продолжало оставаться делом их жизни до конца ее и в условиях атеистического режима 1920–1930-х годов [10, с. 284–235; 27].

Роль личности и личностных качеств, общественной позиции и деяний отдельных представителей русской церкви в ее жизни всегда была значима. Однако именно социально-политические катаклизмы 1917–1920-х годов создали возможность для воздействия поступков представителей духовенства не только на их личную судьбу, но и на судьбу церкви, паствы и в определенной мере судьбу страны и народа.

Источники и литература:

1. Б/а. Голос Церкви // Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1919. № 8. Разд. неоф. С. 19–21.
2. Архангельский П., свящ. Об отношении Церкви к большевизму // ЕЕВ. 1919. № 9–10. Разд. неоф. С. 13–16.
3. Пузыревский И., свящ. Следует ли так делать? // ЕЕВ. 1919. № 11. Разд. неоф. С. 9–13.
4. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. — М., 1994. Т. 2.
5. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., авт. предисловия и комментариев М. А. Бабкин. — М., 2008.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 656. Оп. 1. Д. 1.
7. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 г.: Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. — СПб., 2008.
8. Официальные известия по Енисейской епархии (ЕЕВ). 1917. № 7.
9. ГАКК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 2.
10. Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. — Красноярск: ИД «Вост. Сибирь», 2011.
11. Лобашев А. «Верую побеждали!..»: книга о духовном подвиге православных южноуральцев. — Челябинск, 2007.
12. Лавринов В. В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. — М.: Общ-во любителей церк. истории, 2016. — (Мат-лы по ист. Церкви. Кн. 54).
13. Малашин Г. В. Красноярская и Ачинская епархия РПЦ // Православная энциклопедия. Т. XXXVIII / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — М.: Церковно-научный центр «Православ. энциклопедия», 2015. — С. 448–464.

14. Следственное дело патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. — М.: Памятники исторической мысли, 2000.
15. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. — Абакан, 2006.
16. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. — М. — Л., 1925.
17. ГАКК. Ф. 1777. Оп. 1. Д. 7.
18. ГАКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 110.
19. Тасеевские картинки. Огнем и мечом: плач и рыдание // Голос трудящихся. 1918. № 15. (6 июля). — С. 3.
20. ГАКК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 9.
21. ГАКК. Ф. 42. Оп. 6. Д. 146.
22. ГАКК. Ф. 42. Оп. 6. Д. 147.
23. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 110.
24. ЕЕВ. 1917. № 4.
25. Соболев Х. [П.] Против «церковного» большевизма // ЕЕВ. 1918. № 14–15.
26. Распоряжения Епархиального начальства // ЕЕВ. 1919. № 9–10. Разд. оф.
27. Шекшеев А. П. Служители православной церкви на Енисее, репрессированные за веру. Опыт создания мартиролога // XV Красноярские краевые образовательные Рождественские чтения. Красноярск, 2015. — С. 366–415.

УДК 314(908) «1917»

Мезит Л. Э.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1917 ГОДА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Аннотация:** рассмотрен процесс организации и проведения Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи в переломный для страны период в Енисейской губернии. Анализируются особенности формирования временных комиссий и трудности, с которыми столкнулись на местах при проведении переписи.*

***Ключевые слова:** сельскохозяйственная перепись, статистические данные, демографические источники.*

Февральская революция и последовавшее за ней аграрное движение поставили на повестку дня неотложную задачу — проведение аграрной реформы. Временное правительство всячески затягивало ее решение, но под влиянием нараставшего революционного движения было вынуждено создавать видимость подготовки земельной реформы. Поэтому учет землевладения и землепользования на территории всего государства явился задачей первостепенной важности. 17 марта 1917 года отдел переписи при Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, осуществлявший перепись 1916 года, был передан в ведение исполнительной комиссии статистических съездов. Это стало началом подготовки к сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года [5, с. 107].

18–21 февраля 1917 года на совещании земских статистиков дебатировался вопрос о том, производить перепись сплошную или выборочную. Голоса разделились примерно поровну (за сплошную перепись — 21, за выборочную — 20 голосов), было решено разработать две программы применительно к проведению сплошной и выборочной переписи; разослать материалы совещания по вопросу о способе производства по этому вопросу, чтобы на основании сводки полученных ответов окончательно установить тип переписи [5, с. 107].

Программа переписи, разработанная отделом переписи при Управлении делами Особого со-

вещения по продовольствию, была утверждена на Всероссийском съезде земских статистиков 18–21 апреля 1917 года в Москве.

Постановлением Министерства земледелия Временного правительства от 9 мая 1917 года было решено провести сельскохозяйственную и поземельную перепись. Задачи, которые она должна была решить: построение плана продовольственного снабжения населения на 1917—1918 годы; сбор материалов для обсуждения аграрного вопроса Учредительным собранием [1, л. 82 об, 83 об]. Происходившие по всей стране весной-летом 1917 года революционные движения повлияли на ход работ по переписи.

Изучению материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года посвящено много работ. Среди авторов, которые профессионально оперировали и анализировали обобщенные материалы, следует отметить Островского Н. В., Храмкова А. А., Рыикова В. М., Тумурхонову Н. В. и др. [7, 8, 10, 11]. Целью данной статьи является анализ подготовки и проведения этой важной переписи в Енисейской губернии.

12 июня закончилось совещание статистиков Переселенческого управления Сибири по вопросам организации и проведения переписи 1917 года, а предварительный подсчет полученных сведений — к 15 октября [5, с. 111]. Совещание статистиков 26 июля 1917 года обсуждало

методику учета населения для выборов в Учредительное собрание, т.к. из-за систематических мобилизаций мужчин на фронт, большого переселенческого потока, устремившегося на восток страны, сведения переписи 1916 года устарели.

Для руководства переписью в Енисейской губернии в июне того же года была создана распорядительная комиссия по переписи при губернском продовольственном комитете, в который вошли представители от Совета рабочих и солдатских комитетов, от орг. бюро по созыву губернского крестьянского съезда, от уездной крестьянской управы, от кооператива «Самодетельность», от товарищества «Кооператор», от губернского продовольственного комитета, от отдела статистики, от переселенческой районной управы заведующий землеустройством [2, л. 21].

Перепись надлежало провести с 15 августа до 1 сентября 1917 года, чтобы к концу года были опубликованы основные ее материалы [3, л. 82 об.]. Фактически в Енисейской губернии она продолжалась до 15 октября 1917 года.

Губернский отдел текущей статистики для выполнения распоряжения Министерства земледелия провел ряд организационных мероприятий. Им были уточнены территориальные границы проводимой переписи и определено, что сельскохозяйственной переписью будет охвачено пять уездов (Туруханский и Усинский край как малонаселенные были исключены из объектов переписи), 115 волостей, 2 562 селения, 160 тысяч крестьянских хозяйств, 100 частных владений на территории губернии. Для выполнения данного объема работ, исходя из опыта прошлых переписей, было запланировано привлечь к ее осуществлению 300 регистраторов, 52 инструктора, из которых 32 человека были членами переселенческих организаций, остальные — вольнонаемные [3, л. 1].

Сотрудники отдела текущей статистики, составляя смету на проведение сельскохозяйственной переписи, учли факторы, которые осложняют и повысят стоимость услуг почти в три раза: с 46 тысяч в 1916 году до 175 тысяч в 1917 году. В губернии крестьяне в своей массе недоверчиво относились к различным опросам, так было в 1916 году (из-за боязни увеличения налогов и реквизи-

ций), не было опытных работников, сложно было собирать общие крестьянские сходы, не везде местная администрация способна была оказать действенную помощь регистраторам [3, л. 2 об — 3].

При обследовании 1917 года инструментарий переписи составили шесть переписных формуляров: список населенных мест, список домохозяев, подворная карточка, общинный бланк, бланк для описания крупных частновладельческих хозяйств, дополнительный к подворной карточке список рабочих и служащих частновладельческих хозяйств. Основным бланком была подворная карточка, которая включала 194 показателя, характеризующих демографическое и социально-экономическое развитие. Регистраторы должны были обязательно учитывать в подворной переписи шесть типов хозяйств: инородцы оседлые, инородцы кочевые, казаки, крестьяне из казаков, переселенцы (прибывшие в регион до 1893 года), старожильческие (крестьяне, мещане, пр. сословия). Карточки заполнялись со слов главы хозяйства. Перепись 1917 года регистрировала: число хозяйств; состав семьи; численность и виды скота; размеры посевных площадей по культурам, земельной площади и угодьям; размеры землевладений и землепользований с подразделением земель на надельные, купчие и прочие по формам землевладения; аренду и сдачу земли; наличие сельхозинвентаря, промышленного и торгового заведения [6, с. 10].

Впервые в сельскохозяйственной переписи 1917 года учитывался труд военнопленных, используемый в частновладельческих хозяйствах, появилась графа о призванных в армию, убитых и умерших от ран на момент переписи. В разделах «аренда», «сдача» регистраторы записывали факты «аренда-захват», «аренда на революционных правах», что свидетельствовало о начале процесса перераспределения земель в деревне.

Для формирования состава участников сельскохозяйственной переписи был объявлен добровольный набор лиц, имеющих образование и готовых в течение трех месяцев вести перепись сельского населения. Заявление подали 615 человек, в архиве на 230 участников сохранились регистрационные карточки, анализ которых позволяет сделать следующие выводы: 66%

участников кампании были мужчины в возрасте от 16 до 63 лет. По профессии самой многочисленной — 36% — была учительская категория; учащиеся (гимназисты, ученики ремесленного, торгово-кооперативного училищ и т. п.) составляли 25% от общего числа участников, работники переселенческого управления, как правило выполнявшие функции инструкторов, составляли 4,5%, по 4% составляли священнослужители и студенты сибирских вузов, проживавшие в губернии [4].

Губернская распорядительная комиссия по переписи не могла проводить постоянного и непосредственного контроля за деятельностью работников на местах из-за ограниченности финансовых средств, которых едва хватало на рассылку переписных материалов, поэтому контроль осуществлялся на основе донесений с мест, и истинного положения дел губернская комиссия не знала.

Не удалось ни в архиве, ни в опубликованных «Погубернских итогах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года» найти сведений о контрольной переписи, что позволяет предположить, что она не проводилась из-за ограниченности финансовых средств и политической нестабильности в стране. Не сохранились в архиве и первичные материалы, собранные переписчиками, таким образом, большой массив сведений о состоянии сельского хозяйства губернии накануне Октября бесследно утрачен.

Общее руководство организацией и обобщением результатов переписи в 1917 году было возложено на губернское переселенческое управление. Несмотря на политическую нестабильность в губернии и стране, сельскохозяйственная перепись была проведена в соответствии с планом.

Источники и литература:

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 283.
2. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 284.
3. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 285.
4. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 403.
5. Гапоненко Л. С., Кабухин В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции// История СССР. 1961. № 6. С. 97–110.
6. Инструкция для предварительного подсчета итогов всероссийской сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года по Енисейской губ. Красноярск, Тип. Об-ва Кооперативник Ен. Губ., 1917.

К 1919 году, когда произошло восстановление советской власти в Сибири, были проведены подсчеты поселенные, поволостные, поуездные. В губернии была создана редакционная комиссия, которая должна была подготовить материалы к публикации. В нее вошли представители губернской земской управы, губернского Союза кооперативов, переселенческого управления. Из-за ограниченности средств, изысканных для публикации материалов, было решено опубликовать списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края, составленные по материалам сельскохозяйственных (1916, 1917 годов) и городской 1917 года переписей, а также материалы по Туруханскому краю, представленные Тугариновым А. Л., по Усинскому краю, составленные Машковым Г. И.

Финансирование издания приняли на себя губернская земская управа, выделив 15 тысяч рублей, и губернский Союз кооперативов, выделивший 12 тысяч рублей. Вся работа по подготовке рукописи к публикации была проведена следующими сотрудниками Губстатбюро: Л. В. Барыбаловой, К. В. Воробьевой, К. Ф. Кошкарновой, О. Н. Нечаевой, Е. Н. Никулиной, Н. Ф. Трасовой [9].

Выборочные материалы переписи по Енисейской губернии вошли в «Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям», изданные в Москве в 1921 году.

Вместе с тем статистические материалы, собранные и частично обобщенные, не были в полной мере востребованы новой властью, которая в 1920 году проводит новую выборочную перепись для решения уже совершенно других задач.

7. Островский И. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири как исторический источник // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. — Новосибирск, 1979. С. 122–129.
8. Рынков В. М. Аграрная экономика Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн // Идеи и идеалы. № 4 (26). Т. 2. 2015. № 49.
9. Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. Красноярск, Типография Ен. губ. союза кооператоров. 1921.
10. Тумурхонова Н. В. Всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916–1917 гг. как источник по демографической статистике Забайкалья // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 54. 2013. № 6 (297). С. 31–36.
11. Храмов А. А. Сравнительно-исторический очерк о переселенческих селах Алтайской губернии (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX вв. Сборник научных статей. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 12–33.

УДК 94 (571.51) '1914/18'

Скоробогатова Н. Н.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ СОЛДАТ И УНТЕР-ОФИЦЕРОВ СИБИРСКИХ ПОЛКОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИОНИЗАЦИИ

Аннотация: в статье на основе архивных данных, газетных и журнальных статей, источников личного происхождения анализируются факторы, видоизменившие традиционную картину мира крестьян, ставших солдатами Первой мировой войны. Особое внимание уделено динамике общественного сознания, эволюции социального поведения крестьян в солдатских шинелях, что в условиях военной катастрофы не могло не стать катализатором революционизации сознания этого слоя населения.

Ключевые слова: революционизация солдат, Первая мировая война, Минусинский уезд, трансформация сознания, сибирские полки.

Юбилей Первой мировой войны нашел отражение в многочисленных документальных, научных и публицистических изданиях. Свой вклад в изучение данной темы внес и музей-заповедник «Шушенское» в рамках сетевого проекта «Забывтая и неизвестная?», спонсором которого стал Благотворительный фонд культурных инициатив М. Прохорова.

Сотрудниками музея была проведена значительная исследовательская работа. Выявлены документы, фотографии участников войны, опрошены оставшиеся в живых родственники, систематизированы документальные и газетные фонды, хранящиеся в архивных и музейных собраниях.

В результате работы над проектом в архивах музеев Шушенского и Минусинска были обнаружены дневники и автобиографические материалы солдат — непосредственных участников событий, что можно считать редкой удачей. Это позволило реконструировать особенности субъективного бытия российских солдат на фронтах Первой мировой войны.

При этом следует принять во внимание то, что дневник И. И. Завёрткина, хранящийся в основном фонде музея-заповедника «Шушенское», и автобиография Ф. С. Кислицына из архива Минусинского краеведческого музея были написаны

уже в советское время (дневник в 1967 году, а автобиография — в 1937 году), есть записи воспоминаний шушенских крестьян 1947 и 1970 годов, объемный материал по истории Первой мировой войны хранится в архиве г. Минусинска и относится к периоду 20-х годов XX века, поэтому следует учитывать деформирующий фактор более поздних революционных и послевоенных наслоений на восприятие опыта войны.

Данный комплекс материалов позволяет представить солдатский фронтовой опыт с идентификацией авторов свидетельств, выявить индивидуально-групповые особенности восприятия военной действительности людьми определенной социально-культурной, возрастной, этнически-региональной принадлежности, показать динамику общественного сознания и эволюцию менталитета солдат сибирских полков, эволюцию их социального поведения под влиянием мировой катастрофы и распространения социалистических идей.

Первая мировая война стала не только прологом новой эпохи, но и выковала нового человека, поведенческой основой которого стало массовое сознание кризисной военной, а позже революционной эпохи, зародившейся под воздействием комплекса факторов, вызванных к жизни Первой мировой войной и участием масс в револю-

ции, или смуте, как теперь называют Октябрь 1917 года.

Участник Первой мировой войны, известный русский философ Ф. Степун писал в своих дневниках артиллериста: «Страшнее материальных разрушений, что несет война, становятся перемены в сознании людей... Все эти военные фобии подавляют в людях элементарные зачатки человеческого отношения друг к другу. Все самое злое, грешное и смрадное, запрещаемое элементарною совестью в отношении одного человека к другому, является ныне правдою и героизмом в отношении одного народа к другому» [10, с. 7–8].

Крестьяне стали основным контингентом двадцати воинских призывов, прошедших в Сибири в период Первой мировой войны. Они пополняли ряды солдат и младших унтер-офицеров.

С самого начала войны выяснилась необходимость досрочного призыва новобранцев. Если в 1914 году мобилизации подлежали лица с 21 года, то в 1915–1916 годах в армию забирали 19-летних. С 22 июля 1914 года в контингент новобранцев попадали лица, пользовавшиеся правами ратников ополчения.

В массовом порядке проводились переосвидетельствования белобилетников, забракованных ратников 1910–1916 годов, которые также пополняли войска [4, с. 100].

Для пополнения армии более молодыми солдатами приходилось понижать требования к физической годности новобранцев. С августа 1915 года тыловые войска стали пополнять лицами, больными грыжей, люэсом, со слабым зрением, даже если оно менее половины нормального [2, с. 2].

На фронт призывались независимо от семейного положения и без права на отсрочку по имущественному положению, званию и роду занятий. Вот что рассказал Ф. А. Зырянов о своем призыве и службе в армии: «Ну, в армию меня, понятно, по ихнему закону не брали как одиночку. А когда началась война, в 1915 году нас всех забрали, тут уж не считались ни с одним, ни с пятым, ни с кем. Я три месяца в Ачинске учился, потом на фронт. Почти три года в действующей армии. Ранен не был, обошлось» [3, л. 137].

В первой волне призывников попал в армию Ф. С. Кислицын 1888 года рождения из д. Средняя Шушь Минусинского уезда Каптыревской волости. «В 1914 году, в июле месяце, я был на пашне, вдруг нарочный: «Солдаты, все домой. Война с Германией». (Кислицын уже отслужил в армии по призыву. В 1910 году взяли на службу в гвардию. Служил в Петрограде. — *Авт.*) Пришлось день погулять и отправиться в г. Минусинск, а потом на баржах в Красноярск. На фронт я попал в 300-й Заславский полк, в котором остались от боя по 7–12 человек в роте» [8, л. 3].

Война передовых технических достижений изменила роль бойца, «серый герой» нередко противостоял танкам, пулеметам, самолетам. Не случайно один из участников войны — Василий Изосимин пишет родителям на обороте фотографии: «Трудна ты, Первая мировая, переживу ли эту сиротскую войну... Я пока жив по милости Божией, того и вам желаю. Прощайте же, дорогие родичи папа и мама. Изосимин» [6].

С конца 1915 года стала отчетливо выделяться тенденция, когда зажиточная часть сел и деревень стремилась во что бы то ни стало уклониться от службы в армии. Подобным образом откупился от армии и ковровский мещанин П. Строганов, который проживал в Шушенском и имел весьма доходную торговлю и хозяйство. В архивном документе отмечалось следующее: «Имущественное положение Строганова заключается в доме с надворными постройками в 2500 рублей, 2 лошади — 1000 рублей, 7 коров, мелочная лавка 100 рублей, живет при своем хозяйстве». В доносе крестьянина с. Алейского М. Сергеева от 28.11.1916 на имя енисейского губернатора подчеркивалось, что Строганов, «избегая призыва ратников второго разряда, уплатил взятку агенту интендантского управления Козыреву, который в с. Шушенском скупает хлеб и зачислился к нему в помощники. Ходит по селу, хвастается, что я на войну не пойду, а буду жить в селе. Многие жители этого села знают, что Строганов угощал водкой Козырева, дал ему денег и таким образом освободился от призыва» [9, л. 75].

Массовая мобилизация августа 1914 года усилила протестную активность «призванных под знамена». «Всего, по данным хроники крестьянского движения в Сибири, в четырех губерниях

(Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) насчитывалось 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего — в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных» [12, с. 16].

В основе этого движения лежало стремление ритуально закрепить переход в состояние «государственных людей», который сопровождался специфическими «рекрутскими обрядами» и ритуалами, свойственными традиционному патриархальному обществу, которые проводятся при переходе человека из одной группы в другую, из одного социального статуса в другой. Через традицию крестьянин чувствовал себя более тесно причастным государственному началу, становился частью государственного механизма.

Отныне будущий солдат не сам распоряжался своими поступками и даже своей жизнью, а государство целиком и полностью располагало им. Любое ритуальное действие сопровождалось пьянством.

С. В. Букалова в своей статье «Сухой закон и «пьяные бунты» августа 1914 года: реализация политики трезвости в контексте культурной антропологии» сделала интересный вывод: «Повсеместная актуальность этого ритуала для первых призывников августа 1914 года подчеркивает патриархальное отношение русского крестьянства к воинской повинности. Иными словами, беспорядки среди мобилизованных были реакцией не на войну как таковую, а на факт массового призыва в армию в сочетании с невозможностью сопроводить его ритуалом». [1]

Покидая родные пенаты, крестьянин переходил в иной социальный статус и приступал к выполнению солдатских обязанностей, при этом он лишался значительной части гражданских прав и поступал в полное распоряжение военных начальников.

Свойственные российскому обществу в начале XX века сословное деление и социальное неравенство своеобразно отражались на жизни и взаимоотношениях внутри такого закрытого и недемократичного социального организма, каким являлись вооруженные силы империи.

Отношения между командным составом и рядовыми были отягощены такими явлениями, как рукоприкладство, казнокрадство, взяточничество, стремление выслужиться перед вышестоящими, пьянство.

Ф. С. Кислицын, солдат Первой мировой войны, писал в своей автобиографии: «Начальник дивизии Штильман отдал приказ по дивизии за измену к оставшимся дезертирам применять розги, и вот этих оставшихся начинают бить по состоянию здоровья, кому 150 ударов, кому 200. Был со мной тоже Кислицын Андриян одной деревни, давай сбегим, так и сделали. Ходили по комендантам, искали свою часть, проходили 2–2,5 месяца, после чего пришли в Лебидинский полк, узнали, здесь розгами не бьют» [8, л. 4].

Генерал Н. Н. Головин в своих мемуарах подчеркивал, что «при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к победе преимущественно ценою человеческой крови. На верхах нашего командования не была осознана мысль, что против современного оружия нельзя бороться «пушечным мясом» [4, с. 123–124, 126].

Подобная стратегия ведения войны требовала постоянных людских вливаний в армию, поэтому с мест посылали недостаточно подготовленные части. Сначала обучали два месяца, потом стали обучать месяц, а позже посылали после четырехнедельного обучения людей малопригодных.

«Учеба длилась всего 40 дней, — пишет в своем дневнике участник Первой мировой войны из с. Шалоболоино Минусинского уезда И. И. Завёрткин, — составлялись маршевые роты и отправлялись на фронт. С прибытием на фронт такая молодежь гибла, как мухи» [5, л. 31].

Маршевые роты, скверно обученные, сразу же «как мясо в котлетную машинку, попадали в атаку и гибли — без счета, без смысла и без пользы» [10, с. 120].

Следовательно, в отличие от крестьян, находившихся вдали от линии фронта, крестьяне-солдаты сразу же попали в непривычную и некомфортную среду обитания. Под влиянием войны у них происходила трансформация сознания и выработка особой военной психологии, менялось мировоззрение, усложнялась субъективная идентичность.

Если в первые месяцы войны настроение крестьян-воинов было сравнимо с настроением мирных жителей, то уже в конце 1914 года из-за недостатка продовольствия и боеприпасов, применения телесных наказаний проявились некоторые негативные признаки разложения армии, такие как мародерство и воровство со стороны солдат, вызванные аналогичным поведением части офицерского корпуса.

Со второго года войны происходит трансформация сознания крестьян-солдат, вызванная постоянным нахождением на грани жизни и смерти. Крестьянин отмечает несправедливое распределение тягот войны и недовольство тылом.

Объектами солдатской ненависти в это время становились дезертиры и рабочие военных предприятий, имеющие бронь, ратники второго разряда и солдаты тыловых гарнизонов — все те, кто мог избежать и избегал призыва в армию или отправки на фронт.

Об этих настроениях свидетельствует и дневник И.И. Завёрткина, который презрительно называет детей кулаков, откупившихся от армии, «маменькиными сынками», «сметанниками».

«Для нас, молодых, была объявлена мобилизация до срока. Попадали под мобилизацию в 18 ½ — летнем возрасте, а кулацкие сынки оставались 19- и 20-летние дома за счет откупа. Нашему брату откупиться было нечем, надеялись только на свою шкуру» [5, л. 26].

Война формировала особые группы компенсации и дискриминации, особую групповую идентичность фронтовиков, новые ценности профессиональные, моральные, политические.

Все эти обстоятельства делали на подсознательном уровне из безобидных вчерашних крестьян людей, недовольных существующим режимом и в любой момент способных на решительные действия.

Крестьяне не воспринимали официальные цели войны, им их просто не разъясняли. Накануне войны был принят высочайший указ, запрещавший воинским чинам где бы то ни было вести разговоры на современные политические темы (включая внешнеполитические).

Солдат либо унтер-офицер (крестьянин) XIX — начала XX вв. считал себя прежде всего членом локального сообщества, а государство воспринималось им главным образом как внешняя сила, противостоящая деревенскому миру. Соответственно, крестьянин не видел в армейской службе исполнения своего гражданского долга, «священной обязанности» перед страной.

Локальный характер носил и крестьянский патриотизм, т.к. в России медленнее, чем в западных странах, складывалась буржуазная нация и был низкий уровень национального самосознания и социальной консолидации народа.

В реалиях мировой войны очень правильно охарактеризовал специфическую крестьянскую политическую ментальность русский военный теоретик, участник Первой мировой войны генерал-лейтенант Н. Головин: «Под впечатлением кошмарных событий 1917 года многие из русской интеллигенции подобно генералам Первой мировой войны Ю.Н. Данилову и С.А. Добровольскому склонны отрицать наличие патриотизма в нашем народе. Фраза, приведенная в выдержке из книги Ю.Н. Данилова, прозвучавшая на митингах 1917 года, когда не желавшие драться солдаты говорили: «Мы вятские, тульские, пермские, до нас немец не дойдет...» — очень часто теперь цитируется. Но при этом забывается, что она была произнесена только через три года кровавых усилий победить» [4, с. 389]. Не соглашаясь с данной точкой зрения, Н.Н. Головин отметил, что революционный перелом 1917 года стал возможен потому, что политическое мироощущение народа было близко к религиозному обряду, а в примитивных формах патриотизма отсутствует социальная осознанность, что приводит к политической неустойчивости российского крестьянства. Все это ограничивало солдатское понимание отвлеченных категорий мировой политики и государственной жизни.

П.А. Столыпин в письме к министру иностранных дел А.П. Извольскому от 28 июля 1911 года подчеркивал: «Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губельна для России и династии. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны» [7, с. 316].

С каждым годом войны усиливалось смятение, антагонизм низов и верхов, конфликт сторонников мира и войны до победы. Как подчеркивал С. В. Тютюкин: «Перспектива прекращения мировой бойни революционным насилием (превращение войны империалистической в войну гражданскую) многих не только отпугивала, но и представлялась справедливой платой за бессмысленные жертвы, понесенные народами, людские страдания. Война как бы выдала индульгенцию революционному насилию» [11, с. 7].

В ходе Первой мировой войны распадались практические и духовные «скрепы», связывавшие крестьянство в разномасштабные общности, менялись стереотипы его сознания и поведения, девальвировались традиционные общепринятые

нормы и правила. Младшие офицеры и солдаты оказались ввергнутыми в экстремальные условия, чреватые для них моральными деформациями, страданиями, распадом идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей картины мира.

В условиях резкого обострения революционного кризиса, социальных противоречий в обществе, частичной деструкции прежней системы религиозно-нравственных норм крестьянин как бы покинул свой «дом», где все понятно и знакомо, и оказался внезапно в «чужой» стране. Все это не могло не привести к длительному многомерному процессу революционизации крестьянских масс в солдатских шинелях, в котором слились объективные и субъективные факторы.

Источники и литература:

1. Букалова С. В. Сухой закон и «пьяные бунты» августа 1914 г. / Электронный ресурс. Точка доступа: <http://histrf.ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/>
2. Вопросы призыва // Минусинский край. 1915. 29 августа. Л. 2.
3. Воспоминания Ф. А. Зырянова. — Архив музея-заповедника «Шушенское» (далее — Арх. ШМЗ). НВ — № 857.
4. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. — М.: Вече, 2014. 564 с.
5. Завёрткин И. И. Жизнь прожить — не поле перейти. — Арх. ШМЗ, ОФ 10220. Л. 26.
6. Изосимин В. Текст на обороте фотоизображения. — Арх. ШМЗ, безномерной фонд.
7. История внешней политики России, конец XIX – начало XX века. — М.: Международные отношения, 1997. 672 с.
8. Кислицын Ф. С. Автобиография 1937 г. — Фонд Минусинского регионального краеведческого музея (ФМР-КМ). 10427/4. Л. 3.
9. Переписка с Минусинским уездным по воинской повинности присутствием о привлечении П. Строганова за уклонение от призыва. Июнь — декабрь 1917 г. — Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 24. Оп. 2. Д. 6. Л. 75.
10. Степун Ф. Из писем прапорщика артиллериста. — Прага: Пламя, 1926. 267 с.
11. Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России // Первая мировая война: Пролог XX в. М.: Наука, 1998. С. 236–249.
12. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / отв. ред. В. П. Зиновьев. — Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

УДК 908.304

Худышкина С. П.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ г. ЕНИСЕЙСКА О БОЛЬШЕВИКАХ В МАРТЕ — ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

***Аннотация:** в статье раскрывается роль региональной периодической печати в борьбе за влияние на массы периода революции 1917 года. Автор показал степень влияния политических изданий в исследуемый период на события, происходившие в г. Енисейске.*

***Ключевые слова:** газеты, политические партии, революция.*

Газетную периодику, являвшуюся основой информационного пространства революционной Сибири 1917 года, следует рассматривать не только как средство массовой информации, но и как инструмент политической борьбы. Различные политические силы, входившие в состав антибольшевистского движения, использовали прессу, с одной стороны, для распространения своих идей и программных установок, с другой — как орудие борьбы с большевиками. Воздействие на общественное мнение осуществлялось путем распространения в печати различных образов, включавших в себя фактическую информацию о событиях и явлениях, а также оценочные суждения, выстроенные зачастую вокруг определенной идеи.

В своей работе я провела анализ шести номеров газеты «Голос момента» за 1917 год, принадлежавшей народно-демократической группе (НДГ), действовавшей на территории города Енисейска.

Изучая содержание газеты «Голос момента», можно прийти к выводу о том, что в течение 1917 года НДГ высказывала негативное отношение к РСДРП(б), так как члены этой партии ассоциировались с агрессивным и непредсказуемым поведением. В чем это выражалось?

Конфликт с большевиками начинается сразу после выпуска первого издания газеты. В первом майском номере редактор издания М.П. Миндаровский пишет о том, что появление газеты вызвало бурю негодования политических оппонентов. Издатели газеты, описывая большеви-

ков, характеризуют их действия нелюбезно. Например, сам редактор говорит о них как о «...незначительной группе лиц, исполняющих веру социал-демократического учения» [1]. То есть М.П. Миндаровский подчеркивает их небольшое количество в городе, имея в виду, что у них нет поддержки населения.

Характеризуя большевиков, пишет: «...им ненавистно живое слово» [2], имея в виду, что большевики не переносят критики, исходящей от политических оппонентов. И далее: «...выливают потоки грязи, нетерпимы к чужому мнению» [3]. Таким образом, можно предположить, что большевики и НДГ враждебно относились друг к другу.

Критикуют большевиков и за агрессивное, недостойное поведение: «...брань в адрес буржуазии, церкви, партии НРГ, пустые речи и фразы», а также за бессмысленные высказывания и неумение говорить и общаться с массами: «...говорят неумело» [4].

Большевиков называют врагами, нетерпимыми, так как они дошли до того, что потребовали на расправу автора статьи «Современные варяги» [5], помещенной во втором номере газеты, усматривая в ней свое отражение.

Поднимая на своих страницах экономический вопрос, газета обвиняет большевиков в том, что для них «все, кто имеет 1–2 десятины земли или свою лавку и доход, он уже буржуй» [6], то есть тот, кто имеет частную собственность, тот враг для большевиков.

По мнению М.П. Миндаровского и членов НДГ, большевики — предатели Родины, т.к. выступают с антивоенными лозунгами. Их называют «внутренними врагами», пишут о том, что большевики препятствуют победам российской армии в Первой мировой войне. Тем более что в апреле 1917 года сам Ленин выступил с критикой империалистической войны, он призывал к братанию на фронте.

Большевики критиковались за то, что они не поддерживают Временное правительство, называют его «крупные буржуи», они отрицательно отнеслись к «Займу Свободы» — финансовой операции Временного правительства. Большевики третируют Временное правительство, трактуя его как «буржуазное» и «антиреволюционное» [7], захватившее в свои руки власть.

1 мая 1917 года Енисейским Советом был организован митинг в честь пролетарского Праздника труда, символ братства трудящихся всего мира. Георгий Костромитинов в своей статье «Мои впечатления от митинга 18 апреля 1917 года» [8] критикует социал-демократов (большевиков) города за организацию праздника во время сложной военной ситуации, обвиняя их в отсутствии национального самолюбия. Особенно автора статьи возмутили призывы председателя митинга Петунина, который позволил себе всенародно третировать Временное правительство. Оратор также призывал граждан способствовать заключению сепаратного мира с Германией.

Критиковался оратор Иоффе, который позволял себе кощунствовать над тем, во что верят другие и что для других священо. Он, например, высмеивал святых, которые придумали Царство небесное на небе, которого нет, ну и пусть пользуются им, а нам, говорил Иоффе, нужно Царство небесное на земле.

В действиях большевиков политические оппоненты с самого начала видели стремление к захвату власти и авторитарные замашки. Отказ в поддержке Всероссийскому временному правительству, курс на гражданскую войну, прагматичное отношение к Советам депутатов и идее Всероссийского учредительного собрания — все это клеймилось как «преступления против революции», предательство демократии и подготовка

к «грядущему самодержавию Его Императорского Величества Ленина» [9].

Другой корреспондент, подписавшийся Е. А., пишет о митинге 1 Мая в Енисейске следующее: «Основная цель этого праздника — объединение рабочих, для того чтобы пролетариат знал свою громадную роль в промышленности, и его главная цель — привести трудящихся к строю, где не будет эксплуататоров и эксплуатируемых. Вторая цель — организоваться в профессиональные союзы, чтобы отстаивать свои интересы. Здесь, в Енисейске, не видно было со стороны руководителей и устроителей этого праздника желания придать этому празднику тот характер, который он должен иметь, и объяснить значение этого праздника... Еще с прискорбием пришлось констатировать, что рабочих было мало. Это доказывает, что руководители не сумели развить в рабочих интерес к празднику и объяснить значение этого светлого дня» [10].

Выборы в городскую думу и Учредительное собрание являются важнейшим политическим событием в городе, которое освещает газета на своих страницах. Особенно подчеркивается значимость создания Учредительного собрания, так как, по мнению автора статьи Г. Костромитинова, которое он высказывает на страницах газеты, Учредительное собрание «в лице лучших выборных людей должно дать нам демократическую республику. Учредительное собрание явится единственным источником света, лучи которого разойдутся всем радиусом государственной, общественной и индивидуальной жизни».

Самый волнующий вопрос, кроме выборов, — это вопрос, имеющий для России важнейшее значение: война до победного конца. Если не разрешится первый вопрос и наша армия не победит германскую коалицию, то мы потеряем 16 губерний — наследие наших предков; ненавистное нам самодержавие восстановится; Россия окажется в зависимости от политики Германии: торгово-промышленной, финансовой, экономической, политической; Германия наложит на Россию такую контрибуцию, с которой ей не справиться многие десятки лет [11]. Сторонники народно-республиканской группы очень точно оценивают важнейшие для России события, которые изменят ход ее истории.

Осенью 1917 года количество сторонников большевиков в Енисейске значительно выросло. За короткий период из незначительных групп большевики превратились во влиятельную общественно-политическую силу и в городе, и в уезде, которая умело вела пропаганду, навязывая свои идеи, насаждая идеологию, ведя активную агитацию, чем сумела привлечь на свою сторону молодежь, рабочих и бедноту Енисейского уезда и существенно пополнила свои ряды.

Газета «Голос момента» размышляет о том, что хотя в Петрограде Совет рабочих и солдатских депутатов всецело попал под влияние большевиков, но их диктатура будет весьма кратковременна, так как они будут изолированы от большинства населения России, потому что они поддерживают один класс — пролетариат. Но и эта кратковременная победа может вызвать жесткое противостояние. Видимо, как пишет автор, «всем нам придется испытать все превратности судьбы и испить чашу анархии и разложения до дна. Но чем скорее придет торжество большевистского течения, тем скорее и наступит конец страданиям России, ибо многомиллионный молчаливый обыватель сметет все эти комитеты и советы, которые внесли в русскую жизнь одну только неразбериху и неурядицу».

В очередном номере газеты Г. Костромитинов, рассуждая о большевиках, пишет нелестные характеристики о представителях этого политического течения. Претендентами на верховную власть являются исполнительные комитеты рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти комитеты хотят взять под свое спасительное крыло как гражданскую, так и военную власть. «Гражданскую и военную власть — провинциальным комитетам! Слава Тебе, показавшему нам свет, что у нас в Енисейске Фердинанды УШ пока не объявились! Представьте себе: вчерашний аршинник — сегодня законодатель...» [12].

Рассуждения подобного рода не проходили даром для сотрудников газеты: так, один из них,

а именно Богомолов, был арестован Канским Советом, т. к. проживал в с. Тасеево Канского уезда. Причиной ареста стала статья «Камо грядеши, Русь православная», помещенная в газете «Голос момента» за номером 15. В статье автор высказал свое мнение о том, что причиной поражения русской армии на юго-западном фронте стала агитационная деятельность большевиков. За это мнение ему пришлось объясняться с представителями Канского Совета [13].

Таким образом, подводя итог политической направленности издания, можно сказать, что редколлегия транслировала антибольшевистские настроения, писала о патриотизме, пропагандировала всеобщее избирательное право, федеративную республику, демократические свободы, призывала реформировать сферу трудовых отношений и поддерживала большинство инициатив Временного Сибирского правительства. Газета позиционировала себя как прогрессивный орган печати, защищала либеральные ценности и выступала как оппонент социалистической прессы. Достаточно часты статьи по разоблачению большевиков, по провозглашению возрождения единой и свободной страны, укреплению власти и общественного порядка.

В целом большевиков изображали слабым, трусливым противником. Таким образом, либералы и правые социалисты на протяжении 1917 года были солидарны в том, что большевики — это «слабые», но «жестокые преступники», а большевизм является «страшным злом для страны» [5]. Они целенаправленно транслировали это обобщенное, но упрощенное представление, используя всевозможные методы: от сообщения достоверных фактов до экспрессивных художественных приемов и навешивания ярлыков. Таким образом, политическая общественность Енисейска и Сибири в целом была объединена идеей борьбы с большевизмом, но не имела цельного и единого плана действий, признанного лидера.

Источники и литература:

1. МУ ЕГА Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
2. Кардаш Дмитрий. Взгляд из прошлого в будущее (некоторый анализ рукописи общественного деятеля М. П. Миндаровского). <http://urokiistorii.ru/node/307>

3. Шереметьева Д. Л. Уездные газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г.). <http://zaimka.ru/sheremetyeva-localpress/>
4. М. Миндаровский. Народовластие // Голос момента. — 1917. 2 мая.
5. Н. Богомолов. Енисейск 18 сентября // Голос момента. — 1917. 23 сентября.
6. МУ ЕГА Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
7. Заем Свободы // Голос момента. — 1917. 2 мая.
8. Г. Костромитинов. Мои впечатления от митинга 18 апреля 1917 года // Голос момента. — 1917. 2 мая.
9. Праздник 1 Мая // Голос момента. — 1917. 2 мая.
10. Там же.
11. Ответ «Известиям рабочих и солдатских депутатов» // Голос момента. — 1917. 19 мая.
12. Там же.
13. Арест сотрудника газеты «Голос момента» // Голос момента. — 1917. 17 октября.

ЕНИСЕЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В последние годы в отечественной историографии идет переоценка ранее господствовавшей концепции Февральской революции в России как в первую очередь следствия конфликта власти и простого народа. На самом деле зачинщиками революции были не только рабочие и крестьяне, испытывавшие наибольшие лишения в военную годину. Обнаружилось, что круг тех, кто сознательно или невольно разжигал пламя революции, был широким и социально разнородным. Выяснилось также, что в стороне от революционной ситуации не отстояло и православное духовенство. И хотя в последние годы вышло немало работ, посвященных проблеме «церковь и революция», она еще далека от ясного понимания.

Долгое время отечественная историография оперировала положением о том, что духовенство в России было противником революции, являясь надежным и последовательным оплотом монархии. Поэтому восторженная реакция на свержение романовской династии в феврале 1917 года со стороны большинства населения (рабочих, крестьян, солдат, офицеров и генералов, предпринимателей, интеллигенции и пр.) воспринималась как разрыв в умонастроениях между церковными пастырями и мирянами, как резкое размежевание их в отношении к революции. На самом же деле реакция на низвержение самодержавия в общественной среде России (включая духовенство) была примерно одинаковой.

В Красноярске 25 февраля 1917 года состоялись шествия в поддержку революции с участием войск. Многотысячная толпа (по разным данным, на улицу вышло от 30 до 40 тысяч человек) под звуки оркестров и крики ура несла красные знамена и плакаты. Что касается красноярского духовенства и его иерархов, то их реакция на события была следующей. Епископ Енисейский и Красноярский Никон (в миру Н.Н. Бессонов) в первые дни революции вступил в партию кадетов и, выступая на городском собрании партии,

ясно выразил свое отношение к происходящему: «Наши многие русские монархи, и особенно последний из них, Николай II со своею супругою, так унизили, так посрамили, опозорили монархию, что о монархе, даже конституционном, у нас и речи быть не может...» [4, № 1, с. 20].

Епархиальная пресса отреагировала на события в Петрограде соответственно. Очередной номер журнала «Енисейская церковная нива» начинался статьей епископа Никона с примечательным заголовком: «Промысел Божий в текущих исторических событиях». В ней он давал оценку случившемуся в России как проявлению Божией воли, как справедливому наказанию преступной власти. О промыслительности случившегося он, в частности, судил по мгновенности и спокойствию произошедшей смены власти в России, в отличие, например, от французской революции, которая залила страну кровью. Далее в номере следовала его же, Никона, статья «Не отдадим немцам и одной пяди Русской земли», в которой звучал призыв продолжить войну до победного конца: «Больше, нежели когда-либо, — теперь, после низложения изменников и старого строя, все нам надо делать на оборону от дерзкого врага». Заканчивал он свое обращение стихами А.С. Пушкина: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!» [4, № 3, с. 7].

Поддержка революционных сил в стране исходила не только от епархиального начальства, но разделялась рядовым духовенством. 5 марта 1917 года Никон собрал совещание из городских священнослужителей для обсуждения ситуации в стране и определения к ней отношения духовенства. Обсудив события в Петрограде, собрание приняло решение отправить от имени владыки приветственную телеграмму главе нового правительства со следующим текстом: «Счастлив заявить, что красноярское городское

духовенство, все служащие духовно-учебных заведений и епархиальных учреждений единогласно приветствуют новое правительство и готовы всемерно помогать ему. Не имею возможности созвать съезд епархиального духовенства, но глубоко уверен, что и оно, как один человек, будет поддерживать настоящее правительство, которое, верим, даст Отечеству нашему победу над врагом и внутреннее процветание. С нами Бог!» [4, № 3, с. 13–14].

То, что в целом положительное отношение к революции разделялось рядовыми священнослужителями, действительно подтвердил съезд духовенства и мирян, состоявшийся в апреле 1917 года, на котором были представлены делегаты от 28 благочиний. Съезд выразил недовольство Никону, который вскоре навсегда покинул Красноярск. Но отношение к монархии у съезда не изменилось, о чем можно судить по примечательной резолюции, связанной с празднованием 300-летия дома Романовых, состоявшимся еще в довоенном 1913 году. Тогда все лица, состоявшие на службе 21 февраля 1913 года в качестве священников монашеского и белого духовенства, получили на память от царствующей династии кресты. Съезд, по сути, отрекался от этого подарка, постановляя: «Разъяснить духовенству епархии, что белый серебряный крест не есть знак памяти дома Романовых, а отличительный знак степени священства, а ношение его следует предоставить каждому священнику на его личное усмотрение» [2].

Кстати, даже В.И. Ленин признавал за духовенством увлечение революционными идеями. Он писал еще в 1905 году, что «как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы, протестует против казенщины и чиновничьего произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителям Бога» [6].

Таким образом, распространенное мнение, что революционное движение в России существовало вне церкви, в глубокой оппозиции к православному мировоззрению, что оно вылилось из неких общественных глубин, отрицая и уничтожая христианское миропонимание, не соот-

ветствует историческим фактам. Внутри духовенства, в том числе в его высокообразованной части, революционные идеи вполне уживались с православным сознанием. Как можно объяснить этот феномен, тем более что основы социальной концепции Русской православной церкви, казалось бы, не предполагали поддержку революционного выступления, тем более против монархии?

Сразу заметим, что факторы радикализации значительной части духовенства были не только многообразны, но имели синергетическую природу, т.е. взаимодействовали и взаимодополняли друг друга, создавая некий кумулятивный эффект.

Во-первых, шел процесс разложения духовного сословия. Еще в конце XVIII века замкнутость духовенства была намного выше, чем в других профессионально-сословных группах. Главным признаком сословности является наследственный статус в обществе и профессия. Что и наблюдалось в среде духовенства: после смерти священников их место переходило к детям, обычно к старшему сыну, которого отец заблаговременно готовил к служению. Из девяти до-революционных епископов Енисейской епархии со времени ее основания в 1861 году абсолютно все были детьми священников. Однако во второй половине XIX века сословность духовенства стала размываться, а социальная мобильность возрастать. Соответственно, в среде духовенства неуклонно росло число людей, не связывающих свое будущее со священнослужением, хотя они и обучались в духовных семинариях (для детей рядового священства поступление в семинарию было фактически единственным способом получения образования).

Прежнее корпоративное единство духовенства падало. Кроме того, еще В.О. Ключевский обращал внимание на то, что уравнивание сословий вело к торжеству свободы. Это хорошо заметно на примере духовных семинарий, в которых к началу XX века наблюдались кризисные явления. К примеру, в духовных учебных заведениях Российской империи получило распространение так называемое протестное движение. Протесты семинаристов проявлялись в различных формах: от чтения воспитанниками запрещенной литера-

туры до прямых бунтов против начальства и даже терактов. Не обошло это движение и красноярскую семинарию, где в 1903 году случился бунт старших воспитанников [10]. Причем совершенно очевидно, что протестное движение в семинариях было не только бунтом против учебных властей, но и выступлением против веры.

Во-вторых, на отношение духовенства к власти оказывало влияние его материальное положение. Имущественный уровень духовенства, особенно в провинции и особенно сельского, был низким. Как явствует из разных источников, прихожане сокращали церковные пожертвования и траты на требы, что особенно стало особо ощутимым после революции 1905 года. Основной статьей бюджета служителей церкви оставалось казенное жалование. Но его распределение было очень неравномерным. Высокие оклады священников присутствовали в западных губерниях (Рижской, Варшавской) — до 1500 рублей в год, пониже в Финляндской и Якутской, Благовещенской, Владивостокской (600 рублей), в остальных же — 300 рублей [1, с. 184]. Известное столичное издание «Церковно-общественный вестник» в 1880 году прямо указывало, что ни в одном общественном учреждении России нет такой подхожденной лестницы, какая существует у духовенства. «А ведь все священники получили за немногим исключением одинаковое образование», — указывалось в статье. И далее: «Говорят про раскол, что он все более и более усиливается. Да как же ему не усиливаться?» [9]. И он рос. Причем высшие власти часто старались не замечать материальные трудности рядовых служителей. Например, в Енисейской епархии накануне революции 1917 года развернулась дискуссия о причинах охлаждения прихожан к вере. Ректор Красноярской духовной семинарии архимандрит Кирилл констатировал: «Пастырство не только не пользуется авторитетом среди народа, но этот самый народ почему-то враждебен пастырям... Священник, находясь в толпе, всегда может ожидать, что его оскорбят, бросят ему в лицо какую-либо грубую шутку, презрительную фразу, плевков» [3, 1916, № 7, с. 32]. Некоторые священники тогда прямо указывали, что причина — бедность духовенства. Например, о. Петр Скрынченко в своей статье по этому поводу написал: «Скажите, други-сопастыри, не ловили ли

вы себя в момент совершения какой-либо требы на мысли: «А сколько он даст?» Вот за это нас презирают, и только ленивый не лягнет попа» [3, 1916, № 13, с. 17]. На это епископ Никон тоже вполне резонно замечал, что следует следовать словам Иоанна Златоуста и иметь не богатство, а любовь ко Христу. Но проблема-то оставалась.

В-третьих, проблема существовала в рамках скрытого и долгое время неявного недовольства правящим режимом в священнической среде. Ведь в синодальный период роль и влияние Русской православной церкви упало. Как справедливо указывал исследователь А. Николин, «реформой Петра I в стране был создан новый порядок общественной жизни: во главу всего была поставлена уже не вера, не церковь, а государство, как организм, якобы вмещающий в себя всю полноту человеческой жизни» [7, с. 138]. Одним из последствий этого была бюрократизация церковной жизни, утрата духовной свободы, доминирование внешней обрядности. В тех же семинариях распространились строгое ученичество и зубрежка, а чиновники Российской империи должны были хотя бы раз в год причаститься и принести об этом справку. Когда известный православный философ И. А. Ильин размышлял о причинах нигилизма духовенства, он указывал, что вера истинная «у русских особенно она может быть только свободной, расцветая в спонтанном сердечном созерцании, иначе она улетучивается; душа сжимается в сопротивлении и протесте, она издевается и глумится — и вот вам нигилизм» [5, с. 55]. Не случайно слишком многие российские революционеры вышли из среды семинаристов.

В годы первой русской революции духовенство внезапно оказалось вовлеченным в политическую жизнь. Идя на риск созыва парламента в России, самодержавная власть рассчитывала на верноподданность или по крайней мере лояльность крестьянства, а потому на основе принятого закона о выборах аграрии заняли в Думе около 40% депутатских мест. Но крестьянские депутаты не оправдали надежд власти. С одной стороны, они оказались настроены крайне революционно, с другой — не вполне конструктивно: немалую часть крестьян привлекли в парламент в первую очередь так называемые диеты — выгодные оклады содержания. Поэтому в III Думе,

действовавшей по новому избирательному закону, представительство от крестьян сокращалось в два раза. Теперь в земледельческую курию активно делегировалось духовенство, и на съездах мелких землевладельцев представительство церковнослужителей стало весьма и весьма значительным.

Так, енисейский архиерей Никон был депутатом III Государственной думы. Он состоял в правой фракции, из 65 депутатов которой около трети были священниками. Фракция была проправительственной, чего, впрочем, нельзя было сказать о ее депутате Никоне (Бессонове), который достаточно резко и часто справедливо критиковал власть. Так что отсутствие стопроцентной лояльности духовенства по отношению к власти проявилось задолго до 1917 года. Хотя в годы первой русской революции оно было неясным: в думской работе духовенство поддерживало власть, хотя это в значительной степени было результатом внутренней церковной дисциплины и нежелания выступать против синодальных властей. Но такая позиция существовала лишь до поры до времени.

Поддержка большинства православного духовенства Февральской революции — это очень важный факт в понимании природы данного события. Сегодня в исторической и публицистиче-

ской литературе можно встретить новое клише в понимании Февраля с точностью до наоборот большевистскому: там царь был неправ, а народ прав, теперь народ — заблудшая овца, оторвавшаяся от своего безгрешного пастыря. На самом деле не следует игнорировать то, с каким единодушием общество хотело перемен. Несколько более глубокую оценочную позицию произошедшей в 1917 году социальной катастрофы мы находим у известного философа и культуролога Г.С. Померанца: «Гроза войны 1914–1918 годов и другие грозы разразились не из-за выстрела Гаврилы Принципа, не из-за соперничества держав и не из-за производительных сил, а потому что над Европой нависло темное духовное облако, накопленное, видимо, мирным и благополучным буржуазным веком. Черные молнии обрушились из туч, созданных дыханием Гобсеков, Домби, мертвых душ, фаршированных голов. А когда начинаются разряды, они находят себе проводников, медиумов, свои человекоорудия <...> Главное ведь не детали, не механизм, а то, что темное облако, из которого на нас сыплются молнии, создали мы сами. Наше дыхание творит атмосферу, в которой начинаются события. И решительный выход из цепи катастроф — изменить свое дыхание, очистить его» [8, с. 170]. И ведь как актуально это звучит спустя 100 лет после Февральской революции!

Источники и литература:

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Свят. Синода в ведомстве православного исповедания за 1911–1912 годы. Санкт-Петербург. 1913.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 656. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
3. Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск.
4. Енисейская церковная нива. Красноярск. 1917.
5. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // И. А. Ильин. М., 2007.
6. Ленин В. И. Социализм и религия // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 12. С. 144.
7. Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений) // А. Николин. Издание Сретенского монастыря. 1997. С. 138.
8. Померанц Г. С. Выход из транса // Г. С. Померанц. М., 2010.
9. Церковно-общественный вестник. Санкт-Петербург. 1880. № 79. С. 4.
10. Шушканова Е. А. О волнениях в Красноярской духовной семинарии накануне русской революции // XIV Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Научно-практическая конференция с международным участием. Красноярск. 2014. С. 132–136.

ЧАСТЬ 4

Революция и ее влияние на развитие государства и общества

УДК 9(47)08

Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПУТЬ СПАСЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Аннотация: на основе работ историков, государственных чиновников, ученых, общественных деятелей, опубликованных в досоветский период, сделана попытка показать, как русское покорение Сибири сказалось на жизни коренных малочисленных народов Туруханского края и насколько приведенные в них данные могли повлиять на взгляды российского общества накануне революционных потрясений 1917 года и Гражданской войны.

Ключевые слова: Туруханский край, арктическая зона, коренные малочисленные народы Севера, употребление алкоголя, эпидемические заболевания, разрушение традиционного образа жизни.

В условиях растущей в мире озабоченности по поводу судеб коренных малочисленных народов планеты мы попытались выяснить, каким было отношение российского общества к проблемам малочисленных народов Енисейского Севера в досоветский период. Для этого мы взяли работы историков, государственных чиновников, ученых, общественных деятелей, которые были опубликованы в императорской России и формировали у образованной части ее населения представления о них самих и их проблемах.

Историк П. А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» писал, что Российское государство после опричнины и Смутного времени нуждалось в нарастающем притоке финансовых средств, которые могла дать сибирская пушнина. Оно привлекало к покорению Сибири и сбору ясака с ее коренного населения разных людей. Сибирские воеводы, которые выходили из казаков, посадских людей, безграмотных даточных крестьян, холопов, став государевыми людьми, преследовали в Сибири свои собственные финансовые интересы. Он сравнил их с толпой промышленников под формой чиновников [1, с. 279].

По утверждению первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова, воеводам было дано право самим принимать решения, кого из инородцев и когда покорять, что приводило к неоправданным жестокостям и конфлик-

там между ними. Но правительство это устраивало, потому что мелкие воеводы поставляли пушнину и старались не ожесточать чрезмерными поборами коренных сибиряков [2, с. 185]. Время от времени воевод, как писал публицист С. Л. Чудновский, сменяли, били кнутом, страшили указами, но не лишали права на принятие решений по своему усмотрению [3, с. 8]. Таким образом, устанавливался неустойчивый баланс интересов государства, воевод и ясачного сибирского населения.

Воеводы наряду с оружием для объясачивания населения использовали дипломатические методы и раздачу хлеба, как правило, в виде муки. Воевода В. Масальский, заложивший Мангазейский острог, по свидетельству И. С. Пестова, который при А. П. Степанове возглавлял губернскую казенную палату, открыл в нем хлебный магазин, из которого муку бесплатно раздавали остякам. Они взамен не только приносили русским пушнину, но и рассказами о бесплатном русском лакомстве приводили к ним другие, еще сохранявшие свою независимость роды [4, с. 197].

В покорении коренных народов Севера, по мнению исследователя Туруханского края П. Третьякова, сыграли свою роль предприниматели авантюрного склада, искавшие на просторах Сибири возможность личного обогащения. Они, представляясь государевыми людьми, собирали ясак для себя, а после прихода отрядов воевод по-

могали им покорять коренных жителей Сибири [5, с. 344, 352].

Воеводы зачастую произвольно устанавливали размер ясака и принуждали местных правителей выбивать его из сородичей. Так как тяжесть обложения в значительной степени зависела от конкретных воевод, то коренные жители иногда были вынуждены втягиваться в их разборки, как это было в 1607 году, во время конфликта между воеводами Мангазеи и Кетского острога. Остяки тогда выступили на стороне мангазейцев, которые брали ясак по шесть соболей, тогда как кетские казаки брали по 12 соболей [2, с. 184].

Коренное население Сибири пыталось отстаивать свою независимость, но противостоять силе огнестрельного оружия они не могли. В результате уже в 1614 году 18 тунгусских родов в бассейне Нижней Тунгуски вынуждены были согласиться с уплатой ясака в размере от 1 до 13 соболей [2, с. 185]. А к середине XVII века все роды Енисейского Севера вынуждены были признать власть Российского государства.

При всех существующих трактовках русского покорения Сибири очевидно, что оно было организовано в целях сбора ясака и представляло собой военную операцию, в которой участвовали государственные люди и авантюрные элементы, использующие огнестрельное оружие и подкуп населения.

В один ряд с воеводами по корыстолюбию П. А. Словцов ставил руководителей десятиин Сибирской митрополии [1, с. 148]. Так как священники становились конкурентами государства в борьбе за пушнину, то им вплоть до 1735 года было запрещено ездить в места проживания обращенного в христианство коренного населения [1, с. 279].

Коренные жители Сибири быстро привыкали к употреблению хлеба, который при небольшом количестве быстро давал ощущение сытости и был относительно доступным в связи с открытием русской администрацией казенных хлебозапасных магазинов. Официально они создавались для оказания продовольственной помощи коренным малочисленным народам Севера, но, по утверждению П. Третьякова, магазины становились инструментами воздействия на них. Охот-

ники продавали здесь добытую пушнину, что позволяло начальству контролировать их и собирать ясак [5, с. 445].

Губительным для коренных северян стало потребление привозимого русскими алкоголя, для расщепления которого у них в организме не было необходимых ферментов. В силу этого они попадали в зависимость от спиртного. А. М. Корнилов, который в начале XIX века недолго возглавлял Иркутскую, а затем Тобольскую губернию, писал, что жадность к спиртному, характерная для всех диких народов, у остяков доходила до такой степени, что они в ожидании выпивки были похожи на людей, одержимых лихорадкой [6, с. 78]. Этим в дальнейшем пользовались купцы и крестьяне, занимавшиеся скупкой пушнины.

Тяжелым последствием прихода русских в Сибирь стало распространение таких болезней, как оспа, тиф и корь, к которым у коренных народов Сибири не было иммунитета и которые здесь приобрели эпидемический характер. П. А. Словцов приводит сведения о гибели от оспы в 1631 году большого количества остяков и самоедов, живших около Туруханска. А ровно через сто лет от оспы вымерло большинство остяков Инбацкого и Пумпокольского родов [1, с. 73, 74].

Привыкая к потреблению хлеба, алкоголя, товаров русского производства, коренные малочисленные народы арктической зоны попадали в замкнутый круг неизбежного разрушения традиционного образа жизни. Если раньше они охотились ради обеспечения своих традиционных потребностей, не нарушая хрупкого экологического баланса между малочисленным северным сообществом и окружающей средой, то теперь они вынуждены были переориентировать охоту на добычу пушнины ради уплаты ясака и ее продажи русским предпринимателям. Для этого пришлось приобретать огнестрельное оружие, применение которого позволяло увеличивать количество добычи. Но это сопровождалось снижением продуктивности промысловых угодий и ухудшением обеспеченности коренного северного населения продуктами питания. Таким образом, втягивание коренных малочисленных народов севера Сибири в сферу интересов Российского государства и частных предпринимате-

лей привело к началу разрушения их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности. П. Третьяков писал, что, по его данным, в разных местах Туруханского края в 1805–1811 годах от голода умерло более ста человек [5, с. 443].

Коренное население беспощадно обманывали купцы, вахтеры хлебных магазинов, казаки, крестьяне северных сел и станков, занимавшиеся скупкой пушнины. Северные охотники не представляли покупательной способности русских денег и за дешевые товары готовы были отдавать все деньги от продажи пушнины. Используя алкоголь, скупщики забирали пушнину почти даром.

Губернатор А. П. Степанов говорил, что средний годовой доход на мужскую душу в Туруханском крае в 20-е годы XIX века составлял 55 рублей, превышая доходы крестьян и кочевников-скотоводов губернии, но он уходил на покупку спиртного и безделушек [2, с. 111, 112].

Ученый А. Миддендорф, проводивший исследования Туруханского края в 40-е годы XIX века, обратил внимание на то, что северные охотники вели дела только с конкретными предпринимателями, которых называли «друзьями» и которые во время торговли жили за счет запасов коренных охотников, бессовестно их обманывая, вводя в неоплатные долги, перелагаемые затем на их детей [7, с. 741].

Потребление хлеба и стремление иметь продукты и товары, которые завозили предприниматели, приводили к складыванию зависимости коренного населения от работы хлебных магазинов и скупщиков пушнины. Экспедиция А. Миддендорфа столкнулась с деградацией остяков, которые утратили способность обеспечивать себя продуктами питания на протяжении всего года и жили за счет муки из хлебозапасных магазинов. Но после введения запрета на выдачу муки при достижении размера долга 1 000 рублей они оказались на грани голодной смерти. На самом деле часть их долга была приписана вахтерами магазинов ради собственной выгоды. Оказавшись без хлеба, остяки перестали выходить на охоту и сидели голодными в землянках возле хлебных магазинов. В зимний период много их умирало от голода и болезней [7, с. 660]. А. Миддендорф писал, что спасти их уже невозможно, и сетовал, что подобное будущее

ждет тунгусов в связи с сокращением численности пушных зверей [7, с. 743].

Но если А. Миддендорф предупреждал о приближении очередной катастрофы, то С. Л. Чудновский в своих статистико-публицистических этюдах, изданных к трехсотлетию Сибири, привел данные о ее реальном наступлении. За период с 1825 года по начало 50-х годов XIX века вывоз шкурок белого песца из Туруханского края сократился в 2,4 раза, шкурок лисицы и соболя — примерно в 5 раз, вывоз шкурок голубых песцов упал в 6 раз, медвежьих шкур — в 12 раз [3, с. 94, 95]. То есть за прошедшую четверть века в Туруханском крае сложилась устойчивая тенденция к значительному уменьшению объемов добычи пушных зверей.

С. Л. Чудновский объяснял падение уровня жизни северных народов, занимавшихся охотой, тем, что русские, оказавшиеся на Севере, стали заниматься промыслом и скупкой пушнины. Они захватывали промысловые угодья северных охотников, оттесняя их все дальше в тундру, где те добывали меньше пушнины и вылавливали меньше рыбы и, как следствие, не могли себя полностью обеспечить традиционным питанием. А получая меньше доходов от продажи пушнины, они не могли позволить себе прежних закупок муки и других продуктов. На снижение продуктивности угодий, по мнению С. Л. Чудновского, также влияли работа золотых приисков, выжигание тайги и участвовавшие «неурожаи» пушных зверей [3, с. 47, 48].

Тунгусы, которые жили в районе Нижней Тунгуски, из-за снижения добычи пушнины вынуждены были в середине XIX века откочевать на Ессейское озеро [8, с. 37]. Во время дальних перекочевок у коренных северян уменьшалось количество оленей, что заставляло их переключаться с охоты на рыболовство [3, с. 89]. Вынужденная смена промысловых угодий и хозяйственной деятельности сопровождалась голодовками населения, ростом его заболеваемости и повышением уровня смертности.

Следующим шагом к развитию катастрофических последствий влияния предпринимательской деятельности на жизнь коренных малочисленных народов Севера стало складывание в 60-е годы

XIX века на Енисейском Севере рыбной промышленности на основе использования пароходов. Рыбопромышленники, нуждаясь в рабочей силе, втягивали в промысел охотников и оленеводов полярной зоны Туруханского края, которые до этого раз в год общались со скупщиками пушнины. Работая на рыбопромышленников, они утрачивали возможность самостоятельно обеспечивать себя продуктами и не могли зарабатывать на содержание семей, так как по сравнению с русскими рыбаками им платили мизерные суммы.

Убийственную по откровенности информацию о положении коренных малочисленных народов Туруханского края представил общественности в 1889 году губернский статистический комитет. В ней говорилось, что рыбопромышленники отобрали у коренных северян продуктивные рыболовные угодья на Енисее, Хете и Хатанге [3, с. 294]. Купцы и русские крестьяне за подачки использовали их труд, а скупщики пушнины за счет неэквивалентной торговли с ними получали от 50 до 300% прибыли [3, с. 297]. В результате утраты способности к самообеспечению остяки дошли до такой степени нищеты, что в Караконско-Остяцкой орде были зарегистрированы случаи людоедства [3, с. 290]. Эти данные показали, что государство, обобрав аборигенов, не могло остановить их дальнейшее ограбление частными лицами, из-за чего те оказались на грани вымирания.

Н.В. Латкин, который поставил задачу показать развитие губернии за 70 лет после ее образования, считал, что русские принесли коренным малочисленным народам Енисейского Севера только нещадную эксплуатацию, спаивание, обдиранье, насилия всякого рода. Это, по его мнению, поставило северных инородцев перед выбором или вымереть, или окончательно обрушиться [9, с. 125, 143]. Но если в 40-е годы XIX века А. Миддендорф так ставил вопрос о судьбе остяков, то почти через пятьдесят лет Н.В. Латкин так говорил о судьбе всех коренных малочисленных народов Туруханского края.

Никто из авторов, работами которых мы пользовались, не сказал ничего положительного о влиянии обращения коренных малочисленных народов Севера в православие. Все они признавали, что коренные северяне, формально являясь

христианами, по сути оставались язычниками. Многие авторы давали отрицательные характеристики самим священникам.

Енисейский губернатор Л.К. Теляковский, побывавший в 1893 году в Туруханском крае, во-первых, подтвердил, что численность инородцев сильно сократилась, во-вторых, признал их бедственное положение [10, с. 330]. К 1917 году в Туруханском крае фактически не было создано системы медицинской и ветеринарной помощи, школьное образование находилось в самом зачаточном состоянии.

Формат данной статьи не позволяет более тщательно проанализировать аргументы авторов, показать изменения, происходившие в каждом из коренных малочисленных народов Туруханского края под влиянием русского населения, выявить общее и особенное в рассматриваемой проблеме.

Вполне вероятно, что у думающего населения Енисейской губернии и всей Российской империи под влиянием работ, которые мы использовали в статье, должно было складываться ощущение преступной несправедливости, допущенной в отношении коренных малочисленных народов Севера, и осознание необходимости исправить ее ситуацию. В любом случае в период революционных потрясений 1917 года и Гражданской войны для всех меняющих друг друга властей были очевидными катастрофическое положение коренных малочисленных народов Севера и необходимость принятия срочных мер по их защите.

Так, накануне этих потрясений администрация Енисейской губернии запретила крестьянам северных сел ездить в места проживания коренных северян [11]. Советская власть попыталась выяснить, имеются ли у коренных северян классовое расслоение, революционные организации, национальная интеллигенция, способная брать в свои руки школьное образование, чтобы найти союзников в их среде [12]. Временное Сибирское правительство учредило в своем составе Министерство туземных дел [13].

Сами северные народы мечтали, что однажды к ним придет святой, который накажет купцов, установит справедливые цены, и они заживут счастливо, как жили до прихода русских [14].

Источники и литература:

1. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — С-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1886.
2. Степанов А. П. Енисейская губерния / А. П. Степанов. — Красноярск: Горница, 1997.
3. Чудновский С. Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды) / С. Л. Чудновский. — Томск: Типография «Сибирской газеты», 1885.
4. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 / И. С. Пестов. — М.: Университетская типография, 1833.
5. Третьяков П. И. Туруханский край / П. И. Третьяков // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. Туруханский край. — С.-Пб.: Типография В. Безобразова и комп., 1869.
6. Корнилов А. М. Замечания о Сибири сенатора Корнилова / А. М. Корнилов. — С.-Пб.: Типография Карла Края, 1828.
7. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел VI Коренные жители Сибири / А. Миддендорф. — СПб, 1878.
8. Мордвинов А. А. Записки о Туруханском крае / А. А. Мордвинов // Записки Императорского русского географического общества по общей географии (Отделения географии физической и математической). Том второй. С.-Пб.: Типография В. Безобразова и комп., 1860.
9. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее / Н. В. Латкин. — СПб.: Типография В. А. Тиханова, 1892.
10. Из поездки г. Енисейского губернатора в 1893 году в Туруханский край // Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896. Издание Енисейского губернского статистического комитета. — Красноярск: Енисейская губернская типография, 1896.
11. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 16.
12. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
13. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
14. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

УДК 347.961:93(571.6)

Друзьяка А. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО НОТАРИАТА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1917-1922 гг.

***Аннотация:** в статье на основе архивных материалов рассмотрены исторические условия, основы законодательной базы и отличительные особенности функционирования органов нотариата на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны. Дана общая характеристика трех типов нотариальных учреждений, сложившихся в этот период, сделан вывод о значении института нотариата для дальневосточного общества.*

***Ключевые слова:** нотариат, Дальний Восток, Гражданская война, Дальневосточная республика.*

В период 1897–1917 годов в Приамурском генерал-губернаторстве и в полосе отчуждения КВЖД были официально учреждены и прошли процесс общественной легитимации органы нотариата, в период до 1914 года количество нотариусов при дальневосточных окружных судах увеличилось с 7 до 13. Нотариусы от имени государства свидетельствовали различные гражданские акты, заявления и состояния, подлинность подписей, время предъявления им документов, оформляли доверенности, копии документов, заемные обязательства, завещания, договоры и протесты, мировые и третейские записки и прошения, принимали на хранение документы и составляли проекты раздела наследства, выписки из актовых книг и копии актов. Основой деятельности нотариуса являлось оказание клиентам необходимой квалифицированной юридической помощи, решение гражданско-правовых проблем законным путем [2].

В отличие от центральных районов России, после упразднения в 1918–1919 годах старой системы органов юстиции институт нотариата на Дальнем Востоке не только не был ликвидирован, но даже получил развитие и пережил две организационных дихотомии, в ходе которых в результате смены юрисдикции произошли ответвления в виде нотариата Дальневосточ-

ной республики (ДВР) и нотариата в Харбине, с 1921 года работавшего в составе органов китайского правосудия. Каждая из указанных «ветвей» нотариата сохраняла общую законодательную базу, основанную на гражданском законодательстве Российской империи и Положении о нотариальной части 1866 года [3]. При этом вплоть до 1923 года все три указанные системы сохраняли порядок засвидетельствования актов, понятный и привычный для большинства клиентов [4].

Вплоть до закрытия границы в середине 1920-х годов территории Дальнего Востока России и полосы отчуждения КВЖД фактически представляли собой единое экономическое пространство (до октября 1920 года — с российской юрисдикцией). В период 1918–1923 годов многие собственники меняли место своего пребывания в зависимости от смены военно-политической обстановки, в том числе в массовом порядке эмигрировали в сопредельную Маньчжурию, в связи с чем востребованность нотариального свидетельства и закрепления сделок по передаче различных прав собственности значительно выросла. Происходило быстрое перераспределение объектов собственности, владельцы спешно выводили свои активы за рубеж, в основном в Харбин. Нередко оттуда осуществлялось и управление недвижимостью, оставшейся в России [5, л. 14–16].

В рассматриваемый период развитие нотариата на территории, находившейся под юрисдикцией белых и в полосе отчуждения КВЖД, подверглось существенному влиянию ряда обстоятельств. В их числе можно выделить калейдоскопическую смену административно-правовых режимов, трудности, возникшие в денежном обращении, экстренную смену собственников. Вместе с тем кадровый состав нотариусов на территориях юрисдикции белогвардейских правительств и в Маньчжурии оставался неизменным или имел логическую преемственность. В то же время развитие «нового» нотариата на территории ДВР, ставшего основой советского нотариата, претерпело воздействие ряда факторов, которые можно рассмотреть на примере Амурской области.

Заседавший 1–10 апреля 1918 года в Благовещенске объединенный областной съезд трудящихся провозгласил создание Амурской трудовой социалистической республики. Были национализированы все крупные и средние предприятия промышленности и торговли, речной флот. Руководствуясь Декретом о земле, съезд отменил все старые формы землевладения и постановил перераспределить всю пахотную землю по среднечеловеческой норме в 7–9 десятин. В 1918 году все старые судебные установления на большей части территории Дальнего Востока были упразднены. Старая судебная власть в целом утратила легитимность и была заменена чрезвычайными органами советской власти, которые действовали, опираясь преимущественно на силу и классовое революционное самосознание, что вызвало общественный протест и вооруженное противодействие.

Весной 1918 года в Забайкалье выступил атаман Семенов. 29 июня 1918 года белочехи и интервенты свергли советскую власть в Приморье. 1 сентября 1918 года в Амурской трудовой республике было объявлено осадное положение, 18 сентября Благовещенск был взят переправившимися через Амур белогвардейскими и японскими войсками. Вплоть до февраля 1920 года на территории области белая власть под покровительством японских интервентов реставрировала многие дореволюционные порядки. При всем этом в указанный период 1918 года контора Благовещенского нотариуса В. И. Родзаевского работала непрерывно. В нотариальном реестре

записи рукой самого нотариуса не велись с марта по октябрь 1918 года, то есть как раз в период действия в Благовещенске первого советского областного правительства, однако прием клиентов от его имени в то время вели его помощники, в числе которых наиболее известны Е. Летницын и А. Муромов.

Делопроизводство конторы В. И. Родзаевского 1917–1919 годов свидетельствует о том, что услуги нотариуса были широко востребованы. В нотариальном реестре конторы на 1918 год в период только одного месяца (с 1 по 31 мая) содержалось 128 записей, а за аналогичный период 1919 года — уже 420 записей о нотариальных действиях [6]. В формулировках нотариальных актов в этот период вновь употребляются упраздненные революцией сословные звания — «потомственный дворянин», «мещанин» и т. д. В текстах актов использовалась старая стилистика, по-прежнему в ходу была старая гербовая бумага с двуглавым орлом, увенчанным императорскими коронами. Несомненно, старая атрибутика была востребована у части населения. Нотариат в рассматриваемый период оставался для многих представителей дальневосточного социума одним из последних оплотов стабильности, осколком старой общественной власти и старых, привычных и понятных многим общественно-правовых отношений.

В отличие от центральных губерний Европейской России и Сибири, ставших ареной активных боевых действий, на территории дальневосточных областей, отрезанных от центра страны, в это время сохранялись все главные элементы рыночных отношений. Гражданский оборот здесь не только не прекратился, но даже несколько оживился за счет открытой границы с Китаем. Этому в большой степени способствовало образование в 1920 году на территории Дальнего Востока и Забайкалья буферного государства — ДВР.

Учредительный съезд Прибайкалья в Декларации независимости от 6 апреля 1920 года провозгласил создание ДВР, объединившей все области Дальнего Востока. Съезд избрал временное правительство ДВР, которое 9 декабря 1920 года утвердило временное положение о народном суде. 28 марта 1922 года была утверждена первая часть положения о народном суде ДВР. Этот документ

содержал, в числе прочего, и раздел «О нотариусах», в котором устанавливались юридические основы функционирования нотариата в ДВР. Число нотариусов для каждой области и их местопребывание определялись областными отделениями юстиции по соглашению со съездом народных судей.

Нотариусами могли быть граждане ДВР, назначаемые после соответствующего экзамена на знание нотариального делопроизводства и необходимых законов. В тех местностях, где нотариусов не было или должность их не была замещена, засвидетельствование актов по правилам нотариального положения производилось народными судьями, которые за эти действия получали вознаграждение по таксе нотариусов. В ст. 102–110 положения было установлено, что «...нотариусы особого содержания по службе из казны не получают, а взыскивают за свои действия вознаграждение по особой таксе, устанавливаемой министром юстиции по согласованию с министром финансов и народным государственным контролером. Назначение и увольнение старших нотариусов производится министром юстиции по представлению Съезда народных судей» [7].

Восстановление народного хозяйства ДВР потребовало либерализации сферы экономических отношений. Для этого требовалась устойчивая деятельность привычных для предпринимателей и собственников правовых институтов, в том числе и нотариата. В этих условиях дальнейшая политика властей была уже более продуманной и уже не столь радикальной, как в 1918 году. Контора нотариуса В. И. Родзаевского продолжала свою работу согласно незначительно измененному Положению о нотариальной части 1866 года. На протяжении периода Гражданской войны исполнял свои обязанности и зейский городской нотариус В. А. Дымчевский.

После проведения советизации области в 1920 году еще некоторое время продолжалась практика отчуждения недвижимости, в том числе и земельных участков. Одним из первых декретов советской власти вся земля в стране была социализирована, однако в городских советах Амурской области, являвшихся в то время властными органами РСФСР, были вынуждены до определенных пор считаться с фактическим наличием

оборота недвижимости, в том числе и земельных участков. Это, например, подтверждается актами о переходе права собственности на недвижимое имущество, удостоверенными в 1920 году в конторе нотариуса В. И. Родзаевского. Прошение благовещенского жителя Е. Н. Гальцева от 24 июля 1920 года об утверждении купчей крепости на земельный участок было в дальнейшем адресовано старшему нотариусу Благовещенского окружного суда [8, л. 2–3 об.].

9 января 1921 года в ДВР состоялось Учредительное собрание, которое потребовало от правительства Японии вывода японских войск с территории российского Дальнего Востока. 27 апреля 1921 года была принята Конституция ДВР, которая провозглашала равенство всех перед законом независимо от пола, рода занятий, национальности, вероисповедания и партийной принадлежности. Отменялось сословное деление граждан, привилегии и преимущества, гражданские звания, военные чины и титулы. ДВР учреждалась как демократическая республика, в ней полностью отменялась частная собственность на землю. Вся земля национализировалась без всякого выкупа и объявлялась достоянием трудового народа.

Положение о социализации земли как нельзя лучше характеризует ДВР как государство, ориентированное на законодательство РСФСР. 10 июля 1922 года министр юстиции ДВР на страницах правительственного «Вестника ДВР» в связи с поступавшими в его адрес запросами о возможности совершения нотариусами актов по купле-продаже земельных участков, а также домов на них разъяснял заведующему отделом юстиции Амурской области, что в силу ст. 126 и 127 Основного закона (Конституции) ДВР и Закона о земле вся земля, в чем бы пользовании и владении она ни состояла, составляет собственность трудового народа и считается общенародным фондом. Порядок предоставления земли в пользование местными органами самоуправления в то время еще только прорабатывался. Постройки являлись собственностью владельца и могли отчуждаться по его усмотрению, но без земли. Если новый приобретатель в сельской местности получал право на пользование землей от органов местного самоуправления, то акт купли-продажи мог быть совершен нотариусом по аналогии с дореволюци-

онным Законом о застройке от 23 июня 1912 года. Такой же порядок устанавливался и для городской недвижимости, но с обязательным указанием предоставления новому владельцу земельного участка под постройкой исключительно в пользование. Купчие крепости на земельные участки с изданием Закона о земле, безусловно, в дальнейшем запрещались [9, с. 22].

Конституция ДВР сохраняла институт частной собственности и гарантировала всем гражданам неприкосновенность их имущества. Вместе с тем в республике с 1922 года была запрещена купля-продажа земли, которая была объявлена всенародной собственностью. Действующие в городах ДВР нотариальные конторы являлись для властей ДВР безусловным благом. В середине 1922 года они приняли решение о нанесении новой государственной символики на старую гербовую бумагу, были выпущены новые гербовые марки с государственным гербом ДВР. В этот период принимались и другие важные законодательные акты, закреплявшие революционные изменения, произошедшие на Дальнем Востоке, и призванные создать для новой власти надежную социальную опору.

Источники и литература:

1. Исследование выполнено при поддержке гранта ДВФУ, проект № 14-08-05-2, при поддержке гранта 15BMZ100 Хэйхэского университета, КНР.
2. Положение о нотариальной части / коммент. Н. К. Мартынова. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1900. 248 с.
3. Друзяка А. В. История нотариата на Дальнем Востоке России: монография: в 2 т. Т. 1. История нотариальных учреждений на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии в 1897–1922 гг. Владивосток, 2014. 316 с.
4. Друзяка А. В. История нотариата на Дальнем Востоке России: монография: в 2 т. Т. 2. Становление и функционирование органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1918–1992 гг. Владивосток, 2014. 212 с.
5. РГИА ДВ. Ф. 707. Оп. 1. Д. 12.
6. ГААО (Гос. арх. Амур. обл.). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 2, 3.
7. Собрание узаконений ДВР. 1922. № 5. Ст. 127.
8. РГИА. Ф. 707. Оп. 1. Д. 8.
9. Вестник ДВР. 1922. № 3.

С окончанием освобождения всего Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев отпала необходимость в буферном государстве. Народное собрание ДВР 14 ноября 1922 года постановило передать власть на всем Дальнем Востоке Советам и воссоединить его с Советской Россией. Народное собрание отменило Конституцию и законы ДВР и обратилось во ВЦИК с просьбой присоединить Дальний Восток к РСФСР, распространив на него действие советской конституции и советских законов. В дальнейшем нотариат ДВР был реорганизован и вошел в состав органов юстиции РСФСР.

В период Гражданской войны система нотариата на Дальнем Востоке претерпела серьезную организационно-правовую трансформацию. В сложной общественно-политической ситуации в период Гражданской войны именно существование и функционирование нотариальных органов предоставило дальневосточному обществу необходимые государственно-правовые гарантии, обеспечивавшие цивилизованный гражданский оборот в регионе, предотвратившие или компенсировавшие субъектам правоотношений многие материальные издержки военного периода.

УДК 342.56 (571) «1930/1939»

Исаев В. И., Михеев Д. Ю.

НАРОДНЫЕ СУДЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-е гг. КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация: В 1930-е гг. в практике государственного управления широко применялось использование судебной системы как инструмента воздействия на поведение и сознание советских граждан. На основе архивных документов и опубликованных в исследуемый период материалов в статье показано использование народных судов Сибири партийными и советскими органами для решения возникавших хозяйственно-политических задач.

Ключевые слова: Сибирь, народный суд, партийные органы, строительство социализма, правовая культура.

В процессе строительства социализма в России возникла административно-командная система, в которой принципы независимости суда и верховенства права оказались вытесненными принципом партийного руководства общественным развитием. Целью доклада является изучение использования судебной системы в практике государственного управления в годы строительства социализма, а точнее, в 1930-е гг. Источниками для исследования выступают фонды сибирских архивов и опубликованные в исследуемый период материалы.

С переходом к форсированному строительству социализма партийное руководство страны и партийные органы на местах активно стали использовать судебную систему в политических целях. В сложившейся общественно-политической атмосфере судьи в меньшей степени стали обращать внимание на нормы права, а действовали в соответствии с политическими задачами, лозунгами наступления на классового врага, выдвигаемыми партией. Проверка судебных дел, содержащих обвинения в контрреволюционных преступлениях, которые прошли через народные суды Сибирского края в 1930 г., проведенная в надзорном порядке Верховным судом РСФСР, выявила, что «повсеместно наблюдается игнорирование норм материального и процессуального права: дела в суде рассматривались односторонне, в обвинительном заключении часто отсут-

ствовали необходимые доказательства вины подсудимых» [1, с. 11].

Правовая культура работников правоохранительных органов была крайне низкой, что и обеспечивало повсеместное использование судов в политических целях. Нарушения законности начинались уже на стадии следствия. В 1930 г. Сибирский краевой суд вынужден был прекратить более половины судебных дел, направленных в суд следственными органами по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, вследствие явного нарушения норм материального и процессуального права [1, с. 12].

Использование суда как инструмента социалистического строительства было тесно связано с развертыванием масштабных мероприятий по индустриализации и коллективизации страны. В ходе их осуществления основной удар был нанесен по крестьянству: многомиллионные массы народа были сорваны со своих привычных мест обитания, лишены собственных источников существования. В городах с началом индустриализации ситуация тоже стала неблагоприятной: в частности, не хватало продуктов питания и других товаров народного потребления, была введена карточная система их распределения. В таких тяжелых обстоятельствах мелкие хищения колхозного или государственного имущества стали для многих людей одним из вынужденных способов выживания.

Поднявшуюся волну хищений государственного и колхозного добра власть решила остановить усилением карательных мер. Было принято постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В нем объявлялось, что граждане, посягнувшие на социалистическую собственность, отныне считаются врагами народа. Главной мерой наказания за такие преступления должен быть расстрел, и только при наличии смягчающих обстоятельств высшая мера могла быть заменена лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества [2, с. 1].

Разумеется, хищения имущества, упомянутые в постановлении, рассматривались как уголовно наказуемые деяния и до его издания, но теперь степень их общественной опасности стала оцениваться в качественно ином диапазоне. Государство признавало хищение «социалистической» собственности тягчайшим преступлением, подрывающим основы советского строя, и резко повышало моральную и уголовную ответственность за такие преступления.

Важно подчеркнуть, что с правовой точки зрения новый закон выглядел абсурдным, прежде всего потому, что в нем не соизмерялась степень тяжести преступления и предполагавшегося за него наказания. За все мелкие или крупные хищения предусматривалось, по существу, только две меры — расстрел или 10 лет лишения свободы. Еще одним отступлением от норм современного права было нарушение принципа «закон обратной силы не имеет». В секретной инструкции Верховного суда, разосланной на места в связи с развернутой кампанией вокруг принятого закона, судам предписывалось руководствоваться им при рассмотрении дел о хищениях общественного имущества, даже возникших до его принятия, «в случае, когда преступления имеют общественно-политическое значение» [3, с. 103].

Вокруг нового закона сразу же была организована шумная пропагандистская кампания, на его реализацию были брошены все силы правоохранительных органов СССР, под особый контроль была взята отчетность по его применению партийными и государственными органами. Ре-

зультаты его применения были впечатляющими. По далеко не полным сведениям, которые приводит в своей статье В.П. Попов, по указу от 7 августа 1932 г. только за 1932–1939 гг. по всем регионам страны было осуждено 183 тысячи человек [4, с. 103].

Партийные органы Западной Сибири строго контролировали внедрение закона от 7 августа 1932 г. в судебную практику. Краевой суд получил предписание ежемесячно представлять сведения об осужденных по данному закону в крайком ВКП(б). Руководство Западно-Сибирского края рапортовало в Москву, что только за первые четыре месяца применения нового закона было осуждено 13 237 человек, при этом в составе осужденных 85 % составили крестьяне [5, с. 61].

Вопреки пропагандистским заявлениям органов печати и партийных агитаторов, что закон направлен против так называемых врагов народа, под которыми понимались представители «социально чуждых» слоев населения, на самом деле перед судом представляли в основном простые люди, как правило, не являвшиеся противниками существовавшей власти. Так, в 1933 году в Западно-Сибирском крае за преступления, подпадающие под данный закон, по данным на 1 августа, было осуждено 6 117 человек. В том числе колхозников — 74,9 % (4580 человек), работников совхозов — 9,9 %, работников промышленности — 4,3 %, работников торговли — 2,2 %, работников других учреждений и предприятий — 0,5–1,7 %. Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. на 10 лет лишения свободы были осуждены 78,9 %. По социальному составу среди таких осужденных единоличники-«кулаки» составили 8,8 %, середняки — 17 %, бедняки — 14,4 %, колхозники — 32 %, служащие — 1 % [6, л. 99, 124]. Таким образом, все социальные группы населения равномерно оказывались представленными в делах о подобных преступлениях, что говорит скорее о том, что тяжело жилось всем. Но партийно-советский аппарат по сложившейся уже привычке пытался доказать наличие злого умысла, прежде всего у представителей «социально чуждых» групп.

В составе рассмотренных сибирскими судами дел преступления, связанные с хищениями

социалистической собственности, заняли одно из первых мест. В целом начиная с момента принятия закона от 7 августа 1932 г. и до начала 1937 г. в Западно-Сибирском крае было осуждено по данному закону 23 630 человек, что составило 37,7% от всех осужденных по таким преступлениям [7, л. 116].

После проведения форсированной коллективизации местные партийные и советские органы приобрели почти неограниченную власть над сельским населением. Государство, объявив колхозы добровольными объединениями граждан, на деле практически полностью контролировало хозяйственную и всякую другую деятельность жителей села. Одним из наиболее эффективных инструментов давления на крестьян стала угроза судебного преследования. Под суд попадали все слои деревни: единоличники, колхозники, специалисты, руководители колхозов. Для устрашения крестьянства широко использовались показательные судебные процессы.

После организации коллективных хозяйств появились новые виды преступлений, ранее неизвестные и невозможные в доколхозной деревне. Например, раньше просто не могло быть фактов уголовного преследования крестьян за «варварское отношение к коню». В 1933–1934 гг. по этому виду преступлений в Западно-Сибирском крае было осуждено несколько тысяч человек. Новым видом карательных мер явилось также предание суду за плохой ремонт тракторов, несоблюдение норм высева, невыполнение колхозами планов, за отказ единоличников от принятия обязательного плана сева и многие другие.

С утверждением колхозного строя привычка работников партийно-государственного аппарата к применению репрессий в отношении крестьян только укрепилась. В качестве составной части общественно-политических и хозяйственных кампаний в деревне, проводившихся партийными органами, планировались судебные процессы в рамках борьбы за успешное проведение сева, прополки, уборки сельскохозяйственных культур. Такая сезонность в работе судов еще раз показывает, что судьи были вынуждены следовать указаниям партийных органов. В 1933 г. в 81 районе Западно-Сибирского края только за первый период уборочной

кампании было осуждено 5 847 человек. Всего за уборочную кампанию 1933 г. в Западной Сибири было осуждено 11 713 человек, в уборочную кампанию 1934 г. количество осужденных сократилось на треть, но тоже оказалось немалым — 7 962 человека [8, л. 177].

Использование суда как средства регулирования производства стало настолько привычным, что в случае каких-либо затруднений с выполнением хозяйственных задач партийные органы непременно давали руководству судебной системы задание развернуть кампанию по наказанию виновных. Судебные работники были обязаны подыскать необходимое обоснование и статью Уголовного кодекса. Так, в конце 1934-го — начале 1935 г. в Западно-Сибирском крае наблюдалось отставание от графика вывоза на пункты Заготзерна собранного колхозами и единоличными крестьянами хлеба. По традиции к ликвидации прорыва решили подключить судебные органы. На места была направлена совместная директива краевого суда и прокуратуры, подписанная заместителем председателя краевого суда Вежаном и краевым прокурором Барковым. В ней предписывалось: «В случаях установления со стороны должностных лиц колхозов и единоличников злого уклонения от исполнения письменных договоров по вывозке на пристанционные пункты Заготзерна того зерна, которое ссыпано ранее на глубинках, привлекайте виновных к уголовной ответственности: единоличников — по статье 131, должностных лиц колхозов — по 111-й статье Уголовного кодекса. Привлечение председателей колхозов и сельсоветов — только с нашей санкции, единоличников — под вашу личную ответственность. Процессы широко освещайте в печати, каждые пять дней информируйте нас» [9, с. 2].

Использование суда как инструмента для регулирования хозяйственной деятельности советского крестьянства становилось постоянной практикой, хотя по мере укрепления колхозного строя наметилась тенденция к снижению его масштабов. В 1933 г. в ходе проведения сельскохозяйственных кампаний народными судами Западно-Сибирского края было осуждено 18 986 человек, в 1934 г. — 11 820, в 1935 г. — 6 543, в 1936 г. (за 9 месяцев) — 3 114 [8, л. 190].

Обобщая факты и явления, имеющиеся в архивных и опубликованных материалах, можно сделать вывод, что судебные репрессии в 1930-е гг. стали играть роль эффективного механизма социально-правового регулирования жизни советских граждан. При этом судебная система работала в двух направлениях: во-первых, как

карательный орган с целью корректировки экономического поведения граждан за счет негативных санкций; во-вторых, как средство пропаганды государственного курса в целом и отдельных конкретных задач, с помощью показательных судебных процессов пытаясь поднять общественную активность, возбудить энтузиазм народных масс.

Источники и литература:

1. Судебная практика РСФСР. 1930. № 11.
2. Известия. 1932. 8 августа.
3. Новосибирский областной суд. 1923–2003. Летопись Новосибирского областного суда. Новосибирск, 2003. — 350 с.
4. Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (Источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. 23–29.
5. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, изд. СО РАН. 1997. — 277 с.
6. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175.
7. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47.
8. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192.
9. Советская Сибирь. 1935 г. 5 января.

347.961(571.51) «1917»

Карчаева Т. Г.

НОТАРИАТ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 ГОДУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

***Аннотация:** рассмотрены исторические условия функционирования нотариата на территории Енисейской губернии в контексте политических событий региона. Сделан вывод об отсутствии значимых изменений в организации и работе нотариальных структур в течение 1917 года.*

***Ключевые слова:** нотариат, гражданско-правовые отношения, имущественное право, революция, Енисейская губерния, Сибирь.*

Нотариат как гражданско-правовой институт получил самостоятельность на территории Енисейской губернии всего за два десятилетия до революционных событий 1917 года. Положение о нотариальной части, приобретшее силу закона 14 апреля 1866 года, было введено за Уралом на 30 лет позднее, чем в Центральных и Остзейских губерниях Российской империи. При этом в организации, правовом статусе и компетенции нотариальных структур в Сибири начала XX века присутствовали как общие черты, так и некоторые отличия. Общероссийскими характеристиками постреформенного нотариата стали: самофинансирование и самообеспечение; подведомственность по Министерству юстиции; нахождение в юрисдикции судебного округа; включенность в качестве главного звена в систему гражданского оборота; коллегиальная корпоративность и сотрудничество. Особенности судебного нотариата в Сибири были: некая более широкая финансовая самостоятельность; отсутствие между нотариусами при их «единичности» фактической конкуренции. Кроме того, до конца имперского периода правовые процедуры при сделках с объектами гражданского оборота, помимо нотариусов, исполняли служащие различных присутственных мест: на селе — волостные правления, среди инородцев Сибири — старейшины и советы; в отдаленных территориях, например в заштатном городе Туруханске, — служащие полицейской управы. При всем этом, однако, без сомнения, можно утверждать, что нотариат в Енисейской губернии к 1917 году предстал как самодостаточный и профессионально

зрелый гражданско-правовой институт, обеспечивавший экономический порядок и социальную стабильность в обществе.

Политические события 1917 года стали поворотным рубежом в дальнейшей судьбе России. Кардинальные преобразования произошли и в Сибири. Енисейская губерния наравне с другими административными территориями стала одним из очагов революции.

В марте 1917 года был отстранен и арестован губернатор Енисейской губернии Я. Г. Гололобов. Красноярская полиция была упразднена и заменена милицией. Председатель Красноярского окружного суда отстранен от должности. Были созданы революционные органы власти: Комитет общественной безопасности; Временное правительством губернии; Красноярский Совет рабочих, солдатских, казачьих депутатов; губернский Совет крестьянских депутатов, уездные советы — в Канске, Минусинске, Енисейске и других населенных пунктах. С лета 1917 года Красноярская городская дума стала большевистской. С 29 октября 1917 года власть в г. Красноярске перешла к губернскому Совету рабочих и солдатских депутатов и образован губернский Революционный комитет. Со 2 ноября 1917 года Енисейское губернское управление, как образ царской власти в губернии, было реорганизовано в Енисейский губернский народный комиссариат, почти полностью большевистский по своему составу.

В то время на протяжении всего 1917 года в городах Енисейской губернии продолжали работать нотариальные конторы: в Крас-

ноярске — Н. А. Ставровского и И. А. Ицына, в Ачинске — А. М. Трескова, в Минусинске — В.-С. Д. Петрожицкого, в Канске — А. А. Яковлева, в Енисейске — М. А. Ставровского [6, с. 92; 1, л. 2–2 об, 4–4 об; 2, л. 99–100 об.].

Архивные материалы свидетельствуют, что деятельность нотариусов, оставшихся «без контроля» после ликвидации Красноярского окружного суда, не претерпела серьезных изменений. Однако в беспокойные дни 1917 года их посещаемость значительно снизилась.

Согласно поданным по городам Красноярску, Ачинску и Енисейску сведениям, количество гражданско-правовых актов, нотариально оформленных в 1917 году, сократилось примерно наполовину (см. табл. 1).

В 1917 году нотариусы малых городов оказались в наихудшем положении. Ачинский нотариус Алексей Михайлович Тресков писал, что «жить нотариусам в революционных условиях нестабильности очень трудно, так как значительная часть всех нотариальных сделок, больше половины, — это засвидетельствование конских расписок, по которым продавали, покупали, сдавали и брали в пользование лошадей» [1, л. 2].

Красноярский нотариус Николай Александрович Ставровский дал подробную характеристику сложившейся в 1917–1918 годах ситуации. В рапорте председателю Красноярского окружного суда А. А. Верещагину он писал: «За 18 лет моего пребывания в должности нотариуса цифра вы-

пускаемых мной номеров ежегодно возрастала, хотя и довольно медленно, до 1913 года, когда было 7 624 номера (...). В связи с общим падением торговли и промышленности цифра в реестре за 1917 год упала до 3 816 номеров (...). В настоящем же году (1918 год. — *Авт.*), когда за отсутствием И. А. Ицына моя контора фактически является единственной, работы настолько немного, что даже двоим нотариусам было бы нечего делать (...). При отсутствии больших торговых дел в Красноярске и его уезде крупные сделки являются исключением. В настоящее время (октябрь 1918 г. — *Авт.*), в связи с падением курса рубля развилась спекуляция с домами, поднявшая цены на них до невероятных размеров. Это сказалось на суммах сделок и вознаграждения. Но этот источник дохода не может сохраниться надолго. Актов и всяких других засвидетельствований совершено в 1917 году на 2 897 194 руб. 67 коп., в том числе крепостных актов — на 1 018 840 руб. В настоящем 1918 г. — на 5 076 833 руб. 67 коп., в том числе крепостных актов — на 1 542 877 руб. Сумма вознаграждения в 1917 году — 6 371 руб. 52 коп., а в 1918 году — 9 317 руб. 60 коп. Жалоб на исчисление мною вознаграждений свыше таксы за 18 лет не поступало, жалоб на мои действия было, насколько я помню, всего три, и они оказались неосновательными» [2, л. 4–4 об.].

В 1917 году нотариальные действия оплачивались населением открыто не по таксе, установленной законом, а в соответствии с ценами на услуги того времени. Ачинский нотариус

Нотариус	1914 г.		1917 г.		1918 г.	
	Число актов, №	Плата нотариусу, руб.	Число актов, №	Плата нотариусу, руб.	Число актов, №	Плата нотариусу, руб.
Н. А. Ставровский, г. Красноярск	6 544	Более 10 000	3 816	6 371,52	2 146, за июнь – октябрь	9 317,60 за июнь – октябрь
И. А. Ицын, г. Красноярск	На 1 000 меньше	На 1 500 меньше	На 1 000 меньше	На 1 500 меньше	Не работал	Не работал
А. М. Тресков, г. Ачинск	5 627	3 691,20	3 756	3 123,90	100 за август – ноябрь	124,05 за август – ноябрь
М. А. Ставровский, г. Енисейск	Нет сведений	1 124, 25	Нет сведений	1 039,65	Нет сведений	Нет сведений

Таблица 1. Сведения о работе нотариальных контор Енисейской губернии, 1914–1918 гг.
Сост. по: ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 338. Л. 2–2 об., 4–4 об; Д. 365. Л. 99–100 об.

Алексей Михайлович Тресков свидетельствовал: «Предметы жизненного обихода вздорожали в 10 и более раз. Стоимость хлеба — в 20, яиц — в 30, мяса — в 40, сахара — в 100 раз, а мануфактура, обувь, канцелярские принадлежности еще больше...» [3, л. 77]. При этом взаимная договоренность была основным принципом в выборе размера нотариальных пошлин. Минусинский нотариус Павел Иванович Дюков, заменивший с августа 1918 года на посту В.-С.Д. Петрожицкого, пояснял: «...Такса совершенно не соответствует современной дороговизне жизни. Но при несостоявшемся соглашении между нотариусом и клиентом о вознаграждении за должностное действие последний может требовать исполнения такового по утвержденной таксе, и нотариус не вправе ему отказать» [3, л. 98]. Однако соглашение между клиентом и нотариусом было обусловлено отсутствием конкуренции со стороны последнего. Все клиенты шли на уступки, оплачивая таксу сверх нормы, установленной для нотариальных контор еще в 1866 году.

Выходом из кризисной финансовой ситуации конца 1917 года, как считали многие нотариусы, поддавшиеся духу времени, могло быть только одно — создание Съезда работников нотариата, находившегося во главе нотариальных Советов, обеспечивавших корпоративное устройство нотариусов. А.М. Тресков писал: «Корпоративность поднимет нотариат на надлежащую высоту, вытащив его из мрака замкнутости на свет общественности и идейности» [2, 77 об.]. При этом мнению ачинский нотариус, скорее всего, был не один. В нотариальных конторах Енисейской губернии служили самые различные люди.

Источники и литература:

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 338.
2. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 365.
3. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 368.
4. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3624.
5. Декреты советской власти. В 2 т. Т. 1. 25 октября 1917 — 16 марта 1918 / Подг. С. Н. Валк и др. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. — 640 с.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. — Красноярск: Енис. губ. электро-тип., 1915. — 128 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). — 1923. — № 75.

Например, Михаил (Дмитриевич — по крестному отцу) Юдин, рожденный вне брака крестьянин из деревни Юдиной Рыбинской волости Канского уезда, служивший в конторе Канского нотариуса Якова Павловича Поляшова, был политически неблагонадежным лицом (нет данных за родственные связи с купцом и библиофилом Г.В. Юдиным. — *Авт.*) [4, л. 53]. Согласно докладной записке начальника Енисейского губернского жандармского управления, адресованной Енисейскому губернатору, М.Д. Юдин, будучи еще писцом Канской нотариальной конторы, в 1910 году стрелял в городского Канской уездной полиции Чухломина. Однако никакого наказания М.Д. Юдин за данный инцидент не понес. Он продолжал работать в нотариальной конторе и даже в апреле 1916 года исполнял обязанности нотариуса по г. Канску, на законных основаниях на это назначенный председателем Красноярским окружным судом и Иркутской судебной палатой [4, л. 56–56 об.]. Впрочем, после ареста в 1910 году М.Д. Юдин в других преступлениях более замечен не был.

Фактическая работа «дореволюционных» нотариальных контор была ограничена только в январе 1918 года. Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 года прекратил их деятельность как противоречившую революционному правосознанию [5, с. 124]. Однако этот период продолжался недолго. С лета 1918 года нотариусы в Енисейской губернии вновь начали работу по старорежимной системе, функционировавшей вплоть до конца 1919 года и окончательно сломленной положением «О государственном нотариате РСФСР» только в 1923 году [7].

УДК 061.62(571)«19»

Куперштох Н. А.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ НАУКИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТИ НИУ В СИБИРИ

Аннотация: рассмотрена история формирования сети академических НИУ в Сибири после 1917 года. Процесс институционализации науки в регионах прошел несколько стадий: от экспедиций до появления на местах первых стационаров и станций центральных учреждений; от отдельных НИУ — к организации филиалов, научных центров, региональных отделений. Основной доминантой регионального вектора развития науки в XX веке являлась необходимость развития производительных сил Сибири с ее богатейшими ресурсами.

Ключевые слова: Академия наук СССР/Российская академия наук, экспедиции, стационары, станции, филиалы, научные центры, Сибирское отделение.

История формирования и развития сети научных учреждений является актуальной проблемой. Среди авторов, которые изучали проблему как в масштабах страны, так и в региональном аспекте, можно назвать В. Д. Есакова, Е. А. Беляева, Н. С. Пышкову, Е. Т. Артемова и др. [1–4]. Тем не менее выявление новых документов позволяет посмотреть на изучаемые процессы под новым углом, понять региональную специфику, обозначить новые задачи в историографии данной проблемы. Цель доклада — рассмотреть историю формирования сети НИУ в Сибири после 1917 года как неотъемлемую часть социально-экономической истории страны и региона.

Во второй половине XIX — начале XX века Сибирь активно изучали ученые Российской академии наук, высших учебных заведений, различных ведомств, комитетов и научных обществ. После 1917 года советская власть поставила перед Академией наук приоритетную задачу — изучение производительных сил страны. В связи с объявленными планами форсированной индустриализации регионов перед научной интеллигенцией вставали новые задачи, которые требовали своего осмысления. На I Сибирском краевом научно-исследовательском съезде в 1926 году томский профессор Б. П. Вейнберг высказал идею создания специальных НИИ по изучению производительных сил, так как вузы не в состоя-

нии были выполнить эту работу в полном объеме [5, с. 172].

Мобилизационные меры государства для выполнения Урало-Кузнецкой программы требовали участия академического сообщества. В 1930 году в Академии наук создана Сибирская комиссия во главе с академиком А. Е. Ферсманом, который провел мониторинг научного потенциала на местах и представил впечатляющий отчет о проделанной работе [6, л. 4–11]. После встреч с учеными и руководителями властных структур Урала и Сибири академик Ферсман сделал вывод, что ведущую роль в изучении производительных сил в регионах должны играть комплексные учреждения АН СССР.

К проблемам изучения Сибири активно подключился Совет по изучению производительных сил (СОПС). В 1933 году в его составе организована Комиссия по Урало-Кузнецкому комбинату (УКК) под руководством академика А. П. Карпинского. Ее задачей являлась организация экспедиций в тех районах, где предполагалось активное промышленное освоение [7, с. 222–223]. Назовем лишь некоторые экспедиции 1930-х годов. Алтайско-Кузнецкая петрографо-геохимическая экспедиция под руководством П. И. Лебедева выявила закономерности размещения железорудных месторождений Горной Шории и запасов марганца Северного Алтая. Открытию

железорудных месторождений на севере Кузбасса и в Минусинской котловине способствовала работа Кузбасской геофизической экспедиции под руководством П.П. Горшкова. Кулундинская экспедиция под руководством академика Н.С. Курнакова изучала соляные озера Кулунды и задачу получения сульфата натрия, необходимого в металлургической отрасли. Для работы экспедиции была организована Кулундинская научно-исследовательская станция.

В то же время в Академии наук отчетливо осознавали, что силами экспедиций невозможно решить проблему изучения производительных сил в регионах. Проект АН СССР об организации стационарных учреждений в девяти городах страны, включая Новосибирск и Иркутск, в июле 1931 года поддержал ЦИК СССР [7, с. 171–172]. В ходе обсуждения проекта выяснилось, что местная общественность отдает предпочтение такой форме организации научных исследований, как филиал. Рубежным в отношении развития сети территориальных учреждений Сибири следует считать 1932 год, когда состоялась чрезвычайная выездная сессия Академии наук на Урале и в Западной Сибири. Главными центрами ее проведения были определены Свердловск и Новосибирск — крупные промышленные центры, но при этом группы из ведущих ученых побывали и в других городах регионов. Участники сессии приняли решение открыть филиалы Академии наук в Свердловске и Новосибирске, а также организовать ряд станций [8, с. 876]. Однако до войны удалось организовать только Уральский филиал, проект филиала в Сибири остался нереализованным.

В результате создания УКК появилась индустриальная основа развития экономики Урала и Сибири. Эти регионы стали центрами оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны. С началом войны Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны обеспечила кооперацию ученых в деле разработки и внедрения оборонных инноваций, изучения новых ресурсов стратегического сырья. Результативность деятельности ученых стала весомым аргументом в пользу создания в 1943 году первого академического центра в Сибирском

регионе — Западно-Сибирского филиала (ЗСФ) АН СССР, руководителем которого стал известный ученый академик А.А. Скочинский. Первоначальная структура ЗСФ включала четыре института: транспортно-энергетический, химико-металлургический, горно-геологический, медико-биологический [9]. Основной задачей филиала являлось изучение производительных сил Западной Сибири.

В 1957 году в составе ЗСФ, действовавшего под руководством чл.-корр. АН СССР Т.Ф. Горбачева, находилось уже шесть институтов (организован Институт радиофизики и электроники, горно-геологический разделился на два института — геологии и горного дела), несколько отделов, Ботанический сад. Впоследствии институты ЗСФ — биологический (ныне систематики и экологии животных), химико-металлургический (ныне химии твердого тела и механохимии), горного дела, Центральный сибирский ботанический сад получили возможности для более динамичного развития в составе Новосибирского научного центра (ННЦ) Сибирского отделения АН СССР/РАН. После 1957 года в составе ННЦ организованы десятки новых институтов, охватившие практически все направления современного знания. Сегодня многие институты ННЦ носят имена своих основателей. Среди них — всемирно известные Институт математики им. Соболева, Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева, Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича, Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера, Институт катализа им. Г.К. Борескова и др.

Появление первых академических учреждений в Восточной Сибири диктовалось различными обстоятельствами. Повышенная сейсмическая активность региона стала причиной создания в 1884 году Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, а затем и сети сейсмических станций. Систематическое изучение Байкала комиссией Академии наук привело к созданию станции, которая с 1931 года стала называться Байкальской лимнологической станцией АН СССР. В советский период серьезным поводом для создания новых НИУ являлась необходимость научного сопровождения Ангаро-Енисейской программы — самого крупного про-

екта по освоению производительных сил региона. И научная общественность края, и центральные власти осознавали необходимость организации комплексного академического учреждения в Иркутске [6, л. 1, 2]. Поскольку до войны Ангаро-Енисейскую программу реализовать не удалось, создание филиала отодвинулось на неопределенные сроки.

В планах послевоенного развития экономики предусматривалась реализация нескольких проектов Ангаро-Енисейской программы, и это подтолкнуло общественность Иркутска вновь поставить вопрос о филиале. Участники состоявшейся в 1947 году в Иркутске Всесоюзной конференции по изучению производительных сил Иркутской области определили основные направления изучения и освоения ресурсов региона и высказались за организацию Восточно-Сибирского филиала (ВСФ) АН СССР [10]. Открытие филиала состоялось в 1949 году, в его составе организованы два института: геологии; энергетики и химии; несколько секторов; в ВСФ вошли также Байкальская лимнологическая станция, магнитно-ионосферная и сейсмическая станции. Укрепление академического потенциала Восточной Сибири происходило благодаря усилиям руководителей филиала чл.-корр. АН СССР В.В. Звонкова, профессоров Е.В. Павловского и В.А. Кротова.

В дальнейшем подразделения филиала составили ту основу, на которой выросли самостоятельные институты Иркутского научного центра (ИНЦ) Сибирского отделения АН СССР/РАН. Институт геологии ныне известен как Институт земной коры. Байкальская лимнологическая станция преобразована в Лимнологический институт. Магнитно-ионосферная и сейсмическая станции вошли в состав Сибирского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн, ныне известный как Институт солнечно-земной физики. Отдел энергетики вошел в состав Сибирского энергетического института, ныне это Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева. Биологи ВСФ продолжили деятельность в Восточно-Сибирском биологическом институте, его современное название — Сибирский институт физиологии и биохимии растений. В ИНЦ географические исследования получили развитие в Институте гео-

графии им. В.Б. Сочавы, химические и междисциплинарные — в Иркутском институте химии им. А.Е. Фаворского и в Институте геохимии им. А.П. Виноградова.

Северо-восточная часть России, в частности Якутия, привлекала внимание исследователей уникальными природными явлениями, такими как вечная мерзлота, флора и фауна северных широт, и т.п. Планомерное изучение производительных сил Якутии началось в рамках работы Якутской комплексной экспедиции АН СССР в 1925–1930 годах. Ее участники обобщили имевшиеся данные и собрали новые материалы о природных условиях, полезных ископаемых, культуре и истории Якутии. Были созданы предпосылки для формирования сети НИУ: в 1935 году организован Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), в 1947 году — Якутская научно-исследовательская база, вскоре преобразованная в Якутский филиал АН СССР. Благодаря усилиям профессоров А.И. Новгородова и В.П. Дадыкина, чл.-корр. АН СССР Н.А. Цытовича в Якутии открылись новые НИУ: Институт биологии, Институт геологии, Северо-Восточное отделение Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева, несколько секторов и отделов.

В дальнейшем НИУ филиала стали базисом, обеспечившим первоначальное формирование Якутского научного центра СО АН СССР/РАН. Гуманитарные направления объединил Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера; биологические — Институт биологических проблем криолитозоны; геологические — Институт геологии алмаза и благородных металлов и Институт проблем нефти и газа. На базе геофизической обсерватории филиала создан Институт космофизических исследований и аэронауки, который носит имя своего основателя проф. Ю.Г. Шафера. Комплексные проблемы криолитозоны изучают Институт мерзлотоведения им. П.И. Мельникова, Институт горного дела Севера им. Н.В. Черского, Институт физико-технических проблем Севера.

Середина 1950-х годов явилась важным рубежом в процессе модернизации советского общества. Наука была встроена в государственную стратегию: с ее помощью руководство страны в лице Н.С. Хрущева намеревалось упрочить

статус СССР как мировой сверхдержавы, добиться повышения уровня жизни советского народа [11, с. 155–156]. Проблемы ускорения научно технического прогресса активно обсуждались на съездах и пленумах ЦК КПСС. В связи с курсом на ускоренное промышленное развитие восточных районов СССР неизбежно вставал вопрос оптимизации территориальной структуры НИУ, их размещения непосредственно в регионах, а следовательно, и корректировки региональной научной политики. Варианты развития науки в регионах включали перевод отдельных НИУ на периферию, постепенное укрепление потенциала на местах и т.д. Однако для масштабной задачи ускоренного развития восточных районов потенциал региональной науки был явно недостаточным. Из 13 филиалов Академии наук СССР в Сибири находилось три: Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский. В составе филиалов действовали немногочисленные институты технического, геологического, биологического, химического, гуманитарного направлений, отделы, лаборатории, другие подразделения. Единичные институты физического профиля АН СССР созданы в Красноярске (Институт физики, 1956 г.) и Новосибирске (Институт радиопизики и электроники, 1957 г.).

Совершенно иной сценарий развития науки в регионе предложили академики М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович и С. Л. Соболев, когда обратились в правительство с предложением создать за Уралом сеть междисциплинарных науч-

ных центров, объединенных в Сибирское отделение Академии наук СССР. Задачами этих центров являлись развитие фундаментальных и прикладных исследований, активная инновационная деятельность, подготовка кадров на современном уровне. По сравнению с филиалами АН СССР, ориентированными на прикладные исследования в интересах регионов, научные центры СО АН СССР/РАН решали комплексные научные задачи фундаментального свойства, что позволило развивать науку на новом уровне.

Подводя итоги развития академической науки в Сибири в XX веке, можно отметить, что руководители СО АН СССР/РАН последовательно выдерживали курс на создание научных центров по всей территории Сибири. В 1960-е годы укрепились Новосибирский, Иркутский, Якутский научные центры. В конце 1960-х — 1970-е годы началось активное развитие академических центров в Улан-Удэ, Томске и Красноярске. В 1990 году открыты научные центры в Кемерово, Тюмени и Омске.

Главные достижения академической науки Сибири в XX столетии — формирование научных коллективов, способных вести фундаментальные и прикладные исследования на мировом уровне; создание региональных научных центров, интегрированных как в систему АН СССР/РАН, так и в систему регионального научно-технического потенциала; формирование научно-образовательных центров для подготовки высококвалифицированных кадров.

Источники и литература:

1. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971. 271 с.
2. Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР (исторический очерк). М.: Наука, 1979. 245 с.
3. Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 185 с.
4. Куперштох Н. А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Академич. изд-во «Гео», 2006. 441 с.
5. Нагорнов В. И., Яловская Г. В. Вклад первого сибирского форума ученых в индустриальную модернизацию края // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 3. С. 171–174.
6. Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1335.
7. Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934 гг. / Отв. ред. Б. В. Левшин. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 288 с.

8. Кавцевич О. К., Познанский В. С. 67 лет назад. Выездная сессия Академии наук СССР в Новосибирске 12–17 июня 1932 г. // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 10. С. 870–878.
9. Куперштох Н. А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.
10. Куперштох Н. А. Первый академический центр Восточной Сибири: проекты и реалии // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 37–45.
11. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.

УДК: 342,56: 94(571,513) «1928/1930»

Печерский В. А.

ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ХАКАСИИ. СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ХАКАССКОГО ОКРУГА В 1928-1930 гг.

Аннотация: в статье рассматривается деятельность судебных органов Хакасского округа в период Великого перелома. Анализируется состав судебных инстанций Хакасии, их участие в процессе раскулачивания, защите интересов бедноты, борьбе со спекуляцией зерном.

Ключевые слова: Хакасский округ, судебные органы, постреволюционное правосудие, Великий перелом.

После Октябрьской революции старый судебный аппарат не мог быть использован советским государством, поэтому новой власти предстояло создать собственную судебную систему.

Декретом СНК «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г. упразднялись дореволюционные судебные учреждения, вместо которых учреждались народные суды, состоявшие из профессионального председателя и двух народных заседателей. Декрет «О суде» № 2 от 7 марта 1918 г. устанавливал систему судов в составе первой инстанции — окружных судов, второй — областных судов, ВЦИК, как высшая инстанция, мог отменить любое судебное решение. Вводился кассационный порядок обжалований решений и приговоров судов, апелляционный отменялся. Декретом «О суде» № 3 от 20 июля 1918 г. кассационной инстанцией учреждался Кассационный народный суд в Москве. «Положение о народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. предписывало комплектовать народные суды с участием местных Советов [1, с. 78–79].

Деятельности советских судебных органов посвящены труды М. В. Кожевникова, П. Соломона, В. К. Цечоева. [2, 1, 3]. Работа судов в исследуемый период изучена в статье В. И. Исаева [4].

Хакасия как отдельная административная единица появилась благодаря провозглашенной большевиками политике права наций на самоопределение. В 1923 г. был образован Хакасский уезд, который в 1925 г. был преобразован в Хакасский округ.

Изначально одна судебная инстанция приходилась на два округа, Минусинско-Хакасский окружной суд заседал в Минусинске.

Хакасский окружной суд фактически приступил к работе с 1 декабря 1927 г., а официально открылся 8 декабря 1927 г. в окружном центре, селе Усть-Абаканском [5, л. 1.]. Председателем Хакасского окружного суда был назначен член Минусинско-Хакасского суда К. Н. Байкалов, его заместителем — Г. С. Скворцов, членами новой судебной инстанции стали В. А. Баев и Спирин [6, л. 1].

На 1 января 1928 г. на территории Хакасского округа было 5 участков народных судов, которые обслуживали 37038 человек русского населения и 45917 хакасского. В нарсудах, действовавших в районах с преимущественно хакасским населением, судопроизводство было переведено на хакасский язык (2-й участок в Аскизском районе и участок № 3 в Чебаковском) либо находилось в процессе перевода путем подготовки судебных работников из хакасского народа (1-й участок Чарковского района и 5-й участок Таштыпского) [5, л. 1 об.].

Многонациональный характер населения округа ставил перед его судебными органами ряд задач, среди которых было разрешение межнациональных проблем. Судьям, в большинстве своем прибывшим из других мест, предстояло вершить правосудие исходя из знания хакасских обычаев и традиций.

Некоторые особенности хакасского быта представляли работников милиции и прокуратуры возбуждать уголовные дела, а судей после разбирательства прекращать таковые. Как отмечал председатель окрсуда: «Желая жениться на девушке, хакасец, сговорившись предварительно с невестой, похищает ее из дома, причем в случаях, когда родственники невесты не согласны выдать замуж, похищение носит не инсценированный, а вполне реальный характер, причем невеста притворно сопротивляется, так как добровольный уход с женихом считается позором. Недовольные родители или братья подают заявления в милицию о том, что их дочь похищена и изнасилована, и в результате возникает дело по признакам ч. 1 ст. 153 УК РСФСР. При проверке же оказывается, что никакого изнасилования не было, а невеста вышла замуж добровольно» [7, л. 19].

Имели место и случаи похищений девушек без их согласия с последующим изнасилованием. Такие преступления признавались «социально опасными» в условиях Хакасского округа, поскольку совершались «с использованием хакасских обычаев и беспомощного положения хакасской девушки, созданного семейно-бытовым ужасом» [7, л. 28].

Различать случаи добровольных и насильственных похищений было иногда сложно, и сотрудникам судебных и правоохранительных органов предстояло проделать большую работу, проявить недюжинные навыки и деликатность.

Другой задачей судебных органов исследуемого периода была защита прав представителей «угнетенных классов». Многие бедняки в силу малограмотности и зависимости от состоятельных односельчан не могли полноценно отстаивать свои права. Конкретным примером такого случая являлся иск, который еще 26 января 1926 г. подал в один из народных судов бедняк Николай Коков. Он просил взыскать с ответчиков Андрея Барабанова и Гавриила Скоренко 216 рублей за увечье, причиненное его восьмилетнему сыну. Барабанов нанял мальчика гонять лошадей при молотильной машине, а хозяин молотилки Скоренко допустил его к рвачному барабану, в который он подавал солому; правую руку мальчика затянуло в барабан и оторвало. В судебном заседании меж-

ду Коковым и Барабановым было заключено мировое соглашение, согласно которому ответчик передавал истцу корову и теленка. Окружной суд признал эту сделку кабальной, поскольку истец являлся батраком, а производимые ответчиком работы по молотьбе хлеба посредством машины имели характер повышенной опасности и допустить восьмилетнего ребенка к работе у барабана он не имел права [6, л. 30–31].

Не знавший своих прав, зависимый от хозяина машины Николай Коков не сумел должным образом защитить как свои права, так и права своего малолетнего сына.

Классовый подход выражался и при рассмотрении в судах дел об алиментах и зарплате. Вышестоящие инстанции требовали рассматривать такие дела в два раза быстрее остальных дел [6, л. 51].

Сибирский краевой суд 1 марта 1929 г. указал народным судам Хакасского округа на «ряд безобразий, касающихся работы по правовой защите батрачества и бедноты». Основным недостатком в работе по защите данных категорий населения была названа медлительность рассмотрения дел в нарсудах. Еще хуже, по мнению председателя краевого суда, обстояло дело с приведением в исполнение решений по батрацким делам и в целом по делам о зарплате. Вина за задержки по исполнению судебных решений лежала на судебном исполнителе округа. Ревизия работы этого должностного лица показала, что основное количество дел он заканчивал в срок свыше двух месяцев, а некоторые дела находились у него в производстве свыше шести месяцев.

Окрсуд предложил нарсудам при рассмотрении гражданских дел о выплате зарплаты выяснять материальное положение тяжущихся, указав нижестоящим инстанциям на то, что они не учитывали важность этого указания.

Председатель окружного суда попенял народным судьям и на то, что истцам-батракам не оплачивались их расходы, связанные с явкой в суд. Это обстоятельство серьезно мешало лицам, трудившимся по найму, защищать свои права в судебном порядке, поскольку расходы по явке в суд зачастую превышали сумму иска.

Для изжития отмеченных недостатков окружной суд потребовал от нарсудов принять к исполнению следующие требования:

1. Во-первых, решения по батрацким делам и делам о зарплате проводить в исполнение немедленно, нарсудам по этим искам, а также искам на алименты исполнительные листы выдавать тотчас же после рассмотрения дела.

2. Во-вторых, народные суды батрацкие дела должны были заканчивать за две недели [8, л. 46–47].

Таким образом, гражданские дела, возникавшие между работниками и работодателями, должны были рассматриваться в наиболее короткие сроки, поскольку занятые на различных работах батраки и бедняки не могли себе позволить долгого ожидания для рассмотрения и исполнения судебных решений.

Поскольку суды не всегда справлялись с такой важной задачей, как помощь батракам, на совещании работников суда, прокуратуры и инспекции труда, состоявшемся в Усть-Абаканском 6 января 1930 г., было решено провести с 10 января 1930 г. ударник по защите батрачества. В рамках данного мероприятия было решено проверить сроки рассмотрения дел и качество работы судов по батрацким делам и своевременность обращения к исполнению решений и приговоров. Проверить работу сельских советов по защите интересов батрачества, для чего обследовать не менее пяти сельсоветов. Провести проверку работы комитетов батраков.

Особое внимание окружные суд, прокуратура и инспекция суда в рамках ударника по защите батрачества решили уделить общественно-политической работе среди батрачества, которая должна была включать в себя проведение собраний батраков в тех селениях, где будет проходить обследование. На этих собраниях судебные работники должны были сделать доклады о правах батрачества. На местах решено было провести работу по выявлению условий труда в «кулацких» хозяйствах и о соблюдении последними положений КЗОТа [9, л. 1–2].

Защита прав беднейших крестьян, трудившихся по найму, была тесно связана с другой задачей, стоявшей перед судебными органами в исследу-

емый период. С 1928 г. Советский Союз вступил в период Великого перелома, когда многократно усилилось давление на крестьянство.

В то время, когда судебные органы всячески отстаивали права беднейших крестьян, с состоятельных землепашцев в судебном порядке начали жестко взыскивать недоимки по уплате налогов и прочие платежи. С января по апрель 1928 г. народные суды Сибирского края вынесли свыше 56,9 тысячи судебных решений о взыскании с крестьянства недоимок на сумму 2,9 млн рублей в пользу государственных и кооперативных органов [4, с. 171].

Хакасский округ не являлся исключением. 12 февраля 1928 г. суд признал виновным М.С. Жукова по ст. 107 УК РСФСР и приговорил к лишению свободы сроком на три месяца с конфискацией имущества — пшеницы на 750 рублей. Максим Степанович, будучи владельцем «мощного» хозяйства, не уплатил Единый сельскохозяйственный налог на сумму 29 рублей 70 копеек и, дожидаясь роста цен на зерно, отказался от предложения председателя потребительского общества сдать излишки хлеба в размере около 4 тысяч пудов [6, л. 31].

Отказ от сдачи излишков сельхозпродукции был весьма распространенным явлением среди крестьян Сибирского края в данный период. Многие из них были осуждены по ст. 107 УК РСФСР «Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок», которая фактически приравнивала отказывавшихся сдавать хлеб к спекулянтам.

Большую роль судебные инстанции играли в процессе раскулачивания. 10 декабря 1928 г. Сибирский краевой суд и Сибирский краевой прокурор направили циркуляр всем судебным и прокурорским органам края: «О мероприятиях по усилению борьбы с террористическими актами кулачества». В циркуляре подчеркивалось, что изоляция кулака встречает со стороны «кулацкой части деревни» всяческий отпор. Отпор этот выражался в том, что «преступления, совершаемые кулачеством, растут и становятся исключительно дерзкими и, будучи направлены против основных принципов политики советской власти, являются ярким выражением обо-

стрившейся в настоящее время классовой борьбы в деревне» [10, л. 14].

Участившиеся случаи избий и убийств активистов из числа бедняков, представителей советской власти, руководителей общественных организаций, сельских корреспондентов, а также порчи имущества перечисленных лиц заставили краевого прокурора и краевой суд предложить местным судебным и прокурорским органам приступать к расследованию этих преступлений немедленно по получении сведений о совершении таковых, с оговоркой — «ни в коем случае не позже 24 часов». Как на предварительное расследование, так и рассмотрение таких дел в суде отводился срок в пределах двух недель. Процессы по этим делам должны были проходить по возможности на месте совершения соответствующих преступлений. Прокуроры при вынесении «неправильных и несоответственно мягких приговоров» должны были немедленно опротестовывать их [10, л. 14–15].

Источники и литература:

1. Цечоев В. К. История суда России: учеб. пособие. — М.: Проспект, 2015. 160 с.
2. Кожевников М. В. История советского суда. М.: «Юриздат», 1948. 375 с.
3. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 464 с.
4. Исаев В. И. Суды Сибири в условиях «Великого перелома» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 8: История. С. 170–182.
5. НАРХ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 10.
6. НАРХ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 5.
7. НАРХ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 13.
8. НАРХ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 7.
9. НАРХ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 15.
10. НАРХ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 6.

Судебная репрессия становилась одним из главных инструментов в проведении аграрной политики государства. Противники реформ должны были быть устранены с помощью судебных приговоров, в борьбе с ними суды и прокуроры действовали в тесной связке.

В этих условиях изменился характер отправления правосудия. Как замечает В.И. Исаев: «В ходе показательных процессов на судебных заседаниях вновь зазвучала фразеология времен Гражданской войны, пропитанная классовой ненавистью и требованиями безжалостно уничтожать врагов советской власти» [4, с. 177].

Таким образом, суд Хакасии, едва появившись в качестве самостоятельной судебной инстанции, сразу же оказался одним из важнейших инструментов государственной политики «большого скачка», которая была непосредственным продолжением реализаций идей Октябрьской революции о создании «общества всеобщего равенства».

УДК 332.14(470.5)(571.17):323 27 «1917»

Тимошенко А. И.

ПРОЕКТ «УРАЛО-КУЗБАСС» В СВЕТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы, связанные с реализацией проекта Урало-Кузнецкого комбината в советский период, которые становятся крайне актуальными в свете столетнего юбилея революций 1917 года. Автором сделана попытка доказать, что реализация Урало-Кузнецкого индустриального проекта не смогла бы состояться без коренных преобразований в российской экономике и социуме, произошедших в результате революционных событий.*

***Ключевые слова:** проект «Урало-Кузбасс», государственная политика, планирование, пятилетние планы, индустриальная модернизация.*

Проблемы, связанные с революционными событиями 1917 года, снова становятся актуальными. Историки пытаются выяснить не только их конкретику, но и влияние на различные социально-экономические процессы в Российском государстве. Нам хотелось бы в очередной раз привлечь внимание к Урало-Кузнецкой индустриальной программе, решение которой смогло состояться в СССР только в результате революционных преобразований 1917 года.

Попытки реализовать Урало-Кузнецкий проект предпринимались в имперский период. Особенно активно деятельность в данном направлении развивалась с началом Первой мировой войны. Однако что-то конкретное сделать не удавалось. Главная причина, на наш взгляд, состояла в том, что предпринимателей было трудно организовать в условиях существования частной собственности в России на предприятия и средства производства и отсутствия единого государственного центра управления экономикой. На нескольких съездах промышленников проблема соединения ресурсов Урала и Кузбасса активно дискутировалась, но дальше обсуждения она не продвигалась.

Революционные события 1917 года коренным образом изменили не только политическую ситуацию в стране, но и в иное русло направили социально-экономические процессы. С установлением большевистским правительством монополии на власть было объявлено о внедрении в стране

экономического планирования в интересах модернизации экономики на базе индустриализации.

Первым импульсом в действиях советской власти по разработке Урало-Кузнецкой проблемы стало стремление после заключения в 1918 году Брестского мира создать на Урале и в Западной Сибири крупный промышленный потенциал, который позволил бы укрепить экономику Российского государства. Кроме того, большевистские лидеры В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий пытались что-то предпринять для сохранения опоры своей власти. Именно в этот период, по мнению ряда историков, возникла идея отступления вглубь страны и создания там своеобразного экономического тыла для спасения советского режима. К.И. Зубков, исследуя ситуацию, складывающуюся после заключения Брестского мира, сделал вывод, что идея создания Урало-Кузнецкой республики для В.И. Ленина и других революционных вождей была не столько реальным планом, сколько идеальным образом, необходимым для мобилизации большевистских рядов в условиях отчаяния и паники, возникших после провала брестских договоренностей с Германией [1, с. 42–44].

Идеи отступления большевиков на Восток, высказанные в 1918 году, сыграли большую роль в разработке Урало-Кузнецкой программы и формировании затем Урало-Сибирского индустриального района. По инициативе В.И. Ленина на Урале и в Сибири была продолжена разработ-

ка проектов, рассматриваемых в имперский период и связанных с комбинированием сырьевых ресурсов и производств Урала и Сибири.

В апреле 1918 года ВСНХ объявил конкурс на разработку проекта создания единой хозяйственной организации, деятельность которой охватывала бы горно-металлургическую промышленность Урала и добычу угля в Кузнецком каменноугольном бассейне. Задание включало разработку непосредственно самого технического проекта комбината, схемы транспортных коммуникаций и подготовку общей финансовой сметы. За лучший результат была назначена премия в 100 тысяч рублей, за два последующих — по 25 тысяч рублей [2, с. 48].

В мае 1918 года при горно-металлургическом отделе ВСНХ была учреждена Уральская комиссия по разработке проекта снабжения страны металлом, который компенсировал бы потерю 200 млн пудов чугуна, выплавлявшегося на юге России. Проблемы производственного кооперирования Урала и Сибири широко обсуждались на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, проходившем в мае-июне 1918 года. В резолюции съезда говорилось, что в результате заключенного с Германией Брестского мира и временной потери промышленных предприятий на юге России «неизбежно перемещение главных центров нашей промышленности в районы добывания угля и руды на Урал и в Сибирь и усиленное развитие производительных сил в этих областях». Примечательны высказывания М. И. Калинина на съезде. Он отметил, что Брестский мир вынужденный, стране предстоит военная и экономическая борьба. Чтобы ее вести, надо иметь организованный экономический тыл. Его нужно отнести в такую глубину, где бы он был менее подвержен опасности международных осложнений. Поэтому необходимо укреплять производственный потенциал на Урале и в Сибири, «где мы должны заложить основы своего будущего могущества». Это был момент исключительной важности. Решение Урало-Кузнецкой проблемы расценивалось как жизненно важное событие для развития государства. О решении Урало-Кузнецкой проблемы на съезде говорили и другие лидеры государства, и представители с мест. Убедительно доказывалось, что с потерей

промышленного юга экономическое положение России не столь безнадежно, пока у нее есть Урал и Сибирь, где необходимо срочно создавать новую угольно-металлургическую базу страны [3, с. 33–52, 251].

В Томске предложило свои услуги Общество сибирских инженеров (ОСИ), чьи представители ранее уже сотрудничали с акционерным обществом «Копикуз». Пленум Томского губсовнархоза выделил для поддержки конкурса 25 тысяч рублей. При ОСИ был создан совет по разработке проекта под председательством проф. Н. В. Гутковского. Активное участие в работе приняли и другие томские профессора, а также сотрудники «Копикуза». Всего было занято, по сведениям И. И. Федоровича, руководителя «Копикуза», свыше 40 «знатоков Урала и Сибири». Они подготовили более 30 докладных записок по различным вопросам, связанным с разработкой Урало-Кузнецкого проекта. Совет был разбит на четыре секции: заводскую, транспортную, горную и экономическую. В каждой работало по 10–15 человек. Отдельные части проекта обсуждались на заседаниях секций, а затем утверждались на совете. Планировалось, что к сентябрю 1918 года удастся составить общий план действий по решению Урало-Кузнецкой проблемы [4, с. 38].

В апреле 1918 года из Москвы в Кузбасс с мандатом от Совета народных комиссаров в специальном вагоне, который мог продвигаться по железной дороге беспрепятственно, как военно-оперативный, была отправлена большая группа геологов и геодезистов. Однако развернуть работу согласно плану советского правительства ей не удалось. Когда специалисты прибыли к месту назначения, в Сибири была уже другая власть. Создание Урало-Кузнецкого комбината развернулось десятилетие спустя.

После окончания Гражданской войны и укрепления советской власти в СССР начали формироваться новые социально-политические и экономические доктрины, которые чаще всего основывались на необходимости индустриальной модернизации в стране. Для достижения целей индустриализации уже в начале 1920-х годов составлялись перспективные планы развития промышленности и создавались соответ-

ствующие органы, работавшие под руководством Государственной плановой комиссии (Госплана СССР). Большую роль сыграли организация централизованного государственного управления, национализация средств производства и конкретных предприятий. Это все, вместе взятое, создавало условия для реализации Урало-Кузнецкого проекта.

Урало-Кузнецкий проект в общих чертах был обозначен в разработках Госплана СССР уже в 1924 году. Стержнем его считалось создание металлургических заводов на Урале и в Кузнецком бассейне. Необходимыми условиями в этой связи считались организация каменноугольного и железорудного дела, выжиг кокса и решение проблем транспортного обеспечения всего производственного комплекса, который, предполагалось, будет соответствовать высшим мировым техническим и технологическим стандартам того времени.

Технический проект, подготовленный к 1924 году, намечал строительство на Урале трех крупных заводов по американскому типу с годовой производительностью до 50 миллионов пудов. Первый из них планировалось построить на Алапатьевском руднике со специализацией по прокату рельс, второй — близ знаменитой горы Магнитной с выпуском крупных видов металлоизделий: балок, швеллеров и т. п., третий — на Бакальском руднике, отличавшемся высоким качеством железной руды, для производства листового железа. В Кузбассе намечалось построить Кузнецкий завод на Тельбесских рудах. Если уральские заводы в этом проекте должны были поставлять свою продукцию в европейскую часть страны, то производство Кузнецкого металлургического завода должно было ориентироваться исключительно на сибирский рынок. Поэтому для него планировался расширенный ассортимент металлоизделий. Добычу угля в Кузбассе в перспективе планировалось довести до 470–800 миллионов пудов, что требовало открытия 13 новых рудников производительностью от 20 до 40 миллионов пудов каждый [5, с. 131].

Впоследствии оказалось исторически обоснованным то обстоятельство, что проблема наращивания производства металла в принципе ставилась во главу угла всех перспективных планов развития экономики СССР. В директивах на пер-

вую пятилетку, принятых XV съездом партии (декабрь 1927 года), указывалось, что наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые в кратчайший срок поднимают экономическую мощь и обороноспособность страны. Такими отраслями однозначно признавались энергетика, черная и цветная металлургия, химическая, топливная промышленность, машиностроение, судостроение, электропромышленность, золото-платиновая промышленность.

Решение Урало-Кузнецкой проблемы позволяло высокими темпами осуществить индустриальную модернизацию восточных регионов СССР на базе угледобычи, черной и цветной металлургии, машиностроения всех видов, химической промышленности, развития энергетики и транспорта. Единое стратегическое планирование в условиях национализированного хозяйства и централизованного управления экономикой и социумом давало возможность просчитать положительные и отрицательные моменты в решении Урало-Кузнецкой проблемы, учесть последствия ее для развития как экономики регионов, так и всего хозяйственного комплекса страны.

Позже в создании Урало-Кузнецкого комбината большую роль сыграло Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета», принятое 15 мая 1930 года. В нем центральный партийный орган в категоричной форме давал распоряжение Госплану и ВСНХ СССР в кратчайшие сроки разработать и представить на рассмотрение правительства план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны. При этом указывалось, что необходимо строить более мощные, чем предусматривалось ранее, предприятия: металлургические заводы, шахты, коксовые установки и т. д. [6, с. 202–207].

Затем курс на форсирование темпов промышленного развития был закреплён решениями XVI съезда ВКП(б), на котором И. В. Сталин в своем докладе съезду откровенно требовал увеличения темпов индустриализации. Он говорил, что без роста отраслей тяжелой промышленности невозможно решить задачи индустриальной модернизации СССР и сохранить независимость государства [7, с. 365–369].

Решение Урало-Кузнецкой проблемы в рамках выполнения партийных директив стало развиваться гораздо быстрее. В течение нескольких месяцев была завершена сводная программа УКК, которая состояла из 16 разделов, где наряду с вопросами развития тяжелой индустрии прорабатывались некоторые аспекты становления социальной инфраструктуры УКК. Формирование крупнейшего межрайонного комплекса было сложным не только с технической стороны, но и с точки зрения организации и планирования. Эта была совершенно новая форма производственного комбинирования и кооперирования, которая требовала особого подхода в планировании и научно-техническом обеспечении. Многие планы затем разрабатывались и реализовывались уже в процессе строительства промышленных предприятий. Одновременно изучались природно-географические условия территорий строительства, отрабатывались вопросы технологических связей строящихся предприятий, взаимодействия ведущих отраслей промышленности УКК, и на этой основе планировалась кооперация предприятий уже внутри УКК.

Создание Урало-Кузнецкого комбината можно назвать стратегически важным и дальновидным решением советского правительства. Строительство промышленных предприятий на Урале и в Сибири осуществлялось с огромными социальными и экономическими затратами, но оно позволило СССР к началу Второй мировой и Ве-

ликой Отечественной войн иметь крупный промышленный потенциал, расположенный в тыловых районах государства. В результате наличия индустриальной базы, созданной в годы довоенных пятилеток, удалось в 1941 году в кратчайшие сроки организовать на Урале и в Сибири масштабный оборонно-промышленный комплекс. На базе уральских и сибирских предприятий разместились сотни эвакуированных производств из оккупированных врагом регионов страны, и на этой общей основе были созданы практически заново предприятия, нацеленные на производство продукции для фронта. В итоге наличие индустриального комплекса, созданного по программе УКК на Урале и в Сибири, не только позволило СССР победить во Второй мировой и Великой Отечественной войнах, но и сохранить независимость страны в послевоенные годы.

Таким образом, создание Урало-Кузнецкого комбината явилось крайне важным событием в направлении индустриальной модернизации СССР и особенно его восточных регионов. Реализация проекта «Урало-Кузбасс» позволила совершить в кратчайшие сроки настоящий прорыв в развитии экономики страны на базе индустриализации. Это, по нашему мнению, смогло произойти только в результате революционных событий 1917 года, за которыми последовали коренные преобразования в управлении экономикой и обществом.

Источники и литература:

1. Зубков К. И. Геополитические мотивации формирования Урало-Кузнецкого проекта: вызовы 1918 года // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Подходы, исследования, результаты. Материалы межрегиональной научной конференции. Новосибирск. 30 июня — 2 июля 2010. Новосибирск: Параллель. 2010. С. 41–48.
2. Народное хозяйство. 1918. № 2. 160 с.
3. Труды Всероссийского съезда народного хозяйства. Стенографический отчет. М., 1918. 258 с.
4. Тимошенко А. И., Введенский В. В., Исупов В. А., Лапердин В. Б., Романов Р. Е. Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи. Новосибирск: Параллель. 2016. 379 с.
5. Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 2007. 288 с.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 2. 1929–1932. М.: Политиздат. 1967. 797 с.
7. Сталин И. В. Политический отчет ЦК ВКП(б) XVI съезду партии // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Издание 10. М.: Партиздат ЦК ВКП(б). 1935. С. 345–429.

ЧАСТЬ 5

Человек и общество в эпоху революции

УДК 94 (571) «19/20»+930.2

Баяндин В. И.

**ЛИЧНОЕ ИМЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
1917 ГОД (по материалам метрических книг
населенных мест Западной Сибири)**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о популярности мужских личных имен в 1917 году в городах и др. населенных пунктах Западной Сибири. Анализируется влияние революционных событий на эволюцию личных мужских имен.

Ключевые слова: Томская губерния, 1917 год, метрические книги, мужские имена.

В ноябре 1917 года декретом советской власти церковь была отделена от государства, и тем самым с этого времени официальная роль церкви в качестве фиксатора общественных явлений и отношений была упразднена. В рамках своего исследования мы решили проанализировать записи в метрических книгах ряда населенных мест Томской губернии, самой густонаселенной среди сибирских губерний и областей в начале XX века.

Чтобы выяснить, оказали ли революционные события 1917 года влияние на процесс бытования личных имен в среде населения Сибири и насколько заметны были масштабы такого влияния, нами были проанализированы метрические книги некоторых сибирских церквей за 1917 год. Для большей репрезентативности нашего анализа мы использовали материалы метрических книг разных населенных мест: городов, поселков и крупных сел. Территориально все эти населенные места находились в рассматриваемый нами период в составе Томской и Алтайской губерний.

Это города Каинск, Колывань, Новониколаевск, заводской поселок Сузун и крупное село Ордынское. Каждый из названных населенных пунктов имел свои отличительные особенности.

Село Ордынское Томской губернии было основано в первой четверти XVIII века. В начале XX века село являлось волостным центром и находилось в стороне от Транссибирской железной дороги примерно в 100 верстах. Накануне революции 1917 года в с. Ордынском проживало несколько сот жителей. Метрические книги Николаевской церкви села Ордынского дают возможность понять, какие мужские имена были наиболее распространены в годы Первой мировой войны (см. табл. 1).

Такие имена получала значительная часть младенцев в этой церкви: в 1914 году — 45,3 %, в 1915 году — 48,9 %, в 1916 году — 48,4 % и в 1917 году — 45,7 %.

Прежде всего, следует отметить тенденцию к неуклонному снижению числа родившихся и крещеных младенцев мужского пола. При этом

Таблица 1. Наиболее популярные имена в Ордынской церкви (1914–1917 гг.) [1]

№	1914 год	1915 год	1916 год	1917 год
1	Александр 27	Иоанн 27	Иоанн 16	Иоанн 11
2	Василий 25	Александр 22	Василий 15	Петр 8
3	Иоанн 24	Алексей 13	Михаил 14	Василий 7
4	Николай 19	Феодор 13	Георгий 12	Георгий 6
5	Петр 16	Георгий 9	Димитрий 10	Григорий 6
6	Михаил 15	Павел 8	Алексей 9	Николай 5
	Всего: 126	Всего: 92	Всего: 76	Всего: 43

Таблица 2. Популярны́е мужские имена младенцев поселка Сузун (1916–1917 гг.)

№	1916 год			1917 год		
	Имя	Кол-во	%	Имя	Кол-во	%
1	Александр	10	11,5	Александр	8	12,5
2	Василий	9	10,3	Иоанн	7	10,9
3	Михаил	8	9,2	Василий	6	9,3
4	Петр	8	9,2	Алексей	5	7,8
5	Иоанн	7	8,0	Петр	5	7,8
6	Андрей	6	6,9	Михаил	5	7,8
7	Георгий	5	5,7	Андрей	4	6,2
8	Константин	4	4,6	Георгий	4	6,2
9	Николай	4	4,6	Владимир	3	4,7
10	Алексей	3	3,4	Димитрий	3	4,7
	Итого:	64	73,5	Итого:	50	78,1

имя Иоанн по-прежнему остается лидером, а имя Александр хотя и сохранило место в десятке популярных имен, но скатилось в нижнюю часть, в 1916 году оно занимало 9-е место, а в 1917 году — 8-е [2. с. 98]. Единственное существенное изменение произошло с именем Григорий, которое из второй десятки популярных имен, где оно находилось в годы Первой мировой войны, в 1917 году переместилось в первую шестерку самых популярных имен. Связано ли это каким-то образом со смертью известного фаворита царской семьи Григория Распутина, сказать сложно. Исходя из представленных материалов, говорить об изменениях во взглядах прихожан Ордынской церкви в революционный год относительно имен новорожденных, на наш взгляд, нет достаточных оснований.

Значительную часть территории Томской губернии занимал Алтайский горный округ, на территории которого находились некоторые сибирские города и несколько десятков заводских поселений. В государственном архиве Новосибирской области хранятся метрические книги Вознесенской церкви поселка Сузун, в котором в XVIII–XIX веках действовал единственный за Уралом монетный двор, на котором чеканили сначала сибирскую монету, а затем и монету общероссийского образца. В начале XX века Сузун продолжал оставаться заводским поселком, но монетный двор уже был ликвидирован. В 1916 году было крещено 64 младенца, а в 1917 году — 50 (см. табл. 2) [3. с. 271].

В 1917 году в метрической книге Сузуна упоминается всего лишь 19 разных мужских имен.

Материалы таблицы показывают, что кардинальных изменений с мужскими именами в 1917 году в поселке Сузун не произошло. Из списка наиболее популярных выпали два имени — Николай и Алексей, они оказались во втором десятке по популярности. Вместо выбывших появились два других имени — Владимир и Димитрий, но это явление следует, на наш взгляд, считать небольшой ротацией имен, что наблюдалось и ранее.

Два следующих города — Каинск и Колывань можно отнести к старым сибирским городам, они возникли в первой четверти XVIII века. Эти города играли заметную роль на Московско-Сибирском тракте в XVIII–XIX веках, но Транссибирская железнодорожная магистраль обошла их стороной, что, несомненно, негативно отразилось на их дальнейшем развитии.

Город Каинск (с 1935 года город Куйбышев Новосибирской области) был основан в 1722 году. В начале XX века в Каинске имелось два православных храма, костел и синагога. Записи в метрических книгах Иоанно-Предтеченской церкви и Спасского собора позволяют выяснить, что в 1917 году было крещено 122 младенца мужского пола, из них 26 в Спасском соборе, а 96 крещено в Иоанно-Предтеченской церкви. По нашим подсчетам, за период с 1902 по 1916 год в храмах этого города было крещено 2456 младенцев мужского пола, при этом было использовано 99 разных имен. К наиболее популярным мужским именам предреволюционного периода следует отнести следующие имена (см. табл. 3).

Таблица 3. Популярные имена в г. Каинске с 1902 по 1917 год [4, с. 15, 242]

Популярные имена в 1902–1916 гг.				Популярные имена в 1917 г.		
№	Имя	Кол-во	%	Имя	Кол-во	%
1	Николай	273	11,1	Николай	13	10,6
2	Александр	229	9,3	Иоанн	11	9,0
3	Василий	203	8,3	Михаил	9	7,4
4	Иоанн	188	7,7	Александр	7	5,7
5	Михаил	164	6,7	Василий	6	4,9
6	Петр	148	6,1	Петр	6	4,9
7	Алексей	101	4,1	Алексей	5	4,1
8	Феодор	95	3,8	Андрей	5	4,1
9	Павел	91	3,7	Григорий	5	4,1
10	Сергей	90	3,6	Константин	5	4,1
	Всего:	1 582	64,4	Всего:	72	58,9

В 1917 году в метрических книгах Каинска упоминается 39 разных мужских имен. Таким образом, перечисленные имена были даны 72 младенцам, что составило 59,0% от общего количества крещеных младенцев мужского пола в храмах этого города. Среди редко используемых мужских имен, а всего в этот год таких насчитывается 16, используются следующие имена: Андриан, Аркадий, Валентин, Венедикт, Илья, Иннокентий, Лазарь, Лев, Лукиан, Максим, Олег, Роман, Семен, Сергей, Симеон, Степан.

Город Колывань Томского уезда был основан в 1713 году как острог. В первоначальном плане строительства Транссибирской магистрали через этот город должна была пройти железная дорога, но изменение маршрута дороги через реку

Обь оставило и Колывань, и Томск в стороне от Транссиба. Накануне революции в Колывани имелось два храма: Александро-Невская церковь и Свято-Троицкая церковь. В 1916 году в этих церквях было крещено 230 младенцев мужского пола, а в 1917 году — 216 (см. табл. 4).

В 1917 году в метрических книгах Колывани упоминается 42 разных мужских имени. Популярные имена крещеных младенцев в церквях Колывани в указанные годы практически полностью совпадают, единственным отличием является то, что имя Константин было вытеснено именем Леонид. Таким образом, никаких существенных изменений в списке популярных имен в 1917 году в Колывани не произошло.

Таблица 4. Популярные имена младенцев в г. Колывани в 1916–1917 гг. [5]

Популярные имена в 1916 г.				Популярные имена в 1917 г.		
№	Имя	Кол-во	%	Имя	Кол-во	%
1	Александр	28	12,2	Николай	29	13,4
2	Николай	27	11,7	Александр	24	11,1
3	Михаил	23	10,0	Иоанн	17	7,9
4	Иоанн	17	7,4	Василий	15	6,9
5	Павел	17	7,4	Михаил	13	6,0
6	Василий	16	6,9	Павел	13	6,0
7	Константин	13	5,6	Петр	11	5,1
8	Анатолий	10	4,3	Леонид	9	4,2
9	Петр	10	4,3	Георгий	7	3,2
10	Георгий	9	3,9	Анатолий	6	2,8
	Всего:	170	73,8	Всего:	144	66,6

Таблица 5. Наиболее популярные имена в разных частях г. Новониколаевска в 1917 г.

№	Центральная часть города			Закаменская часть города		
	Имя	Кол-во	%	Имя	Кол-во	%
1	Александр	30	12,9	Николай	30	12,0
2	Николай	18	7,8	Александр	22	8,8
3	Михаил	17	7,3	Михаил	20	8,0
4	Георгий	16	6,9	Алексей	16	6,4
5	Василий	15	6,5	Владимир	16	6,4
6	Виктор	13	5,6	Василий	12	4,8
	Итого:	109	47,0	Итого:	116	46,6

Город Новониколаевск в начале XX века являлся одним из самых молодых и динамично развивающихся городов Западной Сибири, в 1903 году он получил статус города с упрощенным городским управлением, а спустя пять лет, в ноябре 1908 года по императорскому указу ему были даны полные права города. Накануне Февральской революции в этом сибирском городе насчитывалось около 70 тысяч жителей, и по этому показателю он уступал лишь административному центру губернии — Томску [6, с. 160]. В 1917 году в Новониколаевске имелось шесть православных церквей и римско-католический костел. В фондах ГАНО имеются метрические книги 1917 года пяти церквей: Александро-Невской, Богородице-Казанской, Вознесенской, Покровской и Пророко-Даниловской церкви, отсутствуют лишь сведения о Воскресенской церкви. В Пророко-Даниловской церкви было крещено 283 младенца мужского пола, в Богородице-

Казанской церкви — 249, в Александро-Невской церкви — 177, в Вознесенской церкви — 158 и в Покровской церкви — 55 младенцев, всего крещено 920 младенцев [7].

Прежде всего, попытаемся выяснить, имелись ли заметные различия в именах, которые давались новорожденным в центральной части города и в церквях, расположенных на окраине. К первой группе следует отнести Александро-Невскую и Покровскую церкви, а ко второй группе относится Богородице-Казанская церковь, находящаяся в закаменской окраине города (см. табл. 5).

Как видно из материалов таблиц, первые три имени совпадают, хотя и занимают разные места, кроме того, еще одно совпадающее имя — Василий. Отличаются в этих списках лишь два имени: прихожане центральной части города отдавали предпочтение (среди прочих популярных) име-

Таблица 6. Популярные мужские имена в новониколаевских церквях в 1917 г. [8]

№	Имя // Церковь	Алекс.	Вознес.	Бог-Каз.	Пр-Дан.	Покр.	Всего
1	Николай	13	24	30	41	5	113
2	Александр	23	18	22	28	7	98
3	Владимир	10	15	16	21	2	64
4	Василий	15	14	12	12	1	54
5	Виктор	9	9	12	20	4	54
6	Михаил	14	4	20	9	3	50
7	Георгий	13	6	8	11	3	41
8	Алексей	3	6	16	8	4	37
9	Петр	11	6	11	6	1	35
10	Иоанн	5	5	12	12	0	34
	Итого:	116	107	159	168	30	580

нам Георгий и Виктор, в то время как жителям окраин больше нравились имена Алексей и Владимир. Общая картина популярных имен представлена в таблице (см. табл. 6).

Таким образом, перечисленные в таблице имена получили 63,0% крещеных младенцев мужского пола, на остальные 47 разных имен приходится лишь 37,0% младенцев.

Материалы представленной таблицы позволяют сделать следующие выводы. В 1917 году имя Николай лидировало в трех церквях: Богородице-Казанской, Вознесенской и Пророко-Даниловской, а имя Александр в двух других — в Александро-Невской и в Покровской.

К редко даваемым младенцам мужским именам, которые встречаются в 1917 году в метрической книге Александро-Невской церкви (не более одного раза. — *Б. В.*), следует отнести 13 имен: Андрей, Валентин, Вениамин, Виталий, Владислав, Вячеслав, Гавриил, Зинон, Игорь, Савел, Симеон, Феоктист, Ювеналий. В Богородице-

Казанской церкви к редко используемым можно отнести восемь имен: Венедикт, Дионисий, Иннокентий, Леонтий, Максим, Симеон, Стефан, Ювеналий.

Проведенное исследование дает основание сделать следующие выводы: в западносибирских городах и селах церковь продолжала выполнять свои функции не только до конца революционного 1917 года, но и до 1920 года. На наш взгляд, в этом сыграло свою роль совпадение нескольких факторов: инерция массового общественного сознания, отсутствие новых государственных органов, затянувшийся процесс установления советской власти в регионе и, конечно же, кратковременный период существования новой власти, до начала Гражданской войны. Ответ на вопрос, когда в Западной Сибири начался масштабный процесс появления новых имен, может дать выявление и исследование документов соответствующих учреждений советской власти, восстановленных после освобождения территории Сибири от белогвардейцев и интервентов.

Источники и литература:

1. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 3281, 3284, 3286, 3288.
2. Лыков О. М. Звезда над Обью. — Новосибирск, 2016.
3. Баяндин В. И. Историческое прошлое Сузуна: материалы метрических книг о жителях поселения // Индустриальное наследие Сибири. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию начала чеканки сибирской монеты и открытию Сузунского монетного двора (р. п. Сузун, 18 октября 2016 г.) — Новосибирск, 2016.
4. Баяндин В. И. Личное имя в сибирском городе в революционное время (Каинск в 1917–1918 гг.) // Каинск (Куйбышев) в истории Западной Сибири. — Куйбышев, 2007.
- Его же. Личное имя в уездном сибирском городе в начале XX века (на примере города Каинск) // Каинск (Куйбышев) в истории Западной Сибири. — Куйбышев, 2007.
5. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 1452, 1453, 1454, 1384.
6. Цыплаков И. Ф. Краткая историческая энциклопедия Новосибирска. — Новосибирск, 1997.
7. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2733, 2734, 2757, 2770, 2790.
8. Там же.

УДК 94(47).084.2

Белгородская Л. В.

ЧЕЛОВЕК В РЕВОЛЮЦИИ. ОБРАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ И УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИИ НА КРАСНОЯРСКИХ ФОТОГРАФИЯХ 1917 г.

Аннотация: статья посвящена анализу эмоционального состояния, половозрастной и социальной структуре героев фотографий, сделанных в Красноярске в 1917 году.

Ключевые слова: визуализация истории, фотографии красноярцев 1917 года, революция 1917 года в Сибири.

В связи со столетием русской революции 1917 года появилось большое число научных публикаций, проходят многочисленные конференции и форумы. Примечательно, что многие авторы по-прежнему занимаются вопросами историсофскими: ищут ответы на ключевой вопрос — был ли системный кризис в стране или революция скорее была вызвана ошибками политического руководства империи? Интерес вызывают проблемы периодизации революции, оценки разных этапов растянутого во времени процесса. Большое число специалистов полагают, что надо вести речь об одной революции в России, свершившейся в рамках 1917 года. Этого подхода придерживается и автор данной публикации, указанные хронологические границы избраны в качестве временных рамок темы статьи.

К новым подходам следует отнести интерес к визуальной истории революции, первые удачные опыты по реконструкции и осмыслению эмоционально-психологических портретов участников и очевидцев революционных событий в столице и в провинциальных городах. Это то, что принято называть интересом к «человеческому измерению истории» [1].

В этом плане представляет интерес анализ фотографий событий 1917 года в Красноярске. Я выбрала для анализа фотографии из альбома «Енисейская губерния, Красноярский край. История в фотографиях. 1870–1970 гг.» (Красноярск, 2011), фотографии из так называемого альбома Изюмова (красноярского краеведа Бориса Васильевича Изюмова), снимки из коллекции Крас-

ноярского краевого краеведческого музея. Всего около 20 фотоизображений, сделанных в течение 1917 года. Большинство кадров относится к событиям февраля — июня. Часть снимков атрибутирована точно, другая не содержит указаний ни на авторство, ни на характер запечатленного события.

Нас не будет интересовать собственно событийная и политическая информация. Внимание будет сосредоточено на человеческом опыте революции. Такие вопросы, как эмоциональное состояние людей, половозрастная и социальная структура героев фотографий, одежда, выражение лиц, поведение участников и свидетелей событий.

Снимки в основном связаны с проведением митингов, демонстраций, встреч, проводов на фронт, ожиданием политических акций. Они не имеют характера постановочных, но из-за особенностей технологии фотосъемки сто лет назад ближайшие участники события оказывались вовлеченными в процесс «постановки кадра» фотомастером. Чем дальше от камеры, тем менее толпа контролирует свои действия и меньше старается «держать лицо».

Основными участниками событий на фотографиях были военные. Революция имела в Красноярске явно мужское лицо. Историки установили, что в Красноярске в начале 1917 года были дислоцированы 14, 15, 30-й сибирские запасные стрелковые полки, казачий дивизион и 719-я дружина. В феврале их было около 25 тысяч, по данным историка А.П. Дементьева, а офицеров из них около 600 человек.

Воинские формирования играли большую роль в жизни города. На снимке «Вооруженная демонстрация солдат и рабочих на мосту через реку Кача» (10 марта 1917 года) видим сотни военных и рабочих, причем колонны двигаются параллельно: солдаты справа, рабочие слева. И те и другие несут политические лозунги левого толка — эсеровские, анархические, социал-демократические. На других фотографиях на транспарантах читаются лозунги: «В борьбе обрешь ты право свое», «Земля и воля», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Анархия — мать порядка», «Да здравствует труд свободной женщины», «Победа», «Свобода».

Визуальные источники дают представление об образах офицеров и представителей рядового состава, иначе комбатантов. На ряде снимков есть изображения людей с воинскими наградами, прикрепленными к шинелям или гимнастеркам. Ведут военные себя неформально: кто-то стоит в небрежно наброшенной на плечи шинели, кто-то идет с балалайкой. Некоторые солдаты курят в строю самокрутки, другие едят хлеб, не обращая внимания на фотографа. Офицер

на фотографии, сделанной 10 марта 1917 года, демонстративно стоит перед объективом в позе Керенского — Наполеона [2].

Можно точно идентифицировать многочисленные георгиевские кресты. На двух снимках по крайней мере есть образы военных с бантами. Известно, что после революции 1905–1907 годов, потом февральских событий появилась повсеместная мода носить красные банты. В 2017 году открытием стало новое прочтение дневника красноярской гимназистки Кати Гайдукович, оставившей описание событий столетней давности. В красноярском музее выставлен красный бант, с которым девушка ходила на демонстрации и политические митинги. Нам не удалось на снимках найти образы гражданского населения с бантами. На кадрах не видно ни газет, ни листовок или прокламаций в руках людей или на стенах домов.

На красноярских фотокадрах практически нет толстых или даже просто полных людей. Единственный офицер может быть отнесен к группе, как сейчас принято говорить, корпулентных граждан. Но нет и лиц изможденных, измученных, не найдем мы и истощенных фигур.

Многие мужчины имеют выраженный сибирский антропологический тип, связанный с этносмешениями с соседними коренными этносами, характеризующийся скуластостью людей, темным цветом волос и бород, набухшим веком. Существует популярное выражение: «Половина мужчин в Сибири похожи на Шукшина». Правильность этой оценки можно оценить по изученным фотокадрам. Рост красноярцев невелик [3, с. 77, 114]. Представителей коренных народов Сибири на фотографиях нет.

Гражданское мужское население представлено преимущественно людьми в форменной одежде. Все они в головных уборах — от кепок, фуражек до экзотических котелков. Канонизированный в советские годы образ Ленина, выступающего на броневике в апреле 1917 года, имеет по крайней мере одну недостоверную деталь. В руках у вождя не могло быть кепки (впрочем, скульптор Евсеев, автор скульптуры «Ленин говорит с броневика», «засунул» ее в карман Ленину. В действительности в Стокгольме товарищи купили вождю новый костюм, пальто и котелок. Перед петроградцами предстал вполне себе европейски

одетый господин [4, с. 269]. В провинциальном Красноярске, судя по фотографиям, были мужчины, следовавшие тогдашней европейской моде на современный головной убор. Священнослужители тоже участвуют в политических акциях. Батюшка с крестом на груди идет в первомайской колонне демонстрантов.

На фотографиях 1917 года есть и женские лица. Преимущественно это скромные женщины-горожанки или крестьянки в платочках, шалих. На одном кадре задумчивая пожилая женщина, похожая на странницу, стоит, опершись на посох. Встречаются и единичные фигуры дам, принадлежавших к среднему классу, одетых по тогдашней моде: в шляпах, в кружевных косынках, платках, надетых поверх шляп, с муфтами и в удлиненных бархатных или плюшевых жакетах или с кружевными зонтиками летом.

На изученных фотографиях много детей. Часть одета в гимназическую форму, другие в неприязнительных скромных нарядах — от зимних до легких летних нарядов. Гимназическая свобода выражена в фуражках, лихо сдвинутых набок

или на затылок, и в отсутствии шинелей и ранцев. По уставу же малейшее нарушение формы на улице или в гимназии: расстегнутый воротник, плохо пришитые, а тем более нечищенные пуговицы, пыльные ботинки и мятые брюки, наброшенная небрежно на плечи шинель, отвернутые борта шинели или пальто или сдвинутая на затылок или набок фуражка, отсутствие ранца — строго наказывалось наложением дисциплинарного взыскания.

Дети позируют фотоаппаратам, внимательно разглядывают солдат, забираются на заборы, следят с возвышенностей за происходящим. Вообще, свобода обитания в городской среде Красноярска сто лет назад была удивительная. Мы видим девочку-подростка на крыше дома, спокойно наблюдающую за людьми; десятки солдат стоят и лежат на крыше Красноярского железнодорожного вокзала, расположившись экстремально близко к краю, они наблюдают за происходящим на платформе; многочисленную группу людей, сидящую на церковной ограде Всехсвятской церкви.

Эмоции современников событий скупые. Ни радости, ни воодушевления на лицах зритель не увидит. Нет ни одного улыбающегося лица. Вообще же традиция улыбаться при фотографировании появилась в мире не ранее 1930-х годов. Исследователи полагают, что Ф. Рузвельт первым призвал американцев улыбаться на фотографиях и этим эмоционально помогать преодолеть трудности экономической депрессии. Эмоциональная сдержанность в целом генетически свойственна сибирякам.

Политическая история России, однако, к этому времени уже имела опыт эмоционального

раскрепощения граждан. На полотне И. Репина «Манифестация 17 октября», действие которой происходит в «застегнутом на все пуговицы» Петербурге, отражено такое буйство эмоциональных состояний, какого не знала ранее столица. Николай Розанов писал по этому поводу: «Конечно, все жившие в 1905–1906 годах в Петербурге скажут о картине: «Это — так! Это — верно!» Несут на плечах маньяка с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку. «До шапки ли тут, когда конституция». Лицо его не ясно в мысли, как именно у сумасшедшего, и видны только «глаза в одну точку» и расколоченная борода... Впереди всей процессии два гимназиста, и один не старше IV или V класса, но и другой, старший, ближайший к зрителю, тоже не VIII класса, а класса VI или VII. Кто видал массы гимназистов, не ошибется, взглянув на лицо, к которому классу относится «питомец школы». Два эти гимназиста и стоящий позади шестиклассника студент в фуражке, положивший ему руки на плечи, — «инструктор» пения и идей — какая это опера!! Боже, до чего все это — так!! ...Русская масленица. Репин, не замечая сам того, нарисовал «масленицу русской революции», карнавал ее, полный безумия, цветов и блаженства» [5].

Визуальный поворот в исторических исследованиях позволяет историкам открыть новые пласты исторической информации. От внешнего вида людей до поведенческих практик, от выраженных внешне эмоций до обыденных стандартов реакции на политические события. «Альбом Изюмова» и другие частные коллекции фотографий еще таят в себе загадки, связанные с их созданием и бытованием в течение столетия.

Источники и литература:

1. Из новейших публикаций по теме интерес представляет книга «1917. Вокруг Зимнего», М.: РОССПЭН, 2017.
2. Речь идет не о скрещенных на груди руках, я о заложенной за борт мундира ладони.
3. Русские. М.: Наука, 2005.
4. Анисимов Б. В. Письмо турецкому султану. Образы России глазами историка. СПб.: Арка, 2013.
5. Розанов Н. «О картине И. Е. Репина «17-е октября» // http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rozanov-repin.php/ Дата обращения 13.08.2017.

УДК 94(470+571) (092)

Болонкина Е. В.

СЕМЬЯ КОНЧАЛОВСКИХ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В РОССИИ

Аннотация: в данной статье раскрыта жизнь семьи Кончаловских в условиях российской революции 1917 года. На примере писем Петра и Ольги Кончаловских, а также воспоминаний Натальи Кончаловской впервые показана жизнь семьи в контексте революционных событий, проанализировано их отношение к революции.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Кончаловские, Москва, культура, художественная интеллигенция.

История семьи Кончаловских, которые внесли неоценимый вклад в культурную жизнь России XIX–XX вв., представляет собой уникальное явление. Жизнь этой семьи непосредственно связана с самыми значимыми историческими событиями нашей страны. Российская революция 1917 года затронула все слои российского общества. Противоречиво и болезненно принимала ее художественная интеллигенция. Петр и Ольга Кончаловские, их дети — Наталья и Михаил оказались в самой гуще этих событий, которые существенно отразились на жизни семьи.

Революционные события 1917 года стали следствием нарастания социально-экономических, политических противоречий, которые только усилились в условиях Первой мировой войны. Вся страна была втянута в водоворот революции, которая охватила все стороны жизни российского общества. О петроградских событиях в Москве, где на тот момент жила семья Кончаловских, узнали еще 27 февраля. Утром 28 февраля массовые демонстрации под красными флагами захлестнули Москву. По всему городу шли толпы народа с пением революционных песен. Их не сдерживали ни полиция, ни конные жандармы. Толпы народа направлялись главным образом к зданию городской думы, где утром собрались уже представители московского городского общественного управления, губернских и уездных земств, Военно-промышленного комитета, кооперативов, биржевых и других организаций. Для урегулирования народного движения был создан совет из 150 человек. Свою деятельность активизиро-

вал Совет рабочих депутатов [1, с. 194]. Около полудня сдался арсенал и Манеж, где были сосредоточены правительственные войска, а затем был взят Кремль и штаб Московского округа. На следующий день гарнизон Москвы полностью перешел на сторону Временного революционного комитета и городской думы [2, с. 151].

В эти дни вся общественность Москвы приветствовала революцию. Художественная интеллигенция с энтузиазмом встретила Февральскую революцию. В своем письме к дяде — Александру Сурикову Ольга Кончаловская писала: «...давно тебе не писала, перевернулся весь строй... Поздравляю тебя с наступающим праздником и наступившей свободой на Руси. Петя в дни революции был на фронте, но позже приезжал на пять дней. У нас жизнь совсем наладилась, только очереди большие да дороговизна страшная... Усталость на душе от войны, не знаю, когда кончится. У вас все, наверно, лучше жить в отношении хлеба и мяса. Здесь выдают по фунту на человека, и то надо стоять часа три, четыре» [3, л. 1 об].

Однако Февральская революция не выполнила своих задач, породив в стране хаос и анархию. На протяжении весны 1917 года в стране постепенно нарастал общественно-политический и экономический кризис. Апрельские события в Петрограде вызвали отклик и в Москве. Произошло несколько небольших столкновений. Однако крупных беспорядков и существенных столкновений в Москве удалось избежать.

Тяжелое положение наблюдалось в административном отношении. Власть Временного правительства признавалась не везде. В середине мая 1917 года произошли волнения в Кронштадте, Севастополе. Было несколько отдельных вспышек в войсках на фронте и в тылу. В результате разложения рыночных отношений в стране остро стоял продовольственный вопрос. Первая мировая война нанесла удар по финансовой системе и транспорту. Инфляция, с одной стороны, и перебои с доставкой продуктов — с другой, вели к их вздорожанию. Новым толчком к дальнейшему разложению порядка и организации в стране послужил июньский большевистский мятеж в Петрограде.

В таких тяжелых условиях в июне 1917 года Петру Кончаловскому удалось добиться отпуска с фронта, чтобы побыть с семьей. Было принято решение отправиться пожить до начала августа в Крым, в Судак. «Здесь очень хорошо, и мы купаемся в море. Петя с нами пробудет до июля и потом снова отправиться на фронт... Петя здесь работает, и все мы купаемся. Здесь живем своим хозяйством. Привезли прислугу нашу. Здесь все продукты есть, и дешевле, чем в Москве. Там страшно дорого стало», — написала Ольга Васильевна своему дяде [4, л. 1].

Август 1917 года стал очень радостным для семьи Кончаловских. В Москве открыли артиллерийскую школу, и П. Кончаловского откомандировали с фронта для преподавания в ней. В своем письме А. Сурикову Ольга писала: «Петю перевели окончательно в Москву, и он здесь будет жить дома. Ты можешь представить нашу радость и счастье; больше ему не грозит война... Он снова начнет работать картины, и главное, что не надо больше разлучаться и провожать его на вокзал. У меня уж последнее время сердце разрывалось и отказывалось служить, и вот пришло успокоение» [5, л. 2].

Тем временем общественно-политическое и экономическое положение в стране только ухудшалось. Попытки Временного правительства решить остро стоящие вопросы об участии России в войне, снабжения населения продовольствием, создания эффективной системы управления не увенчались успехом. Все это привело к глубокому политическому кризису и революци-

онным событиям октября 1917 года. В восприятии Октябрьской революции среди представителей художественной интеллигенции уже не было оптимизма и радостного энтузиазма. «Дай бог чтобы состояние пришло к спокойной жизни. Устали уже очень все», — писал в своем письме к А. Сурикову Петр Кончаловский.

Несмотря на все трудности революционного времени, семья Кончаловских стойко их переносила. Петр Кончаловский много и успешно работал над новыми картинами. Михаил и Наталья продолжали учиться в частных гимназиях Хвостовой в Кривоарбатском переулке и Флерова, что была в Мерзляковском переулке [6, л. об]. Ольга Васильевна успешно решала все домашние проблемы, связанные с дефицитом товаров и нехваткой продовольствия. В одном из своих писем дяде она писала: «...Я обшиваю всех, чиню, штопаю и перешиваю из старого. Недавно сшила Мише чудные брюки длинные из своей старой юбки. Купить материю сейчас невозможно. Жизнь дорога до потехи, и все цены растут: дрова — 110 р. сажень, картофель — 12 р. пуд, капуста — 35 к. фунт, а масло 4 р. 50 к. фунт. Хорошо еще, что Петя много продает своих картин; сегодня продал на 1 800 р. и всего, значит, с января на 13 700 р.» [7, л. 1].

После Октябрьской революции дом Пигит на Большой Садовой улице, в котором с 1912 года жили Кончаловские, перешел в ведение Моссовета. Квартиры уплотнились рабочими соседней табачной фабрики. Семье Кончаловских оставили только одну комнату из четырех. Теперь семья жила в мастерской. «За аркой была спальня родителей. Тут же стоял рояль... На ночь спальня огораживалась ширмой. А в большей половине стоял длинный желтый бархатный диван, на котором спал Миша. У стены помещались мольберты и холсты. Была там и крохотная кухня с умывальником возле окна... посреди мастерской стояла большая чугунная печь, которая топилась каменным углем, и на ней постоянно готовилась пища», — вспоминала Наталья Кончаловская [8, с. 115].

О трудностях, с которыми продолжала сталкиваться семья Кончаловских после Октябрьской революции, можно узнать из писем Ольги Кончаловской к Александру Сурикову. Так, в ноябре

1917 года она напишет: «...У нас все труднее становится. Трудно доставать продукты, и дороже все, но кое-как справляемся. Мы все здоровы, дети учатся благополучно. Петя работает по девять часов в сутки. Я всех своих обшиваю и зачиновываю, покупать ничего не приходится; свои платья перешиваю Наташе, а Петины пары старые Мише научилась здорово! Как портной! У нас тут мятеж прошел с треском... Пальба была пять дней без передышки. Наше место было опасное; все снаряды летели через крышу с Ходынки в Кремль. Иногда разрывались у нас. Но нас, слава Богу, помиловало» [9, л. 1 об].

Однако, как вспоминала Наталья Петровна, несмотря на сложные бытовые условия, театры и концертные залы были переполнены, страна жила в радостном творческом подъеме [8, с. 115]. В декабре Петр Петрович готовился к своей художественной выставке. Вместе с сыном делали рамы, сами клеили, лепили и столярничали [10, л. 2].

Семья Кончаловских не была вовлечена в политику. Они занимались искусством. Об этом времени Н. Кончаловская писала следующее: «Мы ходили в школу, папа писал картины, мама вела хозяйство, и мы были... счастливы. В самом подлинном смысле этого слова. Счастливы тем, что жили все вместе, были здоровы, бесконечно любили друг друга, и вечно с нами был

юмор и постоянно какие-то интересные разговоры о книгах, о музыке, о живописи и даже о том, что прекрасно отстирывать белье, подержав его в растворе золы и добавив в него марганцовки».

Вопрос о том, чтобы покинуть родину на фоне революционных событий, в семье Кончаловских даже не стоял. «В нашей семье все принималось с каким-то высоким чувством дисциплины, организованности, и в этом-то как раз главную роль играла культура и духовная терпимость, по традиции переходившая в русских семьях из поколения в поколение», — писала Наталья Кончаловская [11, с. 87–88].

В целом семью Кончаловских можно отнести к той части художественной интеллигенции, которая положительно отнеслась к российской революции 1917 года и приняла ее. Их можно причислить к многочисленной группе интеллигенции, занявшей позицию невмешательства в политику. Несмотря на существенные изменения в жизни и трудности, с которыми столкнулась семья, «надо было выстоять, выдержать все трудности быта — голод, холод, без освещения, без отопления, продукты по карточкам», — писала Наталья Кончаловская. И иной установки у них не было. Все это помогло пережить семье не только революционные события 1917 года, но и трудности Гражданской войны, сталинизма и т. п.

Источники и литература:

1. Яковенко Б. В. История великой русской революции: Февральско-мартовская революция и ее последствия. — М.: ВИКМО-М, 2013. — 432 с.
2. Шубин А. В. Великая российская революция от февраля к октябрю 1917 года. — М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014. — 452 с.
3. КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (КГБУК КККМ) В/Ф 7826/174.
4. КГБУК КККМ В/Ф 7826/175.
5. КГБУК КККМ В/Ф 7826/176.
6. КГБУК КККМ В/Ф 7826/192.
7. КГБУК КККМ В/Ф 7826/191.
8. Наталья Кончаловская. Избранное. — т. 2. — М.: Художественная литература, 1987. — 253 с.
9. КГБУК КККМ В/Ф 7826/177.
10. КГБУК КККМ В/Ф 7826/193.
11. Гореславская Н. Михалковы и Кончаловские: гнездо элиты. — М.: Алгоритм, 2008. — 240 с.

УДК 9(571.51) »1917 / 1919»

Дементьев А. П.

«СУМЕТЬ ПОДНЯТЬСЯ ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»: К ВОПРОСУ О ПАРТИЙНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСТОРИКА А.М. ГНЕВУШЕВА В 1917–1920 гг.

Аннотация: в статье рассматриваются идейно-политические позиции историка и педагога А.М. Гневушева в 1917–1919 гг., анализируется его отношение к политическим партиям, делается вывод о его партийной принадлежности.

Ключевые слова: А.М. Гневушев, Красноярск, эсеры, меньшевики, революция.

В настоящее время имя историка и педагога А.М. Гневушева незаслуженно забыто. Отсутствуют специальные работы, посвященные изучению его научного наследия. Единственное исключение составляет научно-публицистическая статья красноярского архивиста Т.И. Мирошниковой «Прошу разрешить заниматься в архиве...», в которой излагаются некоторые факты из его биографии [1].

В то же время деятельность А.М. Гневушева не ограничивалась только исторической наукой. Февральская революция 1917 года открыла в нем талант журналиста и публициста. За 1917–1919 годы он опубликовал не менее 76 газетных статей. Кроме этого, было выпущено семь отдельных брошюр. Однако вопрос о партийной принадлежности историка до сих пор остается открытым. Сам А.М. Гневушев по поводу партийных предпочтений открыто никогда не высказывался. Он не участвовал в организационной работе политических партий, не выставлял свою кандидатуру в органы местного самоуправления. В работах историков, посвященных общественно-политической жизни Сибири в годы революции и Гражданской войны, А.М. Гневушев упоминается либо как «буржуазный либерал» [2, с. 282], либо как социалист-революционер [3, с. 311; 4, с. 43]. Изучение публицистики и архивных материалов позволяет скорректировать утверждение о его партийной принадлежности, что дает возможность глубже понять дискурс социалистической интеллигенции Сибири.

Андрей Михайлович Гневушев (1882–1920) — сын статского советника, родился в Киеве, получил высшее образование, преподавал словесность и историю в гимназиях Киева и Москвы. Он зарекомендовал себя как крупный специалист по истории средневековой Руси. Им было опубликовано более 30 научных статей и книг, в том числе по истории Сибири. С 1914 года он проживал в Красноярске, где работал преподавателем в реальном училище. Однако отсутствие свидетельства о политической благонадежности затрудняло его педагогическую карьеру. В 1917 году он устроился в красноярский учительский институт. В сентябре 1919 года Гневушев переехал во Владивосток, где преподавал на кафедре русской истории Владивостокского университета. В январе 1920 года он заболел тифом и ушел из жизни.

Согласно архивным материалам, до 1917 года Андрей Михайлович симпатизировал социал-демократическим идеям. 10 августа 1915 года Енисейское губернское жандармское управление сообщало губернатору: «Гневушев является серьезным партийным работником социал-демократов. В городе Красноярске он несколько раз присутствовал на нелегальных собраниях указанной партии; на одном из них разъяснял рабочим точку зрения социал-демократов...» [5, л. 7.]. Вероятно, совместная работа с социал-демократами сблизил его с будущей женой Гали Владимировной Гоштовт, дочерью одного из старейших революционеров-большевиков Красноярска, Владимира Симоновича Гоштовта.

Позднее, в 1917 году историк неоднократно одобрительно высказывался по поводу социал-демократов меньшевистского толка. Автор с восторгом воспринял образование состоятельной меньшевистской организации в Красноярске в июне 1917 года и выход ее печатного органа «Дело рабочего», заявив, что теперь «идеи научного социализма находятся в надежных руках» [6]. Отдельную публикацию в июне 1918 года А.М. Гневушев посвятил памяти Г.В. Плеханова. Освещая деятельность лидера меньшевиков, он характеризовал его как одного из «лучших знатоков марксизма», «истинного представителя идей научного социализма» [7].

Тем не менее после Февральской революции А.М. Гневушев не сотрудничал с меньшевиками; симпатии историка сместились в сторону партии социалистов-революционеров. Его первые публикации по актуальным политическим вопросам появились в июне 1917 года в ежедневной политической и литературной газете «Наш голос», которую редактировал правый эсер Е.Е. Колосов. После отъезда Колосова из Красноярска, с 6 июля А.М. Гневушев сменил его на посту главного редактора газеты, издание которой продолжалось до 14 сентября.

Содержание статей Андрея Михайловича летом 1917 года отражало позиции правого крыла партии эсеров. Он критиковал большевиков за дискредитацию идей научного социализма, разрушительную работу в тылу и на фронте. Являясь сторонником войны до полной победы над Германией, А.М. Гневушев рассматривал июльское выступление большевиков как «предательство и измену делу революции» [8]. Спасение революции и ее конструктивное развитие автор видел в полном объединении всех сил революционной демократии, развитии органов местного самоуправления, созыве Учредительного собрания. Историк поддерживал коалиционную власть Временного правительства, хотя и критиковал партию кадетов за нежелание идти на компромиссы.

С прекращением выхода газеты «Наш голос» публикационная активность А.М. Гневушева на некоторое время прекратилась. Очевидно, что автор не находил для себя приемлемого в идеологическом плане издания. Выходивший в Красно-

ярске официальный орган губернского комитета партии эсеров «Знамя труда», отражавший позиции центристов, не устраивал его за излишнюю левизну. В марте — апреле 1918 года он вместе с эсером Е.Е. Колосовым принял участие в выпуске «Органа социалистической мысли» — газеты «Наше слово», целью которой провозглашалось распространение среди широких масс населения идей истинного социализма, так как, по мнению авторов, социалистическое движение России переживало глубочайший кризис. Издание, выпускаемое в период советской власти, имело явно выраженный провокационный характер, в нем содержалась критика как находящихся у власти большевиков, так и остальных социалистических партий. Многие авторы, в том числе А.М. Гневушев, не подписывали свои материалы. В общей сложности вышло четыре номера газеты.

В его публикациях звучала резкая критика социалистов за политические ошибки, допущенные в 1917 году, им приписывалось пособничество и сочувствие большевизму: ««Полуленинство», боязнь показаться недостаточно «революционными», взгляд на большевиков как на «утопистов, но все-таки самых настоящих революционеров» — все это было очень широко распространено среди социалистов, и все это, с одной стороны, мешало им распознать истинную сущность большевизма, а с другой стороны, заставляло их всякий раз оказывать моральную поддержку большевикам, когда те в ней нуждались» [9].

Статьи газеты «Наше слово» вызвали негодование со стороны эсеров. Официальный орган губернской организации «Знамя труда» прокомментировал публикации «Нашего слова». В статье «Наши разногласия» эсер-центрист А.В. Давсен обвинил автора статьи «Кризис власти и задачи революционной демократии» в «политической слепоте». Дискутируя с «Органом социалистической мысли», эсеры были уверены, что за анонимными статьями скрываются не их сподвижники, а представители других социалистических партий. «Наше слово» классифицирует русскую революцию как «демократически-буржуазную», то есть так, как это делают т.т. с-д меньшевики... в редакционном коллективе не участвует ни один социалист-революционер», — констатировал А.В. Давсен [10]. Таким образом, к весне

1918 года А. М. Гневушев, в целом придерживаясь социалистических взглядов, занял негативную позицию в отношении тактики партии социалистов-революционеров, ее центристской части. Сами же эсеры классифицировали его позиции как далекие от партийной идеологии. Историк все более склонялся к надпартийной роли.

С началом Гражданской войны в Сибири и свержением первой советской власти Андрей Михайлович стал сотрудником печатного органа губернского комиссариата Временного Сибирского правительства «Воля Сибири». С 22 августа А. М. Гневушев получил статус редактора неофициальной части газеты, где публиковались статьи на общественно-политические темы, характеристика ситуации на местах, письма в редакцию, хроника. В новых условиях публикации А. М. Гневушева были направлены на критику «узкоклассовой» политики и призывали все политические силы подняться до государственной точки зрения.

Окончательному разрыву с эсерами способствовала дискуссия о судьбе Советов, в которой историк занял категорическую позицию о необходимости запрета их деятельности. Он рассматривал Советы как следы «средневекового строя общества», представляющие собой «кустарные профессиональные и сословные организации». Обладая «бесформенной физиономией» и лишённые власти, они неизбежно будут дублировать функции других рабочих организаций, выработанных многолетней практикой революционного движения: политических партий, профсоюзов, кооперативов. Гневушев предостерегал трудящихся от разбрасывания сил на Советы и призывал к максимальной концентрации в уже имеющихся организациях [11].

Принцип выборов в Советы на открытых митингах и собраниях, право отзыва делегатов он характеризовал как недемократический, делающий эти органы «игрушкой» в руках анархических и антиреволюционных элементов. Советам А. М. Гневушев противопоставлял избранные на основе прямого, равного, всеобщего и тайного избирательного права органы местного самоуправления. В их планомерной работе он видел возможность развития политического сознания масс, выхода страны из кризиса [12].

В свою очередь, полемизируя с А. М. Гневушевым, «Знамя труда» убеждало читателей, что Советы необходимы как органы, способные стоять на страже завоеваний революции, деятельность которых может уберечь от новой «корниловщины» [13]. Требование упразднить Советы газета рассматривала как предательство, сознательную или бессознательную «игру на руку буржуазии и контрреволюции» [10].

В результате летом 1918 года усилилась критика А. М. Гневушевым красноярских эсеров. Используя в качестве информационного повода митинг железнодорожников, проходивший 1 июля под идейным влиянием большевиков и анархистов, автор раскритиковал эсеров за недостаточное внимание к работе среди трудящихся. По его мнению, популярность партии обязывала ее к активному выступлению против анархической авантюры. Пытаясь найти причину бездеятельности эсеров, автор предполагал, что «или местный комитет партии не решается бороться с анархией совместно с правительством, в которое, по словам «Знамени труда», вошли (о ужас!) «два кадета»? или своим молчанием он, как фиговым листком, прикрывает свое «полуленинство»?» [14].

В завязавшейся полемике обе стороны перешли в русло взаимных оскорблений. В статье «По стопам большевиков» неизвестный автор заявил, что А. М. Гневушев продолжал дело похода большевиков против эсеровской партии. Сравнивая агрессивность его нападок со стилем либеральной «Свободной Сибири», газета «Знамя труда» предлагала оппоненту перейти работать в газету кадетов [15]. В свою очередь А. М. Гневушев назвал выпад редакции «Знамени труда» «плевком», а позицию издания «отрыжкой полуленинства» [16].

Сохраняя межпартийную позицию, автор критиковал также и политику меньшевистской партии, направленную на сохранение нейтралитета в Гражданской войне. В статье с недвусмысленным названием «Еще одна измена» историк назвал тактику нейтралитета прямой поддержкой большевизма, изменой делу русской и международной революции. Причины такой тактики он видел в партийном сектантстве [17].

В целом А. М. Гневушев в 1918 году осуждал политические партии за фанатизм, который мешал созданию единого общенационального фронта, выходу из хаоса и неразберихи. Чистота партийной программы, по его мнению, могла соблюдаться только в условиях оппозиции. Когда же партия включалась во власть, она не могла сохранять одиночество, требовались компромиссы и сотрудничество, на что крупные политические силы были не способны [18]. Проводя исторические параллели с периодом Смутного времени, Андрей Михайлович утверждал, что «московские люди XVII века обладали гораздо большим развитием государственного и национального чувства, чем их потомки в XX веке» [19, с. 19]. Только коалиция всех демократических сил вокруг лозунга восстановления деятельности Учредительного собрания, по его мнению, могла обеспечить победу над большевизмом и спасение России.

Во Владивостоке под руководством Андрея Михайловича выходила газета «Новый путь», однако издание просуществовало только два месяца (ноябрь — декабрь 1919 года) и прекратилось со смертью редактора. В одной из последних своих публикаций он восторженно писал об объединении антибольшевистских организаций «Союза возрождения России», «Национального центра»,

«Комитета общественных деятелей» как примере образования единого фронта по борьбе с большевизмом «во имя национальных и государственных интересов». Данному союзу, объединяющему, по мнению автора, силы правых эсеров, меньшевиков-оборонцев, плехановцев, кадетов, националистов, октябристов, А. М. Гневушев противопоставлял тех, кто стремился проводить узкопартийную программу и в результате вел страну к гибели [20].

Таким образом, можно констатировать, что в 1917–1919 годах, придерживаясь социалистической идеологии, А. М. Гневушев тем не менее держался надпартийной позиции. Деятельность крупных политических партий не устраивала его по различным причинам. Симпатизируя меньшевикам, он резко выступал против линии на нейтралитет в Гражданской войне. В эсерах его не устраивали ставка на Советы, мягкость в отношении к большевикам, неспособность идти на компромиссы. По его мнению, фанатичное следование социалистических партий своим программным установкам мешало единению всех демократических сил и формированию единого антибольшевистского фронта. Последний шанс спасения страны историк видел в отказе от узкопартийной политики и торжестве государственной точки зрения.

Источники и литература:

1. Мирошникова Т. И. «Прошу разрешить заниматься в архиве...» // Красноярские архивы. Сборник информационных материалов. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 129–132.
2. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири: конец XIX — начало XX вв. Красноярск, 1973.
3. Шишкин В. И. К вопросу о судьбе Советов после антибольшевистского переворота в Сибири (конец мая — июль 1918 г.) / В. И. Шишкин // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв. — Барнаул, 2005. — С. 296–313.
4. Шереметьева Д. Л. Политические взгляды Е. Е. Колосова в годы революции и Гражданской войны (март 1917 — январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны: Сборник научных статей. Новосибирск, 2012. С. 41–42.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 3. Оп. 1. Д. 638.
6. Гневушев А. М. Социал-демократический орган в Красноярске // Наш голос. Красноярск, 1917. 8 августа.
7. Гневушев А. М. Памяти Плеханова // Воля Сибири. 1918. 29 июня, 30 июня.
8. Гневушев А. М. Удар в спину революционной демократии // Наш голос. 1917. 9 июля.
9. Гневушев А. М. Кризис власти и задачи революционной демократии // Наше слово. Красноярск, 1918. 24 марта.
10. Давсен А. В. Наши разногласия // Знамя труда. Красноярск, 1918. 4 апреля.
11. Гневушев А. М. Советы рабочих и крестьянских депутатов // Воля Сибири. Красноярск, 1918. 6 июля.
12. Гневушев А. М. Еще о советах // Воля Сибири. 1918. 19 июля, 24 июля.

13. О советах // Знамя труда. 1918. 8 июля.
14. Гневушев А. М. Красноярские политические партии и железнодорожные рабочие // Воля Сибири. 1918. 4 июля.
15. По стопам большевиков // Знамя труда. 1918. 24 июля.
16. Гневушев А. М. Ответ редакционному коллективу «Знамени труда» // Воля Сибири. 1918. 26 июля.
17. Гневушев А. М. Еще одна измена // Воля Сибири. 1918. 9 октября.
18. Гневушев А. М. Партийная и классовая диктатура и дело общенационального возрождения // Воля Сибири. 1918. 25 августа.
19. Гневушев А. М. «Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.» и Великая русская революция 1917–19? гг. (исторические параллели). Красноярск, 1919. 24 с.
20. Гневушев А. М. Единый противобольшевистский фронт в центре России // Новый путь. Владивосток, 1919. 2 декабря.

УДК 908.

Дударева Т. А.

ПАМЯТЬ, СОХРАНЕННАЯ ЧЕРЕЗ ГОДЫ. ЧЕШСКИЙ ЛЕГИОНЕР В СИБИРИ — ЯРОСЛАВ КОУДЕЛЬНЫЙ

Аннотация: в статье представлены малоизвестные факты относительно жизни в Сибири рядовых легионеров чехословацкого корпуса, которые позволяют не только по-новому взглянуть на его роль в Гражданской войне, но и проследить, как судьба отдельного человека — легионера чехословацкого корпуса Ярослава Коудельного и его семьи оказалась связанной с историей Енисейской губернии, а также в целом с историей страны.

Ключевые слова: чехословацкий корпус, легионер, Гражданская война, репрессии, память, связь поколений.

Участие чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России долгое время не вызывало интереса широкого круга исследователей. Одной из причин такого отношения стал сложившийся в отношении чехов стереотип об их отрицательной роли в Гражданской войне.

В силу идеологических причин эта тема была закрыта для изучения, и, как следствие, эта закрытость не давала возможности составить полную, объективную картину событий Гражданской войны на территории Сибири.

На долгие годы чехи стали врагами советской власти, что, естественно, создавало им определенную историческую «репутацию». Объективная оценка их роли в Гражданской войне долгое время отсутствовала и в настоящее время только начинает формироваться. Центральным остается вопрос об отношении чехов к местному населению.

Взросший в последнее время интерес к роли чехословацкого корпуса на территории Сибири в период Гражданской войны охватывает деятельность этого корпуса в целом. Либо сосредотачивается на видных исторических личностях, внесших свой вклад в его участие в военных действиях периода Гражданской войны (генерал Р. Гайда, подполковник Б. Ф. Ушаков, подполковник С. Н. Войцеховский и т. д.). Данный интерес практически не распространяется на личности

рядовых легионеров чехословацкого корпуса, судьба которых порой зависела от разных обстоятельств и имела свои особенности. Однако пребывание чехословацких легионеров на сибирской земле оставило свои следы и прочно вписалось в ее историю. В данном контексте достаточно интересно проанализировать историю жизни отдельного человека в контексте истории страны. В 2016 году в Канский краеведческий музей были переданы документы и воспоминания о таком человеке — Ярославе Коудельном.

Ярослав Осипович Коудельный был одним из легионеров чехословацкого корпуса. Согласно переданным в музей документам, родился он 21 января 1898 года в городе Прикази, расположенном в Моравии (Чехословакия). Когда началась Первая мировая война, ему исполнилось восемнадцать лет. 15 апреля 1915 года Ярослава Коудельного призывают на военную службу в составе австро-венгерской армии и посылают на Восточный фронт воевать против России.

Отношение к выходцам из Чехии в австро-венгерской армии было достаточно пренебрежительным. И не случайно дезертирство чешских солдат стало массовым в годы Первой мировой войны. В целях установления более жесткой дисциплины формировались «смешанные» воинские части — руководящий состав из Австрии, а рядовые — из Чехии. В одну из таких частей, 54-й пехотный полк, и попал Ярослав.

7 августа 1917 года Ярослав Коудельный попал в плен у поселка Otynia и был эвакуирован в лагерь для военнопленных на станцию Родунка в Орловской области. В августе 1916 года в Иванове (Украина) начался отбор легионеров для участия в боевых действиях на стороне России. В начале 1917 года был сформирован 1-й Чешский полк Яна Гуса, куда Ярослав Коудельный вступил легионером.

После Октябрьской революции 1917 года положение чехов-легионеров изменилось. Советское правительство с недоверием относилось к чехам, видя в них сторонников царской власти и возможную угрозу стабильности в стране. Можно сказать, что чехи оказались заложниками происходивших в мире событий.

После чешского восстания в 1918 году Ярослав оказался в городе Челябинске. Здесь в 1919 году он окончил фельдшерские курсы, что оказало решающее влияние на его дальнейшую жизнь.

С 27 февраля по 7 июня Ярослав Коудельный участвовал в боях при охране сибирской магистрали на участке Камала — Заозерная — Канск. Данный факт, безусловно, заслуживает внимания, учитывая то, что политика чехословацкого корпуса на территории России (по одной из версий) была подчинена одной цели — возвращению на родину.

И все же, по данным зарубежных источников, из России не вернулось более четырех тысяч человек — погибших и пропавших без вести. Среди них и Коудельный Ярослав Осипович, который, как свидетельствуют документы, не явился к одному из транспортных средств, предназначенных для отправки чешского корпуса во Францию, — кораблю Csoiland.

В судьбу Ярослава Коудельного вмешалось событие, которое не зависело от политических изменений, происходивших в мире. На самом последнем этапе воинской службы он встретил в городе Иркутске русскую девушку, в которую безумно влюбился. Взаимная симпатия оказалась недолгой, и Ярослав остался на улице в полном одиночестве — чехи к тому времени уже были отправлены на родину через Владивосток.

Ярослав вернулся в город Канск, туда, где с февраля по июнь 1919 года охранял железную

дорогу на участке Камала — Заозерная — Канск. Через какое-то время он устраивается на работу фельдшером в селе Ивановка Канского района. Здесь у Ярослава Коудельного появляется семья — он женится на Евгении Замышевской, в 1922 году в семье рождается сын Михаил.

Ярослав не прерывает связи с Чехословакией — регулярно пишет брату, рассказывает о жизни в Сибири, интересуется тем, как живет семья, что происходит на родине. «У меня хорошее хозяйство и у меня хозяйственная жена. У меня теперь свой дом, две коровы, два коня, две свиньи, три гуся и три гусыни и 30 кур. Так что у меня здесь целое хозяйство. Земли здесь можно обрабатывать, сколько хочешь... Здесь вся земля народная. Я вас всех очень вспоминаю, и как у вас там хозяйство?» [1]

Переписка с братом продолжалась в течение 20-х годов прошлого века. В семье сохранилось несколько писем Я. Коудельного. Особенно интересны упоминаемые им факты о том, что в Сибири, кроме него, живет много бывших чешских легионеров. «...Здесь можно найти столько чехов, что транспорт будет ездить 10 лет, чтобы всех перевезти... Я слышал про Баху Йозефа, это тот, что был техником в Приказах... Здесь по всей России и Сибири очень много чехов». [1]

Вероятно, не только у Ярослава Коудельного были веские причины не возвращаться на родину. «Все было бы хорошо, если бы здесь не был такой ужасный холод. Но холод здесь всех ужасно мучает, и я уже не знаю, если бы была мама жива, то, может быть, я бы ей все постарался рассказать и вернуться из этой проклятой страны. Но я не знаю, на кого оставить свое хозяйство и уехать в Москву. Так что, наверно, еще лет 10 буду здесь, дети подрастут, и я приеду домой». [1]

Надеждам Ярослава на возвращение домой не суждено было сбыться.

В 1937 году был издан Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00485 о деятельности польской разведки на территории СССР. Угроза ареста нависла над всеми иностранцами, живущими в СССР. Ярослав Коудельный на момент ареста жил в селе Комарово Канского района, работал фельдшером

в медицинском пункте. В его налаженную жизнь вновь вторглась большая политика.

15 декабря 1937 года Ярослав Коудельный был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Польши. «Следствием установлено, что Коудельный Ярослав Осипович, проживая в селе Комарово Канского района, был завербован агентом польской разведки Чибисовым П. В. для работы на территории СССР в пользу польских разведывательных органов. По поручению Чибисова занимался сбором сведений шпионского характера в пользу польских разведывательных органов». [1] 20 февраля 1938 года в 24:00 приговор был приведен в исполнение.

В Книге памяти жертв политических репрессий по этому поводу имеется следующая запись: «Род. 21.01.1894 в с. Шикозы (Чехословакия). Чех. Проживал в с. Комарово Канского р-на КК. Шестеро детей. Медфельдшер. Арестован 15.12.1937. Обвинение в Ш. Приговорен 02.02.1938 Комиссией НКВД и прокурором СССР к ВМН. Расстрелян 20.02.1938 в г. Канске. Реабилитирован 24.12.1957 ВТ СибВО (П-8780)». [2]

Аналогичные данные содержатся на сайтах memorial.krsk.ru и bessmertnybarak.ru [3]. Место его захоронения неизвестно.

Семья Я. Коудельного получила скудные сведения о его смерти: дату смерти — 10 декабря 1942 года и причину смерти — лимфосаркоматоз. Семья Ярослава Коудельного (а он к тому времени был женат вторично на Марии Павловне Коудельной и был отцом уже троих сыновей и дочерей Евгении) оказалась в бедственном положении и вынуждена была ютиться у родственников. Его дети — сыновья Михаил, Владимир, Геннадий

и дочь Евгения остались на руках и матери и вынуждены были выживать, как могли.

Дети вынуждены были жить у родственников в разных деревнях и селах Канского района Красноярского края.

Во второй половине 2000-х годов семья Коудельных воссоединилась — члены семьи нашли друг друга, несмотря на расстояние в тысячи километров и границы. Между ними в 2006 году завязалась переписка, результатом которой стало восстановление истории семьи и встреча родственников, которая состоялась в Чехии во второй половине 2000-х годов.

Изучение биографии рядовых участников иностранного легиона, находившихся в Сибири в период Гражданской войны, дает более объективное представление о роли чехословацкого корпуса и других формирований в событиях Гражданской войны на территории Енисейской губернии и Сибири в целом. Кроме того, это позволяет отказать от существующих в исторической науке стереотипов в отношении роли этих формирований в Гражданской войне в Сибири.

Знакомство с биографиями рядовых участников иностранного легиона позволяет также получить ценные факты об их быте, отношениях с местным населением, позволяет выяснить их отношение к местным условиям и образу жизни людей и т. п.

Судьбы этих людей, по разным причинам оставшихся в Сибири, неотделимы от ее истории и культуры. Оказавшись в Сибири не по своей воле и оставшись жить на сибирской земле, они внесли свой, особый вклад в формирование сибирского этноса.

Источники и литература:

1. Архив семьи Коудельных. Фонды Канского краеведческого музея.
2. Книга памяти жертв политических репрессий. Том 4 [электронный ресурс] URL: <http://www.bessmertnybarak.ru> (дата обращения 12.07.2017).
3. URL: <http://www.memorial.krsk.ru> (дата обращения 12.07.2017).

УДК 94(47).084.3

Захаренко О. О.

В КОЛЧАКОВСКОЙ КОНТРАЗВЕДКЕ ЗНАЧИЛСЯ В РОЗЫСКЕ (О ДУДАРЕВЕ ЕФИМЕ МАРКОВИЧЕ)

Аннотация: в статье предпринята попытка раскрыть роль личности в событиях революции 1917 года и периода Гражданской войны через жизнеописание красного партизана, одного из первых сотрудников красноярской ЧК Дударева Ефима Марковича.

Ключевые слова: Гражданская война, Степной Баджей, повстанчество, партизаны.

Сегодня перед учеными-историками стоит важная задача: осветить малоизвестные эпизоды революции 1917 года и Гражданской войны, особенно на региональных материалах. В работе проанализирован вклад в общее дело «маленького человека» — крестьянина, партизана и впоследствии работника Красноярской чрезвычайной комиссии Дударева Ефима Марковича, воспоминания которого сохранились в архиве УФСБ России по Красноярскому краю.

Как известно, в июне 1918 года первая большевистская власть в Енисейской губернии была свергнута, 20 июня 1918 года в губернской столице сформировалось местное представительство Временного Сибирского правительства — Енисейский губернский комиссариат [1, с. 125].

Одновременно происходит формирование партизанского движения. По свидетельствам Е. М. Дударева, оно возникло на почве борьбы крестьян с «тяжелыми бесконечными поборами, грабежами и самоуправством белогвардейских и эсеровских дружин» [2, л. 18]. Непосредственным толчком к организации восстания явился приказ Временного Сибирского правительства о мобилизации крестьян в добровольческую армию, кроме того, часть крестьян разочаровалась в демократии эсеровского правительства, считав, что новая власть пытается ввести старые порядки.

Манский район Енисейской губернии стал одной из территорий, где начали формироваться партизанские отряды. Основные организацион-

ные моменты брал на себя Крестьянский союз Манского района [3, л. 2]. Так, от Шалинской волости был выдвинут Ефим Маркович Дударев — белорус по национальности, уроженец Черковского уезда Могилевской губернии, переехавший в 1908 году в д. Покосную, где занимался хлебопашеством.

Вдохновленный идеями большевизма, Дударев в марте 1917 года вступил в местное отделение РСДРП, на первом съезде советов Шалинской волости был избран местными крестьянами в качестве делегата, в ноябре 1917 года Ефим Маркович стал делегатом второго съезда Красноярского уезда. В январе 1918 года объединенный Совет рабочих и крестьян в лице В. Яковлева и А. Лебедевой поручил ему организовывать красные дружины по всему Манскому району.

В протоколах допросов обвиняемых и свидетелей по делу о вооруженном восстании против правительства Колчака в 1918–1919 годах, а также в донесениях военного контрразведчика при штабе Колчака содержатся сведения о том, что «крестьянин Шалинской волости Дударев Ефим <...> поддерживал связь с красными партизанами, <...> в его усадьбе хранилось оружие, которое было передано красным партизанам. Как активный участник восстания подлежит розыску по списку под № 191» [4, с. 224, 225].

С июня по сентябрь 1918 года шла подготовительная фаза к вооруженному восстанию. По Манскому и Перовскому районам проходила широкая агитация и пропаганда. Дударев

вместе с соратниками по заданию председателя Красноярского уездного исполкома призывали население к восстановлению советской власти в Сибири и к восстанию против власти Колчака: «Не платить налогов, не давать новобранцев властям белогвардейцев, готовиться к борьбе, вести учет оружия и сохранить его» [5, л. 1]. Во многих волостях проводились сельские собрания, где большинство крестьян поддержало идеи большевиков. Жители Заманья призывались к учету оружия, к сохранности и накоплению огнестрельных припасов.

С каждым днем нарастала угроза неминуемых арестов, вследствие чего повышалась активность борьбы: уже в октябре 1918 года создавались первые подпольные группы [5, л. 3]. В Степно-Баджейской волости сформировалась группа бывших красногвардейцев и солдат-фронтовиков, среди которых был и А. Д. Кравченко — будущий руководитель партизанских отрядов в Заманье. Таким образом, можно сказать о том, что агитационная работа Дударева и его товарищей среди населения Заманья проходила успешно: за короткий срок партизанам удалось сформировать несколько боевых ячеек, организовать сбор оружия и его учет.

В декабре 1918 года началась активная фаза боевых действий. Информация об организации восстания оперативно дошла до белогвардейского руководства, в Степной Баджей был послан отряд милиции, проводились обыски. Район был объявлен на осадном положении, все ближайшие к Баджею селения были предупреждены об опасности. Стало ясно, что в ближайшее время сюда придут колчаковцы и будет дан бой. Так, в ноябре 1918 года на ст. Камарчага Ефим Маркович лично увидел эшелоны врага, а через некоторое время его задержали белые солдаты, стоявшие в карауле, начался допрос. «Я ничего не знаю. Тороплюсь домой, жена и ребенок болеют. Меня не стали задерживать» [5, л. 4]. На следующий день информация о враге была доложена в Главный штаб.

2 декабря 1918 года в Заманье близ д. Нарвы прошла первая боевая операция, так называемый Тюлюпский бой, в котором повстанцы нанесли поражение правительственным отрядам, сделав засаду на подступах в д. Тюлюп.

К декабрю 1918 года восстанием было охвачено восемь волостей, к январю 1919 года — 11 волостей Манского, Перовского, Ачинского и Ирбейского районов. Произошло объединение Манского отряда с Перовской группировкой, образовалось три полка под единым командованием А. Д. Кравченко: Манский, Канский и Тальский [3, л. 7].

К началу 1919 года Ефим Маркович был одним из тех людей, кому военное руководство доверяло в большей степени. В период создания в январе 1919 года Степно-Баджейской республики А. Д. Кравченко возложил на шалинского партизана роль одного из главных разведчиков-связистов. В этот период Дудареву поручили контактировать с красноярским коллегой по кличке Кининг. Повстанцы встречались каждую неделю, обговаривали пункты, необходимые для нормального функционирования армии, и пути доставки нужного товара. Еженедельно в Баджей кроме оружия и боеприпасов доставлялись денежные средства и медикаменты.

Зима — весна 1919 года ознаменовались для партизан тяжелыми боями по всей территории Манского и Перовского районов, неприятель наступал со всех сторон. Как уже отмечалось выше, залогом успеха военных операций являлась своевременная доставка информации до командования. С увеличением площади боевых действий, численности врага и собственной армии одной работы связистов становилось мало, Главный штаб нуждался в телефонной линии. Весной 1919 года в д. Сушенке Дударевым был обнаружен полевой телефонный провод из д. Клюквенной в д. Семеновку, проложенный в штаб белого командования. Об этом тут же было доложено С. К. Сургуладзе и А. Д. Кравченко, которые вскоре отправили на указанное место подрывную команду. В ту же ночь была налажена партизанская телефонная связь между Нарвой, Баджеем и Объединенным Советом.

Зачастую отряды Колчака передвигались до Баджея по железнодорожным путям. Ефим Маркович часто находился в тылу неприятеля, осуществляя разведку. В результате его работы в с. Никольском была ликвидирована белогвардейская охрана железнодорожного моста, по которому прибывали эшелоны врага. Таким

образом, подрывная операция была проведена успешно: железнодорожные пути были разобраны, взяты телефонно-телеграфные столбы и порезаны провода. Охрана моста в полном составе была доставлена в Баджей.

В апреле 1919 года наступил новый этап в вооруженной борьбе: из Ачинского уезда на Баджейско-Клюквенский фронт прибыл на соединение партизанский отряд П. Е. Щетинкина. После продолжительных кровопролитных боев военное руководство приняло стратегически важное решение об отступлении в Минусинский уезд, однако множество боевых единиц оставалось на фронтах в неведении о решении командования, телефонная связь была прервана.

А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкин предложили Дудареву как одному из самых опытных связистов снова ехать в тыл неприятеля. В этот раз задача была не совсем обычной: Ефиму Марковичу следовало пустить слух о том, что Степно-Баджейская армия переходит на соединение с тасеевскими партизанами (такая договоренность действительно изначально была). Это был отвлекающий для колчаковцев маневр. На самом деле красные бойцы Клюквенной, Канска, Тасеево и Красноярска должны были как можно скорее узнать о переходе армии Щетинкина и Кравченко в Минусинский уезд и присоединиться к ним. Находясь в тяжелых условиях, наблюдая кровопролитные бои в деревнях Канска, Дударев успешно выполнил поручение командования. Кроме того, многие отряды были доведены до Минусинского уезда Дударевым лично. Это доказывает эпизод, произошедший в Саянских горах, когда разрозненные партизанские соединения, перебравшись через тасежные Саянские хребты, вместе с ним ушли на соединение с основной армией. 13 сентября 1919 года Минусинск был занят, все силы красных партизан стягивались на юг губернии для подготовки к восстанию в Красноярске [2, л. 22]. Перед взятием Красноярска всю осень 1919 года Ефим Маркович укреплял в рядах повстанцев дисциплину, проводил разъяснительные работы.

В декабре 1919 года и в первые дни января 1920 года армия П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко на пути к Красноярску участвовала в боях с частями генерала В. О. Каппеля, а 4 января

1920 года наступил долгожданный для партизанской армии день: в губернской столице началось восстание. Повстанцы вступили на завершающий военный этап. В это время Дударев и его соратники выполняли задания Революционного комитета самого разного характера: провели арест белого генерала Б. М. Зиневича вместе со штабными работниками, контролировали сдачу оружия и транспортировку броневики польскими военными. Также повстанцы дежурили на телефонной и электрической станциях, наблюдали за порядком прохождения пленных. В результате совместной слаженной работы армии степно-баджейских и ачинских партизан достигли своей первоначальной цели. «От переулка Робеспьера до Старой Базарной площади во время проведения краткого митинга была провозглашена советская власть» [2, л. 24].

Подводя итог изложенному, можно отметить следующее. На всех этапах Гражданской войны в нашем регионе Е. М. Дударев приходилось выполнять задания разного уровня и значения. Во-первых, он являлся одним из немногих большевиков, которые стояли у истоков организации повстанческого движения в Заманье. Благодаря его агитационной деятельности на первом этапе было занято несколько волостей, а в Степно-Баджее зародилась крупнейшая подпольная группировка во главе с А. Д. Кравченко. Во-вторых, в разгар боевых действий на фронтах Дударев устанавливал контакты со многими влиятельными большевиками, которые предоставляли большую материальную и боевую помощь партизанским отрядам. В результате вооруженные столкновения в большинстве случаев заканчивались для красных сил успешно. В-третьих, вследствие проведения успешных разведывательных мероприятий в тылу противника была собрана засекреченная информация, которая оперативно доводилась до командования. Все это позволяло быстро принимать решения в сложнейших вопросах, планировать действия и благополучно проводить важные стратегические замыслы в жизнь. Кроме того, Ефим Маркович в разное время выполнял роль проводника разрозненных отрядов и укреплял дисциплину в армии.

За особые заслуги перед Отечеством связист, разведчик, снабженец и агитатор Дударев по ре-

комендациям руководителей повстанческой армии был отправлен на учебу в партшколу политотдела 5-й Красной армии. После учебы Ефим Маркович проработал в ней полтора месяца, позже демобилизовался по состоянию здоровья, подорванного в период Гражданской войны.

В мае 1920 года при содействии начальника губернской милиции бывшего красного партизана Дударева определили на работу в Красноярскую чрезвычайную комиссию по работе с контрреволюцией и преступлениями, где он был назначен на должность комиссара обысков и арестов преступников. В 1921 году Дударев избрался в Красноярскую губернскую рабоче-крестьянскую инспекцию.

Кроме административной деятельности бывший связист-разведчик занимался воспитательной работой, много сил отдавал борьбе с беспорядочностью. Под его началом был создан детский трудовой городок «Кемчуг» для детей погибших партизан и подпольщиков, позже Дударев был назначен директором Шалинского детского дома. Ефим Маркович очень любил детей, прививал им любовь и верность Отечеству, вдохновлял совершать подвиги ради лучшей жизни потомков. По свидетельствам, большинство воспитанников

детского дома заняли достойное место в жизни и оправдали надежды своего первого учителя [4, с. 229].

По воспоминаниям коллег, Дударев никогда не кичился своими революционными заслугами, отличался скромностью в общении и быту. В 50-е годы прошлого века, когда у него начались серьезные проблемы со здоровьем, бывшему революционеру была назначена рядовая пенсия по инвалидности, и только благодаря вмешательству старых друзей удалось собрать документы для установления республиканской пенсии. В 1967 году за революционные заслуги Е.М. Дударев был награжден орденом Красной Звезды.

«Маленький человек», крестьянин, порядочный семьянин, активный участник революционных событий и Гражданской войны на территории нашего региона, ответственный чекист, заботливый директор и учитель — все это о Ефиме Дудареве. Он ушел из жизни на 85-м году жизни, похоронен в Красноярске.

Во все времена важно знать прошлое своего Отечества, ведь пока жива народная память, жив каждый человек, внесший вклад в историю нашего государства, а значит, его жизнь прожита не зря.

Источники и литература:

1. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: Сборник документов и материалов / Составитель и научный редактор В. И. Шишкин. Новосибирск: Сова, 2005. — 71 с.
2. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. П-64. Оп. 5. Д. 162.
3. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 161.
4. Бушуев В. М. Грани. — Красноярск: Буква, 2000. — 397 с.
5. Архив УФСБ России по Красноярскому краю (Архив УФСБ) Ф. И. Д. И-269.

УДК 94 (571.51) '1917'

Орехова Н. А.

РОЛЬ ССЫЛЬНЫХ ЕВРЕЕВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРАСНОЯРСКЕ

Роль евреев в революционном и социал-демократическом движении достаточно освещена в литературе [1–4]. В рядах российской социал-демократии численность евреев доходила до четверти от общей численности, а процент евреев среди руководителей был еще большим [3, с. 64]. Естественно, что процент евреев среди политических ссыльных в Сибири был также высок. Количество евреев — политических ссыльных в Енисейской губернии за 1900–1917 годы составляло 13,9% (количество русских — 43,7%) [5].

В статье будут упомянуты только те еврей-ссыльные, которые являлись активными участниками революционного движения Красноярска. На различных этапах революционной борьбы в Красноярске с 1900 по 1918 год принимали участие находившиеся в ссылке в Енисейской губернии Я. М. Свердлов, М. С. Урицкий, М. И. Фрумкин, А. Г. Шлихтер, Ю. О. Цедербаум (Мартов), Я. Л. Гинцбург, Б. З. Шумяцкий, Я. Ф. Дубровинский, Я. Е. Боград, Г. С. Вейнбаум, А. Г. Перенсон, А. П. Лебедева, Т. П. Марковский, И. И. Белопольский, В. С. Маерчак и др. В литературе широко отмечается значительная роль Красноярска в революционном движении [6, 7, 24].

В Красноярске в 1900 году оказался высланный за революционную деятельность в Петербурге член группы «Рабочее знамя» И. Э. Гуковский. Вскоре он вошел в состав Красноярского комитета РСДРП, возникшего в конце 1901 года. И. Э. Гуковский — один из организаторов Сибирского социал-демократического союза, являлся фактически руководителем организации РСДРП в Красноярске и автором большинства прокламаций комитета. Высоко оценила издательскую деятельность комитета «Искра». В номере за 15 октября 1902 года читаем: «Красноярский комитет в техническом отношении прогрессировал даже очень успешно. За 6–7 месяцев своего существо-

вания он прошел от гектографа (2 прокл.) через миллограф (11 прокл.) до печатного станка [3, с. 64].

В октябре 1905 года рабочие Красноярска под руководством большевиков создали один из первых в Сибири Совет рабочих и солдатских депутатов. В Народном доме выступал возвращающийся из якутской ссылки М. С. Урицкий. В Красноярском Совете выделялся социал-демократ В. С. Гоштовт (работал в фельдшерском училище), один из немногочисленных местных евреев-интеллигентов, принимавших участие в революционном движении.

Руководствуясь решением III съезда партии, красноярские большевики взяли курс на вооруженное восстание. Совет разоружил полицию и жандармерию, провел частичное вооружение рабочих, возглавил политическую жизнь города. Этот период известен в истории под названием Красноярской республики. Для подавления восстания царское правительство перебросило в Красноярск крупные воинские части. Около 800 повстанцев забаррикадировались в железнодорожных мастерских и в течение недели в ночные морозы (конец декабря 1905 года) при недостатке пищи и патронов героически отражали натиск правительственных войск численностью до 10 тысяч человек.

3 января 1906 года защитники Красноярской республики были вынуждены сдаться. Многие из них были заключены в тюрьму, в том числе молодые люди иудейского вероисповедания, не достигшие 17 лет, в числе «лиц первой категории»: Елеозар Коган, Меер Мейрович, Василий Сенкевич, Семен Диминюк. Они входили в состав охраны [8].

Особую роль в восстании сыграл Б. З. Шумяцкий. Как указывалось в одной из сводок департамента полиции: «Борух Шумяцкий принимал

очень большое участие в красноярском вооруженном восстании...» [3, с. 75].

После революционных событий 1905 года местные власти стали относиться к евреям настороженно, подозревая их в политической неблагонадежности. В 1906 году был арестован и заключен в Красноярский тюремный замок красноярский мещанин М.Г. Глянцшпигель, парикмахер. Он разбрасывал листовки Красноярского комитета партии социалистов-революционеров под названием «Иланская бойня» из ложи Красноярского городского театра [9]. В 1907 году за тем же занятием был замечен крестьянин с. Арейского Заледеевской волости Нафтол Лухтанский. Он был обвинен по 2-му пункту 129-й статьи Уголовного уложения в распространении прокламации партии социалистов-революционеров [10].

В списке евреев, проживавших в Красноярске в 1908 году и замеченных полицией в общении с «политически неблагонадежными лицами», значились 15 человек [11]. Много евреев было среди административно-ссыльных, высланных из разных городов Российской империи.

Значительную роль в революционной подготовке организации РСДРП в г. Красноярске сыграли отбывавшие ссылку в разных районах Енисейской губернии профессиональные революционеры. Так, с 1908 по 1913 год в Красноярске под чужими именами вел работу Я.Ф. Дубровинский. В 1913 году он легализовался в связи с амнистией по поводу 300-летия дома Романовых и продолжал революционную работу [12].

В 1914–1916 годах в Красноярск под разными предложениями переехали ссыльнопоселенцы Я.Е. Боград, И.И. Белопольский, Г.С. Вейнбаум, А.Г. Шлихтер, В.С. Маерчак и др. Это усилило деятельность красноярской группы социал-демократов [7, с. 127].

27 февраля 1917 года царское самодержавие рухнуло. В Красноярске, как и по всей России, установилось двоевластие. Временное правительство образовало в Красноярске свой орган — Комитет общественной безопасности, который возглавил Владимир Михайлович Крутовский — врач, журналист, пользующийся огромным авторитетом у местной интеллигенции.

В это же время группа социал-демократов развернула широкую кампанию за организацию в городе Совета рабочих и солдатских депутатов. В результате 5 марта в Красноярске был создан Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Возглавил его Яков Федорович Дубровинский [13, с. 7].

Главный лозунг Временного правительства: «Война с Германией до победного конца!» не пользовался популярностью у населения, поэтому они больше доверяли председателю Красноярского Совета Якову Дубровинскому, что дало ему возможность принять ряд важных решений, в частности о введении восьмичасового рабочего дня и о национализации целого ряда предприятий.

После свержения самодержавия в феврале 1917 года и отмены Временным правительством 20 марта 1917 года всех сословных и вероисповедных ограничений в правах граждан России в еврейских общинах Енисейской губернии произошел значительный всплеск общественной, культурной и политической жизни. Еврейское население Енисейской губернии с воодушевлением восприняло эти события.

10 марта 1917 года в г. Красноярске состоялся праздник Русской революции. Среди участников — разные делегации от разных партий, предприятий, учащихся, общественных организаций и воинских частей, в том числе в списке значатся: еврейское общество, общество пособия евреям, еврейская школа, гимназия Ициксон [14, с. 1]. Вот как писал об этом журнал «Вестник сибирских евреев»: «Во главе шествия, организованного этими обществами, шли учащиеся еврейской школы с красным знаменем, на котором красовалась надпись на еврейском и русском языках: «Да здравствует свободная национальная школа!» [15, с. 10].

10 марта перед 30-тысячной массой войск и ликовавшего народа от имени еврейского общества выступили И.И. Гефтер и С.И. Либман [16, с. 8].

2 июля 1917 года состоялись выборы в Красноярскую городскую думу. Они принесли победу большевикам. За их список проголосовали 8984 избирателя. Из 83 мест гласных городской думы им принадлежало 41. За эсеров подали

голоса 5 944 красноярца, и они получили 27 мест. Кадеты оказались на третьем месте. Их поддерживали 1920 избирателей, они получили 9 мест. Влияние остальных групп было незначительным [13, с. 12].

Ошеломляющий успех большевиков объяснялся в первую очередь тем, что никакая организация по числу устроенных митингов, по количеству выпущенных листовок, плакатов не могла с ними сравниться. На этих митингах выступали талантливые агитаторы Б.З. Шумяцкий, Я.Е. Боград, Г.С. Вейнбаум, И.И. Белопольский, А.П. Лебедева и др.

3 августа 1917 года в Петрограде на VI съезде РСДРП об успехах, достигнутых красноярскими большевиками, доложил делегат от Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б) Б.З. Шумяцкий.

6–12 августа проходила Средне-Сибирская областная конференция РСДРП(б). Было избрано большевистское бюро Средней Сибири, в состав которого вошли Я.Е. Боград и Я.Ф. Дубровинский. Успехи большевиков явно не давали покоя оппозиции. 18 августа в Красноярске пытались разоружить основную часть гарнизона. Полностью провалилась их затея с посылкой в Красноярск карательной экспедиции из Иркутска. Представительная делегация в составе И.И. Белопольского, Г.С. Вейнбаума, С.Г. Лазо и др. встретила иркутский отряд на станции Енисей и объяснила обстановку в городе. Солдаты поняли, что их обманули, и отказались выступать в роли карателей [7, с. 160].

6–7 сентября 1917 года состоялся съезд Советов Средней Сибири. С докладом о политике Советов выступил Г.С. Вейнбаум. На съезде было избрано бюро Советов Средней Сибири, в него вошел Г.С. Вейнбаум.

1–5 октября 1917 года в Красноярске состоялась общегородская конференция профсоюзов (24 профсоюза), объединивших 12 169 рабочих. Председателем объединенного комитета профсоюзов был избран И.И. Белопольский.

В период подготовки решающего штурма революционный Красноярск снискал себе почетную славу сибирского Кронштадта. Осенью 1917 года Красноярский Совет выступил как центр сбора революционных сил не только Енисейской

губернии, но и примыкающих районов Сибири [7, с. 162, 163, 165, 169].

Сведения об Октябрьской революции пришли в Красноярск 27 октября. Вечером 28 октября состоялся митинг (500 человек), где выступили Я.Е. Боград и В.Н. Яковлев. Они агитировали за переход власти к Советам. Сразу после митинга собрался исполком Совета под председательством Г.С. Вейнбаума. Было принято решение об осуществлении реальной власти. Под руководством С. Лазо были заняты Госбанк, казначейство, телеграф, типографии и другие учреждения. 29 октября в Петроград была направлена телеграмма: «В Красноярске власть перешла к губернскому Совету рабочих и солдатских депутатов...» Чтобы осуществить революционные преобразования, был образован губернский народный комиссариат, в состав которого вошли И.И. Белопольский, А.Г. Перенсон и др. [7, с. 170–172].

В эти дни городской голова Я.Ф. Дубровинский обратился к населению с воззванием, где призывал к полному сохранению порядка и дисциплины и объявлял, что городская дума присоединяется к новой революционной власти. С 25 ноября 1917 года в г. Красноярске закрывались все частные газеты, объявлялась государственная монополия на публикации. Печать опубликовала первые декреты советской власти. Особую роль в наведении порядка и борьбе со спекуляцией стала играть губернская чрезвычайная комиссия. Начинались бесконечные реквизиции. Г.С. Вейнбаум заявлял, выступая перед рабочими, что спекулянтам в Красноярске будет поставлен заслон [13, с. 21].

1 декабря 1917 года начал работу II крестьянский съезд Красноярского уезда. А.П. Лебедева была избрана заместителем председателя исполкома Красноярского уездного Совета крестьянских депутатов. Она многое сделала для привлечения крестьянских масс на сторону советской власти.

Нарастает борьба оппозиции с советской властью. Были выступления в Томске и Иркутске. 18 января 1918 года молодой атаман казаков Сотников захватил деревню Торгашино, но не решился напасть на Красноярск и отступил в южные

районы края, где был в мае разгромлен отрядами большевиков. Если с различными мятежами, военными выступлениями против советской власти большевикам удалось справиться, то победить голод Красноярскому Совету явно не удалось.

Контрреволюция готовилась дать большевикам бой. 25 мая 1918 года по всей линии железной дороги от Пензы до Иркутска части чехословацкого корпуса, готовящегося выехать на свою родину, вдруг неожиданно напали на местную большевистскую власть. Через несколько дней в их руках оказался Новониколаевск (Новосибирск), затем пали Томск, Иркутск, Канск.

Красноярск оказался во вражеском окружении [13, с. 27]. В городе было введено военное положение, 35 коммунистов во главе с Я. Ф. Дубровинским отправились в район военных действий. 7 июня командующий вооруженными силами Енисейской губернии Т. П. Марковский делает доклад об общем политическом положении на заседании Совета. Силы были неравными. На Мариинском и Ключевском фронтах большевики потерпели поражение. 18 июня пал Ачинск, составившие белогвардейцы в этот же день захватили Красноярск.

За несколько часов до этого события было принято решение членам исполкома Совета с отря-

дом красновардейцев эвакуироваться в низовья Енисея, в надежде Северным морским путем пробраться в европейскую часть страны. С этим решением не были согласны И. И. Белопольский и Г. С. Вейнбаум, которые предлагали сражаться до конца, но им пришлось подчиниться большинству. Около с. Монастырского карательная экспедиция настигла советскую флотилию. В конце июля 264 пленника были доставлены на барже в Красноярск. По пути в тюрьму Т. П. Марковский, А. П. Лебедева и С. П. Печерский были зверски замучены на берегу реки Качи.

В ночь на 25 октября из тюрьмы были вывезены и расстреляны И. И. Белопольский, Г. С. Вейнбаум, Я. Ф. Дубровинский и В. Н. Яковлев. Вторая группа руководителей красноярских большевиков во главе с Я. Е. Боградом и А. Г. Перенсом была расстреляна в самой тюрьме 10 мая 1919 года [7, с. 190–191].

Таким образом, ссыльные еврей-революционеры Енисейской губернии проявили лучшие качества руководителей большевиков: самоотверженность, бескорыстие, убежденность, вера в идеалы, ненависть к любым формам социального и национального угнетения. Их именами названы улицы города Красноярска.

Источники и литература:

1. Дейч Л. Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. М., 1925.
2. Солженицын А. И. Двести лет вместе. 1795–1995. Часть 1. — М., 2001.
3. С. В. Макачук. Евреи в социал-демократическом движении Сибири на рубеже XIX–XX вв.
4. Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX вв. Сборник статей/ Под ред. к. и. н. Я. М. Кофмана. — Красноярск, 2003.
5. Хазиахметов Э. Н. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. — Томск, 1978. Приложение 2.
6. Сафронов В. П. — Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962.
7. Очерки истории красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. — Красноярск, 1982.
8. Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 42. Оп. 3. Д. 18. Л. 2, 14, 25.
9. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 68. Л. 25; Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.
10. Там же. Ф. 42. Оп. 3. Д. 47. Л. 8.
11. Там же. Ф. 112. Оп. 3. Д. 113. Л. 12–13.
12. Прядко И. Яков Дубровинский. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1966.
13. Бердников Л. И. Вся красноярская власть. Очерки истории местного советского управления и самоуправления (1917–1993). Факты, события, люди. — Красноярск, 1996. С. 7.
14. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. № 1. 14 марта 1917. С. 1.
15. Вестник сибирских евреев. — 1917. — 19 апр. — № 2. — Томск. — С. 10.

16. Нам И. В., Наумова Н. И. Указ. соч. — С. 8.
18. Очерки... С. 160.
19. Там же. С. 162, 163, 165, 169.
20. Там же. С. 170–172.
21. Бердников Л. И. Указ. соч. С. 21.
22. Там же. С. 27.
23. Очерки... С. 190–191.
24. Шумяцкий Б. З. Сибирь на путях к Октябрю. — Иркутск, 1989.

УДК 9(571.51) «1917»

Трипутина А. В.

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.Е. КОЛОСОВА В 1917 ГОДУ

Аннотация: на основании анализа мемуаров, публицистики, архивных данных, опубликованных материалов исследуется деятельность и идейно-политические взгляды эсера Евгения Евгеньевича Колосова — одного из лидеров правых эсеров в Красноярске в 1917 году.

Ключевые слова: Евгений Евгеньевич Колосов, эсеры, Февральская революция, газета «Наш голос» (Красноярск).

Революция 1917 года — особый период в отечественной истории, время надежд и время испытаний. Массы народа, «скинув ярмо царского режима со своих плеч», радостно ждали, что даст им свобода. Политические партии вступили в открытую борьбу, предлагая свои модели общественного развития. Одной из самых популярных партий стала партия социалистов-революционеров. В числе неординарных деятелей партии был Евгений Евгеньевич Колосов (1879–1937) — литератор, историк общественной мысли и освободительного движения. Он встретил революцию в Красноярске.

Еще в 1906 году Колосов был приговорен к ссылке за нелегальную партийную деятельность. Однако тогда ему удалось скрыться от полиции и выехать за границу. Под именем Эдоардо Колари он проживал в Швейцарии, Франции и Италии. С началом Первой мировой войны Колосов занял оборонческие позиции, считал, что необходимо вместе с народом встать на защиту своей страны, а политическую борьбу с самодержавием вести в формах, не подрывающих национальной обороны. Из этих соображений он решил вернуться на родину и вступить в ряды Российской армии. При переходе русско-шведской границы 28 января 1916 года Колосов был арестован в Торненском пограничном пункте и доставлен в Петербург [1, с. 39]. Департамент полиции посчитал нежелательным поступление Колосова на военную службу «по характеру его преступной деятельности». По этому поводу Евгений Евгеньевич даже писал прошение директору Департамента полиции: «Прошу освободить

меня от всякого наказания и дать мне возможность выполнить ту задачу, ради которой я приехал ныне в Россию, — то есть явиться в мой призывной участок г. Томска для отбывания воинской повинности или даже начать отбывание этой повинности здесь, в Петрограде» [2, л. 2–2 об]. Родственница Колосова обращалась к вице-директору Департамента полиции М.И. Зубовскому, где она получила следующие объяснения: «Вашего родственника мы знаем очень хорошо. Он известен нам как опасный агитатор, пропагандист и лектор. Но мы держим его не за это, а за то, что летом 1905 года он организовывал в Нижнем Новгороде покушение на должностное лицо. К сожалению, мы не можем отдать его за это под суд, так как сведения об этом нами получены агентурным путем. Поэтому мы назначим ему административную высылку» [2, л. 2–2 об]. Во второй половине мая 1916 года Колосов выехал в Енисейскую губернию и оказался в Красноярске [3, с. 261].

В Красноярске, опираясь на старые связи своего отца Евгения Яковлевича Колосова — чиновника, сибирского областника, Колосов поступил на службу в золотопромышленное объединение [1, с. 40]. Одновременно он занимался литературной деятельностью — писал статьи о народничестве, областничестве, по актуальным политическим вопросам для журналов «Сибирские записки», «Современный мир», газет «Сибирская жизнь» и «Сибирь». Публицистическая популярность Колосова способствовала тому, что такие известные деятели, как П.В. Вологодский и А.Н. Шипицын, осенью 1916 года предлагали

его кандидатуру на место главного редактора газеты «Сибирская жизнь». В переписке по этому поводу Колосов отмечал: «Я довольно мрачно смотрю на возможность своего вхождения в редакцию «Сиб [ирской] жизни». И едва ли суть здесь в боязни редакции моей репутации как человека, способного погубить газету нецензурными статьями... Менять своих воззрений или обещать хотя бы даже смягчить их для того, чтобы облегчить известную кооперацию с идейными противниками, я решительно отказываюсь» [4, л. 1]. Главным редактором «Сибирской жизни» он так и не стал.

С наступлением Февральской революции 1917 года Колосов активно включается в партийную работу. Довольно быстро Евгений Евгеньевич становится одним из лидеров эсеров Красноярска. 7 марта 1917 года он был избран в Красноярский комитет партии эсеров, возглавляемый Н. В. Фоминым. В партийной деятельности Колосов преимущественно занимался агитационной и пропагандистской работой. Он выделялся своим ораторским талантом. На специальных курсах, созданных при комитете эсеров, читал лекции для пропагандистов ПСР, а также выступал с публичными лекциями [1, с. 40]. Колосов участвовал в работе Красноярского комитета общественной безопасности, Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, являлся членом городского народного собрания [3, с. 261], участвовал в совещаниях и съезде местных кооператоров, в собрании мирян и прихожан, выступал на митингах. Его выступления собирали большое число слушателей и встречались овациями [5, с. 41].

Важным направлением деятельности Колосова в Красноярске весной-летом 1917 года было руководство ежедневной политической и литературной газетой «Наш голос», первый номер которой вышел 16 марта. Секретарем редакции работала В. П. Колосова. В газете публиковались: Е. Е. Колосов, А. М. Гневушев, Б. Ф. Тарасов, П. М. Иров, Н. Н. Козьмин, Н. В. Фомин и др.

В июне Колосов в «Нашем голосе» выступил с серией статей о решениях III съезда ПСР, проходившего 25 мая — 4 июня 1917 года в Москве. Он негативно оценил решения партийного форума, считая, что съезд «на проклятые вопросы

не дал прямого ответа» [6, с. 2]. Половинчатые решения он считал весьма опасными и критиковал лидера эсеров В. М. Чернова за неопределенность резолюции «Об отношении к войне», принятой на съезде; обращал внимание на тактические и идейные расхождения внутри партии, на непоследовательность статей о войне, публикуемых в партийной газете «Дело народа». Вместе с тем, как следует из выступлений Колосова на губернском крестьянском съезде Енисейской губернии 20–29 июня 1917 года, его позиция о войне и мире принципиально не отличалась от точки зрения Чернова.

Колосов выступал за поддержку Временного правительства: «Страна в опасности. Охрана и расширение завоеваний революции требуют решительных мер. Организация твердой и пользующейся доверием демократической власти — одно из условий закрепления свободы» [7, с. 33]. Эсер В. Я. Гуревич в своих воспоминаниях отмечал, что Колосов всесторонне поддерживал лозунг, «брошенный» в Петрограде: «Солдаты в окопы, рабочие — к станкам» [8, с. 38]. В этом ключе он активно выступал среди солдат Красноярского гарнизона. Евгений Евгеньевич «был настроен в то время весьма умеренно и государственно... являлся самым сильным противником экстремизма, в тот момент лишь начавшего выявляться» [9, с. 127]. «Около Колосова, часто выступавшего в воинских частях, составила целая группа таких военных работников, которая энергично поддерживала его и в Совете» [8, с. 40–41]. «Это был первоклассный темпераментный оратор с весьма своеобразной манерой говорить, напоминающей сказателя былин или народных сказок, отличающийся большой образностью речи и в то же время ее продуманностью и содержательностью» [9, с. 127]. Вместе с тем, несмотря на большую популярность Колосова, эсерам не удалось переломить настроения солдат Красноярского гарнизона, активно поддерживавших большевиков. Другое дело — крестьянство.

7–10 апреля проходил крестьянский съезд Красноярского уезда Енисейской губернии. 7 апреля В. Я. Гуревич был избран председателем съезда, а Е. Е. Колосов — товарищем председателя. Довольно оживленный характер носило заседание земельной секции, председателем которой

был Н.Н. Козьмин. В итоге выдвигаемые эсерами программные положения — передать землю тем, кто на ней трудится; распределение земли должно осуществляться по трудовой и потребительской норме; приостановление столыпинских законов о земле — получили полную поддержку участников съезда, который принял предложенные Колосовым резолюции [10, с. 18].

В своем докладе Колосов выразил ключевые идеи аграрной программы партии эсеров — «Земля и воля»: «Для нас вопрос о земле тесно связан с вопросом о воле. Без воли нет земли, без земли нет воли» [11, с. 3]. Он акцентировал внимание на основных положениях социализации земли: 1) земля не продается и не покупается; 2) земля изымается из частной собственности и становится всенародным достоянием; 3) право на землю получает всякий, кто на ней трудится [11, с. 10].

Доклад Колосова был опубликован в газете «Наш голос», а также выпущен отдельной брошюрой с названием «Земельная программа партии эсеров». В первой части брошюры Колосов выступал с обличением царя и дореволюционных порядков. Во второй — подробно разъяснял аграрную программу эсеров. В брошюре подчеркивалось, что земельный закон должен быть утвержден Учредительным собранием, до созыва собрания следует «заморозить» сделки с землей, чтобы избежать спекуляции. Автор предостерегал крестьян от немедленных захватов земли. Эту практику он считал опасной и полагал, что она противоречит принципам равенства и справедливости. Землю целесообразно распределять «по работникам и едокам, по трудовой и продовольственной норме». До решения аграрного вопроса пустующие земли, по решению местных органов власти, земельных комитетов, можно разрешать засеивать крестьянам [11, с. 4, 9–11].

На губернском крестьянском съезде Енисейской губернии 20–29 июня 1917 года Колосов был избран председателем. Со значительным перевесом голосов были приняты резолюции по вопросам о земле и о мире, предложенные Колосовым.

В период июльского кризиса Колосов активно включился в кампанию против Ленина и большевиков. В его статьях в «Нашем голосе» он называл лидера большевиков «Его императорское ве-

личество Ленин I», а членов партии — «слугами германского империализма». Широко известна его оценка одного из красноярских большевиков-правдивистов Б.З. Шумяцкого как «маленького Ленина в нашем городе». В ответ на публикации Колосова красноярские большевики объявили ему и газете «Наш голос» бойкот [1, с. 41]. В защиту Колосова выступила редакция выходившего в Красноярске журнала «Сибирская деревня», заявив: «Один Евгений Евгеньевич в тысячу раз для нас дороже, чем все эти бюро, центры и «Сибирские правды», вместе взятые» [12, с. 156].

Несмотря на успехи эсеров среди крестьян, 2 июля 1917 года победу на выборах в Красноярскую городскую думу одержали большевики. Через несколько дней после выборов на вопрос о том, что он теперь собирается делать, Евгений Евгеньевич отвечал, что едет на фронт: «Я много лет в рядах социалистов-революционеров и там никогда не отказывался от дела, никогда не оккупывался. Я умею держать револьвер революционера, сумею держать и винтовку солдата революционной армии» [1, с. 41].

Сдав редакторство газеты «Наш голос» своему заместителю — эсеру А.М. Гневушеву, Колосов, мобилизованный в солдаты, 6 июля 1917 года выехал со своим полком из Красноярска [12, с. 157]. Однако в Петрограде 13 июля 1917 года управляющий военным министерством Временного правительства Г.А. Якубович отклонил просьбу Колосова об отправке на фронт, назначив его комиссаром Кронштадта и членом комиссии по расследованию причин июльских событий 1917 года. Однако на заседании Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов, большинство в котором принадлежало большевикам, было решено самостоятельно избирать комиссара и не признавать отправленного из Петрограда [5, с. 54]. Не имея возможности приступить к обязанностям комиссара, Колосов уехал в прифронтовую зону, где читал лекции солдатам.

Несмотря на то что Колосов покинул Красноярск, его имя не сходило со страниц «Нашего голоса». Он продолжал отправлять материалы о событиях, очевидцем которых он был, в газету практически до ее закрытия в сентябре 1917 года. Не случайно во время заседаний съезда социалистов-революционеров Енисейской губернии

28 июля — 1 августа 1917 года была отмечена роль Евгения Евгеньевича в политической жизни губернии: «Е. Е. Колосов всю свою жизнь и, в частности, будучи в Красноярске, все свои силы отдавал на борьбу за интересы трудового народа» [10, с. 94–95]. Популярность Колосова в Енисейской губернии способствовала тому, что по инициативе общегубернского крестьянского съезда он был заочно избран в ноябре 1917 года по списку № 3 (ПСР) в Учредительное собрание.

Октябрьская революция застала его в местечке Кресловка, вблизи Двинска [5, с. 55]. С 26 ноября по 5 декабря 1917 года Колосов участвовал в работе IV съезда ПСР в Петрограде. Он считал, что захват власти большевиками и их «социалистические эксперименты» представляют опасность не только для родины и революции, но и для социализма. На утреннем заседании 2 декабря Колосов признавал, что успеху большевиков способствовали тактические и организационные просчеты эсеровской партии и поддержал

предложение сосредоточить основные усилия на подготовке к Учредительному собранию [13, с. 144–145].

Вспоминая прожитые годы, в 1923 году Колосов напишет: «Моя жизнь прошла вся в революции, и если бы я ее снова начал, я встал бы на ту же стезю... Я слишком свыкся с мыслью, что на земле царит закон борьбы, и для меня нет жизни без борьбы, как нет борьбы вне революции» [14, с. 6]. Эти слова были девизом и сутью жизни Евгения Евгеньевича. 1917 год для Колосова, как и для всей страны, был полон испытаний. Незаурядный, талантливый человек, он выступил в качестве лидеров правых эсеров в Красноярске. Несмотря на критику ПСР и разногласия по идейным и тактическим вопросам с левоцентристским крылом партии, он оставался верен партии, прикладывал большие усилия для распространения идеологии эсеров среди крестьянских и солдатских масс.

Источники и литература:

1. Колосов Е. Е. Хроника двух жизней: Евгений и Валентина Колосовы. Рукопись. 134 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Р5802. Фонд Бурцева. Оп. 2. Д. 235. Прошение Колосова.
3. Леонтьев Я. Колосов Евгений Евгеньевич // Политические партии России. Конец XIX — пер. треть XX в. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 260–262.
4. Научная библиотека Томского государственного университета. Архив Г. Н. Потанина. Переписка. Колосов Е. Е. № 1276. Письмо Е. Е. Колосова Г. Н. Потанину. Красноярск, 26 октября 1916 г. Л. 1.
5. Шереметьева Д. Л. Политические взгляды Е. Е. Колосова в годы революции и Гражданской войны (март 1917 — январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и Гражданской войны: Сборник научных статей / Науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 37–94.
6. Колосов Е. Е. Третий съезд партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] // Наш голос (Красноярск). 1917. 4 июня. 4 с.
7. Протоколы первого губернского крестьянского съезда Енисейской губернии 20–29 июня 1917 г. Красноярск, Енисейская Губернская эл.-типиграфия, 1917. 87 с.
8. Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске (окончание) // Вольная Сибирь. 1928. № 3. С. 28–60.
9. Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске // Вольная Сибирь. 1927. № 2. С. 112–132.
10. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.) / Сост. Е. Н. Косых. Томск, 1992. 219 с.
11. Колосов Е. Е. Земельная программа партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Доклад на крестьянском съезде в Красноярске (8 апреля 1917 г.). Красноярск: Изд. Енисейского союза кооперативов, 1917. 15 с.
12. Мешалкин П. Н. «Для меня нет жизни без борьбы» [Е. Е. Колосов] // Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. / П. Н. Мешалкин. — Красноярск, 1998. С. 151–159.
13. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 тт. / Том 3. Часть 2. Октябрь 1917–1925 г. М.: РОССПЭН, 2000. 1055 с.
14. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Петроград: издательство «Былое», 1923. 190 с.

УДК 908

Хоменко Д. Ю.

СЕМЬЯ ДОБРОХОТОВЫХ: ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: исследование посвящено судьбе двух поколений семьи Доброхотовых, их социальным практикам в годы революции и Гражданской войны. Судьба Николая Васильевича Доброхотова после 1917 года иллюстрирует взаимоотношения между представителями сибирского чиновничества и новой властью. Судьба его сына Николая – пример адаптации поколения молодых образованных дворян к новым условиям.

Ключевые слова: Доброхотовы, Гражданская война, революция 1917 года, чиновничество, политические репрессии.

Изучение микроистории необходимо для понимания того, какое влияние оказала революция и последовавшая за ней Гражданская война на русское общество. Судьба двух поколений семьи Доброхотовых — это пример взаимоотношений старого чиновничества и молодых дворян с новой властью, будь это Временное правительство, большевики или белые. Работа основана на материалах Государственного архива Красноярского края, архива УФСБ по краю и Российского государственного исторического архива.

Николай Васильевич Доброхотов родился 22 апреля 1863 года в городе Ростове Ярославской губернии [1, л. 4]. В 1888 году окончил Императорский Московский университет по историко-филологическому факультету [1, л. 2]. В 1889 году он был зачислен в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел [1, л. 9]. 20 марта 1898 года «высочайшим приказом по гражданскому ведомству... титулярный советник Доброхотов [был] назначен исправляющим должность советника Енисейского губернского управления» (далее — ЕГУ) [2, л. 11]. Через два года Н.В. Доброхотов был «утвержден в исправляемой им должности» [2, л. 37].

Енисейский губернатор характеризовал служебную деятельность Н.В. Доброхотова как отлично-усердную и полезную [2, л. 38]. Н.В. Доброхотов регулярно повышался в чине и дослужился до чина действительного статского советника (с 1 января 1914 года). К 1917 году он был награжден следующими орденами: Св. Анны

3-й ст.; Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 4-й ст. [3, л. 6].

С 1904 года [4, л. 4] Н.В. Доброхотов стал исправлять должность секретаря Енисейского губернского статистического комитета (далее — ЕГСК). Кроме того, Н.В. Доброхотов участвовал в общественной жизни губернии: он был членом нескольких общественных организаций. С 1909 года Н.В. Доброхотов, кроме прочего, состоял в должности почетного мирового судьи г. Красноярска [3, л. 1–1 об.]. Таково было служебное и общественное положение Н.В. Доброхотова накануне Февральской революции.

Семейное положение Н.В. Доброхотова было следующим. В 1894 году он женился на Надежде Васильевне Виноградовой [2, л. 13 об.]. В 1895 году у пары родился первенец Василий [1, л. 38], в 1896 году родился второй сын — Николай [1, л. 46–47]. В 1899 году родилась единственная дочь Любовь, а в 1903 году — сын Сергей [3, л. 6].

Все дети Н.В. Доброхотова получали гимназическое образование. В анкете, датированной 15 октября 1915 года, Н.В. Доброхотов относительно своих детей указывал, что Василий и Николай на тот момент учились в Ярославском Демидовском юридическом лицее [3, л. 7].

Средний сын Н.В. Доброхотова, Николай Николаевич Доброхотов, был призван на военную службу со студенческой скамьи 10 июня 1916 года и был зачислен в 1-й подготовительный

учебный батальон в Нижнем Новгороде, откуда вскоре был переведен в 1-ю Петергофскую школу подготовки прапорщиков [5, л. 2–2 об.].

Документы, имеющиеся в распоряжении исследователя, создают впечатление, что жизнь Н. В. Доброхотова после Февральской революции не претерпела кардинальных изменений. Енисейскому губернскому комиссару Вл. М. Крутовскому достался «в наследство» чиновный аппарат старого режима [6, с. 11]. Н. В. Доброхотов стал помощником губернского комиссара [7, л. 16]. Сам Н. В. Доброхотов в показаниях, данных в 1920 году, указывал, что после Февральской революции служил «там же», где и до нее [8, т. 4, л. 21 об.]. Эта оценка представляется весьма важной — получается, что, по мнению самого Н. В. Доброхотова, характер его занятий после свержения монархии не изменился.

Кардинальные перемены в жизни Н. В. Доброхотова начались после Октябрьской революции. О его жизни с ноября 1917 года по август 1918 года составлена справка, которую представляется уместным привести.

«ДОБРОХОТОВ состоял в должности советника... по 1 ноября 1917 года, когда властью большевиков был устранен от означенной должности за отказ подчиниться советской власти и продолжить службу при большевистском режиме.

4 ноября 1917 года по декрету Красноярского Совдепа был арестован и заключен в тюрьму как саботажник; 12 ноября 1917 года из тюрьмы был освобожден с отображением записки о невмешательстве в дела управления Енисейской губернией... В продолжение восьми месяцев никакого содержания не получал, оставаясь все это время без службы.

Источник существования изыскивал путем продажи домашнего имущества, ношебного платья и проч., что дало возможность просуществовать с семьей до мая месяца 1918 года.

С 1 мая 1918 года приискал частные занятия, исполняя обязанности казначея Лотерейной комиссии по продаже выигрышных билетов в пользу приютов...

3 августа 1918 года назначен на должность заведующего отделом при Управлении Енисейско-

го губернского комиссара» [7, л. 33–33 об.]. В период белой власти в Сибири Н. В. Доброхотов заведовал отделом печати, зрелищ и собраний [9, л. 1]. В апреле 1919 года он фигурирует как начальник распорядительного отдела [3, л. 19].

Итак, можно видеть, что Н. В. Доброхотов одинаково служил как в царской России, так и при Временном правительстве и при белых. Его служебная деятельность не претерпела принципиальных изменений. Власть большевиков Н. В. Доброхотов не признавал категорически, почему и оказался на протяжении более чем полугода в бедственном положении.

Старший сын Н. В. Доброхотова, Василий, в августе 1918 года прервал обучение в Демидовском лицее и вернулся в Красноярск, где служил канцелярским работником в уездной земской управе [10, л. 7 об.]. Судьба Николая Николаевича оказалась самой драматичной.

Н. Н. Доброхотов успел окончить школу прапорщиков буквально накануне Февральской революции — 10 февраля 1917 года [11, л. 44 об.]. О его службе после Февральской революции рассказывают собственноручно заполненная анкета (не датированная, но составленная не ранее 1922 года) [11], послужной список (датирован 1921 годом, но записи велись до 1924 года) [12, л. 1–6 об.], учетная карточка [12, л. 4–4 об.] и краткая записка, датированная 12 мая 1924 года [12, 5 об. – 5].

После присвоения звания прапорщика Н. Н. Доброхотов перемещался из одного подразделения в другое, пока в июле 1917 года не был переведен в действующую армию, в 32-й Сибирский стрелковый полк. Во всех воинских подразделениях занимал должность младшего офицера роты. С января 1918 года состоял временно исправляющим должность полкового адъютанта. 1 марта 1918 года Н. Н. Доброхотов был демобилизован из рядов старой русской армии [12, л. 2]. В период с июля 1917 года по март 1918 года принимал непосредственное участие в боевых действиях против Германии, в ходе которых получил отравление «удушливыми газами в районе местечка Снов» [12, л. 6].

После демобилизации Н. Н. Доброхотов вернулся в Красноярск и давал частные уроки математики [12, л. 3 об.]. В июне 1918 года, после

падения советской власти, Н.Н. Доброхотов был мобилизован в состав 4-го кадрового полка младшим офицером. В сентябре 1918 года комиссия врачей признала его негодным к строевой службе и отправила на амбулаторное лечение, которое продлилось до мая 1919 года. В августе 1919 года комиссия признала Н.Н. Доброхотова годным к нестроевой службе на должности батальонного адъютанта в 3-м стрелковом полку 2-й бригады, в составе которого он и отбыл на фронт. Однако 15 октября 1919 года Н.Н. Доброхотов по состоянию здоровья был с фронта эвакуирован и по январь 1920 года находился на амбулаторном лечении при Красноярском военном госпитале [12, л. 2–2 об.]. Расстроенное здоровье позволило Н.Н. Доброхотову встретить Красную армию без оружия в руках, на положении больного. Попав в распоряжение красных добровольно и персонально, а не при массовой сдаче в плен, Н.Н. Доброхотов был принят на службу в Красную трудовую армию 6 февраля 1920 года. В марте 1920 года особый отдел ВЧК при 5-й армии рассмотрел его дело, однако в его биографии не было найдено поводов для привлечения его к какой-либо ответственности [11, л. 44 об.].

За время службы в трудовой армии Н.Н. Доброхотов сменил немало должностей и воинских частей, но чаще всего это было связано с процессами реформирования и переименования последних. Так, изначально он был зачислен в 1-ю Енисейскую инженерную военно-рабочую бригаду командиром взвода. За время службы Н.Н. Доброхотов побывал на следующих должностях: временно исправляющий должность командира роты, делопроизводитель по строевой части, делопроизводитель по оперативно-трудовой части, заведующий технической частью, адъютант батальона. 30 мая 1922 года был уволен в бессрочный отпуск [12, л. 2 об. – 3 об.].

После увольнения с 10 июня 1922 года работал на железной дороге в должности счетовода. С 12 июня 1923 года перешел на службу в Енисейский губернский союз кооператоров опять же счетоводом. Как бывший белый офицер, 1 мая 1922 года Н.Н. Доброхотов был взят на особый учет в Енисейской Губчека, но уже через два года, 19 апреля 1924 года, был снят с учета согласно ходатайству [12, л. 6].

Как можно видеть, поступление на военную службу (в царскую армию, затем в белую и красную) для Н.Н. Доброхотова не было добровольным: во всех случаях он подвергался мобилизации. Конечно, необходимо учитывать, что сведения о службе берутся из материалов, составленных собственноручно Н.Н. Доброхотовым или с его слов. Естественно, что в целях самосохранения он подчеркивал, что на военную службу поступал недобровольно. Понимая сложность своего положения как бывшего белого офицера, в одной из анкет Н.Н. Доброхотов указывает, что сочувствует РКП(б) [11, л. 45]. Не исключено, что это было намеренное искажение правды. Однако представляется, что недобровольность поступления Н.Н. Доброхотова на службу действительно имела место.

Если бы Н.Н. Доброхотов был склонен к военному делу и желал бы прославиться военными подвигами, то ничто не мешало ему в 1914 году бросить гимназию и уйти добровольцем на фронт. Или же по окончании гимназии поступить в военное учебное заведение. Однако Николай и Василий выбрали вполне мирную профессию юриста. С другой стороны, Н.Н. Доброхотов не пытался «откосить» от мобилизации. Вероятно, он воспринимал войну и свою мобилизацию как некую данность, с которой приходилось мириться.

В белой армии Н.Н. Доброхотову довелось прослужить с июня 1918 года по январь 1920 года, т.е. 19 месяцев. Из них 11 он находился на амбулаторном лечении в Красноярске, а на фронте — всего 2,5 месяца, и то на нестроевой должности адъютанта. Зная о факте отравления при газовой атаке, можно предположить, что лечение Н.Н. Доброхотову действительно было показано.

Можно видеть, что судьба Н.Н. Доброхотова, по крайней мере в первые годы советской власти, складывалась относительно неплохо: он получил работу, имел стабильный доход. Это подтверждает тот факт, что в указанный период Н.Н. Доброхотов женился и к 1924 году имел уже двух дочерей, 21 и 7 месяцев; а также на его иждивении находилась теща [12, л. 5 об.] (супруга работала телефонисткой [11, л. 44]).

Судьба Н. В. Доброхотова при советской власти сложилась гораздо трагичней. После восстановления советской власти Н. В. Доброхотов устроился работать заместителем секретаря в Гублеском. 15 мая 1920 года он был арестован Енисейской Губчека по обвинению в участии в белогвардейской организации атамана Каверина [8, т. 4, л. 121]. Таковая организация, состоявшая из бывших белых офицеров и базировавшаяся в с. Торгашино, действительно существовала [6, с. 287–288]. Однако насколько справедливы были обвинения в участии в ее деятельности Н. В. Доброхотова, неизвестно: исследователю доступны не все материалы данного дела, а только показания и анкеты самого Н. В. Доброхотова.

Сам Н. В. Доброхотов на допросе отрицал свою причастность к организации, обращая внимание следователей на то, что он «вообще в военной среде никакого никогда знакомства не заводил», что не имел «свободного времени чем-либо заниматься». Стиль его показаний наводит на мысль, что Н. В. Доброхотов был очень напуган арестом: «Я человек верующий и могу дать клятву или принять присягу в том, что я себя считаю совершенно невиновным». [8, т. 4, л. 21 об.]. 29 июля 1920 года решением Красноярской Губчека он был приговорен к пяти годам заключения в концентрационном лагере [8, т. 2, л. 158]. Отбывать наказание Н. В. Доброхотова отправили в Коркинские копи, где он работал в качестве регистратора, составляя «отчеты о движении работ заключенных» [13, л. 56].

19 февраля 1921 года Н. В. Доброхотов был вновь арестован, однако доказать его виновность в какой-либо незаконной деятельности не удалось, и он был возвращен в Коркинский лагерь [13, л. 202, 211].

Источники и литература:

1. Дело об определении действительного студента Московского университета Доброхотова на службу в хозяйственный отдел // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 46. Д. 2869.
2. Дело о назначении помощника столоначальника Хозяйственного департамента титулярного советника Доброхотова и. д. советника Енисейского губернского управления // РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 46. 1898 г. Д. 41.
3. Личное дело Доброхотова Николая Васильевича // Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 42 (Краевой окружной суд). Оп. 1. Д. 3360.

Анализ социальных практик отца и сына Доброхотовых показывает, что для отца идеологическая составляющая была важнее, чем для сына. Об этом говорит и неприятие советской власти, и возможное участие в контрреволюционной организации. Деятельность же Н. Н. Доброхотова носила в основном вынужденный характер.

О дальнейшей судьбе членов семьи Доброхотовых известно следующее. Старший сын, В. Н. Доброхотов, был арестован 25 марта 1932 года Окружным отделом ОГПУ. Ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной агитации «против советской власти» [10, л. 18–19], за что он был выслан в Западную Сибирь сроком на три года [10, л. 27]. Касательно судьбы отца В. Н. Доброхотов заявил, что тот «в 1920 году был арестован... Где он в данное время и какая его судьба постигла, не знаю, но думаю, что его уже в живых нет; возможно, он умер, так как он был дряхлый и больной старик» [10, л. 7 об.]. На момент ареста старшему Доброхотову было 57 лет — по современным меркам возраст отнюдь не старческий. Вероятно, перипетии революционного времени значительно сказались на его здоровье. Арест и пребывание в лагере могли нанести окончательный удар.

В своих показаниях от 1932 года В. Н. Доброхотов указал, что оба его брата, Николай и Сергей, переехали в Ленинград. Первый работал в Ленинстрое бухгалтером, второй — на одном из заводов [10, л. 7 об.]. В личном архиве исследователя сохранилась фотография 1930-х годов, на которой, как следует из надписи на обороте, изображены Н. Н. Доброхотов и его супруга, Софья Петровна. Там же указано, что они жили в Ленинграде, но затем были высланы в Минусинский район. К сожалению, эти данные пока не подтверждены документально.

4. Протоколы заседаний комитета // ГАКК. Ф. 31 (Енисейский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 220.
5. Дело с справками о личности Николая Николаевича Доброхотова // ГАКК. Ф. 595. Оп. 28. Д. 3059.
6. Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии — Красноярск: Версо, 2008. — 413 с.
7. Дело о ликвидации Енисейского губернского управления и увольнением за штат служащих управления // ГАКК. Ф.р-1800 (Енисейский губернский комиссариат Временного Сибирского правительства). Оп. 2. Д. 32.
8. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23569.
9. Дело об утверждении должностных лиц Енисейского комиссариата в занимаемых должностях // ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 42.
10. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-7979.
11. Анкеты на бывших белых офицеров на букву «Д.» 1923–1926 гг. // ГАКК. Ф.р-51 (Красноярский уездный военный комиссариат Народного комиссариата по военным делам). Оп. 3. Д. 33.
12. Послужной список Доброхотов Николай Николаевич // ГАКК. Ф.р.-51. Оп. 1. Д. 849.
13. Архив РУ ФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23479.

УДК 94(47).084.3

Шевченко В. Н.

Н.Е. КАКУРИН КАК ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ИСТОРИК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: статья посвящена деятельности одного из ярких представителей русской военной интеллигенции, человеку со сложной и печальной судьбой, отдавшему свои знания, способности и энергию в дело защиты завоеваний Октября и ставшего одним из первых серьезных исследователей истории Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, военный специалист, Красная армия, историография, военно-исторические исследования.

Современным исследователям, обращающимся к изучению истории Октябрьской революции и Гражданской войны, неизбежно приходится сталкиваться с во многом расходящимися и мало совпадающими трактовками происходивших событий. В массе выходящей сегодня исторической «макулатуры» редкими вкраплениями переиздаются труды первых исследователей истории Гражданской войны, труды которых лишены многих идеологических штампов и политической конъюнктуры.

К числу таких возвращенных имен относится имя Николая Евгеньевича Какурина, который занимает особое место в историографии Гражданской войны. Дворянин по рождению, этот во многом незаурядный человек прошел свою жизнь, во многом схожую с героем романа А. Толстого «Хождение по мукам» Рощиным. Н.Е. Какурин родился в 1883 году в г. Орле. После окончания гимназии в г. Житомире он в 1902 году поступил в престижное Московское артиллеристское училище, после окончания которого служил в звании подпоручика в артиллерийской бригаде. С 1907 по 1910 год проходил обучение в Николаевской военной академии.

Первую мировую войну он встретил в звании младшего офицера (капитана) в должности адъютанта начальника штаба дивизии. В течение всего периода войны он последовательно занимал ряд командно-штабных должностей в армии и закончил ее в звании полковника, командира пехотного полка. За боевые заслуги Н.Е. Какурин был награжден пятью боевыми орденами.

Октябрьскую революцию Н.Е. Какурин не принял. В декабре 1918 года добровольно вступил в формировавшуюся Галицийскую армию самопровозглашенной Западно-Украинской народной республики, где был назначен на должность помощника начальника Генерального штаба Вооруженных сил Украинской Державы, ведшей боевые действия против польских захватчиков.

После разгрома Галицийской украинской армии в феврале 1920 года Н.Е. Какурин с ее остатками перешли на сторону Красной армии. В конце апреля 1920 года он был вызван в Москву и в начале мая этого же года арестован органами ВЧК. Началось следствие по поводу его службы в Украинской Галицийской армии. Но уже в июне 1918 года следствие было прекращено, он был освобожден и направлен в распоряжение Всероссийского Главного штаба, откуда получил назначение явиться в распоряжение 16-й армии РККА. Далее его военная карьера в Красной армии круто пошла вверх. В штабе 16-й армии он получил назначение на должность начальника штаба 8-й стрелковой дивизии, а через два месяца стал начальником 10-й стрелковой дивизии. С сентября по октябрь 1920 года он последовательно командовал войсками 3-й и 4-й армий РККА. С 26 декабря 1920 года Н.Е. Какурин становится помощником командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского.

С окончанием основных боевых действий на фронтах Гражданской войны Н.Е. Какурин был направлен на подавление прокатившихся по стране волн крестьянских восстаний. Во время подавления антоновского мятежа на Тамбовщине

в 1921 году его назначают начальником штаба образованной для этой цели группы войск во главе с М.Н. Тухачевским, руководит отдельной кавалерийской группой по ликвидации крупных бандформирований. В марте 1922 года Н.Е. Какурин получает назначение на должность командующего войсками Бухаро-Ферганского района, ведшими боевые действия против басмачества. В июне этого же года он становится помощником командующего Туркестанским фронтом. За проявленное искусство в руководстве и маневрировании войсками, организаторские способности и работоспособность при разгроме антоновского мятежа и успехи в борьбе с басмачеством он был награжден орденом Боевого Красного Знамени (1921 г.) и орденом Красной Звезды Бухарской республики (1922 г.). В 1921 году вступил в партию большевиков.

Оценивая боевые качества военного руководителя Н.Е. Какурина, М.Н. Тухачевский так его аттестовал: «Образованный, интеллигентный генштабист. Отличный начальник штаба, а также хороший строевой начальник, умеет правильно поставить служебные взаимоотношения и пользуется общим уважением. Настойчивый в работе. Выдающийся» [1, с. 5].

С окончанием Гражданской войны началось массовое сокращение Красной армии в августе 1922 года. Н.Е. Какурин был переведен в Москву на преподавательскую работу на должность старшего преподавателя (руководителя) кафедры тактики Военной академии РККА. В характеристике Н.Е. Какурина, подписанной в 1923 году помощником и комиссаром Военной академии РККА Р.А. Муклевичем, отмечаются его характерные черты и склонности. В частности, в ней отмечается: «С 1922 года старший руководитель кафедры общей тактики. Хороший компилятор. Интересных собственных взглядов на преподавание не проявляет. Организовать кафедру и наладить практические занятия не был в состоянии, отчасти также по тому, что распылял свое внимание на различные посторонние работы. Очень плодovit как публицист. Хороший преподаватель. Предан советской власти. Считает себя коммунистом...» [2, с. 208]. За успехи в преподавательской работе в 1927 г. Н.Е. Какурина приказом Реввоенсовета СССР было присвоено по-

четное звание «Преподаватель высшего военного заведения РККА» по военной истории и истории военного дела.

Начиная с 1923 года все больше стал сосредотачиваться на исследовательской работе, став начальником отдела по изучению истории Гражданской войны при штабе РККА. С начала 1928 года он служит в военно-историческом отделе Управления по исследованию и использованию опыта Первой мировой и Гражданской войн при штабе РККА. Это давало возможность широко использовать хранившиеся документальные материалы Военно-учетного архива и архива Красной армии. По существу, Н.Е. Какурин являлся зачинателем военно-научной работы в армии. До своего ареста в 1930 году он стал автором почти 30 работ по вопросам стратегии, оперативного искусства, истории Первой мировой и Гражданской войн.

Являясь крупным и добросовестным военным теоретиком, обладавшим глубокими знаниями военного дела и богатым практическим опытом, Н.Е. Какурин скрупулезно описывал события, не допуская их исправления в угоду чьей-либо точке зрения. Особая ценность его военно-исторических работ состоит в использовании широкой источниковой базы. Глубоко эрудированный, владеющий несколькими иностранными языками, Н.Е. Какурин широко использовал иностранные источники, что позволяло ему убедительно, всесторонне и многогранно описывать общую картину происходящих событий. Несомненным достоинством его работ является и то, что они лишены идеологической зашоренности и ангажированности, столь свойственных военным историкам советского периода.

Подавляющее большинство его научных трудов, изданных в 1920-е годы и запрещенных в годы культа личности И. Сталина, не переиздавалось и недоступно до сих пор современному читателю [3].

Одной из основных причин запрета и «упрятивания» его работ в спецхраны являлась неправильная трактовка истории Гражданской войны, сложившаяся в годы формирования культа личности И. Сталина, ссылки на общие труды Л. Троцкого при относительно слабом упоминании произведений Ленина и полном умолчании

И. Сталина. Очевидная абсурдность обвинений состоит в том, что в годы Гражданской войны основными директивными документами являлись приказы Реввоенсовета республики, председателем РВС и наркомом по военным и морским делам которой был Л. Троцкий, а труды Ленина, в том числе и по военным вопросам, стали массово издаваться только после смерти вождя. И. Сталин же как военный деятель стал широко известен после выхода в 1929 году хвалебной статьи К. Ворошилова, посвященной его юбилею, пока еще не вождю, но общепризнанному лидеру партии, — «Сталин и Красная армия».

Объектом пристального внимания со стороны органов ВЧК бывший царский полковник, генштабист Н.Е. Какурин стал еще в период Гражданской войны. Начиная с 1922 года непосредственно наблюдение за поведением Н.Е. Какурина вела его двоюродная сестра О.А. Зайончковская, работавшая преподавателем иностранного языка в Военной академии и по совместительству являвшаяся секретным агентом ВЧК-ОГПУ. В откровенных разговорах с ней и своими сослуживцами, на которых она нередко присутствовала, высказывалась нелюбимая критика по поводу проводимой политики партии, приведшей страну к кризису, разразившемуся в стране в конце 1920-х — начале 1930-х годов в связи с проводимой коллективизацией и сложностями на международной арене.

В ходе начавшейся чистки рядов Красной армии от чуждых элементов (бывших царских офицеров) по сфабрикованному делу «Весна» об антисоветской контрреволюционной военной организации по ложному доносу в июне 1930 года Н.Е. Какурин был арестован. Под сильным моральным давлением следователей (физическое принуждение еще не вошло в практику деятельности карательных органов) и тяжестью предъявленных улик (доносов) он вскоре начал давать признательные показания. В частности, в сентябре 1930 года он дал признательные показания на М.Н. Тухачевского, которые подтвердил на очной ставке с ним. В частности, он показал, что М.Н. Тухачевский, командовавший в 1928 году Ленинградским военным округом, якобы считал положение в стране тяжелым и выжидает благоприятной обстановки для за-

хвата власти и установления военной диктатуры, к чему у Тухачевского имеется много сторонников в военных кругах [4, с. 88]. По всей вероятности, такие откровенные разговоры велись, так как между ними еще в ходе Гражданской войны сложились доверительные, дружеские отношения.

Показания на М.Н. Тухачевского были доложены И. Сталину. В ходе начавшегося разбирательства в защиту М.Н. Тухачевского выступил ряд крупных политических деятелей партии из числа ближайшего окружения И. Сталина. В годы Гражданской войны М.Н. Тухачевский тесно сошелся с Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышевым, А. Енукидзе и др. Кроме того, в ходе следствия М.Н. Тухачевский дал ряд признательных показаний на бывших сослуживцев — царских офицеров — генштабистов, арестованных в ходе проведения операции «Весна». Необходимость «сохранения» М.Н. Тухачевского, слывшего яростным поборником модернизации армии, очевидно, диктовалась необходимостью укрепления обороноспособности страны в свете вышедшего 15 июня 1929 года постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР». Этим во многом объясняется то, что уже в 1931 году М.Н. Тухачевский стремительно пошел на повышение, был возвращен в Москву и назначен на должность начальника вооружения РККА в ранге заместителя наркома обороны.

В феврале 1932 года Н.Е. Какурин был приговорен к высшему по тем временам сроку заключения — 10 годам тюремного изолятора. Но и после этого давление на него со стороны следствия не прекращалось. Измученный беспрестанными допросами, окончательно сломленный, безразличный к своей собственной судьбе и участи, ожидавшей людей, названных им при допросах, он умер, находясь в заключении в тюремном изоляторе, 29 июля 1936 года.

В изучении истории Гражданской войны, как и в целом общества, выделяется три основных подхода: военно-исторический, историко-партийный и историко-гражданский. Ярким представителем первого направления являлся Н.Е. Какурин, который не ставил своей задачей специальное исследование социально-экономического и классового характера Гражданской

войны, хотя эти вопросы в той или иной степени он не мог обойти. Как военный историк, основную задачу он видел в исследовании военно-стратегических вопросов и истории боевых действий. Именно этим проблемам был посвящен вышедший в 1925–1926 годах двухтомный труд Н. Е. Какурина «Как сражалась революция», содержащий большой фактический и цифровой материал, основанный на архивных материалах Красной армии и отчасти на мемуарно-публицистической литературе. Работа снабжена схемами боевых действий и объяснительными записками к ним, иллюстрирована фотографиями. Наряду с военно-оперативными материалами в работе содержится значительное количество фактов экономического положения, внутренней и внешней обстановки молодой Советской республики. Данный труд является одним из наиболее обобщающих исследований по истории Гражданской войны на первом этапе становления отечественной историографии по данной теме.

В водной части, дающей общий характер работы, Н. Е. Какурин сформулировал основные задачи: «Установить наиболее выдающиеся моменты эпохи Гражданской войны, рассмотреть эти моменты в их взаимодействии, связи и зависимости от тех движущих сил, которые в конечном итоге определили собой то или иное течение Гражданской войны и ее результаты. Для решения поставленных задач автор считал необходимым рассматривать военную сторону событий Гражданской войны на базе тех социально-экономических условий, которые определили собою группировку и динамику внутренних сил революции и контрреволюции» [5, с. 10]. Критически оценивая свой труд, в предисловии ко второму тому Н. Е. Какурин писал, что «он не рассматривает его как полную историю нашей Гражданской войны, а лишь как первое приближение к таковой» [6, с. 331].

В своей работе Н. Е. Какурин специально останавливается на периодизации Гражданской войны, которую положил в основу своей работы. Гражданскую войну он справедливо определил как продолжение Октябрьской революции. Опираясь чисто военно-оперативной аргументацией, он выделил три этапа, давая их характеристику: 1. Конец 1917 г. — июнь 1918 г. Данный период

характеризуется им как период «эшелонной войны» против контрреволюции на Дону и Украинской центральной рады. Автор не характеризует сущность и особенности Гражданской войны на данном этапе, но определяет ее как «эшелонную войну», без четко установленных фронтов. 2. Поворотным моментом и началом нового этапа Гражданской войны он считал мятеж чехословацкого корпуса в мае 1918 года и начало активизации сил интервенции. Лето 1918 года положило начало переходу от стихийного движения масс в определенное организационное русло, которое он связывает с организацией воинских формирований дивизий, армий, возникновения фронтов. 3. Данный этап (осень 1918 г. — весна 1920 г.) Н. Е. Какурин связывает с началом иностранной интервенции и разгромом армий Колчака и Деникина, которые, по его мнению, означали «фактический конец в пределах России Гражданской войны». В войне с панской Польшей «действовали силы внешней контрреволюции...», а «фронт внутренней контрреволюции в Крыму приобрел соподчиненное значение» [7, с. 46].

В данной работе Н. Е. Какуриным впервые дан большой и очень важный для военной истории и стратегии материал о театрах военных действий в годы Гражданской войны. Он выясняет роль и значение фронтов в тот или иной период Гражданской войны, их стратегические, оперативные особенности, операционные линии, пути вторжения и оперативных направлений и др. Все это иллюстрируется довольно подробно в многочисленных схемах и таблицах. Так, на основе подробнейшего анализа стратегического положения, сложившегося летом 1918 года, решающим направлением в борьбе с контрреволюцией стал Чехословацкий фронт. Уже в середине июля 1918 года был создан Восточный фронт, являвшийся первым оперативно-стратегическим объединением Красной армии в годы Гражданской войны. Именно сюда были брошены все наиболее боеспособные и стойкие воинские части. Впоследствии, в 1930–1940 годах, решающим участком боевых действий в 1918 году стал район Царицына, входивший в состав Северо-Кавказского округа (но не фронта), где в то время выполнял задание партии по сбору продовольствия для голодающих Центра России И. Сталин.

Значительное место в работе отводится рассмотрению внутривойсковой обстановки, расстановки классовых сил в годы Гражданской войны. Ставя пролетариат и буржуазию в число наиболее активных сил в Гражданской войне, он справедливо пишет, что в силу своей малочисленности они не могли самостоятельно бороться за разрешение тех исторических задач, которые были поставлены в порядке дня Октябрьской революцией. Для продолжения борьбы они искали расширения своего базиса в многомиллионной крестьянской массе. Несколько схематично и упрощенно он подходит к определению роли среднего крестьянства как потенциального резерва обеих борющихся сторон. Поворот в ту или иную сторону зависел от рациональности проводимой политики борющихся сторон. При этом в работе практически не освещаются позиции кулачества и помещиков.

Подробно и обстоятельно рассматривается состояние тыла враждующих сторон. Особое внимание уделяется выявлению природы, особенностей повстанческого движения в тылу воюющих армий, которые нередко оказывали определяющее воздействие на фронтовую обстановку и требовали применения с обеих сторон жестких мер военного и административного порядка. Автор довольно объективно оценивал характер этих движений, говоря, что «на территории красных фронтов эти движения носили характер временных колебаний крестьянской стихии, укладывающейся в рамки советского строительства; в тылу у белых они являлись вполне закономерным историческим явлением, питаемым... всей внутренней политикой белых» [8, с. 91–92]. В работе дается общая характеристика и особенности важнейших из них, которые возникали в непосредственной близости от фронта и имели существенное значение для действий регулярных войск.

Источники и литература:

1. Ненароков А. Об авторе и его труде // Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. — 2-е изд., уточн. — М.: Политиздат, 1990.
2. Калинин В. В., Исповедников Л. Ю. Комиссарские характеристики на преподавателей Военной академии РККА 1920-х гг. // Новейшая история России, 2017, № 1.
3. Среди переизданных и ставших доступными для широкого круга читателей трудов Н. Е. Какурина по данной проблеме можно выделить следующие: Какурин Н. Е. Гражданская война. 1918–1921 гг. / Н. Е. Какурин, И. И. Вацетис. Под ред. А. С. Бубнова. — СПб: ООО «Издательство Поляна». 2002; Какурин Н. Е. Гражданская

К сожалению, в структуре изложения материала по состоянию тыла автором допускается нарушение исторической последовательности. Так, вопросы повстанчества, бандитизма, дезертирства в различных районах и в разное время сосредоточены в одной главе, нарушая тем самым последовательность, преемственность событий, отрывая тем самым их от изложения хода Гражданской войны. Это, в свою очередь, приводит к неоднократным повторениям одних и тех же событий и фактов.

Несомненной заслугой Н. Е. Какурина является описание обстановки в стане формировавшихся белогвардейских правительств на различных территориях России. Он обстоятельно рассматривает причины возникновения, особенности их организации, политическую «физиономию» и цели их деятельности правительств Колчака, Деникина, Севера России, Туркестана, Кавказа, Украинской директории. Проанализировав все вышеперечисленные обстоятельства, Н. Е. Какурин дает впервые картину взаимоотношений между всеми этими правительствами, выясняет причины их разногласий, доходящие вплоть до вооруженных столкновений.

Отмеченные выше недостатки фундаментального военно-исторического исследования в какой-то мере влияют, но не снижают ценности данного труда и вытекают, прежде всего, из того, что молодая советская историография Гражданской войны в то время только начинала осваивать методологию. Имеющиеся погрешности в исторической взаимосвязи и последовательности в изложении фактов и событий в определенной степени снижают историческую ценность работы. Однако совершенно бесспорно, что выдвинутые в двухтомнике «Как сражалась революция» положения вполне доказаны современными исследованиями.

война в России. Борьба с белополяками. М.: АСТ: СПб; Terra fantastica. 2002; Какурин Н. Е. Стратегический очерк Гражданской войны. Борьба с белополяками. М. Изд-во «Директ Медиа». М., 2014; и др.

4. Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаенные страницы истории. — С.: Кучково поле, 2007.

5. Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. Т. 1. — 2-е изд., уточн. — М.: Политиздат, 1990, с. 18; Т. 2, с. 10.

6. Н. Е. Какурин. Указ. соч. Т. 2, с. 331.

7. Н. Е. Какурин. Указ. соч. Т. 1, с. 46.

8. Н. Е. Какурин. Указ. соч. Т. 1, с. 91–92.

УДК 82.09(571.51)

Лопаткина Р. С.

ПУТИ И СУДЬБЫ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА ЗАЗУБРИНА

Аннотация: в статье рассматривается отражение проблемы комплектования офицерского состава в армии Колчака на страницах романа «Два мира». Исследуются причины катастрофы Белого движения в Сибири с точки зрения автора. Также в статье на основе анализа художественного текста В. Зазубрина и исторических документов показана моральная раздвоенность представителей белой стороны.

Ключевые слова: Владимир Зазубрин, роман «Два мира», русское офицерство.

О неугасающем интересе к первому в истории советской литературы роману можно судить по тому, как активно он переиздается. За последние 20 лет он вновь увидел свет четыре раза. Например, в 2008–2009 гг. издательство «Вече» выпустило серию «Красные и белые», среди семи книг которой переиздан роман Владимира Зазубрина «Два мира». Издательский дом «Ленинград» в 2012 г. выпускает серию «Сибирский роман», где тоже есть книга Зазубрина.

Обращают на себя внимание оформление новых книг и то, как расставлены издателями акценты. На ярких обложках изображены не красные партизаны, а белогвардейский офицер. В советской литературной традиции считалось, что книга В. Зазубрина посвящена истории Тасеевской партизанской республики, разоблачению ужасов колчаковщины на территории Восточной Сибири. Это, безусловно, так, но она еще и об исторической судьбе русского офицерского корпуса.

Падение монархической власти повлекло за собой и распад всех государственных институтов. В первую очередь это коснулось армии.

Еще в ходе Первой мировой войны офицерский корпус сильно изменился, его социальный и национальный состав расширился [6]. Многие были мобилизованы еще царским правительством и успели получить военный опыт на германском фронте, теперь этот опыт становится востребован обеими нарождающимися армиями — Белой и Красной.

Об этом автор пишет во второй главе романа «МЫ — ОФИЦЕРЫ»: «Большинство произведенных были старые юнкера, сбежавшиеся к гостеприимному и хлебосольному адмиралу со всех концов России»; «...кадеты, считавшие себя военными с пеленок»; «...почти все они — военные по призванию, военные со дня рождения и военные случайные» [3].

После 1917 г. офицерский корпус был расколот на три части: 1-я — ярые приверженцы старой власти в различных формах; 2-я — по различным причинам перешедшие на сторону разрушителей России и 3-я — пытавшиеся отсидеться, чтобы потом примкнуть к победителям [6].

У Зазубрина в романе офицеры «разделились на два враждебных лагеря». Одни не сомневались в правоте выбранного пути, другие не находили ответа на мучившие их вопросы. Кавказец Рагимов честно служит Колчаку, но, видя бесперспективность борьбы, решает принять сторону более сильного противника. Подпоручик Мотовилов, настроенный монархически, сознательно и убежденно ведет борьбу с красными. Интеллигентный, постоянно рефлексирующий Иван Барановский, как пишет автор романа, «переживал в душе за последнее время сильную ломку». Он размышляет о слишком разнокалиберном составе как Белой армии, так и вообще людей, в той или иной степени причастных к борьбе с красными: «Одни думали, что идут за революцию, какую — неизвестно, другие шли определенно за реставрацию монархии, третьи — черт знает за что, четвертые — просто потому, что их силой гнали в бой...» [3].

Проблемы с формированием армий, комплектованием квалифицированных кадров испытывали обе стороны. Они решались традиционным способом — мобилизацией населения. Руководители Белого движения неоднократно указывали на «необходимость в срочном разрешении офицерского вопроса». «Но у нас у самих в важнейшей сейчас по своим задачам армии адмирала Колчака, а также и в Архангельской группе есть тоже своего рода беда с офицерским составом, ибо его там не хватает ни для комплектования сформированных уже войск, ни для новых формирований», — докладывал 7 мая 1919 г. генерал-лейтенант Добровольческой армии Д.В. Филатьев. Министр иностранных дел в Омске И.И. Сукин в своей шифрованной телеграмме для генерала Деникина от 20 июня 1919 г. пишет, что «освободительная армия, особенно Востока и Севера, терпит катастрофический недостаток в офицерах и интеллигентных лицах» [2].

Колчаковский министр среди массы причин, заставивших офицеров служить большевикам, называет «общепринудительную мобилизацию, связанность семейными заложниками, безвыходность положения в материальном отношении». Хотя генералов и офицеров в Красной армии много, но огромное большинство из них служит у большевиков или из-за куска хлеба, или же по принудительному призыву [2].

Острая нехватка профессиональных кадров вынуждала верхушку Белого движения обратиться к тем, кто по разным причинам оказался на стороне большевиков, и она обещает, что «невольный грех их будет забыт и что они нужны...» [2].

Все в той же телеграмме министр И.И. Сукин предлагает обратиться к офицерам старой русской армии со следующим воззванием: «Вождь освободительных русских армий адмирал Колчак, генералы Деникин, Юденич и Миллер приказывают вам оставить шайку разбойников и разрушителей и пополнить ряды освободительных армий, добровольно перешедшие и переходящие от Красной армии немедленно будут привлечены к борьбе с большевиками офицерами же» [2].

В романе «Два мира» название одной из глав красноречиво говорит о проблеме перехода офицеров из одной армии в другую: «ГЕНЕРАЛЫ

И ПОЛКОВНИКИ — КОММУНИСТЫ». Автор подробно излагает «доклад пленного командира красной бригады». «Докладчик, пожилой полковник, уже пришел и стоял за кафедрой, сверкая новенькими золотыми погонами». «Пленный информировал офицеров о строительстве Красной армии, об условиях жизни в тылу, в Советской России. Эти вопросы живо интересовали офицеров» [3].

В 10-й главе романа «ДОЛОЙ ВОЙНУ» есть эпизод с захваченным в плен командиром красной роты, отрекомендовавшимся бывшим царским офицером. Он объясняет, что «не мог не служить в Красной армии, так как был мобилизован как военный специалист» [3].

В последнее время появилось много публикаций по истории отечественного офицерства. В одной из них приводятся следующие цифры: «В период Гражданской войны в ряды Красной армии было призвано 48,5 тысячи царских офицеров и генералов. В решающем 1919 г. они составили 53 % всего командного состава РККА. Из 150-тысячного корпуса офицеров Российской империи в Красной армии служили 75 тысяч бывших офицеров (из них 62 тысячи дворянского происхождения), в то время как в Белой — около 35 тысяч» [1].

Ю. Кантор в своей публикации «Белые в красном» пишет о том, как почти 100 лет назад царских офицеров призывали служить в Красную армию. Она приводит воспоминания участника Белого движения генерала Павла Петрова: «Одни в ненависти своей к большевикам считали всякую работу с ними предательством по отношению к прежней Русской армии и формируемой Добровольческой армии, другие считали возможным принять участие в работе с условием, что новые части создаются только для выполнения задач на фронте; третьи считали возможной работу без всяких условий, полагая, что нужно создать хорошие части, прекратить хаос, забрать в руки военный аппарат с тем, чтобы использовать его по обстановке, четвертые просто искали работу... Только небольшая часть шла в Красную армию охотно... Никто еще не отдавал себе отчета в том, что советская власть потребует службы от всех военных без всяких рассуждений и условий, а случилось это скоро» [4].

По свидетельству генерал-майора (1914) Российской императорской армии и генерал-лейтенанта (1944) Красной армии Михаила Бонч-Бруевича, «в Красную армию пришло 775 царских генералов и 1726 штаб-офицеров (980 полковников и 746 подполковников), то есть всего две с половиной тысячи человек». За добровольческий период формирования Красной армии (с января по май 1918 г.) в нее вступило 8 тысяч бывших царских офицеров. Высшие командные должности в войсках также главным образом занимали они. В первой половине 1918 г. все командные и штабные должности ее участков и отрядов (и развернутых позже на их основе дивизий) были заняты исключительно «золотопогонниками».

Для сравнения: в период Гражданской войны у белых, по опубликованным источникам, было в несколько раз больше царских офицеров — 60 тысяч в армии Деникина, 30 тысяч — у Колчака. А еще были формирования Врангеля, Краснова, Каппеля и др. Но Белое движение, погрязшее во внутренних распрях, было разобщено и не нашло сил для объединения даже перед фатальной опасностью. Красные же были монолитны [4].

Недостаток квалифицированных военных специалистов необходимо было восполнить обем противоборствующим сторонам в самое короткое время, поэтому они стали разменной монетой в большой политической игре.

Примеров насильственной мобилизации в армию Колчака в романе Зазубрина предостаточно. Многие офицеры тяготятся военной службой. Бывшему преподавателю естественных наук в женской гимназии и реальном училище штабс-капитану Капустину пригрозили расстрелом, и он пошел на войну, хотя ему нет дела ни до белых, ни до красных; подпоручик Колпаков, вчерашний студент, «был кадет (член Конституционно-демократической партии) и немного либеральничал», из которого, по его же словам, «выпекли подпоручика», мечтает о свежих газетах и домашнем уюте.

Даже местное население при отступлении колчаковцев сочувствует солдатам, так как «люди знали, что многие или даже большинство раненых были насильно загнаны на фронт» [3].

То, что происходило со старой русской армией, В. Я. Зазубрин знал не с чужих слов, все эпизоды романа из белогвардейской жизни имеют биографическую основу. После Февральской революции он был арестован новой властью, вероятно, как подозреваемый в провокации. Его перевели в Симбирскую губернскую тюрьму, но летом 1917 г. освободили и призвали в армию. Будущий писатель поступил в Павловское военное училище в Петрограде. После Октябрьской революции, с ноября 1917-го по февраль 1918 г. Зазубрин — секретарь комиссара Государственного банка. Затем он вернулся в Сызрань, активно сотрудничал в поволжских газетах, начал писать роман о большевистском подполье. После того, как в результате мятежа чехословацкого корпуса советская власть в мае — июне 1918 г. была свергнута, Зазубрин (тогда еще Зубцов) был мобилизован в армию Комуча (Комитета Учредительного собрания) и направлен продолжать учебу в Оренбургское военное училище, которое после захвата города красными было эвакуировано в Иркутск. После десятимесячной учебы подпоручик Зубцов был назначен в штаб Омского военного округа, а оттуда направлен на борьбу с красными партизанами командиром взвода 15-го стрелкового добровольческого полка, сначала в Красноярске, а потом в Канске и на Тасеевском фронте. В октябре 1919 г., когда колчаковский режим доживает последние месяцы, полурота из двух учебных взводов во главе с Зубцовым с оружием в руках переходит на сторону партизан [7].

Учитывая вышеизложенные факты военной биографии Владимира Зазубрина, неслучайным кажется подзаголовок «Исповедь колчаковского офицера» ко второму изданию романа, который вышел в Петрограде в 1922 г. И хотя такой подзаголовок крайне возмущил автора романа, но провидчески указывал на незавидную участь бывшего офицера в будущем. Несмотря на все заслуги перед новой властью — в становлении РККА и, соответственно, в укреплении советской власти, становлении советского военного образования, — с 20-х гг. военспецов стали вычищать из армии, поначалу относительно мягко — увольняя с работы. Потом — отправляя в ссылки и лагеря, затем — расстреливая [4].

Сам В. Зазубрин так же, как и многие в те годы, мучительно выбирая между двумя силами, оказавшись на острие борьбы, в полной мере разделил судьбу собратьев по оружию. Судьба его поочередно приводила то к белым, то к красным. Почти как в стихотворении М. Волошина:

И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер...

Такой крупный литературовед, критик и публицист, как Вадим Кожин, в своей книге «Россия, век XX-й. 1901–1939 гг.», исследуя состояние офицерского корпуса после революций 1917 г., приходит к однозначному выводу: «Итак, почти половина лучшей части, элиты российского офицерского корпуса служила в Красной армии!» Данный исторический факт, пишет В. Кожин, не хотели признавать ни белые, ни красные (поскольку тем самым выявлялась одна из истинных, но не делающих им чести причин их победы над белыми). Еще он замечает, что этот факт

«достаточно весомо воссоздавала художественная литература; вспомним хотя бы образ полковника Генштаба Рощина в «Хождении по мукам» А.Н. Толстого. Но этот всецело характерный для эпохи образ воспринимался большинством читателей как некое исключение, как отклонение от «нормы» [5].

Нам представляется, что и роман В. Зазубрина, если его рассматривать в аспекте решения проблемы военных специалистов в условиях гражданского противостояния, является достоверным отражением сложного выбора, который сделали десятки тысяч человек.

Таким образом, замалчиваемые страницы истории Гражданской войны о роли офицеров старой русской армии в деле строительства Красной армии находят свое подтверждение в романе, хотя основной акцент автор все же делает на разоблачении политики белого террора в отношении населения.

Источники и литература:

1. Борисов Вольга. Царские и белые офицеры на службе Республики Советов // Суть времени. — № 65. — 19.02.2014.
2. В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сборник документов и материалов / под ред. проф. М. Е. Глазковского. — М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. — 288 с.
3. Два мира: роман / Владимир Зазубрин. — Красноярск: Кн. изд-во, 1983. — 304 с.
4. Кантор Ю. Белые в красном // Российская газета. — № 5993 (17). — 29.01.2013.
5. Кожин В. В. Россия, век XX-й. 1901–1939. — М.: «Алгоритм», 2001.
6. Панов А. И. Участие русского офицерского корпуса в революционных переворотах в России 1917 года: историческая закономерность или субъективная реальность? // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы международной научной конференции (Красноярск, 14–15 ноября 2007 г.) — Красноярск, Красноярский писатель, 2007.
7. Соколов Б. Владимир Зазубрин: Певец или разоблачитель утопии? // Два мира. Серия «Красные и белые». М.: Вече, 2008.

ЧАСТЬ 6

Вопросы сохранения исторической памяти

УДК 069(571.51)

Борисенко Е. А., Черепанов А. С.

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 2017 ГОДУ

Аннотация: в статье рассматривается работа отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея в 2017 году с темой «Российская революция 1917 года».

Ключевые слова: музей, революция, просветительская деятельность, Красноярск.

В 2017 году отмечается 100 лет революции 1917 года в России. По случаю юбилейной даты Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ) подготовил и 2 марта на площадке музея-парохода «Святитель Николай» (филиала КККМ) открыл выставку «Уроки революции».

Помимо выставки научными сотрудниками отдела истории Е. А. Борисенко, М. Ю. Новоселовым и А. С. Черепановым были разработаны разнообразные по форме проекты и мероприятия, посвященные событиям столетней давности: электронная база данных, интернет-викторина, научно-практическая конференция, интеллектуальная игра по типу квиза, историческая реконструкция.

Стоит отметить, часть мероприятий разработана и проведена или еще будет проведена при поддержке Фонда В. Потанина в рамках грантового проекта «Музей в революции/революция в музее».

Самым первым проектом, созданным сотрудниками музея, стала электронная база данных «Участники революционных событий 1917 года», в которой собраны биографии 170 красноярских революционеров, а также известных политических ссыльных, отбывавших ссылку в Енисейской губернии, а в последующем вошедших в состав советского правительства (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и др.).

При подготовке базы данных были использованы воспоминания свидетелей революционных событий, биографические статьи, изданные в советское время, а также материалы фондов КККМ.

Подавляющее большинство революционеров, вошедших в базу данных, по своей политической принадлежности являются социал-демократами, в первую очередь — большевиками.

С одной стороны, это связано с тем, что в советское время особое внимание со стороны историков и музейных сотрудников уделялось большевикам, изучались их биографии, а предметы, связанные с ними, экспонировались в музеях.

С другой стороны, это объясняется уникальной исторической ситуацией, сложившейся в Красноярске в 1917 году. Большевики, а точнее — социал-демократы (для Красноярска не было характерно разделение членов РСДРП на большевиков и меньшевиков вплоть до конца 1917 года), были одной из сильнейших и влиятельных политических сил. Им сочувствовали и оказывали поддержку рабочие железнодорожных мастерских и золотых приисков. Позиции социал-демократов были сильны в Красноярском Совете рабочих, солдатских и казачьих депутатов, где они занимали ключевые посты. Так, председателем Красноярского Совета был Я. Ф. Дубровинский, товарищами председателя в разное время — Б. З. Шумяцкий, Т. П. Марковский, А. И. Окулов, казначеем — Н. Н. Демидов. На выборах 2 июля в Красноярскую городскую думу социал-демократы одержали победу и заняли 41 место из 81 (по другим данным — из 83) мест гласных [1, с. 49], а городским головой стал социал-демократ Я. Ф. Дубровинский [2, с. 9].

Тем не менее говорить, что в базе данных представлены одни лишь большевики, не приходится. В нее включены эсеры (Е. Е. Колосов, И. В. Ка-

занцев и др.), анархисты (В.К. Каминский), об-ластники (В.М. Крутовский) и представители других политических течений (Н.Н. Бессонов).

Биографические статьи размещены в алфа-витном порядке. Практически все статьи сопро-вождаются иллюстрациями — фотографиями, большая часть из которых находится в фондах КККМ и многие из которых демонстрируются впервые.

Стоит сказать, что база данных создавалась как информационное сопровождение для выставки «Уроки революции». Она сделана в программе Microsoft Publisher и размещена в электронном киоске, и каждый посетитель выставки может получить к ней свободный доступ.

Некоторые статьи базы данных с марта 2017 года размещаются на сайте КККМ в разде-ле «Проект «Имена 17-го года». Так, были опу-бликованы биографии как известных револю-ционеров (В.И. Ленина, Г.С. Вейнбаума и др.), так и менее знакомых общественности (напри-мер, членов Союза трудящейся молодежи города Минусинска Б.И. Сафьянова, К.А. Липинской, Е.В. Астанковой, З.Е. Гущик и др.).

Значительная часть мероприятий, разработан-ных сотрудниками музея в связи с темой рус-ской революции 1917 года, была ориентирована на учащихся разных возрастных категорий. Для них были разработаны музейный урок «Револю-ционный 1917 год в России и Красноярске», ин-теллектуальная игра «Знатоки 17-го года», исто-рическая реконструкция события, прошедшего в Красноярске 10 марта 1917 года, интернет-вик-торина «Великая русская революция 1917 года в Енисейской губернии и Красноярске».

При их разработке изначально было решено, что они должны решать две цели: просветитель-скую и популяризаторскую. С одной стороны, мероприятия должны выявить интерес людей к истории Отечества в целом и к истории края в частности, а с другой — расширить кругозор людей. Другими словами, музейные проекты должны быть познавательными.

Одной из форм просвещения школьников о со-бытиях столетней давности стал музейный урок «Революционный 1917 год в России и Краснояр-ске». Изначально он был разработан как альтерна-

тива экскурсии по выставке «Уроки революции» и представлен в трех вариантах: для учащихся 4–5-х классов, 6–8-х классов и 9–11-х классов.

Особое внимание хотелось бы остановить на варианте урока для учащихся младшего звена, при разработке которого возник ряд сложностей, связанных, главным образом, с формой подачи/презентации исторического материала. Ключе-вой вопрос был, как рассказать об истории ре-волюции понятно и интересно детям, которые только приступают в рамках школьной програм-мы знакомиться с предметом истории и не знают многих понятий и терминов.

Было решено, во-первых, сопроводить рассказ об истории России в начале XX века наглядными средствами обучения (иллюстрациями и схема-ми). Во-вторых, провести урок в игровой форме. Так, например, после рассказа о социальных сло-ях российского общества учащимся необходимо было определить, к какому сословию относится человек или группа лиц, изображенных на кар-тинке. Во время апробации урока, а затем при по-следующем его проведении наибольший живой отклик у учащихся вызвала игра-головоломка, в которой с помощью шифра необходимо было прочесть сообщение телеграммы, зашифрован-ной в системе азбуки Морзе.

Таким образом, благодаря играм и наглядным средствам сотрудникам музея удалось предста-вить исторический материал интересным и до-ступным для восприятия способом. Данный урок неоднократно был проведен сотрудниками музея в период с марта по июнь.

7 апреля КККМ провел интеллектуальную игру «Знатоки 17-го года», посвященную 100-ле-тию революционных событий в России. Участ-никами игры стали команды школьников 9–11-х классов средних общеобразовательных учрежде-ний Красноярска, Железногорска и Дивногорска.

Данное мероприятие состояло из двух частей: исторической реконструкции и интеллектуаль-ной игры по типу квиза.

Главная идея исторической реконструкции — рассказать о событии, которое произошло 10 мар-та 1917 года в Красноярске. Идея реконструкции возникла в ходе знакомства с материалами фон-да КККМ. В фондах музея хранится обращение

исполнительного комитета Красноярского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, в котором говорится: «Сограждане! Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов решил установить день 10 марта как день воспоминания о героях и мучениках русской революции. // Исполнительный комитет Красноярского Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов организует в этот день, 10 марта, торжественное шествие, принять участие в котором он приглашает граждан и общественные организации г. Красноярска» [3]. Таким образом, 10 марта 1917 года в Красноярске прошла демонстрация, посвященная героям и жертвам Февральской революции.

Наибольшие сведения о данном событии были получены из статьи первого номера газеты «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов» [4], в которой дается отчет о проведении праздника, перечислены организации и общественные деятели, принявшие в нем участие, и приведена стенограмма речей некоторых из выступающих.

Опираясь на полученные сведения, сотрудники музея решили воссоздать небольшой фрагмент события прошлого, на котором зрители смогли бы прослушать речи председателя Красноярского Совета Я. Ф. Дубровинского, товарища председателя Совета Т. П. Марковского, члена Комитета общественной безопасности А. Г. Шлихтера, члена красноярского отделения РСДРП И. А. Теодоровича, члена красноярского отделения партии социалистов-революционеров А. П. Лебедевой.

В качестве рассказа о предыстории события было решено использовать форму видеопозаказ. В коротком видеосюжете в стилизованной форме была представлена постановка заседания президиума Красноярского Совета. Роль членов президиума сыграли сотрудники музея. При создании видеосюжета были использованы музейные предметы начала XX века, а качеству изображения и звука видео был придан эффект старения.

Во время проведения самой реконструкции была использована еще одна форма подачи информации — виртуальная экскурсия по улицам старого Красноярска. С помощью фотографий, выводимых на экран, зрителям был показан об-

раз старого Красноярска по маршруту, которым шли демонстранты. Центральное место при показе занимала фотография самого события. На фотографии запечатлена колонна военных и людей в штатском, идущих по улице Воскресенской (ныне — проспект Мира) возле здания Драматического театра им. А. С. Пушкина.

Таким образом, реконструкция состояла из трех частей: видеосюжета, виртуальной экскурсии и воспроизведения выступлений участников демонстрации 10 марта. Исполнителями реконструкции стали сотрудники музея и студенты Межрегионального правового колледжа (г. Красноярск). Разнообразные формы презентации материала позволили в сжатой, но яркой форме рассказать о событии столетней давности.

Вторая часть мероприятия «Знатоки 17-го года» — интеллектуальная игра по типу квиса. Она состояла из четырех этапов.

В трех турах участники должны были за ограниченное количество времени ответить на вопросы как по всероссийской истории, так и по истории Енисейской губернии. Вопросы располагались по степени сложности: от «Кто был последним императором династии Романовых?» до «Каких политических воззрений придерживался В. М. Крутовский?».

Стоит сказать, что мероприятия подобного рода (брейн-ринг, квис и т. п.), организованные музеем, всегда имеют одну особенность. В них обязательно должен присутствовать музейный экспонат. Так, в четвертом туре игры «Знатоки 17-го года» участникам по прослушанному короткому тексту необходимо было определить, что находится в черном ящике. Например, прослушав цитату из поэмы А. А. Блока «Двенадцать», понять, что в черном ящике книга с данной поэмой. Отметим, что первое издание поэмы вышло в 1918 году, и один из экземпляров книги 1918 года представлен на выставке «Уроки революции».

По итогам игры призеры получили книги, написанные сотрудниками музея, и грамоты, остальные участники и учителя — благодарственные письма. Грамоты были специально разработаны до проведения мероприятия. На них изображен пароход «Св. Николай», часть пра-

вого борта которого приобрела черты крейсера «Авроры». Изображение парохода было выбрано не случайно, так как именно на его площадке прошло мероприятие и организована выставка «Уроки революции». Другими словами, сотрудники музея подошли к проведению мероприятия «Знатоки 17-го года» комплексно, представив тему русской революции 1917 года как в содержании, так и во внешних атрибутах мероприятия.

Для учеников, интересующихся историей, была разработана интернет-викторина «Великая русская революция 1917 года в Енисейской губернии и Красноярске». Принять участие в викторине можно с 7 февраля по 1 октября 2017 года.

Викторина включает в себя 26 вопросов разной сложности. Часть из них предусматривает короткий ответ, например: «В каком селе с 1897 по 1900

год отбывал ссылку В.И. Ленин?» Другие вопросы требуют развернутого ответа. Например, участникам необходимо назвать основные идеи политических программ эсеров и большевиков.

На данный момент ведутся заявки на участие, и подведение итогов пока не представляется целесообразным. Отметим, что мероприятия подобного рода уже проводились музеем.

Подводя итог, отметим, что тема «Российская революция 1917 года» представлена в деятельности КККМ разнообразными по форме и содержанию мероприятиями. В ходе их реализации получены положительные отзывы, что говорит о качестве проделанной работы. Также стоит сказать, что музей продолжает создавать новые проекты по данной теме.

Источники и литература:

1. Дементьев А. П. Итоги избирательной кампании 1917 г. в городские думы Енисейской губернии // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 7.1 (31) (Гуманитарные науки). С. 43–54.
2. Красноярье: пять веков истории. Учебное пособие по краеведению. Часть II. — Красноярск: группа компаний «Платина», 2006. — 256 с.
3. Архив КККМ. КПД 94/3.
4. Праздник Русской Революции в Красноярске // Известия Красноярского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. — 1917. — № 1. — С. 1–2.

УДК.94.37.02

Кабушева Н. Н.

ИЗУЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: статья поднимает проблемы изучения Великой российской революции в средних профессиональных организациях. Рассматриваются методы обучения, направленные на эффективную организацию самостоятельной урочной и внеурочной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: революция, урочная и внеурочная самостоятельная работа, методы обучения.

Чем дальше от нас исторические события, тем больше таинственного и спорного в них проявляется, зато проанализировать причинно-следственные связи можно по прошествии времени («большое видится на расстоянии»).

100 лет прошло с тех пор, как свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. 100 лет — это жизнь четырех поколений. Современному поколению молодежи трудно судить о тех событиях, которые были тогда, когда на свет еще не появились их бабушки и дедушки. Но знать события, происходившие у нас в стране, должен каждый россиянин [2, с. 35].

Проблема изучения революционных событий 1917 года заключается в том, что по образовательным стандартам нового поколения для СПО очень мало времени отводится на изучение этих событий в рамках дисциплины «история», при этом большой объем информации нужно усвоить и сформировать устойчивые знания. По учебному плану на изучение Февральской революции отводится два часа, на изучение Октябрьской революции — два часа и на самостоятельное изучение — от двух до трех часов. Какова значимость и актуальность изучения событий многолетней давности? На волне «перестройки» появляется много мифов, авторы которых искажают историю сознательно. И неважно, что является у них побудительным мотивом. Результат один — иска-

жение исторического сознания целых поколений. Поэтому актуальным является изучение событий 1917 года.

Для того чтобы решить проблему изучения Великой российской революции, необходимо сформировать интерес у обучающихся. Ведь интерес является одним из сильнодействующих мотивов человеческой деятельности. Интерес (от лат. «имеет значение, важно») — реальная причина действий, ощущаемая человеком как особо важная. Интерес можно определить как положительное оценочное отношение субъекта к его деятельности. Познавательный интерес проявляется в эмоциональном отношении обучающихся к объекту познания. Существуют разные методы самостоятельной работы, позволяющие вызвать интерес молодежи к данной теме. Можно выделить несколько путей и средств формирования устойчивых познавательных интересов:

- новизну учебного материала;
- историзм;
- связь знаний с судьбами людей, причастных к твоей семье;
- проблемное обучение;
- обучение с компьютерной поддержкой;
- применение мультимедиа-систем;
- показ достижений обучаемых;
- доверие к обучаемому;
- педагогический такт и мастерство педагога;

- отношение педагога к своему предмету, обучаемым [1, с. 345].

В рамках своей дисциплины я пытаюсь направить студентов на понимание причин, приведших к тем или иным событиям, в том числе и к революции 1917 года. Для проявления интереса к этим событиям провожу подготовительную работу. В самом начале изучения дисциплины даю задание составить свое генеалогическое древо. Это задание студенты выполняют охотно и с интересом. При выполнении этого задания некоторые студенты «открывают» для себя своих родственников, живших в начале 20-го и даже в конце 19-го веков. Для многих это является открытием (см. схему 1).

Когда мы подходим к изучению революционных событий, студентам становится легче пони-

мать и осознавать происходившее, так как это уже напрямую связано с их предками. Создавая свое генеалогическое древо, молодежь невольно соприкасается с эпохой дореволюционной России.

Для лучшего понимания событий и их значения обучающиеся могут описать памятники, имеющие отношение к периоду установления советской власти, в их родном городе, поселке, деревне.

На уроках истории целесообразным является составление сравнительных таблиц революций 1917 года при работе с учебниками (см. табл. 1).

Изучение схем (см. схему 2):

В результате изучения этой схемы студенты делают вывод, что Великая Октябрьская социалистическая революция явилась итогом Фев-

Таблица 1

Линия сравнения	Февральская революция	Октябрьская революция
Руководящая сила революции (партия)		
Движущая сила революции (классы)		
Лозунги революции		
Характер (мирный или немирный)		
Поддержка обществом		

Схема 1

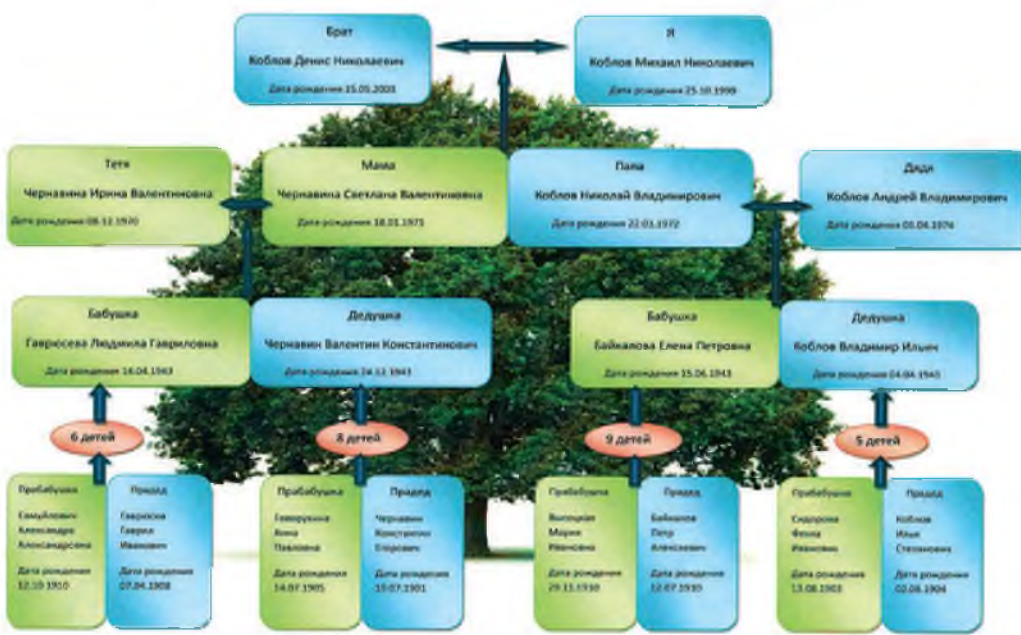

Схема 2

ральской революции. На основании этой схемы студенты могут самостоятельно составить схему Октябрьской революции.

Самостоятельная работа студентов как урочная, так и внеурочная активизирует интерес к Октябрьской революции. Дает возможность развивать навыки анализа, выявлять причинно-следственные связи, оформлять результаты мыслительных операций в письменной и устной форме [3, с. 80].

Еще один из методов изучения революции — это урок в музее. В канском краеведческом музее много экспонатов и документов, рассказывающих о событиях и персоналиях 1917 года и периоде установления советской власти в нашем районе. В результате сотрудничества с музейными работниками нас знакомят с этими документами и экспонатами, рассказывают о людях, стоявших у истоков советской власти в Канском районе.

Источники и литература:

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология / Выготский Л. С. — М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2008. — 672 с.
2. Дусавицкий А. Г. Воспитывая интерес / Дусавицкий А. Г. — М.: Знание, 2004. — 80 с.
3. Коротяев Б. И. Учение — процесс творческий / Коротяев Б. И. — М.: Просвещение, 2007. — 159 с.

Многие вопросы истории, непонятные и сложные, перестают быть такими, как только становятся понятными причины и события, к ним приведшие. Чем больше информации и знаний об определенной теме, тем легче она становится для восприятия и запоминания.

Подводя итог, могу сказать, что существует много методов и способов изучения революционных событий. Мной рассмотрена часть методов самостоятельной работы студентов, направленных на активизацию познавательной деятельности обучающихся. К таким методам можно отнести проблемное обучение; метод исследовательского обучения; задание на сравнение и систематизацию материала. В ходе такого обучения студенты учатся анализировать и давать свою собственную оценку происходящим событиям.

ОТНОШЕНИЕ СИБИРЯКОВ К РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕРНЕТ-ОПРОСА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация: в статье рассматриваются результаты интернет-опроса среди пользователей социальных сетей, проживающих на территории Сибирского федерального округа, направленного на выяснение отношения к событиям Русской революции 1917 года. Рассматривается понимание респондентами исторической значимости событий 1917 года, причин революции 1917 года, ее положительных и отрицательных последствий, а также собственного «революционного» поведения участников опроса.

Ключевые слова: 1917 год, Февральская революция, Октябрьская революция, отношение, интернет-опрос, социальные сети.

100-летний юбилей Русской революции, отмечаемый в этом году, стал предметом споров и обсуждений не только в кругу профессиональных историков, но и в среде общественности, в том числе в сети Интернет – в блогах, микроблогах, на форумах, а также в социальных сетях. Учитывая то обстоятельство, что именно социальные сети сегодня являются наиболее популярной формой интернет-общения, где пользователи, даже не имея достаточной аргументации, способны формировать общественное мнение, было организовано исследование среди пользователей социальных сетей Facebook, «Одноклассники», «ВКонтакте», где были размещены профессиональные формы для опроса.

Всего в исследовании приняли участие 100 человек, проживающих на территории Сибирского федерального округа, из них 50 % мужчин, 50 % женщин – пользователей социальных сетей (рис. 1).

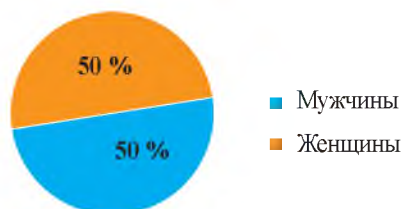

Рис. 1. Распределение респондентов по полу

По возрастным характеристикам (рис. 2) респонденты распределились следующим образом:

лица в возрасте до 18 лет — 7%, от 18 до 22 лет — 33%, от 31 до 40 лет — 22%, от 23 до 30 лет — 20%, от 41 до 50 лет — 15%, от 51 года и старше — 3%.

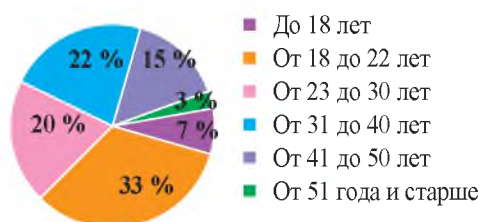

Рис. 2. Распределение респондентов по возрасту

По уровню образования (рис. 3) среди опрошенных оказалось 62 % лиц с высшим образованием (38 % — специалитет, магистратура, 24 % — бакалавриат), 15 % — со средним общим образованием, 8 % — со средним профессиональным, 8 % — с высшим послевузовским образованием (кандидат, доктор наук), 7 % — с основным общим образованием.

Рис. 3. Распределение респондентов по уровню образования

Отвечая на вопрос о том, что такое Русская революция 1917 года (рис. 4), 80 % ответили, что это события, объединившие Февральскую и Октябрьскую революции. 12 % считают, что Русская революция 1917 года – это синоним Октябрьской революции. 8 % подразумевают под Русской революцией только события февраля 1917 года.

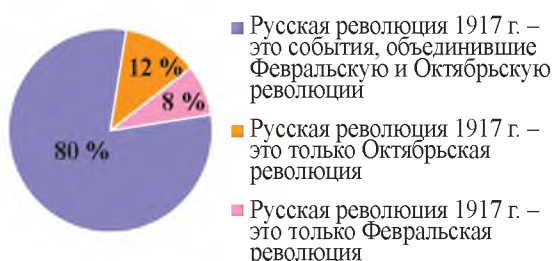

Рис. 4. Понимание Русской революции 1917 г.

Исходя из своего понимания, что такое Русская революция, 58 % респондентов назвали ее закономерным явлением в истории России. Случайный характер Русской революции отметили 8 % респондентов. 14 % опрошенных закономерным явлением в истории страны считают Февральскую революцию. 17 % полагают, что закономерными следует считать события октября 1917 года.

Кроме того, 3 % респондентов случайным явлением назвали Октябрьскую революцию. В общем виде ответы на вопрос о закономерности революционных событий 1917 года отражены на рис. 5.

Рис. 5. Русская революция 1917 г. как закономерное или случайное явление

Признавая закономерность произошедшей в 1917 г. Русской революции, 35 % респондентов в то же время полагают, что она свернула Россию с исторического пути. Прогрессивным явлением считают Февральскую и Октябрьскую революции соответственно 5 и 15 %. Столько же отказываются считать Февральскую и Октябрьскую революцию прогрессивным явлением. Наконец,

прогрессивными для России революционные события 1917 года в целом считают 25 % пользователей социальных сетей (рис. 6.).

Рис. 6. Прогрессивность Русской революции 1917 г.

Среди тех, кто разделяет Февральскую и Октябрьскую революции, преобладают лица, полагающие, что революция дала толчок социальному развитию страны. За Октябрьскую революцию высказались 18 % респондентов. 4 % опрошенных отдали приоритет Февральской революции. 8 % участников опроса ответили, что Февральская революция стала препятствием на пути социально-экономического развития. 13 % опрошенных такую же негативную характеристику дали Октябрьской революции.

Те же, кто рассматривает Русскую революцию 1917 года начиная со свержения монархии во время Февральской революции до переворота большевиков, провозгласивших советскую власть, как единый процесс, больше согласны с тем, что она стала препятствием социально-экономического развития страны (32 %). И только 25 % респондентов отметили, что и Февральская, и Октябрьская революции способствовали дальнейшему социальному развитию России (рис. 7).

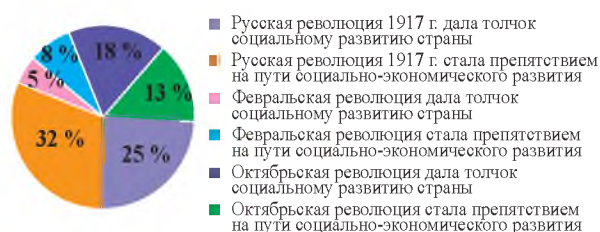

Рис. 7. Роль Русской революции 1917 г. в социально-экономическом развитии страны

При этом в оценке как Русской революции в целом, так и ее отдельных этапов с позиции того, чем она стала для страны — катастрофой

или качественно новой отправной точкой (рис. 8), респонденты более склонны к положительным характеристикам.

Рис. 8. Была ли Русская революция 1917 г. катастрофой для страны

7% опрошенных дают положительную характеристику Февральской революции, а 18% — Октябрьской революции. 37% ответивших положительно оценивают влияние Русской революции на дальнейшее развитие страны в целом.

Среди противников революций результаты распределились так: 2% считают, что Февральская революция стала для России катастрофой. В отношении Октябрьской революции такую же позицию высказали 8% респондентов. 28% опрошенных отрицательно оценивают влияние революционных событий 1917 года на дальнейшее развитие страны в целом.

Рис. 9. Причины Русской революции 1917 г.

Среди причин (рис. 9) Русской революции 1917 года, как ее понимают сами респонденты, чаще всего назывались: «Борьба за власть между разными политическими силами» (50%), «Слабость правительственной власти» (50%) и «Нестабильная ситуация в стране в целом» (50%), «Неудачи в Первой мировой войне» (48%). Наряду с этим назывался ряд социальных причин: «Социальное неравенство», «Противостояние между бедными и богатыми» (40%), «Бедственное положение народа, нищета, разруха» (40%),

«Неграмотность населения и подверженность пропаганде» (37%).

Также в качестве причин революции 1917 года нередко указывались: «Заговор внешних, анти-российских сил» (22%), «Деградация российской армии» (17%), «Стихийная агрессия толпы» (13%). Гораздо реже назывались: «Политический авантюризм оппозиции» (8%) и «Экстремизм революционеров» (7%).

Рис. 10. Положительные последствия Русской революции 1917 г.

Далее респондентам предлагалось назвать положительные последствия (рис. 10) революции 1917 года для российского общества.

Самыми популярными оказались ответы: «Революция покончила с сословным делением, установила социальное равенство» (42%) и «Выход России из Первой мировой войны и установление мира» (40%), «Были проведены социально-трудовые реформы» (38%). Вслед за ними по популярности следуют: «Женщины были уравниены в правах с мужчинами» (33%), «Свержение монархии» (32%), «Были провозглашены политические права и свободы» (30%), «Установление республиканского строя» (28%), «Формирование новой, боеспособной армии» (23%), «Было сформировано дееспособное правительство» (22%).

Кроме того, 17% опрошенных полагают, что революция решила земельный вопрос, 15% назвали легализацию политических партий, 13% выделили в качестве достижения революции то, что она стимулировала национально-освободительное движение в Российской империи, 12% считают, что революция помогла решить общенациональный кризис. Интересно, что 15% респондентов на этот вопрос вовсе не дали ответа, отметив, что положительных последствий у революции не было.

Рис. 11. Отрицательные последствия Русской революции 1917 г.

Отмечая отрицательные последствия революции 1917 года (рис. 11), 63% опрошенных выделили то, что она привела к Гражданской войне. Далее с заметным отставанием были названы такие негативные итоги, как: «Распад Российской империи» (45%), «Революция привела к последующему уничтожению аристократии и интеллигенции» (42%), «Не был преодолен общенациональный кризис» (40%), «Революция ухудшила экономическую ситуацию» (37%), «К власти пришли радикалы и авантюристы» (35%). По 20% голосов респондентов получили ответы: «Свержение монархии», «Не был решен земельный вопрос», «Крах буржуазно-либеральной альтернативы развития России», «Страна была лишена демократического развития, многопартийности». Наконец, самым редким оказался ответ: «Выход России из Первой мировой войны и заключение позорного мира» (15%). Кроме того, 5% опрошенных не увидели в Русской революции 1917 года отрицательных последствий.

В оценке роли В.И. Ленина в революции и в истории России мнения разошлись. 18% опрошенных считают, что В.И. Ленин сыграл в истории страны положительную роль, 12% считают Ленина отрицательной фигурой, однако большинство (70%) полагают, что фигуру вождя большевиков не стоит оценивать однозначно (рис. 12).

Рис. 12. Оценка роли В. И. Ленина в истории России

Следующий вопрос выяснял, поддержали бы респонденты революцию, если бы жили в 1917 году (рис. 13).

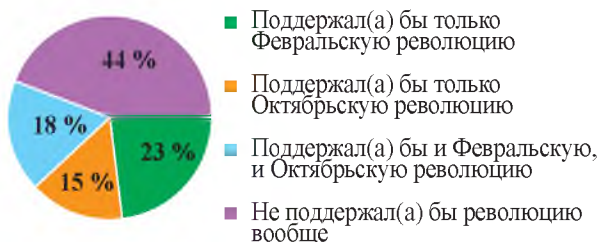

Рис. 13. Поддержали бы Вы революцию в 1917 г.?

23% поддержали бы только Февральскую революцию, 15% поддержали бы только октябрьские события, 18% поддержали бы обе революции, а вот 44% не поддержали бы революцию вообще. Ответы на вопрос: «Представьте себе, что Русская революция происходит на Ваших глазах. Что бы Вы стали делать?» (рис. 14.) распределились примерно поровну.

Рис. 14. Русская революция происходит на Ваших глазах. Что бы Вы стали делать?

22% активно поддержали бы революционеров, 20% боролись бы с революционерами, 25% постарались бы переждать революционные события. Еще 25% мужчин и женщин использовали бы революцию в своих интересах. Кроме того, 8% респондентов независимо друг от друга дали собственный ответ: «Иммигрировал бы».

Рис. 15. Оценка революции как исторического явления

Оценивая революцию как историческое явление (рис. 15), 57% отвечавших указали, что «революции происходят, когда нет других альтернатив». Еще 22% отметили, что «революции неизбежны и необходимы». 18% опрошенных из всех возрастных групп заявили, что оправдать революции невозможно. 3% респондентов затруднились ответить на вопрос.

Наконец, последним был задан вопрос о том, является ли тема революции 1917 года актуальной для современной России, нуждается ли она в обсуждении и переосмыслении или нет (рис. 16).

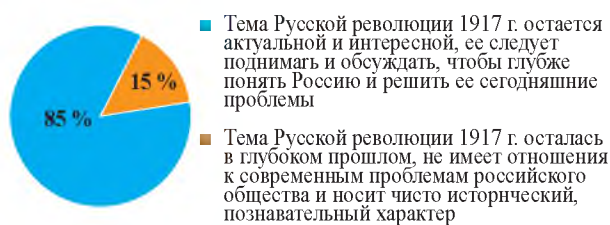

Рис. 16. Актуальна ли тема Русской революции 1917 г.?

85% ответили, что тема остается актуальной и интересной, ее следует поднимать и обсуждать, чтобы глубже понять Россию и решить ее сегодняшние проблемы. 15% указали, что тема Русской революции 1917 года осталась в глубоком прошлом, не имеет отношения к современным проблемам российского общества и носит чисто исторический, познавательный характер.

Подводя итоги, следует прежде всего отметить, что среди пользователей социальных сетей, большую часть которых составляет молодежь до 30 лет, преобладает нейтральное отношение к революционным событиям 1917 года, более близкое к положительному, нежели к негативному. Среди представителей современного студенчества в возрасте до 22 лет наблюдается взвешенная позиция как к Февральской, так и Октябрьской революции — молодые люди не склонны ни к преувеличению достижений революции, что отмечается в ответах респондентов старших

возрастов, ни к ее демонизации, чем «грешат» представители возрастной группы от 30 до 50 лет.

Революционные события 1917 года представляются участникам исследования как закономерное явление, имевшее свои объективные причины, о чем говорит обнаруженное при анализе подавляющей части ответов аккуратное обращение респондентов с предложенными вариантами ответов, тщательно отбиравшими обстоятельства, которые привели к революции в России. Впрочем, в условиях патриотического подъема, наступившего после присоединения Крыма к России и последующего массового возрождения имперских амбиций, неудивительно, что во всех возрастных группах среди как сторонников, так и противников революции наблюдается недовольство распадом Российской империи. Другой точкой соприкосновения среди тех, кто принимает и не принимает революцию 1917 года, является обоюдное негативное отношение к тому, что она привела к Гражданской войне. Постепенно преодолевается и одностороннее отношение к личности и деятельности вождя революции — респонденты из разных возрастных групп с разным уровнем образования полагают, что роль В.И. Ленина в истории России не стоит оценивать однозначно.

Помимо этого, в противовес обычным представлениям о юношеском максимализме и протестных настроениях молодежи результаты исследования показали, что современные молодые люди не готовы к тому, чтобы активно участвовать в революционных событиях, хотя и допускают их неизбежность, а порой и необходимость революции как таковой. И в этом они сближаются с лицами среднего и старшего возраста.

Наконец, большинство опрошенных считает, что тема революции еще не исчерпала себя, является актуальной и требует дальнейшего исследования, что еще раз доказывает потребность в новых подходах и новых ракурсах изучения Русской революции 1917 года.

УДК 908.394.4

Липатова К. Ю.

ПАМЯТЬ ОБ ОКТЯБРЕ ВЕЧНО ЖИВА... ТРАДИЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ ГODOVЩИН ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается формирование традиции празднования завоеваний Октябрьской революции в Енисейской губернии. Специфика, традиции, задачи праздника были сформированы еще в начале 1920-х годов и пережили трансформацию и переоценку в течение последующих десятилетий.*

***Ключевые слова:** праздник, агитация, парад, митинг, вечера воспоминаний.*

Третья годовщина Октября наступила в обстановке ожесточенной классовой борьбы и разрухи, проводилась мобилизация на фронт, продразверстка. В начале октября Енисейский губком рекомендовал дни Великого Октября на местах отметить массовыми собраниями, разъяснением очередных задач внутренней и международной политики советской власти. Необходимо было осветить вопросы войны с Врангелем, оказания всемерной помощи Красной армии в сборе теплых вещей и продовольствия. Центр тяжести всей работы переносился в деревню, куда для этого направлялась большая часть сил агитаторов. Особое внимание обращалось на выполнение продразверстки. Отчеты агитаторов свидетельствовали о том, что, несмотря на сложную обстановку, отсутствие таких жизненно необходимых товаров, как соль, мыло, спички, керосин, крестьяне правильно понимали обстановку, поддерживали партию большевиков и советскую власть [1, л. 1, 2]. Также примечательно, что по указанию ЦК партии празднование должно было носить скромный характер, следовало субботников, торжеств и демонстраций не устраивать, уличных украшений не производить, а также не использовать ни одного аршина красной материи [2, л. 2]. В Канске накануне праздника проводилось объединенное пленарное заседание всех учреждений, гражданских и военных, совместно с представителями бюро профсоюзов и коллективов. В местном клубе устраивался концерт для красноармейцев, в театрах — митинги-концерты.

7 Ноября днем проводились мероприятия для детей, вечером в клубах делались доклады, темы которых были посвящены разъяснению новой экономической политики. Любительские труппы народных домов ставили спектакли в духе революционного времени, в деревню отправлялись летучие группы артистов [3, л. 1, 1 об]. Этот период характеризуется еще и началом собирания воспоминаний участников минувших событий [4, л. 12].

Проект организации празднования дня пятой годовщины Октября предусматривал проведение демонстраций (парадов) 7 ноября с участием крестьянства, членов партии и комсомола, школьников. Празднование желательно было совместить с открытием народного дома, школы, детского дома и т.п. Накануне праздника приводились в порядок могилы павших борцов революции, все здания украшались населением гирляндами, плакатами, знаменами, портретами [5, л. 3]. К пятой годовщине Октябрьской революции была проведена массовая амнистия ряда лиц, в т.ч. осужденных к высшей мере наказания [6, л. 17].

В 1923 году комиссия по проведению празднования годовщины Октябрьской революции Енисейского губкома обозначила, что праздник должен носить серьезный характер, быть деловым и углубленным. Основное внимание обращалось на итоги шести лет революции, закрепление авторитета партии; смычку с крестьянством; международное положение. Накануне и в день праздника улучшалось материальное положение

заклученных, питание инвалидов, а также детей в детских домах, приютах, больницах, для них изготавливалось новое обмундирование. Накануне праздника работа учреждений прекращалась в 12 часов, на всех предприятиях устраивались летучие митинги. В день праздника проводился парад, вечером — бесплатные концерты, спектакли и киносеансы, на предприятиях — вечера воспоминаний с угощением за счет предприятий. Специальные средства на митинги не выделялись [7, л. 20, 32]. К 1923 году относится первое масштабное переименование существующих и наименование новых улиц, переулков и площадей г. Красноярска [8, л. 1, 1 об]. Впоследствии это стало одной из форм почтения и увековечивания памяти о революционерах.

Во второй половине 1920-х годов при райкомах ВКП(б), в райцентрах и при сельсоветах создаются специальные комиссии по проведению праздника. Основной задачей проведения празднования 9-й годовщины Октябрьской революции было широкое освещение перед крестьянством вопросов о социалистическом строительстве, индустриализации, режиме экономии, строительстве кооперации, борьбе с частным капиталом, международном положении страны, борьбе против империализма, поддержке международного рабочего движения и т. п. [9, л. 1]. Широко развивается работа по ликвидации неграмотности среди населения под лозунгом: «К 10-й годовщине Октября — ни одного члена организации вне общества «Долой неграмотность» [10, л. 127]. 24 августа 1927 года Садовый переулок был переименован в переулок Дзержинского [11, л. 15, 16 об].

В начале 1930-х годов к годовщине Октябрьской революции проводилась работа по мобилизации трудящихся на выполнение важнейших хозяйственно-политических задач, особое внимание уделялось вопросам производства, коллективизации сельского хозяйства, выполнения плана хлебозаготовок, укрепления обороноспособности страны, внедрения женского труда на производстве, полного охвата женщины учебой. Организовывались слеты ударников с премированием на них лучших рабочих. Все коллективы привлекали на праздник колхозников с премированием лучших из них. Физкультурни-

ки занимали центральное место по активизации всех мероприятий по празднованию годовщины — продвинуть физкультуру в массы, охватить весь молодежь на производстве [12, л. 57]. Возникает традиция отправки в Москву на октябрьские торжества лучших рабочих, а колхозников-ударников из районов края — в Красноярск [13, л. 1]. 8 декабря 1934 года постановлением президиума Красноярского горсовета было удовлетворено ходатайство трудящихся Красноярска о переименовании улицы Самодеятельности в улицу Кирова [14, л. 85, 95, 96]. В 1935 году по ходатайству трудящихся ПВРЗ, фабрики «Спартак», мехзавода и ТЭЦ улица Зиновьева была переименована в улицу Менжинского, т. к. «имя предателя пролетарской революции улица носить не может» [15, л. 22, 23].

В дни празднования годовщин Октябрьской революции во второй половине 1930-х годов основное внимание уделялось сложной внешнеполитической ситуации. В октябре 1936 года Иланский райком партии обратился к парторгам района с указаниями: празднование 19-й годовщины Октября должно проходить под знаком демонстрации растущей мощи нашей Родины, укрепления обороноспособности и неприступности границ СССР. Рабочие и колхозники организовывались на выполнение государственных планов (хлебопоставок, мясо-, маслозаготовок). Большое значение придавалось развертыванию стахановского движения [16, л. 144]. Постановлением бюро Красноярского крайкома ВКП(б) от 20 октября 1937 года запрещалось устройство банкетов хозяйственными и другими организациями в связи с 20-летней годовщиной Октября, расходование средств на эти цели расценивалось крайкомом партии как растратывание государственных средств [17, л. 116]. У детей воспитывалась любовь и безграничная преданность Родине, мужество. Подростки знакомились с международным положением, подчеркивалась провокационная политика фашистских стран, направленная на подготовку к новой мировой войне, к нападению на Советский Союз [18, л. 78].

Начавшаяся война внесла свои коррективы в характер празднования годовщин Октябрьской революции. В 1943 году проводилась кампания по сбору подарков для бойцов, командиров

и политработников Красной армии. Сбор подарков и формирование эшелона в количестве 50 вагонов завершались 10 октября [19, л. 117, 118, 140]. Широко развернулось соцсоревнование по успешному выполнению и перевыполнению производственных планов промышленных предприятий, подготовка к празднованию годовщины должна была характеризоваться завершением обмолота хлеба, вспашки зяби, досрочной сдачи хлеба и других сельскохозяйственных продуктов государству, еще большим укреплением связи трудящихся с Красной армией, усилением помощи фронту, организацией сбора и отправкой подарков и теплой одежды для Красной армии, высококачественной подготовкой боевых резервов и всемерной помощью в восстановлении хозяйства и культуры районов и областей, освобожденных от немецких захватчиков [19, л. 228, 238–240, 254]. В 1944 году в день годовщины Октября красноярцы обратились к И. В. Сталину с отчетом о достигнутом за годы войны, например сообщалось, что производительность труда на оборонных предприятиях города выросла на 87% [20, л. 76]. Примечательным для конца войны было проявление заботы о детях, ставших сиротами и беспризорными. Например, в Назаровском районе развернулась кампания по превращению местного детского дома в образцовое детское учреждение, «чтобы дети в детском доме жили в полном довольствии и не испытывали никакой нужды, даже в мелочах» [21, л. 255–257].

В документах о праздновании годовщины Октября в послевоенные годы прослеживается тенденция проявления заботы о населении в предпраздничные дни. В 1945 году праздник был особенно радостным — впервые после четырех лет войны 7 Ноября встречали в мирной обстановке. В предпраздничные дни трудящимся городов и сел планировалось продать 100 тонн хозяйственного мыла, 7 тысяч пар кожаной обуви, на 420 тысяч рублей шерстяных тканей, 440 тонн мяса, 180 тонн масла, 460 тонн рыбы и 75 тонн растительного масла. Коллективы театров края готовили к постановкам новые спектакли, в кинотеатрах выпускались в прокат новые кинофильмы [22, л. 34–35]. Совместным постановлением исполкома Красноярского крайсовета депутатов трудящихся и бюро крайкома ВКП(б) от 18 октября 1947 года особое внимание руководителей

торговых организаций обращалось на культурное обслуживание населения в праздничные дни, проявление особой заботы о семьях погибших фронтовиков, инвалидах Отечественной войны, детях в детских домах и интернатах [23, л. 118–120].

К 1950-м годам формируется культурное направление, соединившее в себе идеологию двух важнейших событий в жизни советского государства — Октябрьской революции и победы в Великой Отечественной войне. Это видно из указания Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР начальникам региональных отделов по делам искусств от 27 июля 1949 года, в котором говорится о том, что спектакли, выпускаемые театрами к 32-й годовщине Октябрьской революции, «должны быть значительными по своим идейным и художественным качествам»; предлагалось использовать для октябрьских постановок спектакли, отражающие события как Октябрьской революции, так и Великой Отечественной войны, а также показывающие образы В. И. Ленина, И. В. Сталина, С. М. Кирова [24, л. 92].

Продолжалось наименование новых улиц и переименование существующих в честь борцов революции. Например, в 1951 году возникшую улицу в рабочем поселке ПВРЗ было решено назвать именем Спандаряна, в поселке завода «Сибтяжмаш» появилась улица Щорса. В Кагановическом районе улица Бакунина была переименована в улицу Ладо Кецховели [25, л. 89–92]. Решением исполкома Красноярского горсовета депутатов трудящихся от 24 июля 1957 года в связи с подготовкой к 40-й годовщине Октябрьской революции было поддержано ходатайство Кагановического райсовета о переименовании Кагановического района в Октябрьский [26, л. 17]. В 1961 году улица Курская была переименована в улицу Яковлева [27, л. 108]. 30 августа 1966 года улицы слободы Весны — 12-я, 14-я, 15-я, 16-я Продольные — были переименованы в улицы Позднякова, Уланова, Рогова, Красикова и Каурова [28, л. 49].

В документах, касающихся подготовки к празднованию 40-летия Октябрьской революции, вновь идет речь об организации среди рабочих, инженеров и техников промышленности

и транспорта, колхозников, работников МТС и совхозов широкого социалистического соревнования, направленного на дальнейший подъем экономики и культуры края, на резкий подъем урожайности и увеличение производства животноводческих продуктов, широкое внедрение новой техники, досрочное выполнение планов жилищного строительства [29, л. 14].

В целях широкого развития социалистического соревнования и мобилизации усилий трудящихся Красноярского края на выполнение соцобязательств и мероприятий, принятых коллективами предприятий и организаций в честь 50-летия советского государства, крайком КПСС постановил для поощрения коллективов-победителей в соцсоревновании учредить как символы трудовой славы 32 памятных Красных Знамени краевого комитета КПСС, исполкома крайсовета депутатов трудящихся и крайсовета профсоюзов

с денежными премиями [30, л. 229]. К 50-летию Октябрьской революции завершались мероприятия по полной электрификации 15 районов края [31, л. 190, 191], по сносу аварийного жилья и переселению трудящихся в благоустроенные квартиры [32, л. 14]. В эти годы наш край был центром ударных комсомольскихстроек, и очередная, особенно юбилейная, годовщина Октябрьской революции была отличным поводом для того, чтобы подстегнуть строительство того или иного объекта.

Празднование годовщин Октябрьской революции в 1970-х — второй половине 1980-х годов характеризуется заметным спадом патриотических настроений относительно этого дня, что объясняется политической обстановкой в стране и настроениями в обществе. Можно сказать, что праздник стал формальностью, а в конечном итоге был отменен.

Источники и литература:

1. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. П-42. Оп. 10. Д. 564.
2. ГАКК. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 110.
3. Там же. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 8.
4. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 406.
5. Там же. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 22.
6. Там же. Ф. Р-1610. Оп. 1. Д. 9.
7. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 575.
8. Там же. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 76.
9. Там же. Ф. П-55. Оп. 1. Д. 37.
10. Там же. Ф. П-47. Оп. 2. Д. 29.
11. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 12.
12. Там же. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 112.
13. Там же. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 108.
14. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 331.
15. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 369.
16. Там же. Ф. П-48. Оп. 2. Д. 4.
17. Там же. Ф. П-47. Оп. 4. Д. 18.
18. Там же. Ф. П-69. Оп. 3. Д. 19.
19. Там же. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 46.
20. Там же. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 900.
21. Там же. Ф. П-26. Оп. 14а. Д. 43.
22. Там же. Ф. Р-1498. Оп. 2. Д. 1120.
23. Там же. Ф. П-26. Оп. 19. Д. 40.
24. Там же. Ф. Р-1464. Оп. 1. Д. 14.

- 25. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 687.
- 26. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 929.
- 27. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1057.
- 28. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1231.
- 29. Там же. Ф. П-26. Оп. 30. Д. 32.
- 30. Там же. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 15.
- 31. Там же. Ф. П-26. Оп. 37. Д. 12.
- 32. Там же. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1169.

УДК 323.28

Макаров А. А.

ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1967–1987 гг.): ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Аннотация: в статье рассматривается празднование юбилейных дат (1967 г., 1977 г., 1987 г.) в Красноярском крае в контексте общественно-политического и социально-экономического положения в стране.

Ключевые слова: развитой социализм, восьмая пятилетка, Конституция-1977, программа комплексного развития Красноярского края 1971–1980 гг.

Юбилей Великого Октября всегда являлся важной вехой для СССР. В 1967 году впервые прозвучал вывод в докладе Л. И. Брежнева о построении развитого социализма [2]. В 1967 году в СССР планировалось установить 60 памятников общегосударственного значения, из них 23 памятника В. И. Ленину, 8 монументов в честь 50-летия Октябрьской революции и советской власти, 10 монументов борцам за советскую власть [9, л. 34–45]. В ноябре 1967 года прошло массовое награждение старых большевиков, участников революции и Гражданской войны, передовиков производства орденами и медалями, всего было награждено 729 человек [16].

Постановлениями ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС от 30 мая и 4 сентября 1967 года предусматривалось учредить как символ трудовой доблести в честь юбилея Великого Октября свыше 1 000 памятных знамен ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совмина СССР и ВЦСПС [9, л. 118, 125]. Приближавшееся столетие рождения Ленина определяло особое внимание к Шушенскому району Красноярского края. В ноябре 1967 года в районе колхозу «За коммунизм» было вручено Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, Совмина СССР и ВЦСПС. 4 ноября на торжественном собрании в районном центре было вручено Красное Знамя крайкома, исполкома крайсовета и крайсовпрофа. Всего район получил 14 знамен на вечное хранение [11, л. 7].

Все указанное преломлялось в деятельности Красноярской краевой организации КПСС по до-

стойной встрече юбилея Великого Октября. В январе 1967 года секретарь Красноярского горкома партии П. Колин в отчете о проделанной работе по достойной встрече 50-летия Великого Октября отмечал, что предприятия города сверхпланово произвели валовой продукции на 3,6%, существенно снизилась себестоимость, социальность по выпуску сверхплановой продукции фактически были превышены [11, л. 16–17]. 8 февраля 1967 года на IV пленуме крайкома прошло обсуждение доклада первого секретаря крайкома А. А. Кокорева о задачах краевой парторганизации по выполнению постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». В постановлении пленума отмечалось, что, претворяя в жизнь решения мартовского (1965 года) Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда партии впервые в крае была получена урожайность по 15 ц/га [8, л. 5–6]. Впечатлило то, что в 1955–1964 годах, в годы «субъективизма», средняя урожайность в крае составляла 8,6–10,8 ц/га [7, л. 19–20]. Пленум крайкома отмечал, что выпущено большое количество товаров народного потребления. Всего по краю промышленное производство увеличилось на 8,8%, производительность труда — на 6,6%. Пленум поручил отраслевым отделам крайкома обеспечить досрочное выполнение промышленностью края плана к ноябрьскому юбилею. Намечался дальнейший рост объемов производства товаров народного потребления. Сельское хозяйство на основе внедрения новых технологий должно было дать урожай не менее 13,5 ц/га, увеличить поголовье скота и пр. [8, л. 5, 17–24].

Успешности выполнения указанных задач должна была способствовать пропаганда и разъяснение Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». В выполнении данной задачи у партийного аппарата были безграничные возможности. При каждом райкоме создавалась районная комиссия во главе с секретарем райкома и рабочие группы по подготовке к празднованию 50-летия Октября [11, л. 10]. Планы мероприятий отделов пропаганды и агитации райкомов КПСС демонстрируют механизм принятия управленческих решений. Заведующий отделом, проведя совещания, в дальнейшем ограничивался общим руководством. Непосредственной подготовкой справок и практических материалов для лекторов и агитаторов занимались инструкторы. Наметив круг мероприятий, райкомы назначали срок и ответственных для их осуществления (местные отделы культуры, первичные партийные организации, профорганы и пр.). Отчеты секретарей райкомов и горкомов в крайком являются свидетельствами о привлечении для работы с населением значительного слоя активистов. Партийно-хозяйственный актив выполнял непосредственный контакт с населением и заставлял его принимать повышенные социобязательства, создавал возможность осуществлять идеологическую работу в самых удаленных уголках. Специально созданные комиссии готовили сценарии торжественных собраний и демонстраций. За техническую подготовку были ответственны руководители учреждений и предприятий [10, л. 100, 102, 111, 117, 160–167].

В содержании идеологической работы в 1967 году просматривается ряд особенностей. Как свидетельствует учебная программа системы партийного образования, в содержании курсов оставались вопросы и проблемы, связанные с культом личности, и освещались решения партии хрущевского периода о восстановлении принципов коллективного руководства [19, с. 34]. Имена репрессированных советских военачальников, которые участвовали в Гражданской войне в Сибири, звучали на мероприятиях, связанных с подготовкой к празднику, на демонстрациях [10, л. 69, 173].

Сибирская тематика занимала значительное место в идеологической и воспитательной работе

с населением. Показательно, что на военном параде в Москве было вынесено знамя Пятой армии М. Тухачевского [17]. Революционные заслуги сибиряков широко пропагандировались. Особое место занимала партизанская тематика. В своей статье первый секретарь крайкома А. А. Кокорев отмечал значение партизанского движения в разгроме «колчаковщины», заслуги А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкина и репрессированного В. Г. Яковенко [14]. Многие райкомы партии организовывали работу красных следопытов, встречи населения с участниками партизанского движения. Под руководством первого секретаря Уярского райкома КПСС М. Терсковой была организована работа школьников по сбору фактов об эпизодах партизанского движения на территории района. На местах гибели партизан были установлены памятники. Был организован сбор редких фотографий партизан и руководителей партизанского движения. По местам партизанской боевой славы под руководством бывшего партизана И. Савинкова прошел поход школьников. Местным художником Н. Волосниковым была подготовлена серия картин «Партизанские тропы», которые были переданы местному музею [10, л. 193].

В начале 1970-х годов возобладала консервативная экономическая стратегия развития страны с приоритетом тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса над производством товаров народного потребления. В контексте указанного 1 февраля 1971 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края». Концепция комплексного развития была разработана по инициативе В. И. Долгих [20, с. 43, 154–164].

Юбилей Великого Октября в 1977 году отмечался в атмосфере обсуждения Конституции 1977 года, октябрьского (1976 год) пленума, доклада Л. И. Брежнева «О проекте Конституции (Основного закона) СССР и итогах его всенародного обсуждения». Юбилейный год стал демонстрацией успехов брежневского руководства. В статье председателя Совмина РСФСР М. С. Соломенцева отмечалось: «Выдающиеся успехи в развитии экономики и культуры, во всех сферах общественной жизни достигнуты за период по-

сле октябрьского (1964 год) Пленума ЦК КПСС. Благодаря... организаторской деятельности партии, ее Центрального комитета, Политбюро ЦК КПСС во главе с тов. Л.И. Брежневым за эти годы с особой силой проявился динамизм социалистического общества, его постоянно растущие созидательные возможности». Рассматривая экономический потенциал РСФСР, М.С. Соломенцев упомянул и КАТЭК [18].

Юбилейный, 1977 год являлся и седьмым годом первой красноярской десятилетки. В крае развернулось широкое соцсоревнование за досрочное завершение пятилетки и производства дополнительной продукции на миллиард рублей, в том числе к 60-летию Октября — 100 млн рублей [20, с. 175–176]. 19 октября состоялся VIII Пленум Красноярского крайкома КПСС. В докладе первого секретаря крайкома П.С. Федирко был показан расцвет Красноярского края за 60 лет, конкретным воплощением которого стало осуществление комплексной программы развития края. Положительно оценивая достигнутое, П.С. Федирко коснулся и серьезных недостатков. В целом темпы наращивания объема производства составляли 111,8% вместо запланированных 113% [3, л. 23].

В атмосфере единства праздничных демонстраций проявлялись симптомы идеологической коррозии советского социума. Только за первое полугодие 1977 года крайком получил информацию из 13 городов и 25 районов края о фактах крещения 483 детей. Среди родителей, которые крестили своих детей, было 6 членов партии и 51 комсомолец [4, л. 5–184]. Доклад Л.И. Брежнева о проекте новой Конституции был составлен на основе анализа выступлений, предложений и писем трудящихся. Они являлись срезом общественного мнения. В толще советского общества имелись, с одной стороны, требования борьбы с нетрудовыми доходами, ограничения приусадебных хозяйств, строгого наказания туеядцев. С другой стороны, звучали призывы о повышении ответственности руководящих работни-

ков [1]. В целом даже в официальных документах просматривается большой спектр разнообразных общественных настроений.

Юбилей Великого Октября 1987 года отмечался уже в условиях начала перестройки. Стоит упомянуть об одной знаковой вехе в истории края. В 1987 году было завершено формирование экспозиции и открыт филиал Центрального музея В.И. Ленина. Процесс начался еще в «застойном» 1979 году, когда на основе постановления Секретариата краевого комитета КПСС от 22 мая 1979 года был сформирован оперативный штаб по организации филиала во главе с первым секретарем крайкома П.С. Федирко. Летом 1980 года на основании постановления Секретариата краевого комитета КПСС была утверждена рабочая группа по разработке тематико-экспозиционного плана и формирования экспозиции. Общее руководство было возложено на организационно-редакционную группу во главе с секретарем по пропаганде крайкома Н.П. Силковой. В заместителях у нее были зав. отделом пропаганды и агитации и зав. отделом культуры крайкома. Непосредственно осуществляла подбор материалов тематико-экспозиционная группа во главе с доцентом П.Н. Мешалкиным [5, л. 4–6]. В 1987 году работа была завершена. Ответственность за торжественное открытие музея была возложена крайкомом на отдел науки и учебных заведений (зав. отделом А. Абаимов и инструктор Курешов) [6, л. 15].

Итак, очередной юбилей Великого Октября символизировал очередную веху в истории СССР. В 1967 году политическое руководство СССР осознало пагубность приоритетного развития тяжелой индустрии в ущерб легкой промышленности. Ноябрьские праздники осуществлялись в условиях, когда жизненный уровень советских людей заметно возрос, а экономика развивалась стабильно. С другой стороны, поворот, завершившийся между XXIV и XXV съездами КПСС, привел к негативным последствиям, что и предопределило впоследствии развал системы.

Источники и литература:

1. Брежнев Л. И. О проекте Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. Доклад товарища Л. И. Брежнева на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 г. // Правда. 1977. 5 октября.

2. Брежнев Л. И. Пятьдесят лет Великих побед социализма. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева // Красноярский рабочий. 1964. 4 ноября.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. П-26. Оп. 9. Д. 247.
4. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 9. Д. 412.
5. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15а. Д. 67.
6. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15а. Д. 149.
7. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 10.
8. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 8.
9. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 33.
10. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 53.
11. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 41. Д. 2.
12. Знамя Октября реет над миром. Совместное торжественное заседание Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Красноярский рабочий. 1967. 5 ноября.
13. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1967. 27 сентября
14. Кокарев А. А. Октябрь — Красноярской земле // Красноярский рабочий. 1967. 7 ноября.
15. На благо народа // Правда. 1967. 28 сентября.
16. Награды Родины // Красноярский рабочий. 1967. 7–15 ноября.
17. Над Москвой шумят, как знамена, 50 героических лет // Красноярский рабочий. 1967. 8 ноября.
18. Соломенцев М. С. Социализм и общественный прогресс // Правда. 1977. 26 октября.
19. Учебный план и методические советы по изучению истории КПСС в начальном звене системы партийного образования. Красноярск, 1968.
20. Федирко П. С. Край моей судьбы. Мемуары. Красноярск, 2016.

УДК. 069. 93

Овчарова М. А.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ВЫСТАВКИ «1917. ХРОНИКА» В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Аннотация: в статье рассматриваются этапы проектирования «проблемных» выставок, основная концепция выставки «1917. Хроника», основные источники, опыт ее экспозиционного представления.

Ключевые слова: революция 1917 года, выставка, газеты, плоскостной показ.

В рамках мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России, в Новосибирском государственном краеведческом музее был реализован проект «1917. Хроника». Он был сделан совместно с антикварно-букинистическим магазином «Сибирская горница», предоставившим свою коллекцию тематических материалов для демонстрации.

На рубеже столетия революции 1917 года наш музей столкнулся с проблемой, которая характерна для многих краеведческих музеев России. В музеях страны сформировались богатые фонды, отражающие одну сторону происходивших исторических событий 1917 года. Имея такие фонды, очень сложно давать разностороннюю интерпретацию исторических событий 1917 года.

Другая проблема, с которой столкнулись многие музеи на сегодняшний день, — это как представить отношение к этим революционным событиям 1917 года. На современном этапе революционные события 1917 года историки, ученые-исследователи оценивают совершенно по-разному. Кто-то представляет как два разных процесса, в виде двух революций, другие ученые описывают этот процесс как революцию и переворот. Музей, являясь социокультурным институтом, через который транслируется историко-культурное наследие, не берет на себя ответственности самостоятельно давать четкой оценки историческим событиям 1917 года. Музейные сотрудники, не являясь узкими специалистами в исторических дисциплинах, должны суметь объективно отнестись к этому историческому явлению. Поэтому при проектировании

выставки мы не пытались дать исторической оценки каким-либо событиям, явлениям — посетителям создали возможность самостоятельно импровизировать с представленным материалом и делать выводы.

Выставка действовала с марта по май 2017 года, было представлено около 150 предметов. Концепция выставки состояла в представлении главных событий 1917 года по месяцам — тематическими комплексами, начиная с февраля 1917 года по январь 1918 года. Каждый месяц сопровождала тематическая витрина и планшет. В них были собраны музейные предметы различных типов, в совокупности являющиеся единым структурным экспозиционным комплексом — «февраль», «март» и т. д. Также в каждом комплексе мы попытались сопоставить развитие исторических событий по месяцам 1917 года в европейской части России (Петроград, Москва) и в Новониколаевске. Каждый планшет-месяц сопровождался подробной хронологической таблицей событий месяца, связанных с революционными делами 1917 года. Это специально было подготовлено нашими сотрудниками для посетителей, не только для их самостоятельного краткого знакомства с революционными событиями 1917 года, но и для выполнения просветительской функции музея.

Основной документальной базой, раскрывающей и характеризующей революционные события 1917 года, стали газеты, листовки, сатирические журналы, открытки. Именно в них сохранилась основная интересная и презентабельная информация о событиях 1917 года.

Массовыми источниками, которые освещали события 1917 года, являлись газеты. В них была представлена самая разная информация: бытовая реклама, объявления, общественно-политические материалы. Например, в газете «Известия» было опубликовано объявление о свержении царя Николая II. Ее часто расклеивали на улицах, а для жителей города она служила основным источником информации о событиях, которые происходили в Петрограде. На планшетах и в витринах были представлены материалы газет: «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов», «Петроградская газета», «Петроградский листок», «Солдатская Правда», «Рабочая газета», «Голос труда», «Русские новости дня», «Петроградский голос».

Революционные события в Новониколаевске освещались периодикой — «Известия Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов», а также разного рода листовками. В частности, «О введении 8-часового рабочего дня в Новониколаевске». Интересными являются листовки, в которых отражены избирательные платформы различных партий при выборах в Учредительное собрание и Губернское собрание. Так, на выборах в Учредительное собрание в Новониколаевске к ноябрю 1917 года свою избирательную платформу представляли более шести партий, в частности Социал-демократическая рабочая партия, Партия социалистов-революционеров, «Народная свобода» и др.

Революционные события получили разностороннее освещение в журнале «Нива», а также в сатирических журналах «Пугач», «Барабан». Так, журнал «Сатирик» сочетал как политическую сатиру (направленную против внешней политики Германии во время Первой мировой войны, а после октября 1917 года — против большевиков), так и просто сатиру.

Интересно отметить, что сатирический аспект революционных событий нашел отражение и в разного рода открытках, которые имели пропагандистский характер. В февральском комплексе на планшете экспонировалась серия сатирических открыток с негативным изображением царя. Вообще пропагандистская открытка в это время набирает популярность. Их выпускали на разные темы, например пропаганда 8-часового рабоче-

го дня, свобода и равенство женщины в России. Была выпущена специальная серия открыток «Женский легион смерти. 9 правил женщины-воина», серия открыток, посвященных «Займу Свободы».

Основная документальная база выставки дополняется фотоматериалом и рядом предметов, которые облегчают восприятие экспозиционных комплексов. Для широкого круга посетителей уникальными экспонатами, экспонируемыми в рамках проекта «1917. Хроника», стали подлинные фотографии того времени: фотоальбом известного фотографа Багаева Д.П., в котором представлены фотоснимки Новониколаевска 1917 года, городской управы, а также серия сюжетных фотографий (члены продовольственной комиссии г. Новониколаевска, солдаты Новониколаевского гарнизона, среди которых лица будущих известных революционных деятелей Новониколаевска — Ф.И. Горбаня, В.Р. Романова, Г.Е. Дронина).

Одним из уникальных экспонатов выставки является плакетка с прижизненным изображением В.И. Ленина (1919 года). Это время — начало выпуска агитационного фарфора. «Фарфор Вербилло» — первая в России частная фабрика по производству фарфора, после февраля 1917 года была национализирована и стала называться Дмитровским фарфоровым заводом. Начался период лишений и трудностей, чтобы как-то выжить, на старом фарфоре штамповали новые актуальные работы, в частности получили заказ на изготовление бюстов «Великим людям в области революции», а также «утилитарно-декоративных предметов с революционными лозунгами» [1, с. 113]. В витрине был представлен циферблат, выпущенный к 300-летию дома Романовых в 1913 году.

Среди малоизвестных предметов той поры интересными являются нагрудные жетоны, они весьма редки и в полном наборе имеются у немногих музеев. В послефевральский период было выпущено около 150 памятных нагрудных жетонов разнообразной формы — круглые, овальные, ромбовидные, наиболее распространены были жетоны с изображением фигуры женщины на лицевой стороне, олицетворяющей свободную Россию [2, с. 128–129].

Таким образом, экспозиционная задача заключается в представлении предметов-источников так, чтобы посетитель мог не только познакомиться с революционными событиями 1917 года, но и сделать самостоятельные выводы, осмыслить те непростые явления столетней давно-

сти. На наш взгляд, именно проекты, связанные со спорными историческими процессами, дают возможность развивать экспозиционную деятельность. Разрабатывать продуманную концепцию выставки, дизайнерские решения.

Источники и литература:

1. Андреева Л. В. Советский фарфор 1920–1930 годы. — Москва: Совет. Художник, 1975. — 339 с.
2. Руденко И. В. Жетоны 1917 года. Каталог. — Ростов-на-Дону: Омега Пабlishмер, 2011. — 336 с.

УДК 93.398.2

Павлюкевич Р. В.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНЕКДОТА

Аннотация: в статье рассматривается отображение в народной памяти событий революции 1917 года и Гражданской войны. Анализируется их фиксация посредством анекдотов. Автор выделяет основные сюжеты и проблемы, оставившие наиболее яркий след в общественной памяти.

Ключевые слова: революция, анекдот, память, военный коммунизм, продразверстка, устная история.

Одним из самых недооцененных источников и свидетельств советской эпохи в современной исторической науке является анекдот. Для советского общества анекдот играл важную роль, выступая в качестве проводника народных настроений, отображая в первую очередь имеющееся в обществе недовольство. Как отмечает М. Мельниченко, анекдот был неотъемлемым элементом народной культуры, преимущественно городской среды (в деревне схожую роль играли частушки [1, с. 11]). Советский анекдот представляет собой устный нарратив, ключ к пониманию этой эпохи.

Как правило, темой анекдота становились наиболее злободневные и актуальные вопросы, события и ярчайшие персоны своего времени. За редким исключением юмор анекдотов привязан к своему времени и вне его контекста сложен для восприятия. Анекдот, чтобы стать популярным, должен был быть понятен широкой части советского общества, затрагивать их личные переживания. Ценность анекдота как исторического источника не в том, что рассказывает нам определенные факты, а в том, что он позволяет нам понять образ мышления и ценностные ориентировки тогдашнего обывателя в частности и всего общества в целом. К тому же анекдот, как исторический источник, отличается достаточно высокой степенью достоверности и доступности.

Революция 1917 года является одним из важнейших событий нашей истории. Она оказала влияние практически на все население огромнейшей страны.

Многие события революции и Гражданской войны оказались прочно зафиксированы в людской памяти. Они стали появляться, рассказываться уже в первые дни этих сложных событий.

Значительная доля дошедших до нас анекдотов, посвященных этим событиям, в той или иной мере связана с определенными личностями: В.И. Ленин, В.И. Чапаев, Л.Д. Троцкий. Образ В.И. Чапаева в статье рассматриваться не будет, так как он появился позже и во многом под влиянием замечательного советского фильма «Чапаев», вышедшего в середине 1930-х годов.

Собственно, один из первых анекдотов, посвященных революции, родился уже в первые дни советской власти. Многие люди выражали заметное сомнение в выживании левого режима, на что один шутник заметил: «Вещь, пролежавшая триста лет на правом боку, вполне может пролежать триста лет на левом». Данный анекдот весьма красноречив. Он отображал мысли, которые витали повсюду, не только в самой стране, но и за ее пределами. Для большинства капиталистических стран Европы большевистский режим казался глупостью и несуразной ошибкой. Многие были уверены в том, что долго красные продержаться не смогут. Все же следует отметить, что советская власть продержалась меньше столетия.

Первым и, пожалуй, одним из самых заметных проявлений революции и Гражданской войны стал хаос. Общество оказалось лишено хоть какой-то стабильности. На некоторых территориях власть переходила из рук в руки по несколько

раз. Самым ярким и знаменитым олицетворением этой ситуации являются слова сельского старосты: «Опять власть меняется» из знаменитого советского фильма «Свадьба в Малиновке».

Данная неразбериха, хаос были отражены и в нарративе анекдота.

«Благоразумный патриот:

— Ура, наши взяли город!

— Кто наши?

— Те, кто взяли город!» [1, с. 78].

Возникший хаос является одной из самых главных тем, которые прослеживаются в большинстве анекдотов рассматриваемой эпохи. Нарратив неразберихи, отсутствие порядка в анекдотах этой эпохи напоминает схожую тему «беспорядков» в анекдотах, создававшихся в 90-е годы XX столетия. При этом данная атмосфера отображена и в других темах и сюжетах анекдотов.

Так, вопреки часто встречающемуся у обычного мнения, в борьбе за власть участвовали гораздо больше сил, нежели белые и красные. При этом для огромной, зачастую малограмотной массы населения страны их политические отличия были малопонятны. Конечно же, эта ситуация не смогла пройти незамеченной в народном фольклоре: «Правобережье Украины. Войска УНР отступают, и город берут деникинцы. Бойцы пристают к жителю с вопросом: «Ты за какую власть?» Испуганный житель, не зная об отступлении, выпаливает: «Я за Петлюру!» — «А, раз так, снимай штаны. Всыпать 20 ударов плетью. Надо отвечать: «За единую и неделимую!». Потом деникинцы разбиты и отступили, в город приходят махновцы. Снова: «Ты за кого?» — «Я за единую и неделимую». — «А, златопогоновец, всыпать ему плетей, чтоб за батьку Махно был». Отступили махновцы, пришли красные, снова вопрос, а житель в ответ: «Я за батьку!» — «Ага, ты за бандита Махно. Снимай штаны... Надо бороться за красную власть». Отступили и красные, в город возвращаются УНР. Солдаты к жителю: «Ну, ты за кого?» Тот молча снимает штаны: «Бейте, только не спрашивайте...» [1, с. 79].

Несмотря на комизм ситуации, она достаточно точно передает атмосферу, воцарившуюся в отдельных территориях страны. В то же время

данный анекдот дает нам одну из причин, почему для большинства в памяти сохранились лишь белые и красные.

Вместе с хаосом политическим страна была охвачена и хаосом социальной структуры общества. Та система, которая стабильно существовала на протяжении столетий, в одночасье была разрушена. Те социальные связи и иерархии, что были прежде, оказались в одночасье выкинуты. Достаточно ярко это отражено в анекдоте, который, по словам М. Мельниченко, ходил меж солдат всех воюющих сторон [1]: «Ночь. Петроград. Стук в дверь к пожилому профессору. Тот грозно: «Кого там ночью черт привел?!» В ответ слышит громогласный голос: «Главкомандующий Северо-Восточными силами Красной армии». Профессор уже робко спрашивает: «А ч-ч-что в-в-вам нужно?» — «Скажите мне, а Дуся, ваша горничная, дома?» [1, с. 79].

В итоге данной социальной ломки сотни, тысячи людей сумели качественно изменить свое положение в обществе. Во главе многих важных направлений деятельности встали новые люди, ранее находившиеся зачастую на дне социальной системы. Подобные подвижки не могли не быть зафиксированы в народной памяти. С одной стороны, это создало огромные возможности для миллионов будущих советских граждан, но, с другой стороны, многие значимые должности получили люди некомпетентные. Особенностью анекдотов является то, что они, как правило, акцентируют свое внимание на негативных тенденциях. Анекдот дает возможность человеку пожаловаться на то, с чем он ничего поделать не может. Здесь мы сталкиваемся с картиной некомпетентных людей на чужом месте: «На Невском проспекте в дни революции: «Ба, Зазуленко! Ты, дурень, что здесь делаешь? Собрался кавунами торговать?» — «Ты шо, в газете не бачил, що я назначен украинским послом при Российской республике?» [1, с. 80].

В этих условиях народная память не могла не зафиксировать политику военного коммунизма. Это мрачное явление периода Гражданской войны оставило глубокий след на всем русском обществе. Наиболее ярко из всех мероприятий данной политики в анекдотах оказалась запечатлена продрозверстка: «Тук-тук». — «Кто

там?». — «Продразверстка». — «Так-так», — отвечает пулемет».

Впрочем, этому факту не стоит удивляться. Большинство населения страны были жителями деревни, поэтому большая часть страны в той или иной степени оказалась ей затронута.

Военный коммунизм, Гражданская война, как часто бывает, стали причиной роста теневой экономики. В возникших условиях бартерный обмен стал единственным выходом для многих людей. Это явление быстро и прочно вошло в жизнь населения страны.

«Ночь, поезд-теплушка, один пассажир развешивает вонючие носки. «Простите, вы носки меняете?» — «Только на сахар».

Впрочем, удивляться столь массовому распространению бартера не стоит, ведь в стране царил дикая инфляция. Практически каждая из сторон Гражданской войны стремилась печатать свои собственные деньги, действительность которых часто зависела от положения на фронтах. В этих условиях деньги практически не имели ценности.

Национальная проблема также ярко оказалась запечатлена в сюжетах советских анекдотов о Гражданской войне и революции. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что она была связана в первую очередь с еврейским вопросом. Исходя из логики анекдотов, создается

картина, в которой революция оказалась выгодна в первую очередь евреям. Эта ситуация была порождена не только традиционным недоверием в обществе к евреям, но и тем, что многие из руководства страны были представителями этой нации: «Господь Бог заметил, что в России творится что-то неладное. Послал Иисуса разобраться. Проходит время, а Христос не возвращается. Отправляет ангела узнать, в чем дело, тот возвращается с запиской: «Ведут на допрос. Арестован. Христос». Господь отправляет на выручку Илью-пророка. Через некоторое время получает новую записку: «Сижу и я, пророк Илья». Тогда, чтоб наверняка все выяснить, в Россию отправляется старый, мудрый Моисей. Через некоторое время новая записка: «Жив, здоров. Нарком Петров» [1, с. 89]. Здесь представлен лишь один из немногих анекдотов, отображавших еврейский вопрос. Наряду с темой хаоса данная тема была одной из самых распространенных в нарративе анекдота.

В целом это лишь малая толика сюжетов анекдотов о событиях революции, дошедших до нас. В анекдотах она предстает как колоссальное событие, породившее хаос во всех сферах человеческих отношений. В то же время в тех же анекдотах она предстает как сила, которая направила страну по новому пути, породив новые возможности.

Источники и литература:

1. Мельниченко М. А. Советский анекдот. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Мельниченко М. А. Анекдоты о Ленине // Полит.ру [электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/04/22/anekdoty/>
3. Мельниченко М. А., Архипова А. С. От «кобочки» до Путина // Полит.ру [электронный ресурс]. 2006. URL: http://www.polit.ru/article/2006/12/21/sov_anekdots/
4. Lauchlan L. Laughter in the Dark: Humour under Stalin// STORRE: Stirling Online Research Repository. — 2009. URL: <https://dspace.stir.ac.uk/bitstream/1893/2730/1/laughter.pdf>
5. Davies C. Ethnic Humour Around the World: A Comparative Analysis. Bloomington: Indiana UP, 1990.
6. Davies C. European ethnic scripts and the translation and switching of jokes // Humor. Volume 18, Issue 2, Pages 147–160, DOI: 10.1515/humr.2005.18.2.147, July 2005
7. Davies C. Political ridicule and humour under socialism // The European journal of humour research. Volume 2, No 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.7592/EJHR2014.2.3.davies>

Реут Г. А.

ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ

Аннотация: в статье рассматривается специфика проведения праздничной демонстрации, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях закрытого атомного города Красноярска-26 (Железногорск).

Ключевые слова: Красноярск-26, Железногорск, закрытый атомный город, юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, демонстрация.

Вплоть до конца 1980-х годов в закрытом городе Красноярске-26 (Железногорске) ввиду секретности отсутствовали печатные средства массовой информации. Это обстоятельство ограничивает возможность исследования исторических событий. Однако с 1959 года в городе работала редакция местного радио. В фондах муниципального архива сохранилась текстовая версия репортажа о праздничной демонстрации, посвященной 50-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции.

Репортаж о 7 Ноября 1967 года предварила прямая трансляция праздничной демонстрации в Красноярске, затем диктор радио комментировал ход событий, что позволяет получить представление о том, как проходил городской праздник.

Из репортажа мы узнаем, что на зданиях, выходящих на улицу Ленина, были установлены флаги, портреты руководителей партии и советского правительства. Завершали праздничное убранство площади огромные панно на здании Дома культуры с цифрами «1917–1967 гг».

В 11 часов демонстрацию открыл сводный оркестр. После того, как оркестр занял место напротив трибуны, на площадь вступила колонна знаменосцев [1, л. 62–65].

Вступающих на праздничную площадь рабочих и служащих с трибуны приветствовали руководители горкома партии, исполкома горсовета и горкома профсоюза, директора крупных городских предприятий, Герои Труда и передовики [1, л. 83].

Праздничное шествие начали колонны пионеров и школьников. Первыми шли учащиеся старейшей школы города № 91. Затем прошла колонна 176-й школы, ее сменили ученики 182-й, затем 105-й и 101-й школы. Завершали колонну ученики 98-й школы. По итогам 1-й четверти насчитывалось 76 отличников и 483 ударника, что составляло около половины учащихся. 72% выпускников юбилейного года поступили в высшие учебные заведения страны. Завершали движение колонны учащихся воспитанники ПТУ № 10 [1, л. 62–65].

Колонну производственных коллективов начинали с крупнейшего предприятия города — Горно-химического комбината (далее — ГХК).

Впереди группа знаменосцев в сопровождении оркестра ГХК несла памятное юбилейное Красное Знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР и ВЦСПС, врученное комбинату 26 октября. На знамени ярко выделялись слова: «Победителю в социалистическом соревновании в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции».

Нес высокую награду Герой Социалистического Труда В. М. Паров, имя которого было внесено в Книгу трудовой славы Красноярского края. Рядом с ним шли работники ГХК — Герои Социалистического Труда А. Г. Григорьев и Н. И. Муханов.

Следом начальник цеха № 1 ГРЗ имени 50-летия советской власти А. А. Корзун, руководители бригад имени 50-летия советской власти В. С. Иванов и А. М. Николаев несли Красное

Знамя комбината. За знаменосцами шли представители руководства ГХК и руководители общественных организаций [1, л. 67].

Далее шли коллективы заводоуправления, УКСа, отдела непромышленных хозяйств, базы снабжения и оборудования, вечернего техникума.

Шествие основных подразделений ГХК начинала колонна гидрометаллургического завода имени 50-летия советской власти.

Мимо трибун демонстранты несли портреты членов политбюро ЦК КПСС, флаги и гербы союзных республик, красочные плакаты, характеризующие трудовую деятельность комбината, транспаранты, наглядно отражавшие «героические этапы 50-летнего пути советской Родины» [1, л. 68].

Важными атрибутами советских демонстраций были специально оборудованные автомобили. Как правило, преобладала революционно-историческая и космическая тематика.

Так, на головной автомашине Горно-химического комбината была установлена фигура человека из серебристо-белого металла, держащего на ладони первый советский спутник, от которого шли звуки Интернационала.

Другой автомобиль был задекорирован под крейсер «Аврора» с дымящимися трубами. Во главе отряда штурмующих Зимний дворец — матрос, солдат и красноармеец, держащие в руках знамя революции [1, л. 68].

Оформление колонны горнорудного завода имени 50-летия советской власти раскрывало тему Гражданской войны. Коллективы цехов водоподготовки, газоочистки и химводоочистки держали транспаранты, отображавшие пафос предвоенных пятилеток [1, л. 70–71].

На транспарантах и панно энергетиков комбината была размещена информация о плане электрификации страны, плане ГОЭЛРО и о современных гигантах энергетики. Транспаранты цеха КИП и лаборатории автоматики были посвящены коллективизации сельского хозяйства, ремонтно-механического цеха — Великой Отечественной войне [1, л. 72].

Завершали колонну ГХК работники детских дошкольных учреждений и управления рабо-

чего снабжения. За успехи в социалистическом соревновании «по достойной встрече 50-летия Родины» коллектив УРСа был удостоен Первой премии Министерства среднего машиностроения.

Диктор сообщал радиослушателям о том, что в юбилейном году работники УРСа организовали первоочередное обслуживание пенсионеров, ветеранов революции и участников Великой Отечественной, доставку продуктов на дом, проводили дни национальной кухни в столовых города [1, л. 73].

Далее шла колонна другого крупного градообразующего предприятия Красноярска-26 — управления «Сибхимстрой». Диктор информировал слушателей о достижениях строителей. В 1950 году выработка на рабочего управления строительства составляла 2043 рубля, а к 1967 году она выросла в 2,7 раза. За 17 лет строители построили сотни тысяч квадратных метров благоустроенного жилья, 26 общеобразовательных школ, школ ФЗО, учебный комбинат, 73 детских учреждения, ряд крупных промышленных комплексов и свыше 100 сельскохозяйственных объектов.

За успехи в соцсоревновании в честь 50-летия Великого Октября коллектив строителей был награжден Памятным Знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, Совета Министров СССР и ВЦСПС [1, л. 74].

Первыми мимо трибуны прошли труженики СМУ-1, которому за высокие показатели в юбилейном соревновании было вручено на вечное хранение Красное Знамя. Бригады В. Никитина, Б. Кузнецова, И. Бакирова удостоились звания имени 50-летия советской власти. За 9 месяцев 1967 года рационализаторы СМУ-1 внесли в юбилейную копилку 43,5 тысячи рублей [1, л. 76, 77].

Следом шли строители СМУ-8, СМУ-2 и СМУ-3. В первых рядах — новаторы и передовики производства из подразделения Н. Птицина, рабочие бригады Н. Тернавских, бригада слесарей А. Груздева, штукатуров В. Комарова, бригада А. Руско, удостоенные звания имени 50-летия советской власти. На строительных площадках СМУ-2 самоотверженно трудилось

около 200 ударников коммунистического труда. Три бригады СМУ-3 — И. Алехина, А. Сираева и В. Кочанова — были удостоены почетного звания бригады имени 50-летия советской власти [1, л. 79, 81, 82].

Автомобили управления «Сибхимстрой» также были празднично украшены. На автомобиле СМУ-3 была сооружена пятиконечная звезда, с которой «рвалась в космические дали стремительная ракета» [1, л. 82].

Кроме того, автомобили использовались и в качестве передвижных информационных стендов. Например, на одном из бортов красочно оформленной автомашины с эмблемой Сибхимстроя были выведены цифры, раскрывавшие рост мощности предприятия. В 1953 году выпуск сборного железобетона составлял 10 тысяч кубометров, а к 1967 году он увеличился в 11,5 раза и составил 115 тысяч кубометров. На другом борту машины красовался юбилейный рапорт о том, что «годовое задание выполнено досрочно к 1 ноября» [1, л. 85].

Впереди колонны работников лесной конторы двигалась автомашин-лесовоз. С нее «взлетала» межпланетная станция «Венера-4», олицетворявшая собой очередную советскую победу в космосе.

По итогам III квартала коллектив лесной конторы за успехи в социалистическом соревновании был удостоен Почетного Знамени. Высокая честь нести его в праздничной колонне выпала ударнику коммунистического труда, лучшему механику предприятия В. Карпухину.

Коллективу лесной конторы также было присвоено почетное звание имени 50-летия советской власти, а имя старейшего труженика леса С. Н. Карфидова было занесено на городскую доску почета. В строю тружеников предприятия — бригада плотников М. Бобрика и прославленная бригада маляров Л. А. Пересыпкиной, выполнявшая за смену по три нормы. Оба коллектива удостоились звания имени 50-летия советской власти [1, л. 86–88].

Продолжали движение колонны работников управления «Сибхимстрой» коллективы ремонтно-механического завода, управления автомобильного транспорта, рабочие и ИТР авто-

ремонтного завода, механизаторы, работники управления энергоснабжения, железнодорожники [1, л. 89].

Третьим из крупных производственных коллективов на площадь вступала колонна Красмашзавода. Впереди двигалась машина с эмблемой предприятия. За ней юбилейное Знамя Центрального комитета КПСС, Президиума Верховного Совета, Совета Министров СССР и Центрального комитета профсоюза нес Герой Советского Союза М. М. Щульц.

Первым шел 37-й цех, заслуживший имя 50-летия советской власти. Демонстранты несли яркие транспаранты, лозунги, плакаты: «Юбилейному году — ударный труд», «Идем к коммунизму», «Из России нэповской будет Россия социалистическая», «Советский Союз — оплот мира». Далее, несколько противореча последнему лозунгу, на площадь въезжал «броневик — грозное оружие времен Гражданской войны».

Далее шли коллективы менее крупных предприятий и учреждений.

Как сообщал диктор, демонстранты несли транспаранты с лозунгами, славившими мир, труд и Коммунистическую партию. Мимо трибун шла колонна конструкторского бюро прикладной механики. Возглавлял торжественное шествие коллектива конструкторов депутат краевого совета доктор технических наук Михаил Федорович Решетнев (единственный руководитель, имя которого полностью было названо в эфире).

В первых рядах шел отдел имени 50-летия советской власти, возглавляемый коммунистом Е. А. Тютюкиным. На праздничную площадь вступили ветераны войны и труда А. Л. Казаринов, В. С. Березин, Л. З. Третьякова и другие. В коллективе каждый седьмой работник — ударник коммунистического труда. План девяти месяцев был выполнен на 104,3 %, а по снижению себестоимости — на 100,5 %. За успешное выполнение социалистических обязательств в канун 50-летия советской власти конструкторы были награждены грамотой Министерства общего машиностроения и Центрального Совета профсоюза [1, л. 092].

Вслед за конструкторами на площадь вступила колонна треста «Сибхиммонтаж». Коллектив

монтажников был награжден почетной наградой — памятным юбилейным Красным Знаменем Министерства и ЦК профсоюза, врученным на вечное хранение. Чести нести Красное Знамя был удостоен Герой Социалистического Труда монтажник П. П. Куваев. Следом Красное Знамя треста монтажников нес бригадир, ударник коммунистического труда, член парткома предприятия И. С. Калужский [1, л. 093].

Мимо трибуны прошли трудящиеся монтажно-строительных управлений 52 и 73. Лучшим в управлении и тресте признан монтажный участок, которым руководил А. Стороженко. Участку также было присвоено высокое звание имени 50-летия советской власти [1, л. 095].

Монтажников сменила колонна филиала № 1 Государственного института комплексного проектирования. За создание проектов уникальных промышленных и гражданских сооружений, за успешное выполнение социалистических обязательств в честь 50-летия Великого Октября коллектив был награжден памятным Знаменем Минсредмаша и Центрального комитета профсоюза. Среди демонстрантов — зам. директора Н. П. Козел, заслуженный строитель РСФСР главный инженер проекта П. И. Фетисов, главный инженер проекта города М. С. Ляковский, главный инженер проекта Ю. А. Чекмарев, заместитель геологического отдела А. А. Габриэлян и другие [1, л. 096].

Честь открыть шествие предприятий, находившихся в подчинении городского совета, была оказана коллективу дорожно-ремонтно-строительного управления. За 10 месяцев юбилейного года было выпущено 31 560 тонн асфальтобетонной смеси. Этого количества асфальта «хватило бы покрыть все улицы северной и южной частей города или заасфальтировать автодорогу от Базаихи до Прижима» [1, л. 097].

Далее шла колонна работников городского жилищно-коммунального управления. Знамя коллектива нес С. И. Коршиков — начальник ЖЭК-3, которому по итогам соцсоревнования было присуждено I место. В 1967 году, информировал диктор, работниками жилищно-коммунального управления было отремонтировано 8 жилых домов и 302 квартиры жилой площадью 8 154 кв. м.

Произведен ремонт кровель 150 домов, лестничных клеток в 20 домах, выполнено более 7 200 заявок жильцов, установлено 1 799 электропечей, а также высажено 3 200 деревьев и 6 400 кустарников [1, л. 099].

В первых рядах автотранспортной конторы горсовета с красными знаменами в руках шли лучшие люди — бригадир слесарей В. А. Анисимов, шоферы А. В. Лаврищев, К. Е. Ноздрин, Л. П. Черновец. Производственную программу 10 месяцев юбилейного года контора выполнила к 16 октября. Было сэкономлено запасных частей на 29,5 тысячи рублей, горюче-смазочных материалов на 206,9 тысячи рублей. По итогам работы за 9 месяцев АТК было присуждено II место с вручением почетной грамоты и с занесением в Книгу почета исполкома городского совета депутатов трудящихся [1, л. 100].

Колонну ремонтно-строительного управления возглавляли рабочие первого участка, которому по итогам соцсоревнования было присуждено I место. В юбилейном году управление отремонтировало 56 крупных объектов, большинство из них было сдано с оценкой «отлично» и «хорошо» [1, л. 101].

Коллектив комбината бытового обслуживания горсовета досрочно выполнил юбилейные социалистические обязательства и 24 октября рапортовал о выполнении 10-месячного плана. Работники комбината бытового обслуживания обслужили более 530 тысяч человек [1, л. 102].

Впереди колонны медсанчасти № 51 на медленно движущемся автомобиле была укреплена эмблема советской медицины — змея, обвивающая чашу. Колонну медиков с трибуны приветствовали руководители медсанчасти А. Ф. Кузнецов, З. В. Цветкова и В. Н. Захаров [1, л. 103].

Десятки городских медиков были награждены орденами и медалями. Высокого звания «Заслуженный врач РСФСР» удостоились Т. В. Стороженко, Е. В. Элиас, П. А. Бендельстон, А. Ф. Кузнецов. Из фронтовиков-медиков в колонне шли В. И. Ошаров, В. С. Кобзырева, Б. А. Дворецкая и В. И. Безруков.

В завершение праздничного шествия по площади прошли, печатая шаг, подразделения городского гарнизона [1, л. 106].

Таким образом, можно констатировать, что демонстрация, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, была не только идеологическим и революционным праздником, но и являлась своеобразным отчетным мероприятием, информировавшим горожан о производственных достижениях, о досрочном выполнении юбилейных социалистических обязательств предприятиями и учреждениями города. Кроме того, это был способ чествовать

передовиков производства и ударников коммунистического труда, ветеранов войны и других заслуженных горожан в общегородском масштабе.

Специфика демонстрации в закрытом городе заключалась в том, что не раскрывался характер основной деятельности градообразующих предприятий, не назывались фамилии партийного и советского руководства, начальников крупных предприятий.

Источники и литература:

1. Железногорский городской архив. Ф. 25. Оп. 1. Д. 174.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ 1917 г. В МИНУСИНСКЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 2017 году Россия отмечает столетний юбилей Февральской и Октябрьской революций. Нет никаких сомнений, что это событие всколыхнет общественно-политическую мысль в стране. Даст новый импульс незатихающей все это время дискуссии о роли революции в жизни общества. Пока же результатом всех этих споров стало наличие большого количества опубликованного материала по данной тематике. Но, несмотря на частую смену политической конъюнктуры, этот материал носит достаточно односторонний характер, так как сводится к апологетике одной из конфликтующих сторон.

Между тем реалии современного мира требуют новых оценок, а значит, и совершенно иного анализа исторического материала. Назрела необходимость отказаться от прежней методологической доктрины, при которой «история — это политика, опрокинутая в прошлое». Настало время трезво и объективно посмотреть на события прошлого. А начинать эту работу нужно с анализа исторических источников. Требуется дать иные оценки описываемым в них событиям. Перевести их язык, риторику в приемлемое русло. Обратит больше внимания на косвенную, а не прямую информацию. В данной работе будут рассмотрены мемуары участников революционных событий в Минусинском уезде.

Всего были использованы воспоминания пятнадцати человек: К. Е. Трегубенкова, К. И. Гидлевского, М. Г. Сафьянова, И. С. Бузулаева, Е. В. Астанковой, Н. С. Кратюка, К. А. Липинской, Е. Л. Фраерман, И. Д. Кныш, Е. П. Чайковской-Гидлевской, Г. Б. Лебедева, П. Н. Петрова, П. С. Гришина, Ф. Г. Аникина, К. А. Колторакова. Все они принадлежали к одной политической силе — к сторонникам Октябрьской революции. Записок их идеологических противников, к сожалению, не сохранилось.

Воспоминания можно условно разделить на несколько групп.

1. По форме — на опубликованные (в пяти сборниках и монографиях) и неопубликованные (в фондах музея имени Н. М. Мартыанова хранятся воспоминания Н. С. Кратюка, Е. В. Астанковой и Е. И. Гидлевской). Опубликованные материалы, по вполне понятным причинам, тщательно отредактированы.

2. По времени написания — воспоминания 1930-х годов (мемуары Н. С. Кратюка и книга «Минусинская коммуна. 1917–1918 г.»), отличающиеся большей нетерпимостью, связанной с общественно-политической ситуацией в СССР в этот период. И воспоминания, написанные после Великой Отечественной войны (как правило, приуроченные к сорокалетию юбилею Октябрьской революции), также политизированные, но более умеренные.

3. По уровню образования участников событий — на тех, кто к моменту описываемых событий получил образование (М. Г. Сафьянов, К. И. Гидлевский, Е. В. Астанкова, К. А. Липинская, И. С. Бузулаев, Е. Л. Фраерман). Их мемуары более литературно изощренны, богаче деталями и имеют склонность к анализу обстановки. И тех, кто в силу социального положения образования не получил. Их воспоминания чаще всего сводятся к простому пересказу событий, участниками которых они были. Но при этом необходимо отметить меньшую «отлакированность» последних.

4. По положению участников в структуре организации — на руководителей (К. Е. Трегубенков, М. Г. Сафьянов, К. И. Гидлевский, И. С. Бузулаев, Н. С. Кратюк, Е. Л. Фраерман, Г. Б. Лебедев), которые говорят от лица организации. И рядовых членов, рассказывающих о событиях от первого лица.

5. По цели написания — на собственно мемуары (написанные о себе и о событиях от своего имени) и работы, претендующие на научность (то есть рассказывающие о событиях, не акцентируя внимания на своем в них участии). Но при этом в качестве источника информации в них используются преимущественно собственные воспоминания. К таковым относятся мемуары И. С. Бузулаева, Н. С. Кратюка, Е. Л. Фраерман и книга «Минусинская коммуна. 1917–1918 г.».

Исходя из вышесказанного, можно выделить некоторые особенности мемуаров как исторического источника.

Крайняя политизированность. Участники событий освещают жизнь города только с точки зрения борьбы за власть между основными политическими партиями, легализовавшимися в марте 1917 года: социалистами-революционерами, народными социалистами и представителями РСДРП (большевиками и меньшевиками). Другие сферы жизнедеятельности региона их не интересуют.

Нетерпимость. Участники событий, как правило, видят в противоборствующей стороне лишь идеологических противников, а не людей, очень часто близких им по духу. Политические деятели, не разделяющие их убеждения, зачастую просто «демонизируются». Многие авторы мемуаров подчеркнуто абстрагируются от них. В этой особенности проглядывается не только определенный социальный заказ, но и события более поздней эпохи.

Склонность изображать события лишь общим планом. То есть практически полное отсутствие деталей в воспоминаниях участников событий. Калоши Ю. П. Гавена на первомайской демонстрации 1917 года. Хмурый, дождливый день 24 июня 1918 года, подчеркивающий унылое настроение проигравших коммунарков. Вот одни из немногих штрихов к общей картине, придающей ей глубину и живость. По форме мемуары участников революционных событий напоминают эпические повествования. Трудно сказать, является этот стиль особенностью редакции или просто видением исторического процесса.

Героизация конфликта. Монополия на истину, нетерпимость к инакомыслию — характерные

особенности эпохи. К сожалению, эти настроения были присущи всем политическим силам того времени. Большевики в конечном счете оказались победившей стороной. Поэтому чувство собственной правоты у них оказалось сильнее. Восприятие событий как трагедии пришло много позднее, и лозунг, произнесенный на III съезде Советов, в ноябре 1917 года А. И. Плотниковым: «Долой помещиков и капиталистов! Да здравствует гражданская война!», тогда еще не звучал кошмаром.

Если рассматривать воспоминания с точки зрения объектов описания, то картина будет примерно следующей. Все участники описывают одни и те же события в одной и той же последовательности (особенно в этом ряду стоят мемуары К. А. Липинской, которые по сравнению с остальными более детализированы, объемны и посвящены в основном деятельности Союза трудящейся молодежи). Эти объекты можно расположить блоками в хронологической последовательности:

1. Деятельность нелегальных политических групп в Минусинске. 1915–1916 гг.
2. Февральская революция и формирование в городе революционных органов власти на основе прежней администрации и умеренных представителей социалистических партий. Март 1917 года.
3. Установления большевиками контроля над гарнизоном и в Советах рабочих и солдатских депутатов. Апрель 1917 года.
4. Первомайская демонстрация.
5. Противостояние политических сил в июле 1917 года.
6. «Корниловский мятеж» и сентябрьская демонстрация большевиков.
7. Октябрьская революция и захват большевиками власти в городе. Формирование новой администрации. Саботаж интеллигенции. Ноябрь — декабрь 1917 года.
8. Разгром выступления казаков под руководством атамана Сотникова. Январь — март 1918 года.
9. Обострение социальных противоречий. Приезд в город Я. Богграда. Май — июнь 1918 года.

10. События 21–24 июня 1918 года. Падение «Минусинской коммуны».

Это касается, прежде всего, воспоминаний руководителей минусинских большевиков. Рядовые деятели описывают события 1917 года крайне скупое, ограничиваясь констатацией создания местного Совета и отряда Красной гвардии. Некоторые, как К. А. Колтораков, вообще не заметили революционных событий (весь 1917 год он провел на заработках в тайге).

Данную систему можно построить, опираясь на прямую информацию. Но если обратиться к информации косвенной, то можно разглядеть те моменты, на которых авторы мемуаров не акцентируют внимание.

Очень показательна в этом плане роль средств связи в политической борьбе, развернувшейся в регионе. Хочется отметить, что связь как с губернским центром, так и с волостными центрами была прекрасной. Информация о глобальных процессах в стране серьезно влияла на результаты политической борьбы в уезде. Поэтому политические деятели пытались взять под контроль средства связи. Обнародование информации о событиях в Петрограде в октябре 1917 года привело к власти деятелей «Минусинской коммуны», а известие о взятии Красноярска чехословаками ускорило ее падение.

Другим моментом, на который можно обратить внимание, является, несомненно, большая связь политических деятелей Минусинска и некоторое противопоставление их мещанскому городу. Еще до революции политические ссыльные составляли единую группу со своими спорами («четверги», «чаи» и т. д.), взаимовыручкой, духовной связью. И это зачастую проскальзывает в мему-

арах. Даже в жестком противостоянии 1917 года они еще не умеют действовать по отношению друг к другу жестоко.

Еще одним вопросом, который волнует любого исследователя, являются источники победы большевиков в 1917 году в Минусинске. Практически все участники событий подчеркивают отсутствие поддержки партии у горожан. Причем как до Октябрьской революции, так и после нее. И лишь проанализировав весь материал, можно понять, что это удалось сделать благодаря установлению контроля над гарнизоном города и в большей степени посредством поддержки солдат, прибывающих в город с фронта и из других гарнизонов в мае–июне 1917 года. Причем эта полуанархическая масса, пытающаяся навести свои порядки в городе, была проблемой и для самих «коммунаров». Другой силой, на которую они опирались, были отряды Красной гвардии, формирующиеся под прикрытием «Союза увечных воинов» Минусинска. Благодаря этой силе большевики взяли власть в городе при абсолютном равнодушии окраин. В 1918 году солдаты были демобилизованы, и город оказался в опасности перед лицом наступающего казачьего дивизиона. Тогда последнее слово осталось за частями Красной гвардии при поддержке вооружением губернского Красноярска. Но самым главным условием победы стала аполитичность деревни. Гражданская война только разгоралась.

Заканчивая анализ, хочется отметить, что даже такие, казалось бы, политически ангажированные источники при умелом их использовании могут помочь исследователю разобраться в событиях прошлого и поставить современные акценты в непростой исторической эпохе.

Источники и литература:

1. За власть Советов. Воспоминания участников Гражданской войны Красноярского края [Текст] — Красноярск, 1968 г.
2. Гидлевский К. И. Минусинская коммуна 1917–1918 гг. [Текст] / К. И. Гидлевский, М. Г. Сафьянов, К. Е. Трегубенков. — Москва — Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство (ОГИЗ-СОЦЭКИЗ), — 300 с. 1934.
3. Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде [Текст] / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. — Абакан: Хаккнигоиздат, 1957. — 99 с., 4 л. ил.
4. Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде [Текст] / Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. — Абакан: Хаккнигоиздат, 1957.

5. Липинская К. А. Далеко в заснеженной Сибири [Текст] / К. А. Липинская. — Москва: Детская литература, 1973 г. — 144 с.
6. Кратюк Н. Эсеро-меньшевистский поход против Совдепа [Текст] / Н. Кратюк. — Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова — Минусинск, 1930-е гг. — Инв. № МКМ ОФ 10432/1.
7. Биография Карла Яковлевича Озолина [Текст] / Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова — Минусинск, 1930-е гг. — Инв. № МКМ ОФ 6704/6.
8. Документы активной участницы становления власти Советов юга края Е. В. Астанковой [Текст] / Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова — Минусинск, 1930-е гг. — Инв. № МКМ ОФ 6989/1-8.

УДК 371.32:94(47+57) «1917»

Храмогина Т. А.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК КАК СПОСОБ ПОГРУЖЕНИЯ В ИСТОРИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА НА ШКОЛЬНЫХ УРОКАХ

Аннотация: рассматриваются варианты применения документов регионального уровня для личностно-ориентированного изучения русской революции 1917 года на уроках истории в средней школе.

Ключевые слова: русская революция 1917 года, исторические источники, преподавание истории в школе.

О русской революции 1917 года написано немало работ, в том числе таких, где детально и последовательно рассматривается ход революции, отдельные ее проблемы. Поскольку интерес к событиям столетней давности не уменьшается, а количество научных работ растет, то «сделать даже общий обзор вышедшей в последнее десятилетие литературы, посвященной революции 1917 года в России, чрезвычайно сложно» [1, с. 13]. Юбилейные годовщины событий 1917 года, как правило, сопровождаются многочисленными научными мероприятиями, что объясняется прежде всего актуальностью исторических уроков русской революции 1917 года, дискуссионностью многих ее аспектов. Диапазон оценочных суждений достаточно широк: от мифологизированной героической концепции Великого Октября как детально продуманного плана вооруженного восстания, открывшего путь всему миру к социализму, до концепций, определяющих эти события как заговор и верхушечный военный переворот большевиков, как национальную катастрофу, прервавшую естественный ход отечественной истории.

Конечно, в своей работе учитель истории не может обойтись без обращения к событиям Великой российской революции как одной из памятных дат истории нашей страны. Но как научить современного школьника знать, понимать и ценить культурные традиции своего народа и одновременно обладать достаточно гибким мышлением? Ведь он прямо или через средства связи и инфор-

мации общается с огромным количеством людей, имеющих разные взгляды и подходы к жизни, нередко принадлежащих к различным культурным средам, имеет доступ к большому числу источников информации, среди которых школьные учебники занимают далеко не первое место. Например, учебник «История Отечества XX — начало XXI века» для 11-го класса средних общеобразовательных учебных заведений [2] отводит всего 6 параграфов второй главы «Россия в годы революций и Гражданской войны» для изучения темы.

В свою очередь, федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования ставит вопрос выработки у учащихся исторического мышления как основы формирования гражданской идентичности ценностно-ориентированной личности. Это предполагает деятельностный подход в образовании, где главное — «не сумма знаний, умений и навыков, а сформированные познавательные и личностные качества ученика» [3], его высокая мотивация к изучению предмета. Ученик должен сам осуществлять поиск, анализ, сравнение, доказательство, отстаивать свою точку зрения. Именно на основе его мировоззренческих установок, политического, культурного и духовного опыта и формируется гражданственность, т.е. его равнодушная позиция к общественным процессам и явлениям.

Представляется, что формирование гражданской идентичности ценностно-ориентированной

личности возможно через осуществление личной сопричастности к истории, одним из способов которой является работа учащихся с историческими источниками. В пояснительной записке к Концепции нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории отмечается, что его составной частью является историко-культурный стандарт, принципиальным методическим новшеством которого явилось включение в его состав перечня исторических источников для изучения учащимися. Однако именно по курсу истории России XX века список приводится в обобщенном формате. Например, «партийные и комсомольские документы: от материалов съездов, конференций, пленумов, программ и уставов до документов первичных организаций» [4, с. 88]. С одной стороны, такой подход не позволяет определить обязательный образовательный минимум, необходимый и достаточный для изучения этого насыщенного событиями и сложного для понимания учащимися исторического периода. С другой стороны, при определенной таким образом типологии исторических источников возникает настоятельная необходимость в конкретизации перечня документов на региональном и местном уровне, а у учителей появляется возможность проявить свое методическое творчество и мастерство [5, с. 201].

Реализация этих задач возможна как через собственно уроки истории, так и через уроки по предмету «Основы регионального развития». Очевидно, что при этом будет сглаживаться имеющееся в практике преподавания истории противоречие между необходимостью сохранения единого образовательного пространства страны и решением задач образования в рамках региона. Одним из условий достижения организации учебного процесса с использованием исторических источников является наличие и доступность необходимого учебно-методического и справочного материала.

При изучении региональных аспектов истории русской революции 1917 года учитель на уроках или факультативах может применять хрестоматию, где использованы архивные материалы. Например, хрестоматию для учащихся старших классов «Красноярский край в истории Отечества», изданную в двух книгах. В первой собраны

источники по истории края (Енисейской губернии) с 1890 по 1917 год [6], во второй — с октября 1917 года по 1940 год. [7]. Опубликованные документы дают представление об этом трудном, противоречивом и очень богатом событиями времени. Применительно к теме русской революции опубликованные в хрестоматии документы показывают положение Енисейской губернии от февраля к октябрю 1917 года [6, с. 317–397], установление власти большевиков и их первые преобразования [7, с. 3–25], состояние губернии в годы Гражданской войны [7, с. 26–80].

Говоря на уроке истории о заключении Брестского мира, можно привести документ из материалов IV съезда енисейских казаков, проходившего 4 августа 1918 года [6, с. 31], побудив учащихся к оценочным суждениям постановкой вопроса: «Почему съезд казаков считал мир, заключенный 3 марта 1918 года в г. Брест-Литовске, актом «позора на все времена», актом предательства союзных России народов?»

При изучении темы «Переход власти к партии большевиков» (раздел учебника «Революционно-демократические преобразования») учитель может предложить учащимся провести сопоставительный анализ декрета Совета народных комиссаров о земле и резолюций 3-го съезда крестьянских депутатов Минусинского уезда о земле и власти [6, с. 6–7]. Итогом работы учеников по заранее разработанным вопросам к текстам документов будет обобщение фактического и теоретического материала, конкретизация изучаемой темы и в конечном итоге понимание того, что ослабило крестьянскую поддержку большевиков.

Материал упомянутой хрестоматии, отражающий события Гражданской войны в Сибири, позволяет провести практическое занятие, где в рамках групповой работы можно направить учащихся на выявление различных подходов к изучаемому общественно-историческому событию. При этом учитель может построить работу таким образом, чтобы учащиеся самостоятельно подобрали документы и сформулировали к ним вопросы. Тем самым учебный процесс приобретет исследовательский характер, а учитель выступит в роли организатора и координатора самостоятельной работы учащихся.

Противоречивые процессы формирования и реализации социальной политики в отношении материнства, младенчества и детской беспризорности в первое десятилетие советской власти раскрывает комплекс документов (законодательных, делопроизводственных, статистических), использованных в хрестоматии «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.». Он позволяет углубить понимание проблем социальной истории, оценить итоги социальных преобразований по критериям социальных затрат, широте мер социальной поддержки и их доступности для населения. Несмотря на то что издание адресовано студентам социальных и исторических направлений подготовки, учащимися старших классов средних образовательных школ оно может быть использовано при написании научно-исследовательских рефератов. Большое подспорье окажет хороший иллюстративный и справочный аппарат хрестоматии: терминологический словарь, поясняющий ряд малоупотребительных или вышедших из употребления слов, список рекомендованной литературы [8, с. 182–200] и др.

Приемы работы с историческими текстами разнообразны: чтение и анализ; выписки определений понятий, основных положений, выделение главной идеи; комментированное чтение; коллективный разбор текста; формулирование

вопросов к тексту; обобщение фактического и теоретического материала в целях конкретизации изучаемых общественных явлений; выявление различных подходов к общественно-историческому развитию; анализ аргументации авторов; нахождение разных способов решения проблем на основе сопоставления нескольких источников; формулирование обобщенных выводов; выявление причинно-следственных связей и построение логической цепи суждений; составление текстовых, сравнительно-обобщающих и конкретизирующих таблиц, логических и текстовых схем, планов (развернутого, структурно-логического, тематического) [9].

Использование исторических документов (в нашем случае регионального уровня) в обучении истории позволяет учителю формировать любовь к родному краю, способность разбираться в мировоззренческих проблемах, связанных с революциями начала XX века. Как правило, выводы, полученные в результате работы с текстом исторического источника, становятся более убедительными, содействуют конкретизации исторического материала, созданию ярких образов и картин прошлого, ощущению духа эпохи. При этом значительно расширяется круг социальной информации, осваиваемой учащимися, и, что не менее важно, он служит основой для развития познавательной активности школьников.

Источники и литература:

1. Павлова И. П. Русская революция 1917 года в современной зарубежной историографии // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы международной научной конференции. Красноярск, 14–15 ноября 2007 г. / отв. ред. В. В. Гришаев. Красноярск: Красноярский писатель, 2007. С. 13–19.
2. История Отечества XX — начало XXI века: учебник для 11-го класса средних общеобразовательных учебных заведений; 3-е изд. / Н. В. Загладин, С. И. Козленко, С. Т. Минаков, Ю. А. Петров. М.: ТИД «Русское слово — РС», 2005.
3. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования» (ред. от 31 декабря 2015 г.) // Информационно-правовая система ГАРАНТ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70188902/paragraph/2034:12>.
4. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории // Вестник образования. 2014. № 13. С. 10–124.
5. Кузнецов В. М. Модели изучения событий периода Великой Российской революции на Южном Урале в свете разработки регионального историко-культурного стандарта // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. XXI Всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2017. Часть I. — С. 198–207.
6. Красноярский край в истории Отечества: книга первая. 1890–1917. Хрестоматия для учащихся старших классов средних школ / отв. сост. А. А. Григорьев, С. А. Минина. Красноярск: Книжное издательство, 1996. 400 с.

7. Красноярский край в истории Отечества: книга вторая. 1917–1940. Хрестоматия для учащихся старших классов средних школ / отв. сост. А. А. Григорьев, С. А. Минина. Красноярск: Книжное издательство, 1996. 272 с.
8. «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.: учебное пособие: хрестоматия / Т. А. Катцина (отв. ред., отв. сост.), О. М. Долидович (отв. сост.), Л. Ю. Анисимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 216 с.
9. Чикурова О. В. Практическая работа с документами на уроке истории в старших классах // Издательский дом «Первое сентября». Открытый урок. URL: <http://festival.1september.ru/articles/212507/>

УДК 069.013

Черкасов И. А.

«УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ» — ДИСКУССИОННЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***Аннотация:** статья посвящена концепции и воплощению дискуссионного выставочного проекта Красноярского краевого краеведческого музея «Уроки революции».*

***Ключевые слова:** революция 1917 года, Красноярский краевой краеведческий музей, дискуссионный выставочный проект «Уроки революции», пароход-музей «Св. Николай».*

К столетию революции 1917 года Красноярский краевой краеведческий музей начал готовиться заранее. В рамках IV Сибирского исторического форума музей организовал конференцию «Сибирь и глобальный вызов 1917 года», модераторами которой выступили директор Санкт-Петербургского института истории РАН доктор исторических наук профессор Н. Н. Смирнов и профессор РГПУ имени А. И. Герцена доктор исторических наук Ю. З. Кантор. В конференции приняли участие ученые и музейщики Сибири. Подготовка конференции стала первым шагом на пути к посвященной революции выставке.

Юбилейная дата дала возможность привлечь внимание общества к этому непростому и определяющему весь дальнейший путь России историческому сюжету. Нужно было пригласить общество к размышлениям, обсуждениям, анализу событий столетней давности. Хотелось извлечь определенные выводы и даже уроки из тех событий, которые потрясли Россию сто лет назад. Поэтому выставке было дано название «Уроки революции».

Музей поставил перед собой амбициозную задачу подготовить крупную выставку, которая показала бы историю революции 1917 года. Изначально предполагались два ракурса: петроградский и красноярский, что позволяло решить несколько задач:

– общеобразовательную — напомнить красноярцам и гостям города общий ход событий революции 1917 года и познакомить с современной научной точкой зрения на ее причины, хронологию и движущие силы; выставка должна была

стать площадкой для образовательной деятельности школ, пособием для изучения истории революции 1917 года;

– просветительскую: познакомить с ходом революции на берегах Енисея;

– аналитическую: выявить специфику революции в Красноярске и Енисейской губернии относительно общеизвестного хода событий в Петрограде;

– аттрактивную: представить наиболее яркие экспонаты революционного времени.

«Уроки революции» стали крупным дискуссионным выставочным проектом, который создавался всем музеем при постоянном внимании директора В. М. Ярошевской. Куратором выставки и руководителем рабочей группы стал заместитель директора по научной работе И. А. Черкасов, автором художественного проекта — С. В. Поважнюк (возглавляемое им ООО «Раритет» непосредственно занималось оформлением выставки). В рабочую группу вошли замдиректора по маркетингу Т. В. Зыкова, главный хранитель А. А. Гуляев, заведующая экспозиционно-выставочным отделом Я. Г. Стародубцева, заведующая отделом истории Т. В. Никандрова, главный художник В. Л. Нециевский. Большой вклад в подготовку выставки внесли отдел истории, отдел фондов, технический отдел музея.

Во время работы над концепцией выставки мы консультировались с директором Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Н. Н. Смирновым, который одобрил концепцию и тематико-экспозиционный план

выставки и дал ценные советы. Большую помощь оказали консультации доцента КГПУ имени В. П. Астафьева кандидата исторических наук Л. Э. Мезит.

Поскольку революция — сложнейший и противоречивый процесс, то для показа ее была задумана многослойная экспозиция. При этом мы учли и двойность историко-культурного наследия. С одной стороны, есть объективные факты, установленные современной наукой, есть современные концепции, кардинально расходящиеся с установками советского периода. Нельзя показать Февральскую революцию и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, как 30 лет назад.

Но, с другой стороны, революционная мифология стала неотъемлемой частью нашего культурного наследия. Многие образы вошли в сознание нескольких поколений людей. «Выстрел «Авроры», «штурм Зимнего», «Ленин на броневике» стали значимыми метафорами вне зависимости от фактического содержания, стоящего за ними. И музей, который всегда работает не только с предметами, но и с образами, не мог пройти мимо таких знаковых символов.

Местом проведения выставки был избран уникальный объект культурного наследия федерального значения — пароход-музей «Святитель Николай». Построенный в 1886 году пароход перевозил пассажиров по Енисею. В 1891 году на нем с правого берега Енисея на левый переехал цесаревич Николай (будущий Николай II), возвращавшийся через Сибирь из своего кругосветного путешествия. А в 1897 году этот же пароход вез из Красноярска к месту ссылки революционера Владимира Ульянова.

Последний факт определил судьбу парохода. К столетию со дня рождения В. И. Ленина он был признан революционным памятником, был превращен в музей и сейчас является отделом Красноярского краевого краеведческого музея. Посетителей неизменно привлекают машинное отделение, каюта 1-го класса («каюта цесаревича») и каюта 2-го класса («каюта Ленина»).

Как только было решено делать выставку на пароходе, родилась одна из главных изобразительных идей выставки. В России не так много

кораблей-музеев, самым известным из них является символ революции — крейсер «Аврора». И для «Уроков революции» мы решили придать нашему пароходу некоторые черты легендарного крейсера. Мы ведь хотели рассказать о революционных событиях и Петрограда, и Красноярска. И такой сплав материала делал логичным и внешнюю двойственность корабля, который должен был, оставаясь «Св. Николаем», напоминать и об «Авроре».

Часть правого борта парохода до названия «Св. Николай» была затянута баннером с изображением борта «Авроры», на борту были укреплены три макета бортовых пушек, а на носу установлен макет орудия, из которого был произведен исторический залп. Эти небольшие изменения преобразили пароход. Вкрапления революционной тематики были сделаны по всей палубе парохода. Зазвучали на нем революционные песни, и перед красноярцами и гостями города возникло судно, способное переправить их во времена революции.

Игра в «Аврору» снаружи не исключала кропотливой научной работы внутри. Выставка разместилась в трех залах парохода-музея: зале 3-го класса («Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу»), трюме («Партия Ленина») и носовом зале (дискуссионная площадка).

В первом зале, названием для которого стали слова А. И. Солженицына: «Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу...», была развернута экспозиция, рассказывающая о событиях 1917 года в Петрограде и Красноярске. Этот зал показывает как схему хода событий в Петрограде, так и специфику города Красноярска, где большевики фактически пришли к власти в июле 1917 года, победив на выборах в городскую думу.

Основные экспозиционные комплексы в первом зале: «Россия перед революцией и Первая мировая война», «Социальные контрасты Российской империи», «Февральское вооруженное восстание», «Октябрьское вооруженное восстание», «Издано в 1917-м», «Культурный раскол».

На выставке мы показали события столетней давности как единый процесс — революцию 1917 года, включающую несколько этапов, среди которых Февральское вооруженное восстание

и Октябрьское вооруженное восстание. Мы подчеркнули роль Первой мировой войны. Ведь при наличии целого ряда долговременных причин (многие из которых сформировались еще во второй половине XIX века: аграрный и рабочий вопросы, отсутствие политических прав и свобод у населения и многое другое) именно война сыграла роль катализатора, обострила все проблемы (добавив к ним страшные людские потери, продовольственную и транспортную проблемы, дороговизну и другое), дала в руки населению оружие.

Революция стала катастрофой для России. Начавшаяся в феврале, она все больше разрасталась, снося все на своем пути. Можно ли было избежать Гражданской войны? История показала страшную цену яростной политической борьбы, показала альтернативу компромиссу. Будущий академик Е. В. Тарле в 1917 году писал в частном письме, что это было время совместимых программ и несовместимых политических деятелей.

Взять власть в таких условиях было нетрудно, но удержать ее смогла та партия, которая проявила наибольшую политическую хватку и гибкость одновременно. Взяв власть, большевики первыми своими декретами декларируют населению мир и землю. Эти декларации доставили им популярность, которая стала одним из факторов (а их было много) их победы в кровопролитной Гражданской войне, унесшей, по разным подсчетам, от 13 до 20 миллионов жизней.

Ключевым экспонатом выставки, ее изюминкой и визитной карточкой стал дневник семнадцатилетней красноярской гимназистки Кати Гайдукович. Дочь рабочего, Катя вела дневник с февраля 1917-го по март 1918 года. В 1960-е годы ее дочь Майя Павловна отпечатаала дневник на машинке и передала в музей. В начале 2000-х выдержки из дневника публиковала старший научный сотрудник музея Т. С. Комарова. Позже красноярские исследователи Александр Ульверт и Илья Куклинский (старший научный сотрудник музея) провели большую работу по комментированию дневника, идентифицировали на общей фотографии гимназисток Катю Гайдукович, обнаружили дополнительные документы о ее жизни.

1917 год был переломным и в истории всей страны, и в личной жизни Кати: она училась в выпускном классе гимназии, мечтала уехать в Томск и поступить в высшее учебное заведение, переживала время первой любви. Дневник созвучен по ритму революционному году, хотя Катя сравнительно редко пишет непосредственно о политических событиях. Слово «лихорадит», которое часто употребляет Катя Гайдукович, характеризует не только ее личную жизнь, но и страну в целом.

Оформленные специальным экслибрисом, цитаты из дневника были разбросаны по экспозиции и добавили голос красноярской гимназистки к призывам листовок, плакатов, манифестов и других значимых документов того времени.

В первом зале представлены уникальные экспонаты: медаль, отчеканенная в честь венчания Николая II и Александры Федоровны; записка Г. Е. Распутина министру путей сообщения; оружие Первой мировой войны и революции; листовки 1917 года; нарукавные повязки членов революционных органов Красноярска; коллекция денежных знаков, ходивших в 1917 году (царские боны и монеты, «думские» и «керенки», деньги-марки, монеты стран — участниц Первой мировой войны). В отдельной витрине представлены самые разнообразные книги, брошюры и журналы, объединенные одним фактом — все они (и Евангелие, и стихи Надсона, и статьи Ленина, и «гламурный» журнал «Столица и усадьба», и романы, и уникальный красноярский гимназический журнал «Дитя революции») были выпущены в 1917 году.

Работая над выставкой, мы столкнулись с проблемой создания экспонаторного ряда. В музее было не очень много материалов непосредственно 1917 года, и большинство из них представляли собой документы (листовки, воззвания, объявления, приказы, газеты); предметов материальной культуры, в том числе мемориальных, сохранилось очень мало, и за редким исключением (личная печать Владимира Крутовского) они принадлежали большевикам, т. к. в течение 70 лет именно документирование деятельности большевиков в 1917 году было приоритетом музеев СССР.

Эти коллекции, включая личные вещи лидера красноярских большевиков Я. Ф. Дубровинского и соратника Ленина — красноярца П. А. Красикова, были размещены в зале «Партия Ленина», где рассказывалось о роли сибирской ссылки в революции 1917 года. Ведь мало кто из большевистских лидеров избежал в своей жизни Енисейской губернии, здесь побывали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Я. М. Свердлов, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, В. В. Куйбышев, Ф. Э. Дзержинский, Е. Д. Стасова и многие другие.

В центре зала размещен макет броневика, выполненный ООО «Раритет» в соотношении 1:1,5. Он представляет собой арт-объект «Ленин в броневике». В интерактивных витринах броневика представлены предметы ленинианы, включая часть коллекции «Лениниана в медальерном искусстве» (медали, плакетки, значки).

Здесь же размещен информационный киоск с разработанной отделом истории КККМ уникальной базой данных революционеров, связанных с Енисейской губернией. База включает сведения более чем по 160 персоналиям, среди которых В. М. Крутовский, Е. Е. Колосов,

Я. Ф. Дубровинский, Г. С. Вейнбаум, А. П. Лебедева, В. К. Каминский, З. Е. Гущик, А. И. Окулов.

В этом киоске представлен электронный вариант дневника Кати Гайдукович, подлинник же размещен в витрине рядом.

И наконец, третий зал оформлен портретами ключевых деятелей революции 1917 года и представляет собой место, где посетители могут обсудить выставку, а также принять участие в мероприятиях музея.

Выставка открылась 2 марта 2017 года и будет работать до января 2018 года. На ее базе уже прошли ряд семинаров для учителей истории и музейных работников, интеллектуальная игра для старшеклассников, историческая реконструкция, музейные занятия для школьников разных возрастов и многое другое. Выставка стала базой для проведения первого круглого стола в рамках поддержанного Фондом В. Потанина грантового проекта «Музей в революции/революция в музее». В нем приняли участие историки и музейщики Санкт-Петербурга, Выборга, Екатеринбурга, Красноярска, Омска, Минусинска, Канска, Ачинска, Шушенского.

Иллюстрации

Из фондов КГКУ «Государственный архив Красноярского края»

*1. Яков Федорович Дубровинский (1882-1918), председатель Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов.
Ф.П-7835. Оп.9. Д.146. Л.1.*

*2. Александр Александрович Поздняков (1894-1964), секретарь солдатской секции Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, один из организаторов отрядов Красной гвардии.
Ф.Р-2622. Оп.1. Д.629.*

3. Первомайская демонстрация железнодорожников города Боготола. 1 мая 1917 года. Ф.Р-2622. Оп.1. Д.1115.

4. Сергей Георгиевич Лазо (1894-1920), член Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, делегат I Всероссийского съезда Советов. Ф.Р-2622. Оп.1. Д.114.

5. Николай Владимирович Мазурин (1885-1918), член президиума Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, делегат I Всероссийского съезда Советов. Ф.Р-2622. Оп.1. Д.935

6. Сходка бывших политических ссыльных в селе Тасеево. 1 мая 1917 года. Ф.П-7835. Оп.4. Д.40

7. Рабочие Знаменского стекольного завода, члены партии большевиков. Ф.П-64. Оп.5. Д.699.

8. Празднование 1 мая 1917 года в Красноярске. Ф.Р-2622. Оп.1. Д.92

9. Июньская демонстрация 1917 года в Петрограде. Ф.П-7835. Оп.4. Д.106

10. Алексей Иванович Окулов (1880-1939), председатель Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Енисейского губернского исполкома. Ф.П-7835. Оп.9. Д.343. Л.9.

11. Григорий Спиридонович Вейнбаум (1891-1918), член Красноярского комитета и районного бюро РСДРП (б), редактор газеты «Красноярский рабочий». Ф.П-7835. Оп.9. Д.75. Л.1.

12. Захват оружия в предоктябрьские дни 1917 года. Ф.П-7835. Оп.4. Д.7.

Минусинская ссылка в 1917 году.

Сидят на полу — слева направо: 1. Вейнбаум, Г. С. 2. Румянцев, С. Л. 3. Несвадьбо, Ксения. 4. Карпов. 5. Абло, Л. М. 6. Кюнтлер. 7. Безматерных. 8. Присягин, В. 9. Эдигеридзе. 10 и 11 — неизвестны.
Сидят на скамейке слева направо: 12. — неизвестен. 13. Ведерников. 14. Самойлова (жена депут. Госуд. Думы). 15. Самойлов, Ф. Н. 16. Шагов, Н. Р. 17. Иков (он же — Мирон). 18. Хачатуров, М. И. 19. Икова (Цедербаум, жена Икова).
Стоят слева направо: 20. Брейдо, Е. Л. 21. Гавен, Ю. П. 22 и 23 — неизвестны. 24. Унпал. 25. Алеско. 26 и 27 — неизвестны. 28. Лидак, К. 29. Спунде, А. П. 30. — неизвестен. 31. Стауне, М. 32. Овсян, А. С. 33. Ходашев, С. Н. 34. Фрейман. 35. Сафьянов, И. Н.

13. Минусинская ссылка в 1917 году. Ф.П-42. Оп.6. Д.152. Л.1.

14. Демонстрация в честь победы революции, Красноярск, 10 марта 1917 года. Ф.Р-2629. Оп.1. Д.480.

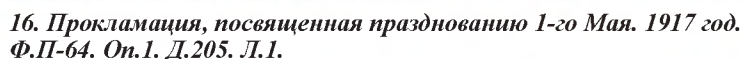
У Т Р Е Н Н І Я
Т Е Л Е Г Р А М М Ы

Издание Енисейской Губернской Типографіи.

Въ иманію избирателей въ Красноярскую Городскую Думу.

М на избирательной записке т. е. М списка, за который подается голос, проставляется уже самими г.г. избирателями.

15. *Объявление городского головы Красноярска С.И. Потылицына о признаках подлинных документов, предоставляемых избирателям г. Красноярска. 1 июля 1917 года. Ф.Р-1813. Оп.2. Д.163. Л.300б.*

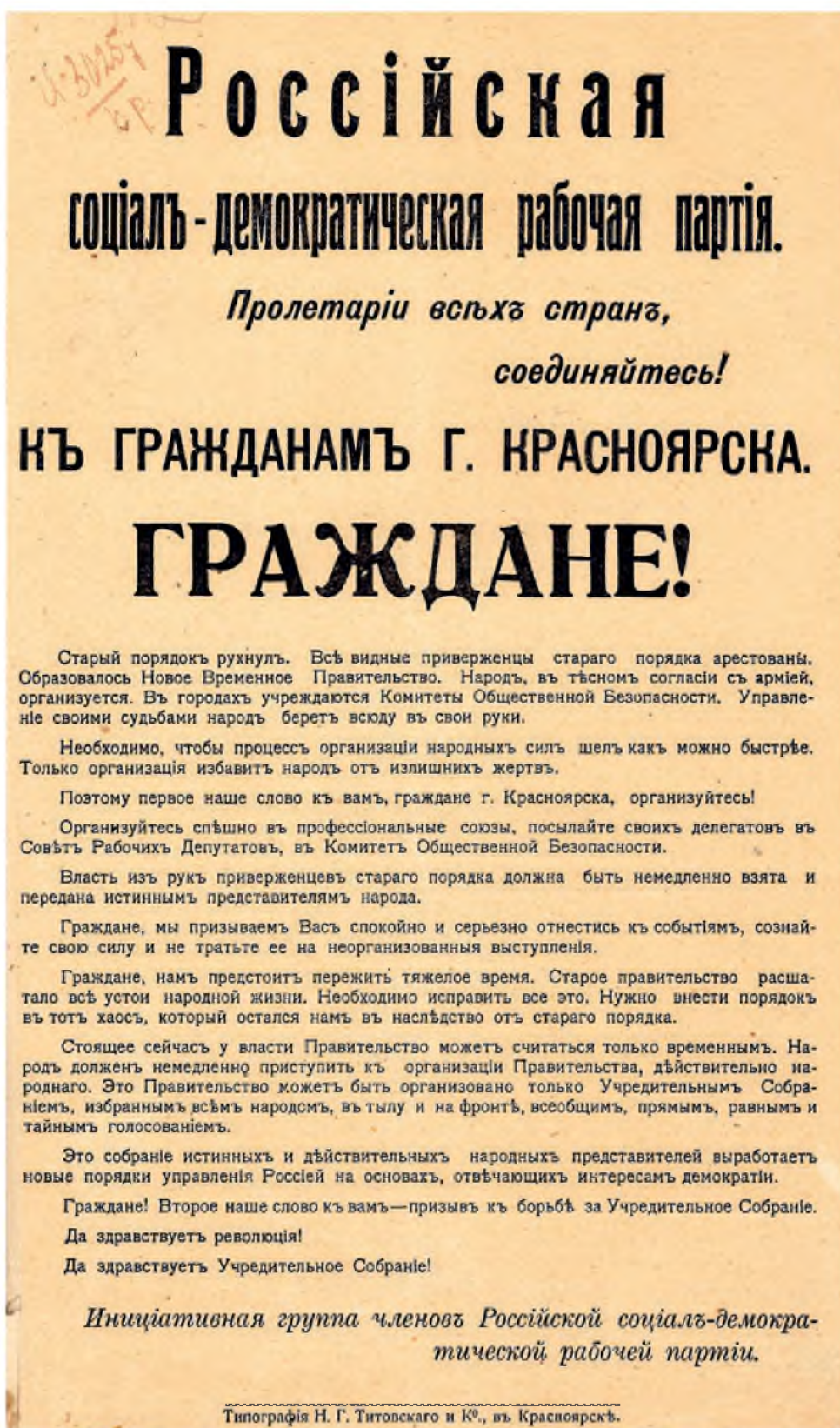

17. Митинг красноярцев у могилы революционеров. 1 мая 1917 года.
Ф.Р-2629. Оп.1. Д.1117.

18. Демонстрация трудящихся города Красноярска. 9 июля 1917 года.
Ф.П-64. Оп.1. Д.422. Л.48.

19. Обращение инициативной группы РСДРП к жителям Красноярска.
Март 1917 года. Ф.П-64. Оп.1. Д.199. Л.3

КОМИТЕТЪ Енисейской группы Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, обращается съ призывомъ ко ВСЕМУ ПРОЛЕТАРИАТУ, МѢСТНОМУ ГАРНИЗОНУ, УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ, ВСѢМЪ РАБОЧИМЪ ОРГАНИЗАЦІЯМЪ и ДЕМОКРАТІИ принять участие ВЪ ПРАЗДНОВАНІИ

ВСЕМІРНАГО ПРОЛЕТАРСКАГО ПРАЗДНИКА

1-ГО МАЯ

ПО НОВОМУ СТИЛЮ Т. Е. 18 АПРѢЛЯ.

КОМИТЕТЪ приглашаетъ всѣхъ трудящихся **НИКАКИХЪ РАБОТЪ ВЪ ЭТОТЪ ДЕНЬ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ** и ЭТОЙ ОДНОДНЕВНОЙ ЗАБАСТОВКОЙ ВЫРАЗИТЬ СВОЕ ПОЛНОЕ СОГЛАСІЕ СЪ ТРЕБОВАНІЕМЪ ПРОЛЕТАРИАТА ВСЕГО МІРА

Да здравствуетъ 8 часовая рабочій день!
Да здравствуетъ братскій союзъ народовъ!
Да здравствуетъ право на труды!
Да здравствуетъ социализмъ!

Енисейскій Комитетъ группы – Р. С. Д. Р. П.

Члены группы Р. С. Д. Р. П. приглашаются на **ЗАСѢДАНІЕ ГРУППЫ 18-го АПРѢЛЯ въ 5 часовъ дня въ зданіи Народной Читальни.**

20. Обращение Енисейской группы РСДРП по случаю 1-го Мая. 1917 год.
Ф.П-42. Оп.7. Д.534. Л.1

Россійская Соц.-Демократ. Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ!

На выборахъ въ Красноярскую Городскую Думу списокъ революціонной социаль-демократіи получилъ 41 мѣсто въ Думѣ изъ 83. Это блестящая, прекрасная побѣда!

Чья это побѣда, товарищи и граждане? Это побѣда революціонныхъ рабочихъ и солдатъ; это побѣда сознательныхъ работницъ и солдатокъ; это побѣда силъ революціоннаго народа, развернувшихъ свою мощь въ этой битвѣ разныхъ классовъ за власть въ городѣ. И въ этой битвѣ революціонный народъ блистательно побѣдилъ.

Товарищи и Граждане! Красноярскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. призываетъ васъ отпраздновать эту побѣду братской манифестаціей рабочихъ, солдатъ, работницъ, солдатокъ и всѣхъ трудящихся, объединенныхъ подъ Краснымъ Знаменемъ Революціи.

Наша выборная кампанія прошла подъ знаменемъ партіи революціоннаго пролетаріата—Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Нашими лозунгами были:

- Долой министровъ-капиталистовъ!
- Вся власть—Совѣтамъ Р., С. и Кр. Депутатовъ!
- Миръ—хижинамъ, война—дворцамъ!
- Долой войну!
- Да здравствуетъ революція всѣхъ народовъ!
- Да здравствуетъ III-й Интернаціональ!

Эти же лозунги въ день нашего праздника должны быть и на нашихъ знаменахъ.

Сборъ революціонныхъ организацій съ ихъ знаменами и всѣхъ желающихъ принять участіе съ манифестаціи будетъ въ Воскресеніе, 9 Іюля, въ 2 ч. дня, на Базарной пл. въ Николаевскѣ, и въ 3 ч.—на Ново-базарной пл. въ городѣ. Отсюда шествіе двинется съ музыкой по Б.-Каченской ул. до Благовѣщенскаго пер. и обратно по Воскресенской ул.

На пустырь противъ Епархіальнаго училища будетъ устроенъ непродолжительный митингъ. Затѣмъ шествіе двинется до Ново-базарной площади, гдѣ будетъ распушено.

Товарищи и Граждане! Позаботимся всѣ вмѣстѣ о томъ, чтобы наша манифестація была прекрасна!

Красноярскій Комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

21. Объявление Красноярского комитета РСДРП о проведении мирной демонстрации.
Ф.П-64. Оп.1. Д.212. Л.1

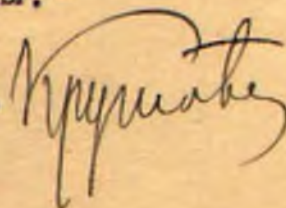

ИЗВѢЩЕНІЕ

ЕНИСЕЙСКАГО ГУБЕРНСКАГО КОММИССАРА.

На основаніи постановленія Временнаго Правительства 17 іюня о введеніи Губернскихъ, Уѣздныхъ и Волостныхъ Земскихъ Учрежденій въ Сибири, объявляю для всеобщаго свѣдѣнія, что распорядительныя дѣйствія по введенію этого закона возложены въ уѣздахъ: Красноярскомъ, Ачинскомъ, Енисейскомъ и Минусинскомъ на временныя Уѣздныя Земскія Управы, а въ Канскомъ- на Объединенный Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, съ предоставленіемъ этимъ организаціямъ права образовать для сего Исполнительные Комитеты.-

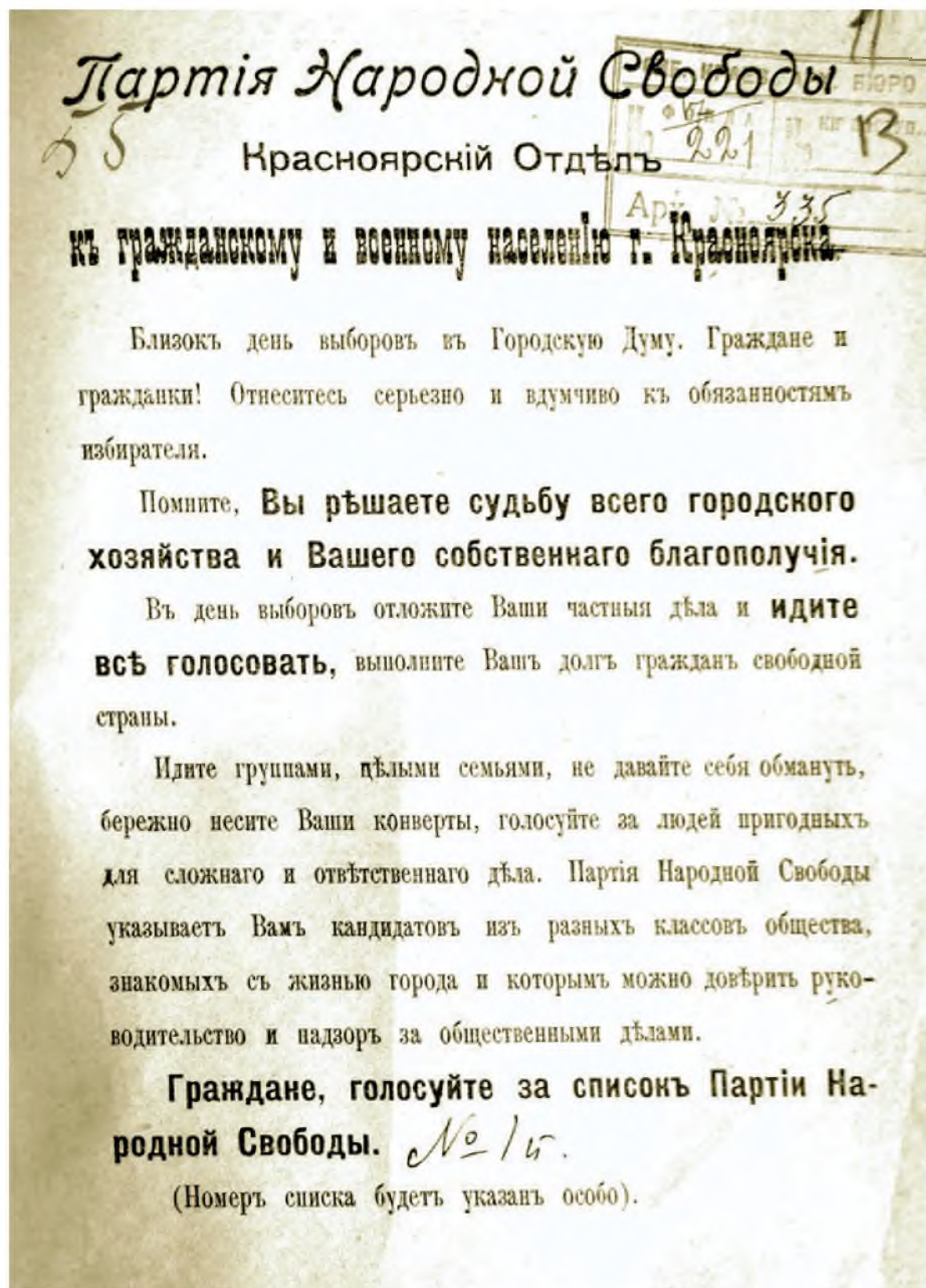
Губернскій Коммиссаръ

30 іюня 1917 г.-

22. Извещеніе губернскаго комиссара В.М. Крутовскаго о введеніи в Енисейской губернии земства.
30 іюня 1917 года. Ф.Р-1813. Оп.2. Д.9. Л.27.

23. Предвыборная листовка Красноярского отдела партии народной свободы (кадетов).
 Ф.173. Оп.2. Д.12. Л.25.

Ко всем гражданам гор. Красноярска!

Исполнительный Комитет объявляет во всеобщее свѣдѣніе, что ДЕМОНСТРАЦІЯ в воскресенье, 9-го іюля устраивается Красноярскими Организациями Россійской Соціал-Демократическ. Рабочей Партіи, Центральным Бюро Профессіональных Союзов и Фабрично-Заводским Центром—С ВѢДОМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Исполнительный Комитет, в полном согласіи съ этими организациями, объявляет, что

демонстрація должна носить совершенно мирный характер

Ни один участник НЕ должен быть вооружен. Исполнительный Комитет приглашает всѣх участников СОБЛЮДАТЬ ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК шествія.

Исполнительный Комитет
Красноярскаго Совѣта
Рабочих и Солд. Депутатов.
Красн. Комитет Р. С.-Д. Р. П.

24. О проведении мирной демонстрации. Газета «Красноярский рабочий», 9 июля 1917 года.

Минусинскій Совѣтъ Рабоч. и Солдат. Депут.

Товарищи! Враги революціи во главѣ с верховным главнокомандующим генералом. Корниловымъ и другими черпосотевыми генералами подняли знамя возстанія против завоеваній революціи, против интересов рабочих, крестьян и солдат.

В такой момент мы не можем молчать. Всѣ мы, кровно заинтересованные в доведеніи революціи до побѣднаго конца, должны объединить свои силы и громко заявить, что мы твердо стоим на стражѣ свободы и революціи, что мы во всякую минуту готовы дать дружный отпор всѣм попыткам и покушеніям, направленным против интересов рабочих, солдат и крестьян и против выразителей их революціонной воли—Совѣтов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Товарищи! Словесными рядами мы должны выйти на улицу и показать врагам революціи свои силы.

С этой цѣлью Минусинским Совѣтом Раб. и Солд. Депутатов назначается на 2-ое сентября 1917 года.

МИРНАЯ ДЕМОНСТРАЦІЯ.

Сбор в 12 час. в помѣщ. Рабочаго Клуба (Гоголевская ул. д. Мансурова).

Товарищи рабочіе, солдаты и вся революціонная демократія! Выходите всѣ на улицу, но без оружія! Демонстрація **СОВЕРШЕННО МИРНАЯ!**

Исполнительный Комитет.

Совѣта Раб. и Сол. Депутатов.

Электро-тип. Т-ва «СОТРУДНИКЪ»

25. Листовка Минусинского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ф.П-64. Оп.1. Д.329. Л.1.

26. Красноярск революционный. Источник: <http://and110.ucoz.ru/REW/09/sam.html>.

27. Красноярск революционный. Источник: <http://and110.ucoz.ru/REW/07/asd13.html>.

28. Красноярск революционный. Источник: <http://and110.ucoz.ru/REW/07/asd6.html>.

29. Красноярск революционный. Источник: <http://and110.ucoz.ru/REW/07/asd10.html>.

Из фондов МКУ «Архив города Ачинска»

30. Георгиевский кавалер, командир взвода Петр Тимофеевич Назаров.

Надпись на фотографии: «Уважаемые родные и друзья! Если брусиловский прорыв мне обошелся благополучно, то в «Рожнице» тяжело ранило. Сегодня Георгиевский кавалер прибыл из лазарета г.Петрограда в окоп. Желаю скорого свидания. Комвзвода П.Т.Назаров. Галиция, Ясници, Юго-Западный фронт. 16 [неразборчиво] 1916 года». Ф.Р-843. Оп.1. Д.2. Л.1.

31. Члены Совета рабочих и солдатских депутатов 24-го Сибирского стрелкового полка. П.Т. Назаров сидит в первом ряду справа. Галиция, Юго-Западный фронт. 14 августа 1917 года. Ф.Р-843. Оп.1. Д.2. Л.2 (2).

32. Делегаты совещания о конфискации помещичьих земель и передаче их крестьянам поручик А.Тихонов и старший уланский офицер П.Т.Назаров (слева). Юго-Западный фронт. 27 июля 1917 года. Ф.Р-843. Оп.1. Д.2. Л.2.

33. Братание русских и немецких солдат за прекращение империалистической войны. В центре сидят организаторы братания: П.Т. Назаров (в немецкой бескозырке) и германский капрал И.О. Ганс (в фуражке Назарова). Галиция, Юго-Западный фронт. 28 августа 1917 года. Ф.Р-843. Оп.1. Д.2. Л.3.

34. Отряд красногвардейцев, образованный из добровольцев 24-го Сибирского стрелкового полка. 16 сентября 1917 года. Ф.Р-843. Оп.1. Д.2. Л.4.

35. Красный командир Петр Тимофеевич Назаров во время марша по ликвидации банды Соловьева. Между 1920 и 1924 гг. Ф.Р-843. Оп.1, Д.2. Л.5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абаимов А. 247
 Авдюков Ю. П. 105
 Авксентьев Н. Д. 11-13
 Агапьев П. П. 22
 Акулова 84
 Алексеева В. К. 69
 Алехин И. 257
 Алиферов 102
 Амбразевич Г. П. 75
 Андреева Л. В. 251
 Аникин Ф. Г. 260
 Анисимов Б. В. 186
 Анисимов В. А. 258
 Анисимова Л. Ю. 106, 267
 Анищенко Ф. И. 117
 Аргунов А. А. 11-12
 Артемов Е. Т. 164, 167-168
 Аргунян С. 109
 Архангельский П. 128
 Архипова А. С. 254
 Аскольдов А. 26, 28
 Астанкова Е. В. 46-47, 229, 260, 263
 Астров Н. И. 12
 Афанасьев А. Л. 65
 Афанасьев Ю. Н. 25-26

Б

Бабикова Е. Н. 58
 Бабкин М. А. 101
 Бабурин С. Н. 19
 Багаев Д. П. 250
 Баев 122
 Баев В. А. 169
 Байкалов К. Н. 169
 Байков М. С. 41-42
 Бакиров И. 256
 Бакшт Д. А. 40, 43
 Балабин Н. И. 20-21
 Барабанов А. 170
 Барановский И. 222
 Барыбалова Л. В. 132
 Барышникова А. А. 21
 Баталов А. Н. 82
 Бахов И. А. 74
 Баяндин В. И. 182
 Бедро И. П. 67
 Безруков В. И. 258
 Белокопытова 119
 Белопольский И. 84, 202-205
 Белошапкин В. М. 65

Беляев Е. А. 164, 167
 Бендельстон П. А. 258
 Бердников Л. П. 97, 106, 110, 205-206
 Березин В. С. 257
 Бесов А. Г. 23
 Бессонов Н. Н. 143, 229
 Блок А. А. 230
 Бобрик М. 257
 Богомоллов 141-142
 Боград Я. Е. 95, 202-205, 261
 Болдырев В. Г. 11-12
 Бондаренко А. А. 58
 Бондарь 95
 Бондырев 123
 Бонч-Бруевич М. 224
 Борисенко Е. А. 228
 Борисов В. 225
 Брежнев Л. И. 245-248
 Брешковская Е. К. 44-45
 Брингельт К. И. 74
 Бройдо Е. Л. 67
 Бруно Д. 15
 Бубнова А. С. 220
 Буданцев С. К. 74
 Будник Г. А. 25, 28
 Бузулаев И. С. 260-261
 Букалова С. В. 136, 138
 Булганин Д. 110
 Булдаков В. П. 82
 Бурдахова Ф. 41
 Буцих 122
 Бушуев В. М. 201

В

Валк С. Н. 163
 Васильевский 49
 Вахрин Ю. И. 124
 Вацетис И. И. 220
 Вашкорин И. 127
 Вейнбаум Г. С. 96, 202-205, 229, 271
 Вейнберг Б. П. 164
 Верещагин А. А. 162
 Vernadsky G. 34
 Веселовский А. А. 99-100
 Виноградов В. А. 12
 Виноградова Н. В. 211
 Витвицкий Н. М. 100-101
 Витте С. Ю. 15
 Вицын А. И. 74
 Вишняк М. В. 13

Власов 96

Войцеховский С. Н. 195
 Волков Ф. В. 49
 Вологодский П. В. 12, 207
 Волосников Н. 246
 Волошин М. 225
 Вольский В. К. 11
 Воробьева К. В. 132
 Врангель 224, 240
 Выготский Л. С. 234

Г

Габриэльян А. А. 258
 Гавен Ю. П. 261
 Гавриил 125-126
 Гаджиев К. С. 37-38
 Гайда Р. 195
 Гайдукович К. 270
 Галинина 85
 Гацук 122
 Герасименко Г. А. 62
 Гапоненко Л. С. 132
 Герш Г. 119
 Гефтер И. И. 203
 Гидлевская Е. И. 260
 Гидлевский К. И. 260, 262
 Гинцбург Я. Л. 202
 Глянцшиггель М. Г. 203
 Гневушев А. М. 190-194, 208
 Гнетнев Н. И. 74
 Голиков А. П. 102
 Головин Г. Г. 89
 Головин Н. Н. 115, 136-137
 Гололобов Я. Г. 42, 74, 161
 Горбань Ф. И. 250
 Горбачев М. С. 17, 26
 Горбачева Т. Ф. 165
 Гореславская Н. 189
 Горин Н. 110
 Горных П. Н. 75
 Горшков П. П. 165
 Горький М. 123
 Гоштовт В. С. 190, 202
 Гоштовт Г. В. 190
 Григорович В. П. 20
 Григорьев А. А. 266-267
 Григорьев А. Г. 255
 Гришаев В. В. 122-124, 266
 Гришин П. С. 260
 Гросман Р. Л. 44
 Груздев А. 256
 Губкин В. Ф. 106

Гуковский И. Э. 202
 Гуляев А. А. 268
 Гуревич В. Я. 11, 13, 208, 210
 Гуревич Я. Я. 93
 Гусарова А. И. 75
 Гутовский Н. В. 174
 Гущик З. Е. 46, 86, 229, 271

Д

Давсен А. В. 191, 193
 Дадыкин В. П. 166
 Дайри Н. Г. 124
 Данилов Ю. Н. 137
 Данциг С. 44
 Дворецкая Б. А. 258
 Дейч Л. 57, 205
 Дементьев А. П. 13, 231
 Демидов Н. Н. 228
 Демин 50
 Денисов 122
 Деникин 223-224
 Дербер П. Я. 57
 Дергач В. А. 124
 Дзержинский Ф. Э. 228, 271
 Диминюк С. 202
 Дмитриев И. С. 85
 Днепровский С. 69
 Добровольский А. В. 58
 Добровольский С. А. 137
 Доброхотов В. Н. 212-213
 Доброхотов Н. В. 211-212, 214
 Доброхотов Н. Н. 211-213
 Додунов С. Г. 75
 Долидович О. М. 47, 267
 Дорофеев М. И. 74
 Доценко 49
 Дрике Я. Ф. 66
 Дроздов Н. И. 106
 Дронин Г. Е. 250
 Друзяка А. В. 156
 Дубровинский Я. 71, 202-205, 228, 230, 271
 Дугин А. Г. 18
 Дударев Е. М. 198-199
 Дусавицкий А. Г. 234
 Дымчевский В. А. 155
 Дюков П. И. 163

Е

Егоров И. 41-42
 Езерская Л. 44
 Елисеев 122
 Елисеенко А. Г. 106, 215
 Елтышев А. И. 74

Ельцин Б. 17
 Енукидзе А. 218
 Ераков Н. П. 20
 Ерошкин Н. П. 62
 Есаков В. Д. 164, 167
 Ефремов И. Н. 112

Ж

Жардецкий В. А. 57
 Жерновков Г. И. 55
 Жолудев Д. Г. 97
 Жуков М. С. 171
 Журов Ю. В. 82

З

Заверткин И. И. 134-138
 Загладин Н. В. 266
 Зазубрин (Зубцов) В. 222, 224-225
 Зайончковская О. А. 218
 Залаквиши-оглы Ч. 119
 Заосим 126
 Засулич 57
 Захаров В. Н. 258
 Звонков В. В. 166
 Зиневич Б. М. 200
 Зензинов В. М. 12-14
 Зиновьев В. П. 138
 Зорин 122-123
 Зубков К. И. 173, 176
 Зубовский М. И. 207
 Зумпф А. 116
 Зыкова Т. В. 268
 Зырянов Ф. А. 134, 138

И

Иванов А. И. 107, 128
 Иванов В. С. 255
 Извольский А. П. 137
 Изюмов Б. В. 183
 Игнатов Н. И. 41-42
 Измайлов М. И. 21
 Иков В. К. 67
 Ильин А. И. 15, 145-146
 Иоффе 140
 Иров П. М. 208
 Исаев В. И. 169, 172
 Исааков С. М. 28
 Ицын И. А. 162

К

Кабухин В. М. 132
 Кавцевич О. К. 168
 Казанцев И. В. 228-229

Казаринов А. Л. 257
 Какурин Н. Е. 216-221
 Калабеков И. Г. 34
 Каленкина М. 44
 Калинин М. И. 174
 Калининников Н. Я. 75
 Калининский В. В. 220
 Калужский И. С. 258
 Каменев Л. Б. 271
 Кампанелла 15
 Кандуфорова 85
 Кантор Ю. 223, 225, 267
 Каппель В. О. 200, 224
 Капустин 224
 Кара-Мурза С. Г. 37-38, 110
 Карабач 122-123
 Каргополов М. 128
 Кардаш Д. 141
 Кармазинский Н. Н. 22
 Карпинский А. П. 164
 Карпухин В. 257
 Карфидов С. Н. 257
 Катков Г. 15
 Катцина Т. А. 43, 116, 267
 Квасницкий И. Ф. 75
 Керенский А. О. 15, 45, 55
 Кибаров И. И. 74
 Кирилл 145
 Киров С. М. 242
 Кирьянов Ю. И. 40, 43
 Кисилева В. Э. 44
 Кислицын Ф. С. 134-136, 138
 Ключевский В. О. 144
 Кныш И. Д. 260
 Кобзырева В. С. 258
 Коваленко Н. А. 116
 Коган Е. 202
 Кодинец А. Г. 42
 Кожевников М. В. 169, 172
 Кожин В. В. 25, 225
 Козленко С. И. 266
 Козырев 135
 Козьмин Н. Н. 208-209
 Коков Н. 170
 Кокорев А. А. 245, 248
 Колесников Я. 61
 Колин П. 245
 Коллонтай А. М. 113
 Колосов Е. Е. 191, 207-210, 228
 Колпаков 224
 Колтораков К. А. 260, 262
 Колчак А. В. 81, 123, 127, 199, 223-224
 Комаров В. 256

Комарова Т. С. 270
 Коновалова О. В. 13
 Кончаловская Н. 187-189
 Кончаловская О. 187-188
 Кончаловский М. 187-188
 Кончаловский П. 187-188
 Коржихина Т. П. 23, 110
 Корзун А. А. 255
 Корнилов А. М. 149, 152
 Королев И. П. 126
 Корольков А. А. 36, 38
 Коробков М. И. 55
 Коротяев Б. И. 234
 Коршиков С. И. 258
 Костромитинов Г. 140-142
 Коудельный Я. О. 195-197
 Кочанов В. 257
 Кошкарова К. Ф. 132
 Кравченко А. Д. 199
 Край К. 152
 Красилов П. А. 271
 Красильников 123-124
 Красильникова С. А. 97
 Краснов 224
 Кратюк Н. С. 260-261, 263
 Кроль Л. А. 11
 Кроль М. А. 10-11, 13
 Кротов В. А. 166
 Крупская Н. К. 271
 Крутовский Вл. М. 203, 212, 229-230, 270-271
 Куваев П. П. 258
 Кузнецов А. Ф. 258
 Кузнецов Б. 256
 Кузнецов В. М. 266
 Кузнецов Т. 128
 Кузнецова А. А. 85
 Кузнецова М. А. 85
 Кузьмин В. 126
 Куйбышев В. В. 218, 271
 Куклинский И. 270
 Куперштох Н. А. 167-168
 Курешов 247
 Курнаков Н. С. 165
 Кусков А. А. 89
 Кусков И. И. 75
 Кусков П. И. 88

Л

Лаврентьев М. А. 167
 Лавринов В. В. 128
 Лаврищев А. В. 258
 Лавров И. А. 22
 Лазо С. Г. 73, 122, 204

Лапандин В. А. 12, 14
 Лаппо Д. Е. 88
 Латкин Н. В. 151-152
 Лебедев Г. Б. 260
 Лебедев П. И. 164
 Лебедева А. П. 46, 83, 85-86, 198, 202, 204-205, 229, 271
 Лебина Н. Б. 106, 116
 Левберг А. Е. 20
 Левенсон Е. 44
 Лекомских 122-123
 Ленин В. И. 16, 97, 140, 144, 146, 173, 209, 217-218, 228-229, 231, 238-239, 242, 245, 250, 252, 269, 271
 Леонов Т. Д. 42
 Леонтьев Я. 210
 Летницын Е. 154
 Леушин 85
 Липинская К. А. 46-47, 85, 229, 260-262
 Лисиенко А. П. 55
 Лобанов 49
 Лобашев А. 128
 Лонина С. Л. 106
 Лопаткин Г. С. 106
 Лукиева Е. Б. 124
 Лухтанский Н. 203
 Луцаева Г. М. 106
 Лыков О. М. 182
 Львов Г. Е. 21, 22
 Любичанковский С. В. 62
 Ляковский М. С. 258
 Ляпидевский Ф. 84
 Лященко 102

М

Маерчак В. С. 202-203
 Макачук С. В. 205
 Максимов В. И. 74
 Максимов С. В. 82
 Максимова В. Н. 47
 Малахова Г. М. 69
 Малашин Г. В. 101, 128
 Мануйлова А. А. 93
 Марковский Т. П. 83, 202, 205, 228, 230
 Маркс 16
 Мармышев А. В. 106, 215
 Мартынов П. А. 42
 Марьясова Е. А. 47
 Масальский В. 148
 Матушевский 85
 Машков Г. И. 132

Межов И. Ф. 52
 Мезит Л. Э. 106, 269
 Мейрович М. 202
 Мельников Г. И. 52
 Мельниченко М. 252-254
 Меркурьева П. 127
 Мешалкин П. Н. 47, 210, 247
 Миддендорф А. 150-152
 Милехин 122-123
 Миллер 223
 Милорадовский В. Н. 75
 Минаков С. Т. 266
 Миндаровский М. П. 139-142
 Минина С. А. 266-267
 Миронов Б. Н. 34
 Мирошникова Т. И. 190, 193
 Михайлов П. Я. 55
 Мичурин С. С. 55
 Мокринский С. 54
 Мор Т. 15
 Морганы 15
 Мордвинов А. А. 152
 Мордох-Мильштейн Л. 74
 Муклевич Р. А. 217
 Мунтян М. А. 19
 Муранов А. 127
 Муромов А. 154
 Муханов Н. И. 255

Н

Нагорнов В. И. 167
 Назарий 126
 Нам И. В. 206
 Наумова Н. И. 206
 Нейман А. 44
 Некрасов И. А. 54
 Ненароков А. 220
 Неровецкий Д. 128
 Нефедов С. А. 40, 43
 Нециевский В. Л. 268
 Нечаева О. Н. 132
 Никандрова Т. В. 268
 Никитин В. 256
 Никифоровы 107
 Николай II 17, 250, 269-270
 Николаев А. М. 255
 Николаева К. И. 46
 Николин А. 145-146
 Никон 63, 65, 99, 100, 101, 125-126, 143-146
 Никулина Е. Н. 132
 Нимандер Е. П. 20
 Нобель 15
 Новгородов А. И. 166

Новоселов М. Ю. 228
 Новосельский С. А. 34
 Новочадовский А. 128
 Ноздрин К. Е. 258
 Нэш К. Ф. 118

О

Образцов А. П. 75
 Озолин К. Я. 263
 Окулов А. И. 88, 228, 271
 Окулова-Теодорович Г. И. 47, 85
 Олюнин Д. Ф. 74
 Оносовский А. П. 89
 Оношковиц-Яцын В. А. 75
 Орехова Н. А. 40, 43
 Орджоникидзе Г. К. 218
 Орлов В. 127
 Орфеев И. 126
 Островский И. 133
 Островский Н. В. 130
 Ошаров В. И. 258
 Оуэн 15

П

Павлова И. П. 25, 28, 116, 266
 Павловский Е. В. 166
 Панарин А. С. 26, 28
 Панов А. И. 225
 Паров В. М. 255
 Парышев И. 99
 Пашенных Н. П. 50
 Пекарж Я. М. 46
 Перенсон А. Г. 202, 204-205
 Перенсон Р. Х. 46
 Пересыпкина Л. А. 257
 Пестов И. С. 148, 152
 Петр I 145
 Петров П. 223
 Петров П. Н. 260
 Петров Ю. А. 266
 Петровский С. А. 20-21
 Петрожицкий С. Д. 162-163
 Петунин 140
 Печерский С. Б. 83
 Печерский С. П. 205
 Пильц А. И. 20, 21
 Письменова Т. 44
 Платон 15
 Платонов А. А. 74
 Плесский В. А. 75
 Плетнев Д. А. 41, 42
 Плеханов Г. В. 57, 191
 Плотников А. И. 261
 Поважнюк С. В. 268

Погребняк А. И. 70
 Познанский В. С. 168
 Поляшов Я. П. 163
 Померанц Г. С. 146
 Померанцева А. В. 46, 47, 84
 Понкратов И. И. 84
 Пономарева-Адасинская К. И. 46
 Попов В. П. 158
 Попов К. А. 56, 107
 Прейс Е. П. 47
 Преображенский П. И. 96
 Пржелясковский Н. А. 74
 Принцип Г. 146
 Протопопов Н. 127
 Прохоров М. 134
 Прядко И. 205
 Птицин Н. 256
 Пузанова Е. Л. 47, 85
 Пузыревский И. 128
 Путин В. В. 16
 Путилова П. И. 46
 Пушкин А. С. 143
 Пышкова Н. С. 164, 167

Р

Раззоренов Ф. Ф. 119-120
 Ракитников Н. И. 12-13
 Рамишвили Р. Г. 67
 Распутин Г. Е. 120, 179, 270
 Рассадина Т. А. 38
 Рейснер Л. 46
 Решетнев М. Ф. 257
 Римский-Корсаков Л. П. 42
 Рогачев А. Г. 73
 Рогозный П. Г. 101, 128
 Родзаевский В. И. 154-155
 Розанов В. В. 15, 108
 Розанов Н. 186
 Розен Й. 38
 Рокфеллеры 15
 Романов В. Р. 250
 Романов П. В. 116
 Романовы 144
 Романьков С. 108
 Ротшильды 15
 Руденко И. В. 251
 Румба Е. Х. 46-47
 Руско А. 256
 Рынков В. М. 130-133

С

Савинков И. 246
 Савицкий П. Н. 18
 Сазонов А. В. 55

Сазонов И. 41, 42
 Самойлов И. И. 67
 Сапожников М. 108
 Сафронов В. П. 205
 Сафронов С. А. 65
 Сафьянов М. Г. 229, 260, 262
 Свердлов Я. М. 202, 271
 Свищева А. Д. 46, 85, 86
 Северьянов М. Д. 47
 Семенова А. Я. 107
 Семенникова Л. И. 25
 Сен-Симон 15
 Сенкевич В. 202
 Сергеев М. 135
 Сидоркина А. З. 84
 Сидоровский А. А. 126
 Силин Н. 127
 Силкова Н. П. 247
 Сираев А. 257
 Скворцов Г. С. 169
 Скобелев М. Д. 113
 Скоренко Г. 170
 Скороходова И. Н. 152
 Скочинский А. А. 165
 Скрынченко М. 100
 Скрынченко П. 100, 145
 Словцов П. А. 148-149, 152
 Смирнов Н. Н. 96-97, 268
 Соболев С. Л. 167
 Соболев Х. П. 127
 Соколов Б. 225
 Солженицын А. И. 205, 269
 Соловьев И. 102
 Соломон П. 169, 172
 Сотников 46, 123, 261
 Софронов 49
 Спирнин 169
 Ставровский М. А. 162
 Ставровский Н. А. 162
 Сталин И. В. 16, 27-28, 175-176, 217-219, 228, 242, 271
 Стариков Н. В. 17, 19, 25, 82
 Стародубцева Я. Г. 268
 Стасова Е. Д. 46-47, 83-84, 271
 Степанов 85
 Степанов А. П. 148, 150, 152
 Степун Ф. 135, 138
 Столыпин П. А. 137
 Стороженко Т. В. 258
 Стороженко А. 258
 Стражев А. И. 124
 Строганов П. 135
 Субботина Л. И. 46
 Сукин И. И. 223

Сургуладзе С. К. 199
Суриков А. 187-188
Сыромятников 109

Т

Тарасов Б. Ф. 95, 208
Тарле Е. В. 270
Тевлина В.В. 116
Теляковский Л. К. 151
Теодорович Г. И. 46, 84
Тернавских Н. 256
Терсков 107
Тресков А. М. 162-163
Терскова М. 246
Тибаковы 107
Тимошенко А. И. 176
Тиханов В. А. 152
Тихон 129
Трасова Н. Ф. 132
Трегубенков К. Е. 260, 262
Третьяков П. 148-149, 150, 152
Третьякова Л. З. 257
Троцкий Л. Д. 15, 173, 217-218, 252
Тугаринов А. Л. 132
Тульчинский 123
Тумурхонова Н. В. 130, 133
Турский А. 126
Тухачевский М. Н. 217- 218, 246
Тютюкин Е. А. 257
Тютюкин С. В. 138
Тюшняков В. К. 127

У

Ульверт А. 270
Урицкий М. С. 202
Урсул А. Д. 19
Ушаков Б. Ф. 195

Ф

Федирко П. С. 247-248
Федорович 108
Федоров А. Н. 116
Федорович И. И. 174
Федотов Г. 25
Фелонина П. 127
Феокистов Я. Н. 67
Ферсман А. Е. 164
Фетисов П. И. 258
Фигуровский И. В. 99-100, 127
Филатьев Д. В. 223
Фомин Н. В. 66, 95, 208
Фраерман Е. Л. 260-261

Френкель Р. А. 95
Фрумкин М. И. 202

Х

Хазиахметов Э. Н. 205
Харусь О. А. 116
Хачатуров М. И. 67, 70
Хинчук Л. 70
Холина М. В. 106
Хоменко Д. Ю. 40, 43
Храмков А. А. 130, 133
Христианович С. А. 167
Хрущев Н. С. 166

Ц

Царев В. И. 106
Цветкова З. В. 258
Цедербаум (Мартов) Ю. О. 202
Цечоев В. К. 169, 172
Циклина-Векшина Е. В. 83
Цыплаков И. Ф. 182
Цытович Н. А. 166

Ч

Чайковская-Гидлевская Е. П. 260
Чайковский Н. В. 12
Чапаев В. И. 252
Чекмарев Ю. А. 258
Черепанов А. С. 228
Черепанов С. 84
Черепанова М. 84
Черкасов И. А. 268
Чернов В.М. 11-14
Чернова В. М. 208
Черновец Л. П. 258
Черняк Э. И. 58
Чесмочаков Г. С. 106
Чикурова О. В. 267
Чоловский А. А. 75
Чудновский С. Л. 148, 150, 152
Чулымов 49
Чухломин 163

Ш

Шевченко Л. А. 106
Шейнфельд М. Б. 193
Шемякин В. К. 75
Шекшеев А. П. 65, 70, 82, 129
Шереметьева Д. Л. 142, 193, 210
Шиловский М. В. 82, 115, 138
Шипицын А. Н. 207
Шишкин В. И. 13, 193
Шкинский Я. Ф. 20

Шлихтер А. Г. 202-203, 229
Шорников М. М. 72-73
Штильман 136
Шубин А. В. 189
Шуклецов В. Т. 58
Шумяцкий Б. З. 71, 202, 204, 206, 209, 228
Шушканова Е. А. 146

Щ

Щеглов С. Н. 74
Щелкунов Д. А. 49
Щербаков М. 128
Щербинин П. П. 116
Щетинкин П. Е. 200, 246
Щульц М. М. 257

Э

Элиас Е. В. 258
Энгл Б. 40, 43

Ю

Юбилей М. Ч. 69
Юган А. И. 20-21
Юденич 223
Юдин Г. В. 163
Юдин М. Д. 163

Я

Яворская А. Л. 88
Яковенко Б. В. 189
Яковенко В. Г. 246
Яковлев А. А. 162
Яковлев В. 198, 204
Якубович Г. А. 209
Яловская Г. В. 167
Ярмоцкой А. 119
Ярошевская В. М. 268
Ярская-Смирнова Е.Р. 116
Ясинский 108

ОБ АВТОРАХ

Баяндин Владимир Ильич

кандидат исторических наук, ученый секретарь ученого совета Новосибирского государственного педагогического университета (г. Новосибирск)

Белгородская Людмила Вениаминовна

доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Бибикова Валентина Васильевна

пенсионер (г. Красноярск)

Бобрик Илья Евгеньевич

студент IV курса Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск)

Болонкина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея-усадьбы В.И. Сурикова (г. Красноярск)

Борисенко Екатерина Александровна

старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск)

Бурмакина Галина Александровна

кандидат исторических наук, доцент Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Гайдин Сергей Тихонович

доктор исторических наук, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Дементьев Александр Петрович

кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; заместитель директора средней школы № 12 (г. Красноярск)

Долидович Олеся Михайловна

кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Друзьяка Андрей Викторович

кандидат исторических наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета (г. Благовещенск)

Дударева Татьяна Альбертовна

заведующая экспозиционным отделом Канского краеведческого музея (г. Канск)

Дядус Елена Васильевна

преподаватель Ачинского колледжа транспорта и сельского хозяйства (г. Ачинск)

Жулаева Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Заикина Алевтина Юрьевна

преподаватель Ачинского колледжа отраслевых технологий и бизнеса (г. Ачинск)

Захаренко Ольга Олеговна

магистрант II курса Сибирского федерального университета; хранитель фондов Государственного архива Красноярского края (г. Красноярск)

Исаев Виктор Иванович

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)

Кабушева Надежда Нургулиевна

преподаватель Канского политехнического колледжа (г. Канск)

Калюга Антонина Евгеньевна

главный специалист по архивным вопросам администрации Курагинского района (п. Курагино, Красноярский край)

Карчаева Татьяна Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Капустина Яна Васильевна

преподаватель Ачинского колледжа отраслевых технологий и бизнеса (г. Ачинск)

Катцина Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Ковалев Александр Сергеевич

доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Кокоулин Владислав Геннадьевич

доктор исторических наук, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (г. Новосибирск)

Коновалова Ольга Викторовна

доктор исторических наук, профессор Сибирского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Куперштох Наталья Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)

Кухта Светлана Васильевна

ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (г. Красноярск)

Лецих Светлана Владимировна

учитель истории и обществознания Новгородской средней общеобразовательной школы №3 (с. Новогородка, Иланский район, Красноярский край)

Липатова Ксения Юрьевна

ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (г. Красноярск)

Лопаткина Розалия Станиславовна

преподаватель Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Любичанковский Сергей Валентинович

доктор исторических наук, заведующий кафедрой Оренбургского государственного педагогического университета; ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН (г. Оренбург)

Макаров Александр Адольфович

кандидат исторических наук (г. Красноярск)

Малашин Геннадий Викторович

руководитель епархиального отдела по связям Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии Русской Православной Церкви (г. Красноярск)

Мезит Людмила Эдгаровна

кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск)

Михеев Дмитрий Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск)

Новосёлов Михаил Юрьевич

научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск)

Овчарова Мария Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея (г. Новосибирск)

Орехова Наталья Алексеевна

кандидат исторических наук, ученый секретарь Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск)

Павлюкевич Руслан Витальевич

кандидат исторических наук, доцент Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Печерский Владимир Арнольдович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан, Республика Хакасия)

Погребняк Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент Саяно-Шушенского филиала Сибирского федерального университета (г. Саяногорск, Республика Хакасия)

Пфаненштиль Иван Алексеевич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Реут Григорий Александрович

доктор исторических наук, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Рогачев Александр Григорьевич

доктор исторических наук, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Рубцов Сергей Николаевич

доктор исторических наук, заместитель директора Красноярского института железнодорожного транспорта – филиала Иркутского государственного университета путей сообщения (г. Красноярск)

Северьянов Михаил Дмитриевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Скоробогатова Наталья Николаевна

старший научный сотрудник отдела фондов Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» (п. Шушенское, Красноярский край)

Съемщиков Евгений Александрович

кандидат исторических наук, (г. Новосибирск)

Тимошенко Альбина Ивановна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)

Топчиев Валентин Владимирович

старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (г. Минусинск, Красноярский край)

Трипутина Алена Викторовна

преподаватель Красноярского автотранспортного техникума (г. Красноярск)

Федорова Вера Ивановна

доктор исторических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск)

Хоменко Денис Юрьевич

преподаватель Красноярского медицинского техникума (г. Красноярск)

Храмогина Татьяна Анатольевна

учитель истории, заместитель директора средней общеобразовательной школы № 32 (г. Красноярск)

Худышкина Светлана Петровна

учитель истории средней общеобразовательной школы № 47 (с. Озерное, Енисейский район, Красноярский край)

Черкасов Иван Алексеевич

заместитель директора Красноярского краевого краеведческого музея (г. Красноярск)

Чернышов Виктор Владимирович

ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (г. Красноярск)

Шевченко Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск)

Шекшеев Александр Петрович

кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал» (г. Абакан, Республика Хакасия)

Шестакова Ксения Игоревна

ведущий архивист Государственного архива Красноярского края (г. Красноярск)

Шушканова Елена Александровна

кандидат исторических наук, доцент Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск)

Яценко Михаил Петрович

доктор философских наук, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

ISBN 978-5-9908821-2-6

9 785990 882126

Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири
Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г.
Красноярск: ООО «Лаборатория развития»

Корректор: Ю. В. Шалыгина
Верстка: Г. В. Гладкая, П. П. Гаврилюк

Допечатная подготовка ООО «Лаборатория развития»
660017 г. Красноярск, пр. Мира, д. 91, оф. 4-13, email: mkevent@mail.ru, тел: +7 (391) 282-65-82

Отпечатано в ПК «Знак»
660028, Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21. Тел. (391) 246-09-42. www.znak24.ru
Подписано в печать _____ 2017. Формат 64х90/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Объем 40,51 печ.л. Заказ № 2848. Тираж 500 экз.